

Виктор Суворов

Андрей Буровский и другие

Союз звезды
со свастикой

Встречная агрессия

Союз звезды со свастикой: Встречная агрессия

Виктор Суворов

Андрей Михайлович Буровский

Александр Пронин

Альберт Л. Уикс

Дженнифер Макдауэлл

Милтон Лоеенталь

Ричард Ч. Раак

Александр Гогун

Джангир Наджафов

Целых полвека эта информация была главной тайной СССР. Полвека советская пропаганда отрицала тот факт, что в 1939 году Сталин заключил с Гитлером не просто пакт о ненападении, а секретное соглашение о разделе Европы. До сих пор кремлевский официоз отказывается признать, что в развязывании Второй Мировой войны виноват не один, а оба агрессора и что этот сговор диктаторов, этот постыдный союз звезды со свастикой заслуживает осуждения международным трибуналом не меньше, чем военные преступления нацистов, а значит, скамье подсудимых в Нюрнберге следовало быть гораздо длиннее!

Виктор Суворов первым неопровержимо доказал: без помощи Москвы Гитлер скорее всего вообще не пришел бы к власти. Не будь Сталина — не было бы и Второй Мировой. Не вздумай кремлевский тиран использовать фюрера как «ледокол мировой революции» — человечеству не пришлось бы умыться кровью в самой страшной войне от начала времен. А те, кто сегодня оплакивает падение СССР как «величайшую геополитическую катастрофу», завтра будут орать: ХАЙЛЬ СТАЛИН!

В новой книге проекта «Правда Виктора Суворова» собраны лучшие работы профессиональных исследователей, подтверждающие открытия самого читаемого военного историка.

**Союз звезды со свастикой: Встречная агрессия /
Виктор Суворов, Андрей Буровский и др**

Виктор Суворов

Вдруг они возьмут и помирятся

Решительное сражение можно считать вполне назревшим, если все враждебные нам классовые силы достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам.

И. Сталин.

Сочинения. Том 6. Стр. 158.

1

В августе 1939 г. Сталин заманил Гитлера в западню и его руками развязал войну в Европе. Следовательно — во всем мире. Именно в этот момент, в августе 1939 г., Сталин установил для себя примерный срок вступления Советского Союза во Вторую мировую войну — через два года, то есть летом 1941 г.

Возражают: есть ли документ?

Отвечаю: документ есть! Он опубликован. Он доступен всем. Каждый желающий может его найти в любом справочнике. Закон о всеобщей воинской обязанности был принят Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. В этом документе содержится весь план Сталина. Просто надо внимательно прочитать текст и задать вопрос: а зачем такой закон был нужен Сталину? Надо посмотреть, какие возможности этот закон открывал перед Сталиным, какие накладывал ограничения и как Сталин представленные возможности использовал.

Итак, 31 августа 1939 г. Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов выступил с докладом на вечернем заседании IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР. Суть доклада: нужно срочно вводить всеобщую воинскую обязанность!

На следующее утро, 1 сентября 1939 г., депутаты Верховного Совета СССР снова собрались в Кремле, обсудили речь маршала и тут же, на утреннем заседании, дружно проголосовали. Новый закон немедленно вступил в силу.

Верховный Совет СССР — высший законодательный орган страны. Но этот законодательный орган резко и принципиально отличался и от римского сената, от британского парламента, американского конгресса и других учреждений подобного рода. В Верховном Совете СССР заседали не продажные политиканы, а честные, порядочные, трудолюбивые люди, самые настоящие рабочие от станка, крестьяне от плуга. Следуя принципам Сталинской конституции, в Советском Союзе удалось добиться того, чего не было никогда ни в одной стране мира. В Верховном Совете СССР были собраны сталевары и шахтеры, пастухи и трактористы, школьные учителя и медицинские сестры, ткачихи и доярки, тут были представлены все нации и народности великой страны. Особое внимание — женщинам. Среди депутатов Верховного Совета СССР женщин было больше, чем в то время во всех парламентах мира, вместе взятых. И было принято так: пастух с заоблачного горного пастбища приезжал сюда в лохматой бараньей шапке, с узловатым посохом, в черной бурке, хлопкороб из Узбекистана — в тубетейке и полосатом халате, электросварщик с огромной сибирской стройки — в маске с темно-синим стеклом, оленевод с Дальнего Севера — весь в меху, в мягкой обуви из тюленьих шкур, машинист паровоза — в фуражке железнодорожника с разводным ключом в руке, шахтер — с отбойным молотком, с фонарем на каске.

Еще одно отличие от парламентов всех стран: депутаты Верховного Совета не отрывались от народа, ибо не отвлекались от своих профессий. Они так и оставались машинистами и лесорубами, свиноводками и пастухами. А в Москву приезжали только два раза в год на три-четыре дня и утверждали законы. Эти люди не могли изменить интересам народа, ибо это были настоящие представители народа.

Народным избранникам оказывали величайшие почести. В Москве их селили в отеле «Метрополь». Перед ними выступали знаменитые артисты. В залах Кремля их кормили прославленные кулинары. И это, конечно, было правильно. Ведь депутаты выполняли важнейшую государственную функцию: осуществляли законодательную власть в огромной стране. Оказывая такие почести лучшим людям страны, государство в их лице демонстрировало уважение ко всему народу и готовность следовать тем законам, которые будут угодны народным представителям, то есть народу.

Сказав так много хорошего о первой в мире системе настоящего народовластия, надо не забыть и совсем небольшой недостаток.

Добрая половина депутатов ничего не понимала в государственных делах.

А вторая половина не понимала и русского языка.

В том и прелесть. Депутату не надо было ничего понимать. И думать ему было незачем. Умение говорить вовсе не требовалось. Перед депутатами выступали специально на то поставленные люди, грамотные и знающие. А гордый, сытый и довольный депутат слушал (или не слушал), что ему говорят. Когда все вдруг поднимали руки, он тоже должен был ее поднять. В том его обязанность и заключалась. Ради этого ему почести оказывали. Ради этого ему скармливали фазанов, перепелок и осетров, ради этого его поили коньяками, винами и прочими укрепляющими здоровье жидкостями.

За всю историю Верховного Совета СССР, за все десятилетия — и это не анекдот — ни один депутат ни разу не проголосовал против. Никогда. И ни один ни разу не воздержался. Депутаты всегда дружно всем стадом голосовали за то, что им предлагали с высокой трибуны.

Всегда единогласно.

Ничего интересного не было и на IV внеочередной сессии Верховного Совета СССР... кроме странного совпадения по времени.

2

Ранним утром 1 сентября 1939 года вдали от границ Советского Союза разразилась Вторая мировая война. Германские танки, взломав пограничные шлагбаумы, ворвались на территорию Польши. По берлинскому времени — 4.45. В Москве было 6.45. Через час пастухи и доярки, туркмены и чукчи проснулись-потянулись, умылись-причесались, плотно позавтракали и в 10.00 приступили к обсуждению вопроса, следует ли вводить в Советском Союзе всеобщую воинскую обязанность?

Поразмыслив, решили: следует!

И ввели.

В тот момент Вторая мировая война отсчитывала свои самые первые часы. В войну вступили только две страны: Германия и Польша. Этот, по сути, локальный пожар сначала медленно, а потом все быстрее распространился по всей планете. К концу 1941 г. в самую кровавую войну во всей человеческой истории были вовлечены практически все ведущие государства мира: Германия и США, Италия и Великобритания, Франция и Китай, Япония и

Советский Союз и еще многие и многие.

Но 1 сентября 1939 г. никто (кроме советских оленеводов и ткачих) не мог предвидеть, что от одной искры возгорится такое пламя. Ни правители Польши, ни правители США, Великобритании и Франции не знали, что началась Вторая мировая война. Этому не знал и сам Гитлер. Германия влетела, точнее вляпалась, во Вторую мировую войну, которую ни Гитлер, ни его генералы не планировали, не ждали, к которой были совершенно не готовы.

Выдающийся теоретик стратегии Б. Лиддел Гарт считал: «В 1939 году немецкая армия не была готова к войне. Командование, полагаясь на заверения Гитлера, не ожидало войны... Гитлер неоднократно заверял своих генералов в том, что для подобной подготовки будет достаточно времени, поскольку он не хочет рисковать и начинать «большую войну» раньше 1944 г.». (Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М.: Воениздат, 1976. С. 32.)

С этим мнением согласны все, даже официальные советские историки: «К осени 1939 г. германский вермахт не был готов к мировой войне... Ввозилось 50 проц. потребляемого в государстве свинца, 80 проц. — каучука, 90 проц. — олова, 95 проц. никеля. По меди эта цифра составляла 70 проц., по бокситам — 99 проц. Нефть Третий рейх практически всю закупал в других странах. Оснащенность немецких вооруженных сил к 1 сентября 1939 г. уступала нашей. На вооружении вермахт имел 3195 танков и 3646 полностью готовых боевых самолетов». (ВИЖ. 1988. № 12. С. 59.)

К этому надо добавить, что все танки — легкие. Ни одного тяжелого, ни одного среднего. Почти половина из них (1445 единиц) — очень легкие, весом по 5–6 тонн и с пулеметным вооружением. Эти «танки», по свидетельству Гудериана, для войны вообще не предназначались, их создавали для учебных целей, для накопления первоначального опыта. 1226 танков имели 20-мм пушки. Чтобы оценить эту «пушку», нужно вспомнить, что в то время в ряде стран, например в Японии и Швеции, выпускали противотанковые ружья этого калибра. Танков с жалкими 37-мм пушками было 98. Танков с короткоствольными 75-мм пушками, именуемых в войсках «обрубками», «окурками» и более крепкими солдатскими терминами, — 211. Остальные — командирские машины без башен, без вооружения, в лучшем случае с одним пулеметом, который мог стрелять только вперед.

Полевая артиллерия Германии осталась на уровне Первой мировой войны.

Основа сухопутных войск — пехота, которая передвигалась пешим порядком. В каждой пехотной дивизии — шесть тысяч лошадей с телегами.

3600 самолетов тоже трудно признать силой, способной сокрушить весь мир. Среди этих самолетов дальних тяжелых бомбардировщиков — 0.

Кораблестроительную программу Германии планировалось завершить... в 1948 году. Если бы не началась война и если бы Великобритания за эти годы вообще никаких боевых кораблей не строила, то и тогда, по выполнении десятилетнего плана развития германского флота, он никак не дотягивал до мощи британского флота, тем более — объединенного британского и французского.

А за спиной Британии — весьма нейтральная Америка.

Против Гитлера — весь мир. Союзная Япония ничем ему помочь не могла.

Промышленность Германии работала в режиме мирного времени при катастрофической нехватке стратегического сырья, которое негде было взять даже при условии захвата почти всей континентальной Европы.

И с такими силами начинать мировую войну?

Если Гитлер и планировал войну, то никак не раньше второй половины 40-х годов. Но к

этому моменту в США могло появиться (и действительно появилось) ядерное оружие. Вторая мировая война при таком раскладе просто не могла возникнуть.

Но она вспыхнула в 1939-м.

Есть множество свидетельств того, что и сам Гитлер, и окружающие его главари Третьего рейха 3 сентября 1939 г. были растеряны и подавлены, узнав о том, что Великобритания, а за ней и Франция объявили Германии войну.

«Что же нам теперь делать?» — вот реакция Гитлера.

Фюрер был потрясен, он такого разворота событий не ожидал и не предвидел.

Иоахим фон Риббентроп: «Гитлер не рассчитывал, что Англия начнет войну из-за Польши». (Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996. С. 145.)

Генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн: «Гитлер был убежден, что западные державы в решительный момент опять не возьмутся за оружие. Он особенно подробно обосновал это мнение». (Манштейн Э., фон. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 27.)

Генерал-полковник Г. Гудериан: «Гитлер тешил себя иллюзиями, что страны Запада войну не объявят». (Panzer Leader. London. Futura, 1979. P. 66.)

Даже высшие руководители Советского Союза были согласны с мнением о том, что в 1939 году Гитлер не ждал объявления войны со стороны стран Запада, то есть о начале Второй мировой войны не помышлял.

Начальник ГРУ ГШ генерал армии П.И. Ивашутин: «22 августа 1939 г., за девять дней до нападения на Польшу, Гитлер на одном из совещаний заявил своим генералам: «В действительности Англия поддерживать Польшу не собирается». (ВИЖ. 1991. № 6. С. 6.)

Для Гитлера и его окружения объявление войны Великобританией, а затем и Францией было настоящим громом среди ясного неба. Главари Третьего рейха знали, что Германия к войне не готова. Подвоз стратегического сырья в Германию — в основном морем, а в море господствуют флоты Великобритании и Франции, тягаться с которыми невозможно даже теоретически.

Генерал-лейтенант Зигфрид Вестфаль: «Когда Геринг узнал 3 сентября, что Англия и Франция объявили войну Германии, он воскликнул: «Да поможет нам бог, если нам суждено проиграть эту войну!» (Вест-фаль З. Роковые решения. М.: 1958. С. 35.)

Альберт Шпеер: «3 сентября за ультиматумом западных держав последовало объявление войны. Гитлер после короткого периода растерянности утешал нас, как и себя, замечанием, что Англия и Франция объявили войну лишь для виду, чтобы не потерять лицо перед всем миром, и что, по его глубокому убеждению, объявление войны не будет сопровождаться военными действиями... Он несправимо держался своего убеждения, что Запад слишком слаб, неспособен и упадочен, чтобы всерьез воевать. Может, ему было стыдно признаться другим, а главное, себе, что он столь глубоко заблуждался... В эти первые дни сентября, как мне кажется, Гитлеру едва ли было до конца ясно, что он неотвратимо развязал мировую войну». (Шпеер А. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1997. С. 238–239.)

3

Тут речь про 3 сентября 1939 г. В 11 часов утра Великобритания объявила Германии войну. Через 6 часов войну объявила Франция. Но Гитлер все еще не верит, что это серьезно.

А утром 1 сентября Великобритания и Франция еще никак не реагировали на действия Германии. Гитлер был совершенно спокоен и никаких осложнений не ожидал. Мир пока еще

ничего не понял и никак не откликнулся на первые столкновения в районе германско-польских границ.

И только заранее собранные в Москве таджики и нанайцы уже сообразили, что это не пограничный конфликт, не случайная перестрелка, не провокация, а начало Второй мировой войны! И, оценив обстановку, тут же, прямо утром, единогласно утвердили Закон о всеобщей воинской обязанности.

В тот момент ни британский парламент, ни американский конгресс, ни германский рейхстаг, ни польский сейм не расценивали вступление германских войск на польскую землю как начало Второй мировой войны. Полная ясность была только в Кремле. Сталевары и пастухи, хлопкоробы и лесорубы, некоторые из которых вообще не подозревали о существовании Польши и Германии, прямо утром 1 сентября 1939 г. сразу все поняли, точно оценили обстановку и тут же приняли единственно верное в тех условиях решение.

Более всего поражает дальновидность Маршала Советского Союза Ворошилова. Речь маршала — интеллектуальный подвиг. Мгновенное и единственно правильное решение депутатов Верховного Совета СССР можно как-то объяснить. Но как объяснить дьявольскую прозорливость маршала Ворошилова? Ведь он предложил принять новый закон 31 августа, когда никаких событий еще не случилось. В тот момент, когда маршал поднялся на трибуну, откашлялся, глотнул воды из стакана и начал говорить, до первого выстрела Второй мировой войны оставалось еще 13 часов 40 минут. Пожар еще не начинался, а мудрый стратег уже знал, когда и где полыхнет.

После войны широким народным массам надо было объяснить невероятную проницательность и небывалую скорость выработки столь ответственных решений. Ведь это было просто невысказанное достижение человеческого разума. Официальная кремлевская пропаганда изумительную сообразительность объяснила просто: «Эта мера была вызвана надвигающейся угрозой войны». (История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. Т. 1. С. 460).

Странное объяснение. Много лет советским людям вдалбливали мысль о том, что война с Германией неизбежна. Мало того, в 1936-1937-1938 гг. в советской пропаганде утвердилась мысль, что грани между миром и войной нет: Гитлер — враг, не надо гадать, когда начнется война с Германией, она уже началась. Это вбивали в головы даже детям пятилетнего возраста:

Кругом пожар! В снегу следы!

Идут солдатские ряды.

И волокут из дальних мест

Кривой фашистский флаг и крест.

(А. Гайдар. Чук и Гек. М.: Детгиз, 1938)

Но странное дело: пока советскому народу внушали мысль о неизбежности войны против Гитлера, кремлевское руководство почему-то всеобщую воинскую обязанность в стране не вводило.

А 23 августа 1939 г. Гитлер стал другом, с ним был подписан Пакт о ненападении, и тут же кремлевское руководство вдруг остро почувствовало «надвигающуюся угрозу войны» и приняло решение о введении всеобщей воинской обязанности.

И вот вопрос: откуда Маршал Советского Союза Ворошилов 31 августа 1939 г. мог знать, что завтра утром начнется Вторая мировая война?

А ведь 31 августа Гитлер считал, что нападение на Польшу пройдет без осложнений, как введение войск в Рейнскую демилитаризованную зону, как присоединение Австрии и оккупация Чехословакии. Я поднял центральные немецкие газеты того времени. Ни одна германская газета ни 1, ни 2 сентября не писала о начале Второй мировой войны.

А Народный комиссар обороны СССР маршал Ворошилов все видел наперед. Никто никогда не заметил глубокого и мощного интеллекта у Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова. И в ясновидении его тоже никто никогда не заподозрил. И только однажды его просто озарило: чую войну! Советский маршал в Москве за день до событий и за тысячу километров от грядущего театра войны вдруг почувствовал, что вот завтра Германия нападет на Польшу и это будет не просто пограничным конфликтом двух европейских стран, но началом всемирного пожара.

Разгадка этого чуда проста. Маршал Ворошилов тут ни при чем. Своих собственных мыслей он никогда не высказывал, видимо, и не имел. Он говорил и делал только то, что было нужно Сталину.

Но как же Сталин догадался о том, что вот именно завтра утром начнется Вторая мировая война?

Загадки тут нет.

Сталин сам установил срок ее начала: договариваясь с Гитлером о разделе Польши, Сталин понимал, чем это обернется для Германии, Европы и всего мира. Протянув руку дружбы Гитлеру, Сталин в тот же момент приказал сочинить новый Закон о всеобщей воинской обязанности и собрать в Москве внеочередную сессию Верховного Совета для утверждения этого закона.

4

Теперь обратимся к тексту документа и постараемся понять его смысл.

Со времен окончания Гражданской войны в Советском Союзе не было всеобщей воинской обязанности, потому образовался многомиллионный запас молодых людей, которые никогда не служили в армии. Почти два десятка лет Сталин искусственно сдерживал численность своей армии и не призывал в нее всех, кого можно было бы призвать. В армию призывали только треть призывного контингента по вполне произвольному выбору. Кроме того, призывной возраст был преднамеренно завышен. Мобилизационный контингент накапливался, как тысячи тонн снега на горном склоне. Закон о всеобщей воинской обязанности, который был принят 1 сентября 1939 г., стал тем хлопком, от которого с гор срывается снежная лавина. Со стороны казалось, что Советский Союз продолжает жить в режиме мирного времени, мобилизация не была объявлена. Но Сталин, прикрываясь новым законом, начал резко увеличивать мощь Красной армии, призывая тех, кто раньше не служил. Кроме того, снизив призывной возраст с 21 г. до 19, а для некоторых категорий — до 18 лет, Сталин получил возможность призвать сразу всех, кому 19, 20 и 21 год, и некоторых, кому 18.

Интересно сравнить.

В 1939 году численность населения в Советском Союзе была примерно такой же, как и численность населения Российской империи перед Первой мировой войной.

У царя Николая перед Первой мировой войной в армии было 1,4 миллиона солдат и офицеров. У Сталина до начала Второй мировой войны в армии было 1,5 миллиона бойцов и командиров.

В августе 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну, была проведена

мобилизация, численность армии был доведена до 5,3 миллиона солдат и офицеров.

В сентябре 1939 г. Советский Союз официально как бы еще НЕ вступил во Вторую мировую войну и мобилизацию как бы НЕ проводил. Но численность Красной армии стремительно возрастала и к лету 1941 г. была доведена до 5,5 миллиона бойцов и командиров. И это не считая войск НКВД, НКГБ, железнодорожных войск НКПС, в которых у Сталина было еще 1,3 миллиона бойцов и командиров.

У Сталина в мирное время и без мобилизации армия была больше, чем у царя Николая в ходе мировой войны после проведения всеобщей мобилизации.

5,5 миллиона человек в армии и еще 1,3 миллиона в войсках НКВД-НКГБ-НКПС — это, как ни крути, армия военного времени. Ни одна страна в мирное время содержать такую армию не способна.

Один человек может очень долго держать в руках груз в пять килограммов. Но если ему дать в руки штангу весом в 200 кг, то даже очень сильный человек, даже чемпион мира, сможет ее держать только несколько секунд. Точно так и с армией. Чем она больше, тем выше нагрузка на государство. Содержать под ружьем почти семь миллионов бойцов и командиров долгое время не мог даже Сталин. Закон о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1941 г. для самой массовой категории военнослужащих устанавливал срок службы в два года. Закон вступал в силу 1 сентября 1939 г., открыв шлюзы массового призыва.

Однако ровно через два года предстояло многие миллионы солдат отпустить домой. Если 1 сентября 1939 г. начался стремительный процесс наращивания мощи Красной армии, то через два года, 1 сентября 1941 г., неизбежно должен был начаться обратный процесс столь же стремительного сокращения армии. Страна подняла на свои плечи такой груз, который в мирное время она не могла долго и бесцельно держать.

Проще говоря, 1 сентября 1939 г. Сталин ввел новый закон и тем самым сам для себя установил крайний срок начала массовых боевых действий Красной армии: ДО 1 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА.

Одно из двух:

— или после 1 сентября 1941 г. придется резко сократить армию, распустить миллионы солдат по домам и в самый разгар Второй мировой войны остаться без сил;

— или Советский Союз до 1 сентября 1941 г. должен ввести в дело миллионы своих бойцов.

5

Тут необходимо обратить внимание на небольшую, но важную деталь. В 1939 году Сталин оставил себе возможность в определенных условиях оттянуть нападение на Германию до 1942 г. Для этого существовало два механизма.

В августе и сентябре 1939 г. перед разделом Польши в армию были призваны сотни тысяч ранее служивших резервистов. Раздел Польши прошел без осложнений, потому всех ранее служивших Сталин отправил по домам, тем самым несколько сократив армию. Ведь приписной состав можно в любой момент вернуть назад.

Кроме того, у Сталина была возможность искусственно сдерживать и притормаживать призыв нового пополнения, призывать не всех сразу, а немного растягивая процесс.

Однако над головой Сталина многотонной чугунной гирей висела жуткая возможность и вероятность затухания войны между Германией, Великобританией и Францией. С сентября 1939 г. на морских и океанских просторах развернулась свирепая битва. Обе стороны несли

грандиозные потери. Однако на суше армии Германии, Великобритании и Франции активных боевых действий не вели. И это беспокоило Сталина.

Вспоминает Хрущев: «Эта «странная война» вселяла некоторую тревогу в руководство Советского Союза. Мы опасались, не закончится ли она сговором между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией — с другой?»

Затухание войны товарища Сталина не устраивало. Своими опасениями он, понятное дело, с народными массами не делился. Наоборот, выражал страстное желание как можно скорее положить конец войне.

30 ноября 1939 г. Сталин через газету «Правда» объявил на весь мир следующее:

«...а) не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну;

б) после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов;

в) правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Сталинское стремление к миру было чистосердечным и пылким. Об этом мы можем судить по совпадению дат и даже часов.

В ночь на 30 ноября 1939 г. наборщики «Правды» тщательно складывали мудрые сталинские слова в чеканные строки: «Скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов». Именно в эту ночь командующий Ленинградским военным округом командарм 2 ранга К.А. Мерецков получил приказ о начале боевых действий против Финляндии в соответствии с ранее разработанным планом.

30 ноября в 8.00 ударила советская артиллерия, в 8.30 передовые отряды Красной армии пересекли границу Финляндии. Именно в это время советские люди разворачивали самую правдивую газету мира, читали заявления товарища Сталина о неоднократных и настойчивых «попытках Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Через газеты Сталин заявлял одно, а в своем кругу, когда никто не мог подслушать, он говорил нечто прямо противоположное. После завершения «зимней войны» состоялось совершенно секретное совещание высшего командного состава РККА. 17 апреля 1940 г. на совещании выступил Сталин и высказал свои опасения о перспективах войны между Германией, Францией и Великобританией: «Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено». (Зимняя война 1939–1940. И.В. Сталин и финская кампания. М.: Наука, 1999. С. 273.)

Эти слова Сталина стали известны только через полвека и только потому, что Советский Союз развалился. Сталин в 1940 году такого исхода не предполагал, потому мог своим командирам говорить то, что его беспокоило.

Официально на весь мир: скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы...

В своем кругу, когда посторонних нет: ах, как бы они не помирились.

западным союзникам. Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, британские войска на континенте были сокрушены в ходе блистательных молниеносных операций.

И сталинский план, как тонущий крейсер, затрещал по линиям сварных швов.

Хрущев: «Сталин нарушил свою замкнутость и очень нервно выругался в адрес правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск. Сталин тогда очень горячился, очень нервничал. Я его редко видел таким. Он вообще на заседаниях редко сидел на своем стуле, а всегда ходил. Тут он буквально бегал по комнате и ругался, как извозчик».

Казалось бы, чего ругаться?

Миролюбивая Германия сокрушила агрессивную Францию и вышвырнула с континента войска злонамеренных британских империалистов. Вот бы и радоваться товарищу Сталину: европейская война затухает, так и не разгоревшись в мировую. Верный сталинский союзник Гитлер проучил поджигателей войны, неповадно им больше будет нападать на соседние страны!

Но это Сталину весьма не нравится.

Вялая война на Западе Сталину не по нутру: война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют.

Германия решительно разгромила Францию, всех ее союзников, включая британские войска на континенте, — опять не так!

Что же ему надо?

Свой замысел Сталин высказал за много лет до начала Второй мировой войны: «Очень многое зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна... до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой...» (Т. 10. С. 288.) Сталину нужна была ситуация, в которой «капиталисты грызутся как собаки». («Правда», 14 мая 1939 г.)

С сентября 1939 г. до мая 1940-го особой грызни на Европейском континенте не было. Потом Гитлер внезапно разгромил своих западных противников, но опять без особой грызни. Сталин ждал, когда все европейские страны, прежде всего Германия, обессилят себя войной. Но боевые действия 1940 г. не ослабили, а резко усилили Германию.

Было отчего товарищу Сталину бегать по кабинету и матерно ругаться.

7

Тут меня и перебьют вопросом. Если Сталин планировал воспользоваться войной в Европе для того, чтобы нанести внезапный удар по Германии и освободить Европу от гитлеризма, то почему не нанес этот удар летом 1940 г., в момент разгрома Франции. Ведь возможность представилась просто невероятная!

Действительно, в конце июня 1940 г. в Европе возникла ситуация, лучше которой вообразить невозможно. Польша, Чехословакия, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия разгромлены и оккупированы германскими войсками. Вся германская авиация — во Франции. Все танки там. Вся тяжелая артиллерия. Самые талантливые генералы. Все отборные войска. К концу операции германские тылы растянуты, техника требует ремонта, запасы ГСМ и боеприпасов почти полностью исчерпаны... А на советско-германской границе только десять германских пехотных дивизий. Без единого танка. Без тяжелой артиллерии, без авиационной поддержки и прикрытия. И румынскую нефть можно взять почти голыми руками, после чего гитлеровские танки, самолеты, артиллерийские

тягачи, автомобили и мотоциклы, линкоры и крейсера, эсминцы, тральщики и подводные лодки просто замрут на месте.

Отчего же Коба не воспользовался ситуацией?

Оттого, что ситуация возникла внезапно.

Никто, включая Сталина, не предполагал столь быстрого падения Франции. Этого, кстати, не ожидал и сам Гитлер.

Летом 1940 г. представилась просто великолепная возможность для разгрома Германии. Но Сталину надо было тайно от мобилизовать и выдвинуть к границе дивизии, корпуса и армии Первого стратегического эшелона, развернуть в районе границ 250 новых аэродромов, командные пункты, узлы связи, госпитальную базу, подвести и выложить на грунт сотни тысяч тонн боеприпасов, запасных частей, инженерного имущества, вынести к границам базы ГСМ, перебазировать авиацию, обеспечить войска топографическими картами, планами первых операций, перевести промышленность и железные дороги на режим военного времени, от мобилизовать и выдвинуть из глубины страны Второй стратегический эшелон, заблаговременно отпечатать плакаты с зовущей Родиной-матерью, заказать «Великий день настал» Шостаковичу и «Священную войну» Александрову, решить еще массу всевозможных проблем.

Это как запуск ракеты на Марс. Не учтешь самую дурацкую мелочь — может грохнуть на старте.

Одним днем в столь грандиозном предприятии не обойдешься. И двумя месяцами тоже. А дальше — осень и зима. С раскисшими аэродромами, дождями, туманами, нелетной погодой. И Сталин решил: не сейчас, а в первый подходящий момент.

Но первый подходящий — не раньше 1941 г.

8

Ждать следующего, 1942 г. Сталин тоже не мог. После молниеносного разгрома Франции война между Великобританией и Германией могла в любой момент завершиться как совершенно бесперспективная для обеих сторон. У Британии не было такой армии, чтобы сокрушить Германию на континенте, у Германии не было такой авиации и такого флота, чтобы сокрушить Британию на островах. Пат. В этой ситуации любой игрок протягивает руку противнику: ничья. И Гитлер руку протянул.

После разгрома Польши 6 октября 1939 г. Гитлер обратился к правительствам Великобритании и Франции с предложением о заключении перемирия и созыве мирной конференции. Об этих предложениях писал 30 ноября 1939 г. и сам Сталин: «После открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии».

После разгрома Франции Гитлер вновь обратился к Великобритании с предложениями о мире.

Если бы Черчилль кивнул Гитлеру, Вторая мировая война тут же и погасла...

А это рушило все сталинские расчеты. Поэтому после разгрома Франции оттягивать нападение на Германию до 1942 г. стало не только бессмысленно, но и опасно. Если война в Европе прекратится, то Сталин не только останется один на один с Гитлером, но и потеряет моральное право «освободить».

Одно дело напасть на Германию в ситуации, когда Гитлер подмял Европу и продолжает войну. Тогда Сталин выступает освободителем. Тогда его поддержит весь мир.

Другое дело: война в Европе прекратилась, собрана мирная конференция, чтобы разрешить все проблемы Европы, и тут нападает Сталин... В этом случае он не освободитель, но агрессор, империалист, завоеватель.

9

Теперь допустим, что летом 1941 г. Гитлер не напал на Сталина и Сталин не напал на Гитлера. Представим себе, что Советский Союз в июле и августе 1941-го так и остается вне большой войны. И вот подходит 1 сентября. Сталину предстоит отпустить по домам миллионы солдат и остаться с очень маленькой армией. Мог ли он решиться на такой шаг, если соседом — Гитлер?

Нет. На это ни один здравомыслящий человек пойти не мог.

Что же оставалось?

Оставалось в любом случае до 1 сентября 1941 г. бросить миллионы бойцов в боевые действия.

А нельзя ли было миллионы солдат задержать в армии после 1 сентября 1941 г.?

Если бы Советский Союз до этой даты бросил в сражения свои фронты и армии, тогда никаких проблем. Солдат должен воевать, пока продолжается война. До победы.

Но если бы Советский Союз до этой даты активных боевых действий не развернул, то задержать солдат в армии было бы невозможно. Чтобы это понять, надо вернуться на несколько десятилетий в прошлое.

В 1905 году в России разразилась революция. Она не завершилась свержением монархии. Революцию удалось подавить. В 1905 году падение династии Романовых удалось оттянуть еще на 12 лет, до 1917 г. Но и в 1905 году ситуация была очень серьезной. На грани крушения. Все висело на волоске. Царь Николай вполне сознавал смертельную опасность режиму. Надо было на что-то решаться. Главной опорой царя была армия. В то время она состояла из двух неравных частей:

— гвардия;

— вся остальная армия.

Гвардия была относительно небольшой в сравнении с остальной армией — 5–7 % от всей численности вооруженных сил России. В начале XX века в русской гвардии было три артиллерийских бригады, 16 пехотных и 13 кавалерийских полков. Это была настоящая элита. Вся гвардия находилась в столице империи, а обыкновенные части были разбросаны по всей стране. В случае войны гвардейские полки воевали вместе со всей армией, но только на самых важных, решающих и опасных участках фронта. Офицерский состав гвардии комплектовался из высшего дворянства. Солдат отбирали с особой тщательностью. В гвардию попадали самые рослые, физически крепкие и морально устойчивые новобранцы. Гвардия имела невероятные привилегии в сравнении с остальной армией. Рядовой солдат гвардии получал жалованье в три раза выше, чем такой же солдат в обыкновенном полку, не говоря уж о том, что солдата гвардии гораздо лучше одевали и кормили, что жил он в несравненно лучших условиях. А офицер гвардии не только больше получал, но и его воинские звания имели иной вес. Например, капитан гвардии был официально равен по положению армейскому полковнику, а подполковник гвардии — армейскому генерал-майору.

Сама гвардия тоже была не однородной. В ней была установлена строгая иерархия полков. Самым высшим по положению был Лейб-гвардии Преображенский полк. Первым полковником в этом полку был Петр Великий, который создал как этот полк, так и всю

русскую гвардию. После Петра по традиции все мужчины царской семьи проходили службу в этом полку, а все русские императоры, как мужского, так женского пола, включая Елизавету и Екатерину II, при восшествии на престол получали звание полковника Преображенского полка. Этот полк был элитой элит.

Но и в нем была своя элита — первый, он же Государев, батальон.

Этот батальон располагался непосредственно рядом с Зимним дворцом и нес его охрану. Первый батальон Преображенского полка возвышался над остальной гвардией в такой же степени, как вся гвардия над остальной армией. По традиции именно в этом батальоне служил наследник престола. Например, будущий император Николай II перед вступлением на престол прошел в Государевом батальоне все командные инстанции, до командира батальона включительно.

И вот революция 1905 г. Царь Николай II понимал, что главная опора — гвардия. Ее надо увеличить. Но как? Очень просто. Солдат в гвардии служил тогда 6 лет. Николай решил всех, кто уже отслужил, пока домой не отпускать. Ведь это самые опытные бойцы...

И случилось невероятное. Нет, нет, не восстание. Просто солдаты написали царю письмо с требованием отпустить всех, у кого срок службы завершился. Если была бы война, писали они, то мы бы продолжали служить до победы или до смерти. Но войны нет. Зачем же задерживать на службе верных защитников? Разве революционные волнения в стране — это уважительная тому причина?

Самое удивительное, что письмо царю было написано не какими-то вообще солдатами гвардии, а солдатами самого лучшего полка — Преображенского. И не какого-то там батальона, а именно солдатами первого, Государева батальона.

Тут надо внести уточнение. В подавлении революции 1905 г. гвардии принадлежала решающая роль. Например, 9 января 1905 г. солдаты Лейб-гвардии Преображенского полка расстреляли демонстрацию перед Зимним дворцом. В декабре того же года Лейб-гвардии Семеновский полк подавил вооруженное восстание в Москве. Солдат гвардии подчинялся железной дисциплине. Он четко выполнял все свои обязанности. Приказали стрелять в толпу, он стрелял. Однако только до тех пор, пока продолжалась его служба. 6 лет истекло, войны нет, значит, пора возвращаться домой. Ничего, кроме войны, его на службе больше удержать не могло. Даже приказ императора. Любимого императора. Даже того, который совсем недавно был командиром этого самого батальона.

Для Николая II, как и для всего его окружения, письмо солдат Государева батальона было хуже любого бунта и любой революции. Николай понял, что с огнем шутить нельзя. И приказал немедленно всех, кто свой срок отслужил, с благодарностью отпустить по домам.

И выхода у Николая не оставалось. Если нельзя положиться на штыки гвардии, значит, надо менять что-то в государстве. И царь начал реформы.

Но было поздно...

В Первой мировой войне практически вся гвардия России погибла. Те, кого набрали в гвардию в ходе войны взамен погибших, носили ту же форму, служили в тех же полках с гордыми именами. Но это были уже другие люди, те, кого в мирное время вообще на службу не брали.

Первая мировая война окончательно добила династию Романовых. И защищать ее на этот раз было некому.

Какое же отношение вся эта история имеет к Сталину, Гитлеру и ко Второй мировой войне?

Самое прямое.

Сталин внимательно изучал ошибки русских царей — своих предшественников на всероссийском троне.

Сталин, например, полностью гарантировал свою власть от новых революций. Он ввел такую систему, при которой каждый человек должен был или погибнуть, или совершить какую-то подлость в отношении окружающих людей. Сталин сделал все население страны соучастником своих преступлений. Сталинская власть была гораздо сильнее и крепче, чем это кажется со стороны. Десятки миллионов подлецов знали, что если сталинская власть рухнет, то тайная подлость станет известна окружающим. Потому огромные массы людей собственную безопасность не отделяли от безопасности сталинского режима.

Сталин ясно понимал, что можно делать с народом и армией, а чего делать нельзя ни при каких обстоятельствах.

Сталин четко усвоил урок, который преподнес Николаю Второму Государев батальон Лейб-гвардии Преображенского полка: солдат должен точно знать, когда завершается срок его службы. После того как солдат отслужил, его надо немедленно отпустить домой... Или начинать войну.

* * *

А вывод такой: если бы Сталин планировал начало активных боевых действий Красной армии на более поздний срок, например на 1942 год, тогда бы он и Закон о всеобщей воинской обязанности вводил бы не 1 сентября 1939 г., а позже.

Виктор Суворов

Катынь или Хатынь?

Правители Советского Союза нашли радикальное решение для проблемы Катыни: Хатынь!

В ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях, особенно в Белоруссии, шла настоящая гражданская война: нацистские оккупанты творили неисчислимые злодеяния, народ воевал как против нацистов, так и против коммунистических партизан, коммунистические партизаны воевали как против нацистов, так и против собственного народа. Количество жертв не поддается никакому учету. В Белоруссии могилы прошлой войны — везде. А по лесам все еще валяются неубранные кости убитых. Были разрушены десятки и сотни городов, тысячи предприятий, взорваны тысячи мостов и неисчислимые километры железных дорог, сожжены, часто вместе с жителями, сотни и тысячи деревень.

После войны были подведены итоги. И вдруг в списке уничтоженных оккупантами населенных пунктов мелькнуло такое красивое название: Хатынь!

И было решено раздуть культ деревни Хатынь. На это были брошены огромные средства. Район уничтоженной деревни был объявлен государственным заповедником. На месте Хатыни был построен мемориальный комплекс площадью 26 гектаров, впоследствии расширенный до 50 гектаров. Гранит поставляла Украина, белый мрамор — Сибирь. Были возведены грандиозные монументы и бронзовые статуи, зажжен вечный огонь, открыт музей, каждые 30 секунд звонят колокола. В Хатынь стали возить школьников и ветеранов, там стали принимать присягу молодые солдаты, туда везли туристов со всего мира, на святые могилы женихи приводили невест и тут клялись в верности, священники творили молитвы, помахивая кадилами.

Про Хатынь писали статьи и книги. Про Хатынь снимали фильмы. Хатынь! Хатынь! Хатынь!

Вершиной прославления Хатыни стала выставка в Минске «Хлебное и кондитерское дело — 2010». На выставке был представлен свадебный торт «Хатынь». Кондитер вылепил из шоколада центральную статую мемориального комплекса — непокоренный человек с трупом мальчика на руках и счастливую пару молодоженов у подножия обелиска. Мастер шоколадного дела явно рассчитывал сорвать первый приз. Потому как любое упоминание Хатыни всегда поощрялось по высшей шкале. Труп шоколадного мальчика, надо полагать, следовало скушать во время свадьбы.

Деревень на оккупированных территориях Советского Союза сожжено тысячи. Но нас заставляли помнить только одну — Хатынь.

Если вы сегодня спросите любого русского школьника про Катынь, то он вам быстро и четко ответит: Хатынь? Как же, как же. Знаю. Это деревня. Немцы ее сожгли. Но спросите его: а можешь ли назвать имя еще одной сожженной немцами деревни?

Этого он сделать не может.

Спросите любого взрослого русского человека: назовите деревни, которые сожгли немцы. Он без запинки назовет Хатынь и... И это все.

Мой компьютер работает на русских программах. Я пишу «Катынь», а он мне отвечает: допущена грамматическая ошибка, такого слова нет. Спрашиваю: а как надо писать? Умная машина отвечает: «Хатынь».

В «Советской военной энциклопедии» не упомянута Катынь, но есть статья про Хатынь.

Постойте! Это ведь Военная энциклопедия. Почему в ней упомянута только одна сожженная деревня, если их сожгли тысячи? Давайте или все перечислим, либо ни одну по имени вспоминать не будем. Отчего великий почет одной деревне, если их было много? Зачем тратить деньги на возведение монументов именно в Хатыни, а не на месте сожженной деревни Ивановки или Петровки? Зачем лепить шоколадные трупы именно этой деревни, но не соседней?

В русском языке на это есть ответ: НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ.

Тот, кто совершил преступление, своими действиями выдает себя. Зачем создан культ деревни Хатынь? Чтобы затмить и заслонить преступление в Катыни. Это прием карточных шулеров — передернуть карту. Мы задаем вопрос об одном, а нам дают ответ о чем-то совсем другом.

Если бы польских офицеров в Катыни расстреляли немцы, то зачем советскому руководству надо было отвлекать внимание народа от Катыни, выставляя вместо этого другую трагедию в Хатыни?

Интересно проследить во времени процесс замещения Катыни Хатынью.

В 1954 году Большая Советская Энциклопедия на карте в районе Минска не показывает никакой Хатыни.

В 1956-м Большая Советская Энциклопедия добралась до буквы «С», на карте Смоленской области показана Катынь.

В 1969 году Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР издало грандиозный «Атлас СССР». В этом очень подробном атласе уже нет никакой Катыни. Правда, еще не появилась и Хатынь.

В 1971 году Хатынь прочно занимает место на картах.

Затраты на строительство колоссального комплекса в Хатыни себя оправдывали. В 1974 году президент США Ричард Никсон во время официального визита в СССР посетил Хатынь в полной уверенности, что вечный огонь горит на могиле польских офицеров. Никто из советских официальных лиц не пытался вывести высокого гостя из этого столь Кремлю желанного заблуждения.

В то же самое время ряд польских организаций в Лондоне пытался пробить разрешение на возведение скромного обелиска жертвам Катыни. Отказ властей Лондона был мотивирован просто и убедительно: зачем скромный монумент в Лондоне, если есть грандиозный в Хатыни!

Но вот рухнул Советский Союз, и некоторые тайны приоткрылись. И последний президент Советского Союза Горбачев, и первый президент России Ельцин полностью признали вину Сталина, коммунистической партии и НКВД в уничтожении польских офицеров.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ, в девичестве — КГБ СССР) опубликовала сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» (Москва, 1995).

Редакционную комиссию возглавил директор ФСБ генерал-лейтенант С.В. Степашин. В составе редакционной комиссии — все тогдашнее руководство ФСБ: генерал-полковники А.П. Быков и В.М. Зорин, вице-адмирал П.Ф. Дубровин, генерал-лейтенанты А.А. Краюшкин, В.А. Тимофеев, Ю.Н. Степанов, В.И. Кравцов, генерал-майор В.Е. Мануильский и другие ответственные товарищи.

В сборнике документов помимо прочего помещена выписка из протокола заседания

Политбюро ЦК Коммунистической партии от 5 марта 1940 года (стр. 156).

Это официальное решение Сталина и его подручных об уничтожении польских офицеров. На следующей странице — Приказ НКВД № 886/Б начальнику управления по делам военнопленных П. К. Супруненко о составлении точных списков польских офицеров, содержащихся в советских лагерях.

После этого — доклад председателя КГБ А.Н. Шелепина Никите Хрущеву от 3 марта 1959 года: расстреляно в Катыни 4431, в Старобельском лагере — 3820, в Осташковском лагере — 6311, в других лагерях и тюрьмах — 7305.

Публикация этих документов — официальное признание вины высшим руководством советской тайной полиции. Никто из всех названных товарищей за такие откровения не был наказан и не был назван фальсификатором. Наоборот, авторы сборника поднялись высоко. Председатель редакционной комиссии С.В. Степашин стал министром юстиции, затем — министром внутренних дел, далее премьер-министром России.

Но вот все изменилось. Рассекреченные документы вновь стали секретными. Правители России заявили: раз поляки нас не любят, мы не будем сотрудничать в деле расследования преступления в Катыни и других местах массового уничтожения пленных офицеров.

Где логика?

Если поляки вас почему-то не любят, то, наоборот, надо срочно открыть все свои тайники и показать: мы ни в чем не виноваты! Или наоборот: да, это вина кровавого режима! Вы можете нас не любить, но мы ничего не прячем, преступления сталинского режима осуждаем.

Но все обстоит прямо наоборот. Центральная газета Министерства обороны «Красная Звезда» (15 апреля 2006) публикует статью о том, что во всем виноваты немцы, а поляки используют это преступление, чтобы «устраивать вакханалии на костях собственных граждан». Так прямо и написано: — вакханалии на костях собственных граждан!

Вышла книга какого-то Мухина о том, что Катынь — это провокация против России. Сталин ни в чем не виноват. Это преступление Гитлера, а поляки используют преступление, чтобы досадить Москве.

И вот после такой идеологической подготовки 22 мая 2008 г. Главная военная прокуратура отказалась передавать материалы по Катыни польской стороне. Обоснование: большинство из 183 томов имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

Вот и все. И это признание. Официальное и окончательное.

Давайте на секунду поверим, что поляков расстреляли немцы. Что же получается? Преступление совершено семь десятков лет назад. Гитлеровской Германии давно нет. Советского Союза нет уже два десятка лет.

Нет ни гестапо, ни СС, ни НКВД. Но современная демократическая Россия почему-то хранит документы о преступлениях гитлеровцев как великую государственную тайну России.

Как известно, Главная военная прокуратура России укомплектована не самыми умными людьми. Вы только послушайте: преступление совершили гитлеровцы, но мы об этом никому не скажем, мы навеки это сохраним под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно».

Объясните же мне, зачем хранить секреты гитлеровских преступников всей мощью Государства Российского?

Закон России требует открывать архивы через 30 лет. Почему вопреки законам «преступление гитлеровцев» нельзя рассекретить через 70 лет?

Заявление о том, что «преступления СС» раскрывать нельзя, свидетельствует только о том, что Главная военная прокуратура укомплектована скрытыми гитлеровцами, которые, однако, своего нацистского нутра даже и не прячут. Главная военная прокуратура готова нарушать законы России, лишь бы миру не стали известны подробности кровавых преступлений Гитлера, лишь бы даже и через семь десятков лет мир не узнал имена фашистских палачей. Но если так, то вся Главная военная прокуратура должна давно сидеть в Лефортове.

И если Генеральный прокурор России покрывает подчиненных ему военных прокуроров, то и ему место на нарах.

Граждане прокуроры, туши шапки!

Андрей Буровский

Великая отечественная? Нет, советско-нацистская

Нигде не врут так, как на охоте и на войне.

О. фон Бисмарк

Война всегда делает мужчину подонком.

Французская поговорка XVII века

Деловое предложение

20 мая 2009 года Президент России Дмитрий Медведев подписал Указ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». О задачах комиссии сказал в интервью «Российской газете» директор Института всеобщей истории Российской академии наук Александр Оганович Чубарьян: «В ее задачах разработка путей донесения правды, реальных исторических фактов, а также противодействие интерпретации этих фактов в политизированном духе»^[1].

Полагаю, что грандиозный историко-политический сталинский миф о советско-нацистской войне должен быть рассмотрен комиссией в числе самых первых.

Противники моего предложения наверняка возразят, что речь идет о фальсификациях «в ущерб интересам России», а сталинская фальсификация — она не в ущерб, она на благо. В действительности сохранять сталинский миф — невероятно опасно для современной России. Трудно найти миф, который больше мешает нашему народу осмысливать самого себя и свою историю, делать выводы и двигаться вперед.

Базовый советский миф о Великой Отечественной войне

Как только грянули первые залпы 22 июня, сталинская пропагандистская машина выдала сравнительно стройный миф. Это был миф о внезапном нападении на ничего не ожидавшую мирную страну. Миф объяснял поражение в июне-июле 1941 года именно тем, что СССР к войне не готовился и нападения совсем не ожидал.

Поскольку с 1941 года сложившиеся воюющие блоки были стабильны, довоевали до 1945 в прежнем составе, все последующие мифы, в конечном счете, создавались на его базе.

Основные положения мифа созданы практически мгновенно, они прозвучали по радио 22 июня в 11 часов 36 минут по московскому времени, в знаменитой речи Молотова. Собственно, из нее-то население СССР и узнало о начале войны уже не с Польшей и Финляндией, а с Третьим Рейхом.

Приведу выдержки. Итак: «Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну».

Далее Молотов вещал: вследствие бомбежек нацистами «убито и ранено более двухсот человек».

Двухсот?! Несколько тысяч^[2]. «Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории», «...сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией».

К тому времени в Румынии и Финляндии уже полыхала война, начатая СССР^[3].

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то, что за все время действия этого договора [пакта Молотова-Риббентропа. — А. Б.] германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей».

«Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне..., заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы»^[4].

В речи Сталина по радио 3 июля 1941 года — те же стереотипы. Даже круче. «Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы».

Красная Армия разбежалась. «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации» чувствовали себя превосходно.

«Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам».

«Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства».

Но Третий Рейх напал на СССР вовсе не «вероломно» и не «без объявления войны».

Примерно в половине четвертого ночи 22 июня 1941 года немецкий посол в Москве фон Шуленбург, стоя перед наркомом иностранных дел Советского Союза Вячеславом Молотовым, зачитывал текст германской декларации о «военных контрмерах против СССР». По указанию Гитлера в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

Сам Молотов в своих мемуарах писал, что, когда Шуленбург читал текст декларации, его голос дрожал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, нарком долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, немецкий посол добавил от себя, что не одобряет решение своего правительства.

В эти же минуты в Берлине советского посла Де-канозова принял министр иностранных дел Третьего Рейха Риббентроп. Риббентроп вручил Деканозову декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалеете о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!». Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Риббентропу, направился к двери. Провожая посла, министр шептал: «Я был против этого нападения»^[5].

А Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» пишет о том, что около 4 часов утра 22 июня в кабинет Сталина быстрыми шагами вошел Молотов и заявил о том, что

германское правительство объявило нам войну^[6].

Байка о «вероломном нападении» пущена еще Сталиным во время его знаменитой речи 3 июля 1941 года. Потом эта ложь повторялась много раз, твердят ее и до сих пор. Вовсе не только в России, но по всему миру.

Очень понятно, почему она нужна. В ноте, которую передал Шуленбург в НКВД СССР, содержится почти дословный пересказ секретного протокола к пакту о ненападении между Третьим Рейхом и СССР от 23 августа 1939 года.

А нота, переданная Риббентропом Деканозову, завершалась такими словами:

[советское правительство] «1) не только продолжило, но со времени начала войны даже усилило попытки своей подрывной деятельности, направленной против Германии и Европы; оно

2) во все большей мере придавало своей внешней политике враждебный Германии характер и оно

3) сосредоточило на германской границе все свои вооруженные силы, готовые к броску.

Тем самым советское правительство предало и нарушило договоры и соглашения с Германией. Ненависть большевистской Москвы к национал-социализму оказалась сильнее политического разума. Большевизм — смертельный враг национал-социализма. Большевистская Москва намеревается нанести удар в спину национал-социалистической Германии, которая ведет борьбу за свое существование. Германия не намерена смотреть на эту серьезную угрозу своим восточным границам и ничего не делать. Поэтому Фюрер отдал германскому Вермахту приказ отразить эту угрозу всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Немецкий народ понимает, что в грядущей борьбе он не только защищает свою Родину, но что он призван спасти весь культурный мир от смертельной опасности большевизма и открыть путь к истинному социальному подъему в Европе»^[7].

Одним словом: правительство Третьего Рейха обвинило СССР в сосредоточении войск на границе и в подготовке к внезапному сокрушительному нападению.

Разве советскому народу полагалось знать такие вещи? Ни к коем случае! Так что факт объявления войны и получения нот «пришлось» скрыть. И во время Нюрнбергского процесса СССР категорически отрицал сам факт получения нот и объявления войны. Каковой факт и все высказывания Сталина по этому поводу следует рассматривать адекватно: как случай так называемого вранья. Сталин достаточно редко говорил правду, и это как раз типичный вариант.

И все советские историки, которые рассказывали про «вероломное нападение Германии на Россию», лгали сразу в нескольких пунктах: нападение совершено было

— не вероломно и не внезапно,

— не Германией,

— не на Россию.

При необходимости каждый пункт текста речей Сталина и Молотова может быть опровергнут буквально десятками ссылок на источники и литературу, десятками свидетельств.

Важной частью мифа о Великой Отечественной войне стала демонизация врага. Его цели уже в речи Сталина представляли почти карикатурными — но очень страшными.

«Враг.... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян,

азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза».

О государственности по крайней мере литовцев, латышей, эстонцев в 1930–1940 годах кое-что известно: в 1939 году они лишились национальной государственности в ходе советской агрессии. Вот при гитлеровской оккупации их независимость восстанавливалась^[8].

«Восстановление власти помещиков, восстановление царизма»? Полный абсурд. Физически невозможно сочетать в одном флаконе «восстановление царизма» и «разрушение национальной государственности». Сама фраза совершенно сюрреалистична.

Конечно же, «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов....

Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица».

Без призыва к истреблению внутреннего врага Сталин не был бы Сталиным.

В этой же речи Сталин ставит и некоторые политические цели... Если вдуматься, довольно зловещие.

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против поработнения и угрозы поработнения со стороны фашистских армий Гитлера»^[9]. Речь Сталина много раз приводилась и цитировалась в самой различной литературе^[10].

В речах Молотова и Сталина заложены основные составляющие мифа, который в своих основных чертах дожил до нашего времени. Его главные составляющие:

1. Национал-социалистический Третий Рейх отождествляется с национальной Германией.
2. **Социалистическое государство, Третий Рейх, объявляется «фашистским».**

Третий Рейх был социалистическим государством, в котором единственной легальной и при том правящей партией была **Национал-социалистическая рабочая партия Германии**, Nationalsozialistische Deutsche Arbeiter-partei; сокращенно **НСДАП** (NSDAP). Программа имела много общего с программами коммунистов и эсеров^[11].

«Я», пишущееся с большой буквы, должно быть заменено на «Ты» или «Мы», если человечество и прежде всего Германия хотят жить. Одновременно необходимо засыпать ров, который был вырыт ненавистью классовой борьбы и ложной верой в солидарность пролетарского интернационализма, с одной стороны, и кастовым духом, тщеславием происхождения, условий жизни, богатства и образования — с другой». Так писал глава штурмовиков Эрнст Рем в своей книге «Национал-социалистическая революция и

штурмовые отряды»^[12].

Сам Гитлер полагал, что «социализм — это учение о том, как следует заботиться об общем благе. Коммунизм — это не социализм. Марксизм — это не социализм. Марксисты украли это понятие и исказили его смысл. Я вырву социализм из рук «социалистов». Социализм — древняя арийская, германская традиция»^[13].

Нацистов порой называют «коричневыми», но это имеет тот же смысл, который в России имеет черный цвет. «Черный народ», «черная сотня»... В Германии это звучало как «коричневый народ». Простонародье, народная толща. И шли в бой коричневые не под каким-нибудь, а красным знаменем. Шли для того, чтобы освободить немецких рабочих от власти еврейской, французской и англо-американской буржуазии.

В рядах нацистов было полно перебежчиков и от коммунистов и от социал-демократов.

Ведущий нацистский юрист при Гитлере, министр без портфеля и генерал-губернатор Варшавы, Ганс Франк, повешенный по приговору Нюрнбергского трибунала, был социал-демократом и сторонником свержения Баварской монархии. Человек из окружения Курта Эйснера.

Социал-демократом был и Юлиус фон Штрайхер, в будущем «главный антисемит» Третьего Рейха и издатель газеты «Дер Штюрмер».

Роланд Фрейснер, будущий президент Народного суда гитлеровской Германии, в юные годы попал в плен, в России сделался красноармейцем, политкомиссаром и чекистом. Его и заслали-то в Германию как доверенного агента Коминтерна... А он и перекинулся к нацистам.

НСДАП создала в Германии централизованную огосударвленную экономику. 15 июля 1933 г. был образован Генеральный совет германского хозяйства с участием крупнейших предпринимателей. Позднее было проведено также укрупнение хозяйственных структур. Нацистское государство предпочитало иметь дело с небольшим числом крупнейших фирм. И контролировать эти фирмы^[14].

В 1936 г. управление хозяйством перешло в руки «администрации четырехлетнего плана» во главе с Германом Герингом. Новая администрация взяла курс на «экономическое самообеспечение» («автаркию») страны и расширение бюджетного финансирования. Государство стало играть в экономике все большую и большую роль.

Термин «управляемый рынок» придумал вовсе не Горбачев, а руководитель имперской промышленной группы В. Цанген.

Централизация экономики помогла нацистам очень быстро справиться с безработицей и развалом экономики. Государство строило дороги. Германия до сих пор опоясана множеством автострад, проходящих не через города, а мимо городов. Не снижая скорости, можно пожирать громадные расстояния. Строились и вводились в эксплуатацию крупные производства — в основном военного профиля. К 1935 году совершенно исчезла безработица.

Исчез слой спекулянтов и темных дельцов, ведущих веселую жизнь в ночных клубах. Не имеющий работы, не способный объяснить, откуда у него доход, рисковал лагерем.

Но не стало и разрыва в доходах, когда спекулянт обогащался, а семья рабочего нищенствовала.

Коммунисты кричат, что нацисты милитаризировали экономику, сделали ее работающей на войну. Но разве в СССР было иначе?

Смешивать нацистов с фашистами коммунисты начали с VII конгресса Коминтерна в

1935 году. Позже коммунисты произвольно объявляли фашистами членов самых обычных «буржуазных» правительств. У них получалось, что фашисты — это все, кто против коммунистов. А поскольку изображали фашистов всегда карикатурно, то получалось: против коммунистов идет исключительно какое-то тупое, злобное и малокультурное мужичье.

Социалисты хотели воплотить в жизнь утопию, построить идеальное общество на выдуманных теоретиками началах. А фашисты хотели любой ценой не позволить им этого. Поэтому когда пленных немецких солдат в России называли «фашистами», они, мягко говоря, удивлялись.

— Мы не фашисты, мы нацисты! — отвечали они вполне мотивировано, а у советских людей окончательно заходил ум за разум.

3. Многонациональный «строящий коммунизм» СССР отождествляется с национальной Россией.

СССР был государством, в названии которого не было никаких привязок к территории или к истории. Гербом СССР был земной шар, перевитый пучками колосьев с изображением серпа и молота: символов крестьянства и рабочего класса. Это государство состояло из национальных республик, число которых могло увеличиваться до бесконечности.

Ленин не уставал повторять: «Наше дело есть дело всемирной пролетарской революции, дело создания всемирной Советской республики!»^[15]

Правящая в СССР партия ВКП (б) с 1919 года рассматривалась как секция III Коммунистического интернационала, о целях которого Троцкий предельно ясно сказал: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является советская власть»^[16].

Официально целью Интернационала провозглашалось «...насильственное свержение буржуазии, конфискация ее собственности, разрушение всего буржуазного государственного аппарата снизу доверху, парламентского, судебного, военного, бюрократического, административного, муниципального <...> [которые] могут обеспечить торжество пролетарской революции»^[17].

4. Нападение Третьего Рейха на СССР объявляется «вероломным», игнорируется факт объявления войны.

5. СССР рассматривается как невинная жертва агрессии, не готовая к войне и именно поэтому на первых порах терпящая поражение.

6. Начавшаяся война рассматривается как Великая Отечественная война (ВОВ) всего русского=советского народа.

И по сей день в Интернете часты определения типа: «Великая Отечественная война была справедливой освободительной войной Советского Союза против фашистской Германии и являлась важнейшей, решающей частью Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Война началась 22 июня 1941 г. вторжением без объявления войны на территорию СССР вооруженных сил Германии»^[18].

«Только Советский Союз неуклонно проводил политику мира, политику организации коллективного отпора агрессорам и поддержки народов, ставших жертвами агрессоров»^[19].

Получается примерно так: советские люди в 1930-е годы мирно трудились. Создавалась индустриальная база новой, счастливой жизни в СССР. Советские люди не хотели никого завоевывать и ни с кем не собирались воевать. Они были счастливы своим трудом под руководством своих мудрых руководителей. Крестьяне счастливо собирались в колхозы.

Рабочие радостно трудились в три смены, выполняя пятилетку в четыре года, вдвоем на одну зарплату. Солдаты и офицеры бодро умирали на Халхин-Голе.

Интересно, что и в довоенных документах много ритуальных фраз о принципиальном превосходстве советской тактики и стратегии^[20].

Фашистская Германия предложила СССР заключить пакт о ненападении. Советский Союз вынужден был заключить этот пакт с целью самообороны и для того, чтобы не дать сложиться общему фронту империалистических держав против СССР.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, тем самым начав Вторую мировую войну. Западные державы предали Польшу, и только Советский Союз совершил освободительный поход, освободил и присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию, и заключил пакты о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз.

Она имела колоссальное превосходство в вооружениях и в технике, потому что Гитлер располагал ресурсами всей Европы^[21].

Этим событием в 1941 году началась Великая Отечественная война. Это была война за спасение своей Родины. Участие в Великой Отечественной войне есть великий подвиг и колоссальная заслуга. Если кто-то из советских людей воевал на стороне Гитлера — то он отвратительный предатель, а его поведение совершенно «нетипично»^[22].

Благодаря своему военно-техническому превосходству Гитлер смог нанести временное поражение Советскому Союзу. Но советские люди — патриоты своей социалистической Родины. Они еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии, и под руководством своего гениального вождя и учителя, величайшего полководца И.В. Сталина поднялись на священную освободительную войну и дали врагу сокрушительный отпор. Гениальный план великого Сталина, «десять сталинских ударов», привел фашистскую Германию и всех ее союзников к полнейшему поражению^[23].

«Фашисты» руководствовались антинаучным, реакционным учением о неравенстве человеческих рас. Они хотели истребить миллионы ни в чем не повинных людей по национальному признаку, а других превратить в своих рабов^[24]. Чудовищные, не имеющие аналогий в истории преступления фашистов осудил глубоко законный и невероятно прогрессивный международный Нюрнбергский процесс^[25].

Победа «немецко-фашистских агрессоров» была бы величайшим несчастьем для человечества. Она привела бы к уничтожению современной цивилизации, порабощению и физическому истреблению десятков миллионов людей^[26].

Эти утверждения тиражировались десятки миллионов раз в советских учебниках для школ^[27] и для вузов^[28].

Принципиально те же идеи содержатся и в современных учебниках^[29].

В лице СССР прогрессивное человечество победило «фашистов» — мракобесов и негодяев, душителей самого лучшего. Ценность этой победы абсолютно очевидна и никогда никем не сможет быть поставлена под сомнение. «Советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»^[30].

Победители во Второй мировой заставили народы принять свою мифологию. В конечном счете она была достаточно выгодна и всем остальным победителям, в том числе и полякам, и

англосаксам: демонизировала проигравших и хоть как-то объясняла удобным им способом ход и результаты Второй мировой.

Для понимания того, что именно навязывалось и почему, необходимо принять во внимание два важнейших пункта: этот миф возник не изначально, ему предшествовали другие мифы — потому что долгое время было непонятно, с кем и в каких коалициях будет воевать СССР.

Мифы-предшественники

Официальный миф СССР исходил из того, что в СССР у власти находилась самая передовая общественная теория Карла Маркса и В.И. Ленина, марксизм-ленинизм. Она не имеет ничего общего с расовой теорией и человеконенавистническим учением «фашистов». СССР рано или поздно должен был стать «Земшарным». Но с кем именно начнется Вторая мировая война, было совершенно не очевидно.

Мифологично уже представление о реализации в 1941 году единственно возможного «расклада сил» воюющих сторон. Коалиции складывались в какой-то мере и случайно. Реальность союзнических отношений Британии и СССР была неожиданностью для обеих сторон.

3 сентября 1941 года Сталин писал Черчиллю, что без высадки англичан во Франции и без ежемесячных поставок в СССР 400 самолетов и 500 танков «Советский Союз либо потерпит поражение... либо потеряет надолго способность к активным действиям на фронте борьбы с гитлеризмом»^[31].

13 сентября 1941 года Сталин даже просил Черчилля «высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР»^[32].

Черчилль писал Рузвельту по этому поводу: «мы не могли отделаться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире»^[33].

Советскому же послу Майскому Черчилль ответил весьма конкретно: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы на нашем острове не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас»^[34].

Если военно-стратегические концепции менялись уже на протяжении Второй мировой войны, то тем более они не раз менялись в ходе ее подготовки. Неизменной в этой доктрине оставалась разве что идея войны «малой кровью и на чужой территории». Полностью мы эту доктрину не знаем и, возможно, никогда не узнаем: документы о планах советского руководства на 22 июня 1941 года, приказы Наркомата обороны и Киевского военного округа в первые часы и дни войны не рассекречены и по сей день. Есть отдельные документы... Но они очень красноречивы.

Согласно всем этим документам, неприятельские войска не должны были находиться на территории СССР больше суток. Это если враг вообще будет атаковать первым.

«Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» — 18 сентября 1940.

«Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР» — 11 марта 1941.

«Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками»^[35] — май 1941.

И наконец, «записка начальника штаба Киевского ПВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»^[36].

В сущности, это один и тот же документ, много раз уточнявшийся и дорабатывавшийся.

Самым лучшим вариантом считалось «ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, предупредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания».

И вообще «наша оперативная подготовка, подготовка войск должна быть направлена на то, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать все свои силы»^[37].

Вот так. Нападать первыми, не ждать полного развертывания вражеских войск. И — на чужую территорию. К 30-му дню войны Красная Армия должна была выйти «на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц». То есть находиться в 300–350 км от новой границы СССР, на территории Польши и Чехии.

Реальность показала, что составлять такие планы могут только люди, психологически живущие вне реальности.

Само стремление к новой Мировой войне диктовалось в СССР ожиданием Мировой революции и готовностью всячески создавать условия для ее начала.

В Гуверовском институте Стэнфордского университета в Калифорнии (США) хранится пакет из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934–1936 гг. «Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7–8 дней после их создания»^[38].

Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела и высшим государственным чиновникам.

11 февраля 1934 года Политбюро решило, что крупная европейская война поможет пролетариату захватить власть в крупнейших европейских центрах.

В постановлении от 1 мая 1935 года Политбюро полагало, что СССР примет участие в новых конфликтах в Европе и в Азии ровно в той мере, «которая позволит ему оказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию»^[39].

В 1938 году ЦК ВКП (б) уже говорит о «начавшейся мировой войне». О «Второй мировой войне», которая приведет к восстаниям и революциям в Европе.

А чешским коммунистам в Москве разъяснили: «Если бы мы заключили договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились. Ленину удалось построить коммунизм, а Сталин, благодаря его предвидению и мудрости, приведет Европу в мировую революцию».

«Заклучив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики, он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революциям в Германии и Франции».

«...война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны».

«Настоящая война будет длиться столько, сколько мы захотим.....Мы тратим огромные деньги, чтобы война [между Японией и Китаем. — А.Б.] продолжалась»^[40].

Подобные планы принято считать проявлением сталинского «прагматизма». Но это странный «прагматизм», в котором все реальные планы подчинены идеологической мифологии Мировой революции, восстаниям пролетариата и так далее.

Одновременно создавались литературные и кинематографические мифы о будущей победоносной наступательной войне СССР против «фашистского агрессора».

Фильм Абрама Роома «Эскадрилья № 5» начинается с того, что советская разведка перехватывает приказ командования Третьего Рейха о переходе советской границы. На бомбежку немецких аэродромов вылетают тысячи советских самолетов, в числе которых — эскадрилья № 5. «Наши» со страшной силой громят «ихних», но «фашисты» подбивают два наших самолета. Летчики эскадрильи № 5 — майор Гришин и капитан Нестеров — на парашютах спускаются на территорию врага. С помощью немецкого антифашиста, «своего парня» и «пролетарской рабочей косточки» герои фильма захватывают «ихний» самолет и улетают к своим.

И в литературе делается то же самое! Ни одна книга перед войной не имела таких тиражей, как «Первый удар»^[41]. После подписания Пакта 1939 г. книгу изъяли из продажи... Но к тому времени ее только ленивый не прочитал. И вообще каждый красный командир обязан был прочитать эту книгу, потому что военное издательство выпустило ее в учебной серии «Библиотека командира».

«Процент поражения был вполне удовлетворительным, несмотря на хорошую работу ПВО противника. Свыше пятидесяти процентов его новеньких двух-пушечных истребителей были уничтожены на земле, прежде чем успели подняться в воздух».

«Летный состав вражеских частей, подвергшихся атаке, проявил упорство. Офицеры бросались к машинам, невзирая на разрывы бомб и пулеметный огонь штурмовиков. Они вытаскивали самолеты из горящих ангаров. Истребители совершали разбег по изрытому воронками полю навстречу непроглядной стене дымовой завесы и непрерывным блескам разрывов. Многие тут же опрокидывались в воронках, другие подлетали, вскинутые разрывом бомб, и падали грудой горящих обломков. Сквозь муть дымовой завесы там и сям были видны пылающие истребители, пораженные зажигательными пулями. И все-таки некоторым офицерам удалось взлететь. С мужеством слепого отчаяния и злобы, не соблюдая уже никакого плана, вне строя, они вступали в одиночный бой с советскими самолетами. Но эта храбрость послужила лишь во вред их собственной обороне. Их разрозненные усилия не могли быть серьезным препятствием работе советских самолетов и только заставили прекратить огонь их же собственную зенитную артиллерию и пулеметы».

До какой же все-таки степени материализуется то, чего мы ждем... Конечно, в книгах и фильмах «мы» стреляли, а «они» взрывались. В реальной истории было не совсем так... Но советское общество с 1938 года ждало войну с Германией. Можно сказать, накликало ее по всем правилам первобытной магии. Естественно, что и накликало.

Те, кто начинали войну 1941 года, хорошо помнили попытки перевоспитывать первых военнопленных на основе пролетарского интернационализма. Как вот у Гранина: «А следующим был пленный унтер. Шофер. Мы взяли его в конце июля сорок первого года. Меня позвали, чтобы я помог переводить....

Он был шофер, то есть рабочий класс, пролетарий. Я немедленно сказал ему хорошо выученную по-немецки фразу — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Со всех сторон мне подсказывали про социализм, классовую солидарность, ребята по слогам втолковывали немцу — Маркс, Энгельс, Тельман, Клара Цеткин, Либкнехт, даже Бетховена называли. От

этих имен мы смягчились и были готовы к прощению, к братанию. Мы недавно видели сцены братания в звуковом фильме «Снайпер». Согласно фильму и учебникам обществоведения, и нынешний немец, наверное, должен бы покраснеть, опустить свои светлые ресницы и сказать с чувством примерно следующее:

— Буржуазия, то есть гитлеровская клика, направила меня на моих братьев по классу. Надо повернуть штык, то есть автомат, против собственных эксплуататоров, — что-то в этом роде.

Нас этому учили. Мы верили, что пролетариат Германии не станет воевать со Страной Советов. Мы честно пытались пробудить классовое сознание этого первого нашего немца»^[42].

Сцена, описанная Граниным, доказывает только одно: верхи и низы советского общества мыслили не настолько различно, как иногда кажется. И те и другие, как мы видим, ждали в случае войны «взрывов классовой солидарности» трудящихся.

Но при этом реальная политика заставляла коммунистическую верхушку не раз изменять векторы своей политики, а вместе с тем и конкретный образ врага. Вместе с этим изменялись и конкретные параметры главного политического мифа.

Доклад В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. был всецело посвящен международным отношениям и тем изменениям, которые произошли в последнее время. В связи с этими изменениями, как подчеркнул Молотов, «некоторые старые формулы, которыми мы пользовались еще недавно, — и к которым многие так привыкли — явно устарели и теперь неприменимы». А конкретнее:

«Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются»^[43].

30 ноября 1939 г. Сталин заявил еще «круче»: «Не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»^[44].

Таким образом мифология, начавшая складываться уже 22 июня 1941 года — лишь последняя версия мифа, который сталинская пропаганда готовила по крайней мере с 1934 года: мифа о вынужденном вступлении СССР в войну для блага пролетариата всего мира.

При этом готовилась не национальная война и не империалистическая. Готовилась идеологическая война коммунистов за право и возможность советизации всего мира.

Почему это миф?

Мифологично уже само название события: Великая Отечественная война.

Второй Отечественной называли иногда войну 1914–1918 годов. Теперь это слово реанимировали, создавая новый, уже советский миф. Сталин употребил применительно к этой войне слова «великая» и «отечественная», но отдельно. «Великая Отечественная война» долгое время звучало примерно так же, как «священная народная война», «священная отечественная народная война», «победоносная отечественная война». То есть не как официальное название войны и не как название этапа Второй мировой — а как пропагандистское клише.

Термин Великая Отечественная вводился и входил в жизнь постепенно. При Сталине он

был закреплен только введением ордена Отечественной войны согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г. Это название было официально для СССР до 1991 года и сохранилось в ряде независимых государств, бывших раньше республиками СССР. В форме, например, Вялгкая Айчынная вайна в Белоруссии^[45].

В Германии помимо терминов «Русский поход» (der Russlandfeldzug), Восточный поход (der Ostfeldzug), говорят о «Германо-советской войне» (Deutsch-Sowjetischer Krieg)^[46]. В англоязычных странах применяют протокольно-сухой термин «Восточный фронт Второй мировой войны» (Eastern Front World War II)^[47].

От названий зависит больше, чем кажется. Созданное Сталиным название позволяет из грандиозного события мирового масштаба, Второй мировой войны 1939–1945 годов, произвольно вырезать кусок, которому придается свое самостоятельное значение.

Во всех исторических книгах, монографиях, учебниках утверждалось, что Великая Отечественная — самая важная часть Второй мировой. Что именно в Сталинграде «русские» «сломали хребет фашистскому зверю», и именно с этого начался перелом в ходе всей Второй мировой^[48].

В этом нет русской специфики. Похожим образом действуют американцы, провозглашая самыми важными событиями Второй мировой войны военные действия на Тихом океане между американской и японской армиями и флотами. Они считали важнейшим поворотным событием всей Второй мировой войны битву за атолл Мидуэй в 1942^[49].

Так же точно английские историки провозглашают главным решающим сражением Второй мировой войны Эль-Аламейн в Северной Африке^[50]. Советские историки считали главным событием Второй мировой войны сражение под Сталинградом в 1942–1943 г. («самую выдающуюся победу в истории великих войн»)^[51].

В японской 100-томной истории Второй мировой войны аж в 3 томах упоминаются другие воюющие стороны, кроме Японии и США.

Само по себе «перетягивание одеяла» на себя довольно обычно: историкам многих стран хочется, чтобы основные события Второй мировой совершались бы с участием «их» армий.

Но в этом названии — «Великая Отечественная» присутствует эмоциональный, пропагандистский заряд. Американцам ведь хватило совести не называть битву на Тихом океане Великой Отечественной войной американского народа.

А советским пропагандистам нужно было оторвать события 1939–1941 годов от того, что происходило после нападения Гитлера. Название это и делает.

До сих пор только одна группа историков дала этой войне название, которое вообще можно принимать всерьез: «советско-нацистская»^[52].

Во Второй мировой войне воевали вовсе не Россия и Германия. Тем более вовсе не русские воевали с немцами.

В составе вермахта к началу Второй мировой войны служили 3 214000 человек. На 22.06.1941 — 7234000. В 1943 году численность вермахта достигла 11 миллионов человек. Всего в 1939–1945 г. в вооруженные силы Третьего Рейха было призвано 21107000 человек. Из них этническими немцами были порядка 10500 тысяч человек. Остальные были подданными Рейха — но не этническими немцами^[53].

В вермахт призывали не по расовому или не по национальному принципу. А по принципу гражданства. В частности, этнический еврей признавался таковым только в двух случаях:

если он исповедовал иудаизм и если он был записан в еврейскую общину. Во всех остальных случаях его призывали в армию на общих основаниях, и «еврейских солдат Гитлера» было больше 150 тысяч^[54].

В числе союзников Германии, участвовавших во Второй мировой войне, — Румыния, Венгрия, Словакия, Италия и Финляндия. Румынские и словацкие войска не входили в вермахт, но на Восточном фронте воевали^[55].

В числе прочих в составе вермахта воевали не менее миллиона этнических русских, которые были до этого гражданами СССР^[56].

В составе элитнейших частей СС, своего рода гвардии Третьего Рейха, «интернационал» еще больший: в СС было много добровольцев. Из 38 дивизий Waffen-SS, участвовавших во Второй мировой войне, только 12 были немецкими. Этнический же состав эсэсовцев отличался предельным разнообразием.

Сначала в национальные формирования SS входили представители «родственных» германских народов — датчане, голландцы, норвежцы, фламандцы. Потом к ним присоединились валлоны, финны, шведы, хорваты, французы. Были добровольческие легионы «Нидерланды», «Фландрия», «Norge»; добровольческий корпус «Дания», Британский добровольческий корпус, итальянская, французская, венгерская, хорватская, балканская (мусульманская), валлонская, украинская, белорусская, латвийская, литовская, эстонская, испанская, русская дивизии, финский добровольческий батальон, сербский добровольческий корпус, румынский и болгарский полки. Были даже такие экзотические соединения, как Индийский добровольческий легион, Кавказский и Среднеазиатский легионы, мусульманская дивизия «Новый Туркестан», Восточно-тюркское соединение для башкир и караимов, грузинские, азербайджанские армянские соединения, волжско-татарский легион^[57].

Была также дивизия СС «Богемия-Моравия» из жителей протектората — чехов и фольксдойче, многочисленные литовские полицейские батальоны и даже литовская Армия освобождения «Межа Кати» — «Дикая кошка» генерала Импулявичуса, греческие отдельные формирования.

22 июня 1941 года 20 % состава нацистских войск составляли не-немцы. Позже их было до 30 %^[58]. Даже в элитных эсэсовских частях типа «Лейбштандарт Адольф Гитлер» этнических русских было до 7–8 %. Стоит сравнить: даже в апреле 1945 все союзные Красной Армии войска составляли всего 12 % ее численности.

На стороне СССР воевали представители всех 120 народов Советского Союза, а кроме того французы, британцы, американцы, китайцы, немцы и японцы^[59].

СССР изначально был уникальным государством, в названии которого не был никаких географических привязок. Третий Рейх, к 1941 году захвативший Нидерланды, Лихтенштейн, Бельгию, Норвегию, Данию, Чехию, Польшу, большую часть Франции, Грецию, Югославию, был громадным многонациональным государством.

И Третий Рейх и СССР были глубоко идеологическими, многонациональными государствами. Их жителей объединяло не происхождение, а идеология и подданство. Они имеют очень косвенное отношение к исторической Германии и к исторической России.

Попытки представить Вторую мировую войну как войну «русских и немцев» уже поэтому совершенно абсурдны.

СССР и Третий Рейх не были также исторически сложившимися империями,

территориальное расширение которых отражало бы тенденции развития этих территориально-политических организмов. Это были империи особые — ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ. На примере Советского Союза особенно хорошо видно, что само понятие «Отечества» идеологической системе чуждо. Если слово «отечество» и применяли в СССР 1922–1941 годов, то только в значении «отечество пролетариата».

Если цель идеологической империи — завоевание всего земного шара и установление мирового господства, то вообще о каком «Отечестве» может идти речь? До 1941 года речь об «отечественной войне» и не шла.

Взывая к «крови и почве», национал-социалисты были ближе к идее «отечества», но и они к тому времени завоевали и подчинили почти всю Европу, объединили государства с разным политическим строем. Единственной реальной целью этой «сборной Европы» под руководством национал-социалистической Германии было все то же мировое господство. «Сегодня нам принадлежит Германия \ A завтра — весь мир!»^[60] В советско-нацистской войне 1941 года ни СССР и коммунистические власти, ни Третий Рейх и нацистская верхушка не могли иметь никаких других целей, кроме мирового господства и торжества своей идеологии. Это была война не «Отечеств», а война «Европейского Антикоммунистического Интернационала» против «Коммунистического Интернационала». Обоим интернационалам были глубоко чужды и даже враждебны такие понятия, как «Отечество» в смысле «национального очага».

Великая отечественная? Для кого?

Наверное, миф о «политическом единстве советского народа» — самый подлый и самый лживый из тезисов официальной советской пропаганды.

К 1939 году в СССР было множество людей, вовсе не разделявших воззрения коммунистов, а то и враждебных этим идеям. Не будем даже говорить, что в зарубежье жило до миллиона активных врагов советской власти и что они охотно работали на финскую, германскую, американскую, китайскую, японскую разведки и армии^[61].

В самом СССР число только «сосланных кулаков» достигало почти 2 млн человек. С 1929 по 1941 г. число советских перебежчиков в Финляндию, Китай и Персию, Румынию и Польшу исчисляется, по крайней мере, десятками тысяч человек. Во время Великого Голода 1931–1932 годов в Казахстане из СССР откочевало порядка 1 млн казахов.

В 1941 году Красная Армия частично разбежалась, частью сдавалась в плен батальонами, полками и чуть ли не дивизиями. Число сдавшихся называют разное: от 4,5^[62] млн до 5,4 млн^[63].

Приблизительность цифр доказывает одно: толком никто не считал.

Многие из них шли в добровольные помощники, «хильфсвиллиге», и ведь хотя бы часть этих людей шла в вермахт не только подчиняясь насилию, но и идейно.

Известно, что в вермахте служило много жителей Советского Союза: 310 тысяч русских, 53 тысячи казаков, 250 тысяч украинцев, 110 тысяч человек из народов Северного Кавказа, волжских татар — 40 тысяч, крымских татар — 20 тысяч, других тюркских народностей — 180 тысяч человек. Это на начало 1945 года, и к тому же в это число не входят эстонский, латышский легионы СС, несколько литовских батальонов СС^[64].

Если граждане одной страны воюют во враждующих армиях — то что это, если не гражданская война?!

Казаки в 1941 г. раскололись на прокоммунистические и пронацистские силы. В Красную Армию призвано было до 70 тысяч казаков^[65]. А в вермахте служило до 50 тысяч казаков^[66].

Крымские татары, народы Северного Кавказа (чечены, карачаевцы), Поволжья (калмыки) дали примерно одинаковое количество добровольцев в вермахт и в Красную Армию^[67].

Если это не раскол народа и не гражданская война, то что же это?

Как видно, во время событий 1941–1945 гг. между собой воевали не только и даже не столько национальные силы, сколько политические. Сидели в окопах друг напротив друга, стреляли друг в друга из пушек и ружей, сходились в рукопашных люди одних народов. И в огромном большинстве случаев речь шла не об «отдельных отщепенцах» — это позднейшая пропагандистская утка, речь идет о расколе народов по политическому принципу.

Число «перемещенных лиц» в Германии на 1945 год неизвестно. Согласно официальной советской статистике, в 1945 г. «вернулись на родину» 5236130 человек, трудившиеся в спецлагерях, носившие на одежде специальный знак «Ост»^[68]. Статистика наверняка не полна: слишком многие пытались спрятаться, сбежать, укрыться от возвращения в СССР.

В «Декларации об освобожденной Европе» державы дружно заявляли, что они будут согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем Европы после войны. На Крымской конференции декларировалось, что все народы Европы смогут «создать демократические учреждения по собственному выбору»^[69].

Возникает, правда, вопрос: а что, если выбор народа — фашизм? А если — национал-социализм? В конце концов, Гитлер пришел к власти в Германии путем честнейшей победы на демократических выборах.

Ах! О таких ужасах у нас до сих пор не принято говорить!!!

Туда же еще один вопрос: а что, если народ или какая-то часть народа категорически не хочет именно коммунистического режима? Или коммунизма вообще, ни в какой форме, или в форме сталинизма?

Фактически это и происходило. Для части подданных СССР война и правда была Отечественной. В этом отношении характерна оборона Брестской крепости.

По планам нацистов, они должны были овладеть пограничной Брестской крепостью к 12 часам дня 22 июня. В 3 часа 15 минут по крепости открыли ураганный огонь. В 3.45 начался штурм. К 9 часам утра больше половины гарнизона бежало. Остальные 3–4 тысячи человек перешли в контратаку. С этого времени началась крайне ожесточенная борьба буквально за каждый метр и за каждое помещение.

Возглавили оборону майор П. Гаврилов, комиссар Фомин и капитан Зубачев. Старшие офицеры давно сбежали.

Ежедневно защитникам крепости приходилось отбивать 7–8 атак. Нацисты применяли легкие танки и огнеметы. 29–30 июня нацисты предприняли непрерывный двухдневный штурм крепости, овладели штабом Цитадели, взяли в плен до 400 человек, в том числе И.Н. Зубачева и Е.М. Фомина. Один из пленных тут же выдал Фомина как комиссара. Его тут же расстреляли. Зубачев впоследствии умер в лагере для военнопленных.

Организованная оборона крепости на этом закончилась. Оставались изолированные очаги сопротивления, их подавили в течение следующей недели. Остались одиночные бойцы, собиравшиеся в группы и вновь рассеивавшиеся в подземельях крепости. Некоторые смогли прорваться из крепости и уйти к партизанам в Беловежскую пушу. Большинство погибли или

сдавались поодиночке. Подробности мало известны. Надписи на стенах крепости сохранились до сих пор. «Нас было пятеро Седов, Грутов, Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22 июня 1941. Умрем, но не уйдем отсюда. 26 июня 1941». «Умираем, не срамя». «Умрем, но из крепости не уйдем». Одна из надписей на стене в подвале крепости гласит: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20. VII. 41 г.». Подписи нет^[70].

А для другой части подданных СССР, людей разных народов, эта война Отечественной не была. Потому что они духовно не принадлежали к советской цивилизации и «советскому народу» как особой общности людей. Они могли придерживаться разной тактики: стараться не участвовать в войне ни на какой стороне; честно служить в вермахте; стараться создавать русские национальные части и даже целые автономные районы^[71].

В любом случае советско-нацистская война 1941–1945 годов не была для них Отечественной уже потому, что они не были ни нацистами, ни коммунистами.

Во Второй мировой войне победил не русский народ, не созданная им Российская империя и не мифическая «Евразия». Победил Советский Союз — государство «новой общности людей», советского народа. В Берлин вошла армия без нательных крестов и полковых священников, но с масонскими звездами на фуражках, пуговицах, танковой броне и фюзеляжах самолетов, с обращением «товарищ» и красным знаменем.

А проиграл Вторую мировую войну Третий Рейх — государство со свастиками на пуговицах, пряжках, танках и самолетах, под красным знаменем и символикой «национал-социалистической рабочей партии».

Сказанное нисколько не умаляет героизма и нацистов, и коммунистов, закрывавших своими телами амбразуры и направлявших самолеты на вражеские колонны. Но оценку войны меняет полностью. Оценку советско-нацистской войны как Отечественной навязали политически: силой политического террора.

Но стоило ослабить давление — и миф «посыпался». Без террора же эта война не стала и никогда не сможет стать подлинно Отечественной и Народной.

Параллельные мифы

Не надо думать, что мифы о Второй мировой войне и ее локальных фронтах рассказывались только в СССР, а теперь рассказываются только в «странах бывшего СССР». О некоторых британских и американских мифах я уже говорил.

Французы тоже много чего придумали, — например, будто правительство Виши было не легитимно, а бунтовщик Шарль де Голль это и есть законный представитель народа. Период, когда Франция была союзником Гитлера, и францужско-британскую войну 1940 года подвергли торжественному забвению, как страшный сон.

И эти, и все остальные исторические мифы созданы очень просто: победители придумали подходящие сказки о войне уже после окончания боевых действий. Все придумали такую войну, какую им удобно иметь в прошлом.

Но в СССР сама по себе попытка «засекретить» подлинную историю Второй мировой сыграла со Сталиным злую шутку. Он запретил своим военачальникам писать мемуары о ВМВ? Ну а гитлеровским генералам никто этого не запрещал... И в результате весь мир изучает «Восточный поход» по мемуарам Гальдера и фон Браухича. Фантастика: но важнейшим источником стали мемуары генералов проигравшей войну армии. А победители

были лишены права слова! Причем лишены своим же собственным руководством... Вряд ли Иосиф Виссарионович хотел добиться такого эффекта: чтобы о «Великой Отечественной» рассказывали бы генералы Адольфа Алоизьевича. Но его попытка утвердить свои мифы в международном масштабе привела только к тому, что утвердились мифы этой проигравшей стороны, с «их» набором мифологических существ: «генералом Морозом», «госпожой Распутицей», загадочной русской душой и злобным Сталиным.

Неумелому танцору очень мешают штаны. Генералам, проигравшим мировую войну, очень мешают морозы, распутица, грязь, плохие дороги и неправильное устройство Вселенной.

Еще мешает политическое руководство, которое не позволяет в полной мере проявиться военному гению генералов и одолеть ненавистного врага.

Особенно же сильно им мешает противник, который ведет себя неправильно и применяет некультурные способы ведения войны.

Именно о том и повествуют все мемуары гитлеровских генералов: как им мешали выиграть войну. Только вот на один вопрос эти мемуары не отвечают.... На вопрос о том, как же это генералы не приготовились к тесному общению с генералом Морозом, не предусмотрели распутицы, скверных дорог и тем более — сопротивления неприятеля?

Что до помех собственного руководства... Оно было, тут не о чем и говорить... Но каким же идиотом надо быть, чтобы допустить в стране такое правительство, как Адольфа Алоизьевича Шикльгруберова?

И каким же надо быть поганцем, чтобы воевать за такое правительство, пытаться навязать его всему миру, осуществлять его бредовые решения?

Мифы советских «демократов»

В раже разрушения традиционных советских мифов многие додумываются до совершенно фантастических утверждений. Вплоть до того, что нашествие Гитлера было «крестовым походом против коммунизма»^[72]. Неоязычник Гитлер в роли современного Симона де Монфора? «Черные СС», практиковавшие языческие культы, в роли крестоносцев Ричарда Львиное Сердце? Сильно сказано!

Демонтаж сталинского мифа после Сталина

После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС многие детали мифа были пересмотрены. Во время «перестройки» изменилось еще больше.

Стали еще откровеннее писать о потерях, в том числе о потерях мирного населения. Например, стали писать о голоде в СССР времен войны. Раньше тема была абсолютно запретной.

Стали писать о заградительных отрядах — тоже абсолютно запретная тема.

Стали писать о том, что не «фашисты» убили польских офицеров в Катыни, а НКВД^[73].

Но оставались неизменными главные тезисы:

- 1) О вероломном нападении без объявления войны
- 2) Участие СССР во Второй мировой войне начиналось с 1941 года
- 3) О военно-технической слабости СССР
- 4) О военно-техническом преимуществе вермахта
- 5) О моральной правоте СССР в этой войне.

Какие бы части мифа и как ни изменялись, на месте оставалось главное: «они» планировали войну, мы не хотели войны. Все «наши» действия до 1941 года объясняются вынужденной самообороной. Тут основные положения самого Сталина^[74] почти не отличаются от мнений, высказанных в самое последнее время. Равным образом в обобщающих концептуальных работах^[75], равным образом в посвященных частностях^[76].

Мы воевали с Финляндией, захватывали Прибалтику, Буковину и часть Речи Посполитой потому, что обстановка нас к этому вынуждала.

22 июня 1941 года «они» без предупреждения напали на «нас». Они были очень сильные, «мы» были слабее «них». Ценой колоссальных потерь «мы» сумели остановить вражеское наступление. Ценой подвига тыла «мы» сумели создать нужное количество вооружений и разгромить ненавистного врага.

Какие бы преступления ни совершались советской стороной и какие бы безобразия ни творились, но «мы» были правы, а «они» были не правы. «Мы» добились Великой Победы, и наша слава будет сиять в веках....

И тут пришел Виктор Суворов.

Часть концепции Суворова бесспорна просто потому, что подтверждается документами. Это только в СССР «ничего не знали» про секретные пункты Пакта Молотова-Риббентропа и про подготовку наступательной войны в СССР. На Западе и документы печатались, и вспоминать не запрещалось. И мемуары Черчилля печатались не для верхушки чиновников.

Открытия архивов не будет

Надо четко и навсегда понять: нет смысла ждать какого-то «открытия архивов». Никакого «открытия архивов» не будет. Никогда. Сам факт того, что архивы закрыты, свидетельствует: в этих архивах лежат документы, опровергающие официальную точку зрения. Иначе зачем их скрывать?

В 1940 году Рудольф Гесс перелетел в Англию в миссии, о которой мы почти ничего не знаем. Британцы объявили Гесса преступником, а в 1987 году убили 93-летнего Гесса. Неужели они позволят узнать, для чего он прилетел и какие переговоры с ним велись?

Черчилль приложил колоссальные усилия, чтобы убить Муссолини и похитить восторженные письма, которые он ему писал. Неужели британцы откроют архивы? Если и откроют, то сначала уничтожат все, что их не устраивает.

Точно так же и в СССР наворотили сказку на сказку и миф на миф...

Неужто теперь позволят с фактами в руках опровергать эти сказки и мифы?

Нам же следует четко и навсегда уразуметь: не будет никакого «открытия архивов». Не для того создавались и пропагандировались всеми силами сталинские мифы, наворачивали сказку на сказку и миф на миф, чтобы теперь позволить их взять и разрушить.

Но одновременно и тоже очень четко следует проговорить: у нас вполне достаточно знаний, чтобы восстановить картину происшедшего. Это и делает Суворов. Его концепция проста и стройна:

1) Сталин приготовил громадную, прекрасно вооруженную армию, сильнее любой из армий Европы.

О мотивах Сталина часто можно только догадываться, но факт остается фактом: громадная армия — была! Это делает понятным характер вооружений и подготовки Красной Армии, даже ее официальную идеологию: «воевать малой кровью и на чужой

территории»^[77].

2) Сталин планировал вырастить «ледокол революции», который начнет большую европейскую войну, разнесет как можно больше, учинит максимальную смуту. А громадная армия вторжения, Красная Армия придет последней на эти развалины Европы^[78].

3) Удар по Европе должен был начаться в июле 1941. Отсюда и «странности»: разминированные мосты в приграничной зоне, отпуска офицерского состава накануне нападения Гитлера, карты зарубежья при отсутствии карт своей территории. Понятно, почему не придавалось значения всем показаниям и перебежчиков, и собственной разведки. Сталин считал, что подготовка к войне Гитлера уже не имеет значения: он все равно успеет первым. Гитлер совершил самоубийство^[79].

4) Но Сталин просчитался: Гитлер его опередил! И как опередил: громадная Красная Армия оказалась не эффективной в обороне и покатила назад. Она «готовилась к совершенно другой войне»^[80].

Эта часть концепции Суворова вряд ли может быть опровергнута. Она не подтверждена документами? Но ТАКИХ документов никто никогда не оставляет. Если документы и были — они давным-давно уничтожены.

Но Суворов собирает массу прямых и косвенных свидетельств, данных, сведений, показаний. Разные сведения, полученные разными способами, ложатся в стройную, как собранные пазлы, картину.

Причем вся официальная наука до сих пор никакой концепции Великой Отечественной войны создать оказалась не в состоянии. Шеститомник 1960-х сводится к формуле: «Войну выиграл Хрущев». 12-том-ник 1970-х — к формуле «Войну выиграл Брежнев». А концепции нет. Содержание и даже структура официальных многотомников затруднены усложнены...

А одновременно «истории, которые нам рассказывали — это баллады для толпы, для широких народных масс, для непосвященных». А параллельно с ней «за броневой дверью, за стальными решетками, за несокрушимыми стенами, за широкими спинами вооруженных автоматами часовых, за звериным оскалом караульных собак, за бдительным взглядом «Особого отдела», защищенная допусками, печатями, учетными тетрадами, инструкциями по секретному делопроизводству хранится совсем другая история той же войны»^[81].

Суворов прав: разрушить его концепцию крайне просто. Надо только создать стройную официальную концепцию, которая не оставляла бы недоуменных вопросов. Дать на все острые вопросы другие ответы, чем Суворов — но ответы такие же или еще более убедительные. Пока что получается кисло: его концепция вызывает чисто эмоциональную реакцию, почти детские «обзывалки», но вот серьезной аргументации как-то не слышно. Наверное, оппонентам Суворова кажется сильным ходом обозвать несогласных «резуноидами» или «предателями». Но только официальная версия Второй мировой от этого не появляется. И правда: где же официальная версия?^[82] На мой взгляд, Виктор Суворов не просто вскрыл некую неприглядную правду. На мой, быть может, слишком циничный взгляд, все стороны были одинаково «хороши». Сталин часто оказывался хитрее и дальновиднее других, но в моральном отношении и Гитлер, и деятели «демократии», в том числе У. Черчилль, его совершенно не лучше^[83].

Обманутые советские люди

Впрочем, тут может быть различие взглядов людей двух цивилизаций. Глубоко советский

человек, Виктор Резун-Суворов искренне разочаровался. В духе: «представьте, живете вы с прекрасной женщиной год, два, десять.....И вдруг узнаете, что у вашей любимой, обожаемой женщины темное грязное прошлое. Настолько темное, что попытка проникнуть в него грозит смертью. Вам попросту отрежут голову, если только рыпнетесь что-то выяснять»^[84].

Я не понял только, имеется ли в виду под «прекрасной женщиной» Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Советская армия или, святая сила с нами, революция.

Не будучи советским человеком, автор этих строк и не испытал такого разочарования.

Но самое главное — не в каких-то зловонных тайнах тут дело. В. Суворов, независимо от своего желания, совершил деконструкцию двух мифов, очень значимых для национального самоопределения и немцев, и народов СССР, особенно русских.

Немцам Суворов сказал, что это не они начали войну. Войну подготовил Сталин, а Гитлер был только «ледоколом революции», который Сталин пытался использовать.

Советским людям он сказал, что у СССР не было технического отставания. Наоборот! У них было как раз техническое превосходство!

Тема этого превосходства, количества и качества советских вооружений для Суворова настолько важна, что трудно даже сослаться на какое-то определенное место.

В целом эта сторона его исследования довольно убедительна, хотя не обходится без создания новых мифов. Авторских мифов Суворова. Суворов невероятно много пишет про вооружения, технику, военные приказы, горючку, рода войск, время извлечения приказов из конверта, разминированные мосты и так далее.

Но он совершенно не пишет об общественной психологии тех, кто выполнял приказы и приводил в действие вооружения.

И объяснения побед и поражений у него тоже сводятся к материально-техническим моментам.

Куда девалось громадное количество вооружений, изготовленных в СССР после начала войны? Суворов-Резун отвечает, ничтоже сумняшеся: всю подготовленную технику и вооружения нацисты уничтожили в первые дни, чуть ли не первые часы войны.

Было это все, было! Готовился Сталин к захвату Европы! Но уже загнанный в угол «ледокол революции», Гитлер в последний момент нанес упреждающий удар и уничтожил, разбомбил и пожег фантастическое количество оружия, снаряжения и техники.

Выглядит не особо убедительно. Даже непривычно после всегда убеждающих умозаключений Резуна.

Продолжение деструкции мифа

Для того, чтобы дать более внятное объяснение, потребовался другой человек: М. Солонин.

Марк Солонин заговорил о «человеческом факторе». О той элементарной истине, что всякая военная техника приводится в действие людьми. Что мало проку даже от огромного количества самых хороших самолетов, если летчики на них — с низкой квалификацией. Стоит сравнить часы налета у нацистских и советских летчиков, и различия в их квалификации становятся предельно ясны^[85].

Всякое оружие, как и абсолютно любая техника, требует квалификации для применения.

Чем сложнее техника — тем и квалификация выше. Проще всего — бежать в атаку с дегенеративным воплем «Уря-я-я-я!!!!!!!» и палить от бедра в белый свет как в копеечку из любимого сталинского пистолета-пулемета, символа современных вооружений. Уже винтовка требует более серьезного обращения и осмысленного применения. Еще сложнее приводить в движение танк, пулеметный ствол, артиллерийское орудие.

Солонин показывает на множестве примеров, что солдаты и офицеры Красной Армии попросту не обладали нужной квалификацией. По существу, они губили доверенную им технику или в лучшем случае использовали ее на незначительную часть возможного^[86].

Очень интересная тема: при всем своем декларативном «демократизме» советская система ни в какие времена не была способна работать на человека и использовать его потенциал. Сталин и его сарычи, прозванные «соколами», искренне полагали, что колоссальные армии и громадное количество оружия и техники само по себе сделают их непобедимыми. И, как обычно, проиграли — именно потому, что не учитывали «человеческого фактора».

Пока не будем развивать эту тему, вернемся к Солонину.

Марк Солонин нимало не отрицал всего сказанного Суворовым... Он на Суворова опирался. В этом смысле Солонин, конечно, не ученик Суворова, но его последователь. «Если я вижу далеко, то это потому, что я стою на плечах гигантов», — сказал в свое время Чарльз Дарвин. С плеч Суворова его последователь сумел увидеть дальше того, кто первым вошел в эту дверь.

Он просто делает следующий шаг.

Марк Солонин показал, что нацисты не уничтожили накопленное для захвата Европы. И не истребили Красную Армию. Все проще: в 1941 году Красная Армия попросту разбежалась. Приграничные части состояли из жителей западных областей СССР, «присоединенных» к СССР в 1939 году. При первых же ударах они побежали... А потом разбрелись по дома. В 1944-1945 годах в Красной Армии насчитывалось 3 млн. «повторно призванных»: тех, кого вновь пошедшая на запад Красная Армия призвала второй раз^[87].

Вот теперь, после Солонина, все становится окончательно ясно!

Миф оказывается окончательно демонтированным.

Как «воюют» с Суворовым

Порой власти совершают просто анекдотические шаги. Вот сейчас у меня в руках книга без выходных данных. Нет сведений, кто ее издал, каким тиражом и какая типография ее печатала. Но эта книга на прекрасной бумаге и с очень хорошими фотографиями издана Комитетом по внешним связям Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским советом мира и согласия. Называется она «Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции». СПб., 2010. Это материалы одноименной конференции, состоявшейся в правительственном Смольном 25 ноября 2009 года. Опубликовано 14 докладов — и все статусных людей, в основном с учеными степенями.

Какая-то новая информация — в 2–3 статьях, не более. Все остальные посвящены «критике» идей Суворова и в меньшей степени — Солонина. Уровень полемики таков: «В своей книге Резун безосновательно пытается внедрить свои идеи о том, что война велась между двумя тоталитарными режимами, и СССР будто бы первым готовился напасть на Германию, но Гитлер просто опередил Сталина»^[88].

В этой же статье досталось и Подрабинеку, который «посмел» назвать свою шашлычную «Антисоветская»... Видимо, автор борется за советский строй? Она — соратник И.В. Сталина? Продлись мутные дни ГКЧП и «раннего ельцинизма», такой вопрос был бы ударом в солнечное сплетение.

Досталось и протоиерею Г. Митрофанову, который в своей книге осмелился «провозгласить главным героем предателя Власова», «а не настоящих героев-воинов, победивших фашизм и спасших Россию и всех нынешних русофобов в том числе, ценой своей жизни»^[89].

Анализировать не хочется, да и ни к чему. Главное — книга-то без адреса. До массового читателя она не дойдет, да и явно не для него выпущена. Власть зачаровывает, как сирена, сама себя, повторением древних стереотипов. Какой-то историко-литературный онанизм.

Контрреволюционный кот Михаил, или Мифы о самом Суворове

Мифология личности Виктора Резуна — сама по себе тема увлекательная. Причем те, кто относится к Виктору Суворову нормально, мифов не сочиняют. Как-то мы исходим из того, что это человек как человек и сделал совсем не плохо дело, заслужил свое место и в истории, и на книжной полке.

А вот злобствующие «антирезунисты» и «суворовофобы» накатали уже целые библиотеки. Интересно было бы подсчитать, о ком пишут больше — о Перуне, князе Рюрике или о Резуне?

В одной из своих статей Виктор Суворов выражает даже некоторое сожаление: всех его родных и близких обмазали дерьмом с головы до ног, а вот кота Михаила почему-то не тронули. Даже как-то обидно за котика.

На самом деле о близких и родных Суворова тоже еще не все сказано. Например, я нигде пока не встречал сообщений о том, что Татьяна Резун летала на помеле и приохотила свою дочку к участию в «черных мессах». Или о некрофильско-зоофильских наклонностях сына или отца Виктора Резуна. Наверное, это вопрос или времени, или богатства фантазии его «критиков».

Но кота и правда жаль: о нем почти не сообщается никаких гадостей. Я готов восполнить этот пробел: надо же разоблачить контрреволюционного котяру! А то ходят тут всякие хвостатые, а потом из сейфов сверхсекретные документы пропадают.

Так вот, этот кот — явный кошачий педераст, алкоголик и аморальный тип. Он тоже сбежал в Британию, потому что английские агенты налили ему полное блюдо валерьянки. Он так до сих пор без перерыва лакает валерьянку, трахает окрестных котов и порой приносит в зубах секретные документы из разведок разных стран мира. Втирается в доверие, садится возле штаб-квартиры, мокрый и голодный, делает вид, что он свой.... Его жалеют, начинают прикармливать и

постепенно запускают внутрь. А подлый котище улучает момент, когда все шпионы мирно дремлют, а сейф открыт настежь... Он прыг! Хватает самый секретный документ — и бежать. А все за валерьянку и анусы окрестных котов старается, сволочь!

Узнав о преступлениях кота Михаила, его дед, простой деревенский кот Василий, упал в обморок, а потом заливался слезами и жалостно выл, проклиная гадкого Михаила. Сам залез в мешок, сунул туда камень, завязал мешок и утопился.

Я охотно дополню все бредни о Суворове взволнованным рассказом про его

контрреволюционного кота-предателя. Развлекаться можно бесконечно.

...Потому что любые истории про Суворова вообще совершенно не важны.

Не имеет значения, хороший он человек или плохой, предатель он или «честный» военный разведчик, в данный момент выполняющий задание ГРУ. Не имеет значения, врал он про «Аквариум» или рассказывал святую правду. Все это не важно в той же степени, что и происки кота Михаила — агента британской разведки.

Потому что самое главное Суворов уже сделал. Человек моноидеи, он уже сдвинул сознание миллионов людей. Мое в частности. Ученики пойдут... уже пошли дальше учителя; они будут давать объяснения страшной военной эпохе, ссылаясь на «Ледокол».

Впереди еще момент, когда Суворову настанет пора поставить памятник или уж хотя бы повесить мемориальную доску. Мы не обязаны быть зверски серьезными в любой момент времени... Лично я бы изобразил Суворова с котом Михаилом под мышкой.

Почему это опасно?

На первый взгляд, довольно забавны потуги бороться с «ревизионизмом», то есть с переосмыслением хода и содержания Второй мировой войны путем шельмования «ревизионистов» или «противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Смешно и глупо — не более.

В действительности такие попытки не только отвратительны с точки зрения морали и нравов цивилизованного общества, но и очень опасны.

Во-первых, никакие исторические вопросы тем самым не снимаются, проблемы не разрешаются, знание не появляются. «Знание» и «изучение» истории сводятся к произнесению ритуализированных формул, выполняющих принципиально такую же роль, как молитвенные формулы-заклинания язычника.

А все, что породило истеричную реакцию властей, осталось на месте неразрешимым проблемным комком.

Во-вторых, даже «запреты на профессии» — намного меньший откат к правовым и культурным нормам Средневековья, чем «запреты на мнения». Они идут вразрез с тем уровнем интеллектуальной и гражданской свободы, которые уже достигнуты во всем мире и составляют часть цивилизованной жизни. Это и право и на получение любой, в том числе нелицеприятной, информации, и на высказывание своего отношения к событиям, и на то, чтобы находиться в меньшинстве, не подвергаясь шельмованию или репрессиям.

В-третьих, сознание россиянина шизофренически раскалывается: в точности как в недоброе советское время. Тогда надо было верить, что за нерушимый блок коммунистов и беспартийных проголосовали 99, 98 % избирателей. Теперь надо верить, что Красная Армия летом 1941 года шла в бой с плохими старыми ружьями и потому проиграла. При коммунистах нельзя было знать, что Красную Армию создал Троцкий, и не надо было думать о роли ЧК. Теперь нельзя знать о массовом коллаборационизме и не стоит задумываться, как попали в плен к нацистам несколько миллионов солдат и офицеров Красной Армии. Такое же расщепление сознания.

В-четвертых, россиян заставляют отождествлять себя с солдатами Красной Армии 1941–1945 годов. Мир изменяется — а население страны должно жить по мифу времен если не Сталина, то Брежнева. Опять раскол сознания, человек застревает между эпох.

В-пятых, из россиян выращивают носителей агрессивной групповой идеи — что-то вроде членов тоталитарной секты. Опять же раскол — только теперь между Россией и остальным

миром.

Впрочем, выращивать свои локальные модели исторических событий стараются и другие государства. Если вырастят — получится крайне плохо. Уже потому, что различия в понимании исторических событий разведет людей так далеко, что договариваться им станет непросто. И останется только воевать.

Какую историю Второй мировой нам предстоит написать?

Сам Суворов высоко оценил работы Марка Солонина. Как часть той истории ВОВ, которую нам еще предстоит написать. Какой же должна быть эта история?

Несомненно, Вторая мировая война была войной могучих государств. В ней приняло участие 61 государство, из которых 37 приняли непосредственное участие в боевых действиях. На территории этих стран проживало свыше 80 % населения земного шара. Военные действия охватили территории 40 государств.

История ВОВ — это история целей каждого из этих государств и их блоков. Это история их действий — экономических, дипломатических и военных.

Для всех государств-участников цели этой войны больше походили на задачи гражданской войны, чем на задачи национальной.

Во Второй мировой войне участвовали государства с разным политическим строем. Каждое из них стремилось навязать свой политический строй побежденным.

Национальные войны не велись за изменение политического строя. Первая мировая война 1914–1918 годов велась за престиж и богатства своих народов. Немцы и австрийцы хотели стать главными в Европе, а тем самым и в мире. Они хотели отбить у англичан и французов как можно больше колоний, чтобы самим грабить Африку и Южную Азию. Англичане и французы воевали за то, чтобы остаться главными в Европе, а тем самым и в мире. Они сами хотели продолжать основывать рудники и плантации в Индонезии и в Африке.

Во время Второй мировой войны и СССР и Третий Рейх не были национальными государствами. Это были идеологические империи, объединявшие людей разных народов и разных цветов кожи. Эта война велась не только и не столько за международный статус и богатство, сколько за право нести и навязывать свою идеологию всему человечеству.

Ни одно государство, участвовавшее во Второй мировой войне, не сохранило прежний политический строй.

После Второй мировой войны изменились не только международная политическая система, границы и сферы зон влияния. Изменилась политическая карта внутри всех государств-участников. Говорить об этом до сих пор считается очень неприличным, но это так.

Война народов

Воевали государства. Но в ходе Второй мировой войны АБСОЛЮТНО ВСЕ народы Европы вели и гражданские войны. Это были войны между гражданами одной страны, с разными политическими убеждениями и разными представлениями о желательном будущем. Во многих странах (Франция, Польша, Советский Союз, Венгрия, Болгария, Испания, Австрия) гражданская война была не менее жестокой, чем война национальная

Во время национальных войн на полях сражений встречаются подданные разных государств, давшие присягу своей национальной армии. Германская империя воевала в 1914–1918 гг. с Французской вовсе не из идейных соображений. Государства утверждали свою власть, доказывали, какое из них сильнее. Верноподданный гражданин честно помогал своему государству.

Во время национальных войн перебежчиков и предателей всегда единицы. Они предают или из страха смерти, или из самых подлых, шкурных побуждений, прельстившись на деньги. Все армии используют предателей, но их никто никогда не уважает. А если «свои» ловят предателя, его жизненный путь быстро заканчивается на виселице.

Во время Второй мировой войны не было народа, представители которого не воевали бы друг с другом в составе разных армий. Даже маленькие народы ирландцев, сербов, чеченцев, крымских татар и болгар воевали друг с другом, надевая форму вермахта или Красной Армии. Эти люди расходились по разным враждующим армиям не потому, что им платили деньги, а потому, что таковы были их убеждения.

Если в стране были свои вооруженные силы, то разные армии одного народа воевали на разных сторонах фронта. И тоже совсем не потому, что прельщались на денежки.

Друг с другом такие армии одного народа воевали еще более яростно, чем с вермахтом и Красной Армией. В Польше Армия Крайова и Армия Людова вели кровопролитные сражения. Во Франции коммунисты, сторонники де Голля и сторонники согласия с Гитлером воевали с применением танков и артиллерии. Такие же бои вели коммунисты и фашисты, коммунисты и национальные армии в Греции, Италии, Венгрии, Украине, Индии, Китае, странах Юго-Восточной Азии.

Каждая победившая сила объявляла «предателями» своих врагов. Но речь идет явно не о «предателях» национальным интересам. А о разном понимании этих национальных интересов. Армия Крайова не предавала Армию Людову. Французские коммунисты не предавали голлистов.

Масштаб явления

Изменять политический строй в разных странах Европы начали не в 1941 и не в 1939 году. Это начали делать разные политические силы во время Первой мировой войны, в 1916–1918 годах. Толчком для этого стала Первая мировая война. С 1914 года мир вступил в полосу сплошных войн за передел мира и революций за изменение политического строя. Мир вынырнул из этой полосы только после 1945 года. А за 21 год между 1914 и 1945 годами мир неузнаваемо изменился.

Как герой сказки, ныряющий в кипящее молоко или в кровь, мир вынырнул из этой кровавой «полосы» совершенно другим! Нет ни одной страны, в которой за эти 21 год не изменился бы политический строй. Он изменялся в разной степени, но ни одна страна и ни один народ мира не остались такими же, какими были до 1914 г.

Вторая мировая война доделала то, что не доделали после Первой мировой. После нее возник мир сравнительно стабильный и спокойный. Мировая послевоенная система просуществовала с 1945 по 1989 год — вдвое больше, чем длилась вся кровавая полоса.

На фоне этого двадцатилетия Вторая мировая война — только завершающая фаза Мировой гражданской войны.

Мировая гражданская война

Историки иногда спорят: прогремели на свете две Мировые войны, 1914–1918 и 1939–1945 годов? Или это была только одна Мировая война, но с большим, сравнительно мирным, перерывом между активными фазами?

Но можно спросить и иначе... Можно спросить и о числе Гражданских войн. С 1917, даже с 1916 года.

Было их много в разных странах, с разными датами, или все это одна, растянувшаяся во времени, грандиозная Мировая Гражданская война 1914–1945 годов? В этой Мировой Гражданской войне Гражданская война в России 1917–1922 года — только один из эпизодов. Вторая мировая война — тоже один из эпизодов.

На мой взгляд, вопрос только в одном: считать ли Мировой Гражданской войной весь период 1914–1945 годов или только 1939–1945?

Александр Пронин^[90]

Советско-германский договор о ненападении

Отрывок из книги «Советско-Германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия»

Договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы.

В.М. Молотов^[91]

Ни одно из предвоенных дипломатических событий не вызывает такого интереса, как советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г.

О нем много написано отечественными и зарубежными историками. Нет ни одного произведения по новейшей истории, истории Великой Отечественной и Второй мировой войн, в котором бы в большей или меньшей степени не освещался этот договор. В той или иной мере о нем говорится в книгах и статьях, посвященных причинам Второй мировой войны, подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Проблемы договора затрагиваются в ряде воспоминаний советских дипломатов и общественных деятелей.

Советско-германские соглашения 1939 г. имели дополнительные секретные протоколы, копии которых стали достоянием гласности в конце 1980-х гг. Ныне они хорошо известны историкам, юристам, специалистам в области международных отношений. Комиссия Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., созданная по предложению депутата из Эстонии Э. Липмаа, своим заключительным отчетом сняла значительную часть закономерно возникших в эпоху гласности в советском обществе вопросов^[92], и Съезд постановлением от 24 декабря 1989 г. утвердил ее выводы^[93]. Однако несколькими годами позднее выяснится, что, ставя свою подпись под указанным постановлением, где констатировалось, что подлинники протокола от 23 августа 1939 г. «не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах», М.С. Горбачев лукавил: после окончания войны в Европе Москва оказалась единственным хранителем подлинников секретных советско-германских соглашений 1939–1941 гг. (они находились в «Особой папке» ЦК КПСС), и об этом было известно всем советским лидерам от Сталина до Горбачева. Таким образом, вопрос правовой оценки соглашений вновь оказался открытым.

С выходом в свет в начале 1990-х гг. книг русского писателя-эмигранта Виктора Суворова ««Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну» и «День «М»: Когда началась Вторая мировая война» дискуссия вспыхнула с еще большей силой. Изложенная в книгах версия о подготовке к войне породила все новые и новые вопросы.

В названных книгах Суворов излагает события так, что оставляет у читателя впечатление, будто — вопреки устоявшемуся мнению — идея заключения советско-германского договора принадлежала советскому руководству, одержимому идеей мировой революции. По словам В. Суворова, Сталин сделал очень много для того, чтобы во главе Германии оказался безумный и фанатичный лидер, способный начать войну, необходимую, чтобы ослабить Европу, а значит, согласно воззрениям большевистских лидеров, подготовить в ней почву для победы социалистической революции. Таким образом, по версии В. Суворова, известный своими агрессивными намерениями Гитлер, которого якобы советские лидеры еще до прихода его к

власти нарекли тайным титулом «Ледокол революции», расчищал путь мировому коммунизму, своими действиями давая Сталину право в любой момент объявить себя освободителем Европы. Вершина усилий в этом направлении — пакт Молотова — Риббентропа. «Этим пактом Сталин гарантировал Гитлеру свободу действий в Европе и, по существу, открыл шлюзы Второй мировой войны»^[94]. «Пакт Молотова — Риббентропа был придуман Сталиным ради того, чтобы руками Гитлера начать Вторую мировую войну, разгромить и ослабить Европу, в том числе и Германию»^[95], а потом ввести в эти страны Красную Армию как главного субъекта мировой революции.

Имея в виду тяжесть предъявленного В. Суворовым обвинения советскому руководству, чрезвычайно необходимым представляется ответить на вопрос, который ставит немецкий автор доктор Ингеборг Фляйшхауэр на первых же страницах книги «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939» (М.: Прогресс, 1990. 480 с.), вызвавшей одобрение многих российских историков ввиду своей богатой документальной базы и солидного научного аппарата (в отсутствии которого так часто упрекают труды В. Суворова): от кого исходила инициатива германо-советского сближения, вершиной которого и стал советско-германский договор о ненападении.

Поскольку в концепции В. Суворова вопрос этот увязан с суммой проблем, логика исследования требует рассмотреть каждую из них в отдельности.

Тезис первый — и он является центральным в концепции В. Суворова — одержимость советского руководства идеей мировой революции.

Согласно категоричной позиции И. Фляйшхауэр, чья книга, призванная, по всей видимости, научно подкрепить советскую официальную точку зрения и позицию советских историков, была издана в СССР тиражом 50 000 экземпляров и, по словам автора предисловия д-ра исторических наук В.М. Фалина, являла собою «эталонное произведение, обобщающее достигнутый на данный момент уровень знаний»^[96] (именно поэтому далее я буду сталкивать позиции В. Суворова и И. Фляйшхауэр, имея в виду в лице последней всю советскую и дружественную ей историографию), подобные утверждения всегда будут оставаться лишь предметом романтических спекуляций, потому что советское правительство отказалось-де от экспансионистских устремлений на мировую революцию еще в 1925 г.^[97] При этом имеется в виду XIV съезд ВКП (б), состоявшийся 18–31 декабря 1925 г. и подтвердивший решение XIV партконференции (27–29 апреля 1925 г.) о возможности победы социализма в одной стране. До этого, как известно, большевики считали, что, как вспоминал В. И. Ленин в третью годовщину Октября 1917 г., «наша победа будет прочной только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»^[98]. К этой же теме Ленин вернулся на III Конгрессе Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 г.): «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна»^[99].

Все известные высказывания В.И. Ленина накануне Октябрьского переворота, в его ходе и в первое после него время, все поведение вождя свидетельствуют, что он рассматривал российскую революцию только как отправную точку, пролог революции мировой.

Таким образом, представления Ленина о социалистической революции (независимо от того, начнется ли она в одной или нескольких странах) как всемирном, интернациональном процессе не отличались от соответствующих представлений Маркса и Энгельса. Однако история оказалась сложнее теоретических представлений: прорыв фронта капитала не

удалось расширить. То, что произошло, — задержка мировой революции^[100], «одиначество» победившего в России пролетариата, необходимость так или иначе приспособляться к жизни в условиях враждебного окружения, — породило тактику сохранения «оазиса Советской власти»^[101] в бушующем империалистическом море, обретшую контуры идеи мирного сосуществования^[102].

«Миротворчество» Ленина было вынужденным. Если бы человечество не оказало сопротивления революционному экстремизму после Октября 1917 г., то планета могла бы стать «советской федерацией», о чем не раз заявляли сами большевики. То, что ленинская концепция мирного сосуществования обосновывалась прежде всего необходимостью создать минимальные внешние условия для сохранения единственной социалистической республики в кольце враждебного окружения, не отрицалось позднее советским руководством^[103].

Как видим, утверждения, что ленинское правительство уже с первых дней существования советской власти, с момента принятия вторым Всероссийским съездом Советов в ночь с 8 на 9 ноября 1917 г. Декрета о мире, руководствовалось принципом мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем^[104], не соответствуют действительной истории предмета. Декрет о «мире» имел совсем другие и отнюдь не мирные цели, исходя из перспективы международной социалистической революции. Расчет был на превращение войны империалистической в войну гражданскую, которая и доведет дело революции в Европе до победного конца.

Также ни в коей мере не свидетельствует о миролюбии ленинского правительства, а наоборот, говорит об агрессивности вынашиваемых им планов подписание 3 марта 1918 г. Брестского договора. Брест-Литовский мирный договор был подписан Советской Россией в условиях чрезвычайно тяжелого для только что родившейся Советской власти положения и не менее тяжелого положения российских войск, истощенных сражениями на фронтах Первой мировой^[105]. Как отмечал В.И. Ленин, «армия воевать не может», поэтому необходима «не фраза о вооруженном восстании против немцев сию минуту, а систематическая, серьезная, неуклонная работа по подготовке революционной войны, создание дисциплины, армии, упорядочение железных дорог и продовольствие»^[106].

Для революционной войны нужна была армия, ее не было. Значит, надо было принимать условия^[107]. Условия мира, заключение которого инициировали сами большевики для того, чтобы начать формирование новой, революционной Красной Армии, а затем военной мощью окрепнувшего Советского государства, успешным наступлением не оставить от этого договора — «красивой бумажки» — «и следа»^[108].

Нет сомнений, что подобная уверенность большевиков в недолговременности «похабного» мира основывалась, прежде всего, на том факте, что к моменту подписания Брест-Литовского мирного договора начало организации революционной Рабоче-крестьянской Красной Армии уже было положено: соответствующий декрет был подписан В.И. Лениным 15 (28) января 1918 г. Целью армии была поставлена «поддержка будущей социальной революции в Европе»^[109]. Отметим, что в само основание армии (в 1946 г. переименованной в Советскую) закладывались классовые принципы^[110]: считалось, что с Рабоче-крестьянской Красной Армией не будут воевать рабочие и крестьяне других стран, а в случае войны перейдут на ее сторону и повернут штыки против своих помещиков и капиталистов. Красная Армия готовилась для «социалистической войны» всемирного

пролетариата против мировой буржуазии. Поэтому, как только в ноябре 1918 г. в Германии (в результате немалых усилий большевиков)^[111] произошла революция, Красная Армия, не дожидаясь ухода германских войск с территорий, занятых ими на основании Брест-Литовского мирного договора, перешла в планомерное наступление, стремясь насадить Советскую власть на ранее уступленных Германии территориях^[112]. 8 декабря 1918 г. Декретом СНК РСФСР была признана независимость Эстляндской Советской Республики^[113], 22 декабря СНК признал независимость Советской Республики Латвии^[114] и Литовской Советской Республики^[115]. 24 декабря 1918 г. постановлением ВЦИК эти декреты были утверждены^[116]. Признавая высшей властью в названных республиках только власть Советов, все вышеперечисленные акты советского правительства содержали обязательство РСФСР оказывать советским правительствам Прибалтийских республик и их войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение от «ига буржуазии» в борьбе против «строга эксплуатации и угнетения».

Рассматривая итоги социалистической революции и Гражданской войны в России, В.И. Ленин 21 ноября 1920 г. еще раз подчеркнул, что «наша революция победит тогда, когда ее поддержат рабочие всех стран»^[117]. Для достижения этой цели — осуществления «всего социалистического переворота, взятого с международной точки зрения, т. е. точки зрения победы над капитализмом вообще»^[118], Ленин призвал решить две «неразрывно связанные»^[119] между собой задачи: «...во-первых, победить эксплуататоров и отстоять власть эксплуатируемых — задача свержения эксплуататоров революционными силами; во-вторых, задача созидательная — построить новые (социалистические. — А. П.) экономические отношения, показать пример того, как это делается»^[120], «показать на деле... всем остальным странам, что коммунистический строй, уклад, может быть создан»^[121]. Успех в хозяйственном строительстве «доведед нашу победу в международном отношении до полного конца»^[122].

Таким образом, эта ленинская установка о строительстве социализма в отдельно взятой стране, воспринятая XIV партконференцией и закреплённая в резолюции XIV съезда ВКП (б), на которую ссылается И. Фляйшхауэр для подтверждения отказа советского руководства от идеи победы революции в мировом масштабе, имела в виду не окончательную победу социализма, а призвана была решить лишь одну из двух ведущих к этой победе задач: показать пролетариям других стран пример успешного социалистического хозяйственного строительства. Это подтверждается и тем, что XIV партсъезд вошел в историю партии как съезд социалистической индустриализации страны, поставивший перед партией в качестве центральной задачи превратить страну из аграрной в индустриальную, развернуть то самое хозяйственное строительство, о котором говорил В.И. Ленин.

Поэтому-то рассматривать резолюцию XIV съезда ВКП (б) в качестве отказа от идеи мировой революции нет никаких оснований. Как пишут венгерские ученые Л. Белادي и Т. Краус, эту перспективу опоры на собственные силы, перспективу построения социализма в одной стране «партия большевиков не выбирала, а вынуждена была принять в силу своей международной изолированности»^[123].

В октябре — ноябре 1926 г. на XV конференции лозунг построения социализма в СССР был возведен в ранг официальной политики партии и больше уже не подвергался сомнению. Однако, как подчеркивает Д.А. Волгогонов, цель Сталина — сделать планету «красной» —

оставалась неизменной^[124]. Верный заветам Ленина, достичь этой цели Сталин рассчитывал методами, вытекающими из задач, провозглашенных Лениным в ноябре 1920 г. (впрочем, они были лишь интерпретацией идей, выдвигавшихся в период Брестского мира и ранее): созданием сильной экономики и сильной армии.

В условиях неэффективности системы «социализма» ради большевизации всего мира коммунистическое руководство шло на все: нещадную эксплуатацию народа, чьими руками создавался огромный военный потенциал; разорение деревни; растранивание национальных богатств, создание многомиллионного ГУЛАГа для использования дармовой рабочей силы.

Диктатор Муссолини заметил как-то в беседе с журналистами: «Сталин морит страну голодом, чтобы создать моторизованную, механизированную, сильную армию»^[125].

В соответствии с секретным постановлением СНК СССР от 23 января 1928 г. осуществлялась продажа за рубеж картин и других произведений искусства^[126] с целью получить деньги на индустриализацию, направленную прежде всего на обеспечение, развитие и наращивание военного потенциала милитаризовавшейся страны...

Ценой нищеты, невероятных жертв, каторжного труда и деформации экономики, ценой разбазаривания национальных богатств и экологического беспредела были созданы гигантские вооруженные силы. Не для защиты Отечества — для мировой экспансии.

В июне 1920 г., при Ленине, во время обсуждения внешней политики Советской России на заседании ВЦИК наркоминдел Г.В. Чичерин заявлял: «Мы не несем ни своего строя, ни своей власти на штыках, и это знают все... Наша политика есть политика мира»^[127]. Говорилось это тогда, когда вооруженная теми самыми штыками Красная Армия шла на штурм Варшавы, бить польских помещиков и капиталистов, ускорять приход мировой революции.

В восточной Польше осенью 1939 г., в Финляндии зимой 1939–1940 гг., в Прибалтике и Бессарабии летом 1940-го — везде Красная Армия имела целью «поддержать революцию (которую сама же и несла) вооруженной рукой». Эти цели Красной (Советской) Армии не претерпели изменений и после окончания Второй мировой войны, в обстановке новых политических реалий. До самого 1991 г., по справедливому утверждению Д.А. Волкогонова, советское руководство не освободилось от коминтерновского мышления^[128] «Танкового» мышления. Поэтому-то Советская Армия как орган государства (СССР), предназначенный для проведения его (СССР) политики средствами вооруженного насилия, фигурировала во всех военных кампаниях, осуществлявшихся советским правительством с целью насильственной большевизации всего мира.

Приказ № 1 от 4 ноября 1956 г. главнокомандующего Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора Маршала Советского Союза И.С. Конева о вводе советских войск в Венгрию, в Будапешт, провозгласил в качестве задачи «оказать братскую помощь венгерскому народу в защите его социалистических завоеваний, в разгроме контрреволюции» и предотвратить реставрацию в стране «старых помещичье-капиталистических порядков»^[129]. По заключению генерал-лейтенанта в отставке Е.И. Малашенко, ввод советских войск в Будапешт в ноябре 1956 г. явился «прямым вмешательством Советского Союза во внутренние дела суверенного государства» и противоречил нормам международного права^[130].

«Мы идем к нашим братьям помочь им в защите социализма»^[131], — так охарактеризовал

министр обороны СССР Маршал Советского Союза А.А. Гречко решение о вводе войск пяти союзных стран-участниц Варшавского договора на территорию Чехословакии в августе 1968 г. Советским войскам разъяснялось, что ввод союзных войск на территорию ЧССР вызван «необходимостью защитить братский чехословацкий народ от происков внутренней и внешней контрреволюции»^[132].

Ввод советских воинских частей на территорию Афганистана, решение о котором было принято советским руководством в нарушение положений Конституции СССР^[133], также был предназначен для поддержки завоеваний революции. На этот раз — оказавшихся в опасности в результате «все нарастающих вооруженных вторжений и провокаций внешних врагов афганского народа» завоеваний афганской революции апреля 1978 г.^[134] Итак, цель советского руководства — сделать планету «красной» — оставалась неизменной. Идея о создании мировой советской федерации неотступно преследовала советских лидеров. В 1947–1948 гг. Сталин предложил создать Балканскую федерацию, объединяющую Югославию, Румынию, Болгарию и Албанию (эти страны были провозглашены государствами народной демократии в результате освободительной миссии Красной Армии в годы Великой Отечественной войны). Такая федерация, по его замыслу, должна была стать противовесом политике капиталистических держав в отношении Балкан, подобно тому как Советский Союз был создан в качестве «единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения» (Декларация об образовании СССР). Компартия Югославии, придавая существенное значение вопросу сохранения национального суверенитета каждой страны в Балканской федерации, выступила против этой идеи. Последствия спора Тито и Сталина оказались трагическими. Сталин не остановился перед разрывом договора о дружбе, отзыванием послов, прекращением экономических связей. Кульминацией конфликта явилось принятие 30 июня 1948 г. Информационным бюро коммунистических и рабочих партий, наследником Коминтерна, резолюции «О положении в Коммунистической партии Югославии», где говорилось, что политика югославского руководства ведет к перерождению Югославии в обычную буржуазную республику, превращению ее в колонию империалистических стран. Информбюро обвиняло КПЮ в том, что она «ведет враждебную политику в отношении Советского Союза и ВКП (б)»^[135].

Те же из республик, которые удалось присоединить к СССР, кремлевское руководство удерживало крепко. По свидетельству члена правительства Народного фронта Азербайджанской республики Эхтибара Мамедова, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Евгений Примаков на встрече с руководством Азербайджана, состоявшейся 18 января 1990 г., прокомментировал ввод советских войск в Баку следующим образом: «Войска нужны, чтобы предотвратить отделение Азербайджана от Советского Союза. Мы не допустим этого отделения любой ценой»^[136]. По заключению Комиссии Верховного Совета Азербайджанской республики, ввод советских войск в Баку был осуществлен с нарушением норм конституционного и международного права^[137].

13 января 1991 г., ровно через год после Баку, мир был потрясен сообщением из Вильнюса^[138]...

«Танковое» мышление...

Как видим, советское руководство никогда не отказывалось от провозглашенной в советско-польскую войну 1920 г. «поддержки дела советизации вооруженной рукой». Вопреки мнению И. Фляйшхауэр, в 1925 г. советские лидеры не отреклись от идеи мировой

революции, а лишь констатировали ее «задержку». Используя слова заведующего Восточно-Европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре, осуществление мировой революции было «отложено на неопределенный срок»^[139]. Что же касается методов осуществления этой идеи — они всегда оставались неизменными. Революционные идеи Октября несла на своих штыках и танках Рабоче-крестьянская, а позднее, Советская Армия, финалом походов которой явился воскресивший советские лозунги (постановление № 1 ГКЧП) августовский путч 1991 г.

С данными выводами полностью солидарен д-р исторических наук Д.А. Волкогон, на основе знакомства с архивами Политбюро и ЦК ВКП (б) — КПСС утверждающий, что как в размышлениях, так и в практических шагах большевистских (советских) руководителей в направлении инициирования мировой революции всегда особое место занимала проблема армии и революционной борьбы и пути повышения эффективности политических шагов с помощью вооруженного насилия^[140].

Анализ же первого тезиса концепции В. Суворова — одержимость советского руководства идеей мировой революции — закончим следующим. Крушение «реального социализма» в странах, «выбравших» социалистический путь развития, обнаружило, что все эти страны отстали от наиболее развитых государств. Это более чем наглядно свидетельствует о несостоятельности теории мировой социалистической революции, основанной на неверной оценке капитализма и упрощенном представлении о путях реализации социалистических идей.

Рассмотрим теперь второй из заявленных В. Суворовым тезисов: Сталин сделал-де все возможное, чтобы во главе Германии оказался лидер, способный начать войну. Иными словами, что Сталин способствовал приходу Гитлера и возглавляемой им фашистской партии к власти.

Однако то, что фактически дело обстояло именно так, учеными не отрицается. Как утверждает д-р исторических наук Ф.И. Фирсов^[141], мнение которого разделяют А.Н. Григорьев^[142], Л.Б. Черная^[143] и французский историк Франсуа Фюрре^[144], с уверенностью можно сказать, что навязанная Сталиным линия в годы нарастания опасности фашизма исключала всякую возможность установления контактов между компартиями и социал-демократическими, социалистическими партиями с целью создания единого антифашистского фронта рабочего класса.

Известный советский публицист Эрнст Генри писал 30 мая 1965 г. Илье Эренбургу: «Я никогда не забуду... как теория социал-фашизма (термин «социал-фашизм» означал особую форму фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями. — А. П.) месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру... Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 г., но было уже поздно. Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызли друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли»^[145].

Об истинном отношении советского руководства к фашистским и другим агрессивным странам говорят следующие факты.

2 сентября 1933 г. был заключен договор о дружбе, ненападении и нейтралитете между Союзом ССР и Италией, в преамбуле которого стороны констатировали «непрерывность дружественных отношений, соединяющих обе страны»^[146]. В одной из этих стран — Италии

— с 1922 г. существовала фашистская диктатура Муссолини. Этот договор о дружбе и нейтралитете, хотя и не предусматривал тайных военных контактов сторон, однако обе страны были едины по своей агрессивной сущности. СССР, стремясь к наращиванию любой ценой своего военного потенциала, не жалел средств на закупку итальянского оружия^[147]. В свою очередь, итальянская сторона также стремилась к наращиванию за счет СССР своих милитаристских усилий. Сотрудничество обеих стран осуществлялось главным образом в области сухопутных, военно-морских сил РККА, а также авиации^[148].

Помимо фашистской Италии, офицеры РККА в обстановке глубокой секретности проходили стажировку в вооруженных силах милитаристской Японии^[149].

Итак, фактически Гитлер и возглавляемая им партия оказались у власти при содействии Сталина. Чем объяснить последовавшие вслед за этим сталинские репрессии в отношении искавших политическое убежище в СССР зарубежных коммунистов, социал-демократов, представителей других антифашистских сил^[150]? Чем объяснить преступные сталинские репрессии, имевшие массовый характер, по отношению к партиям, которые находились на нелегальном положении в основном в странах с фашистскими режимами, а потому были особенно беззащитны? Так, члены военизированной австрийской организации левых социал-демократов — шуцбундовцы, в феврале 1934 г. поднявшие восстание против фашистов и реакционеров, которое потерпело поражение, получили политическое «убежище» в СССР, где вскоре бесследно и таинственно исчезли^[151]. Видимо, Сталину очень не понравилось, что в Австрии возникал единый антифашистский фронт коммунистов и социал-демократов. Чем объяснить особенно многочисленные после заключения советско-германского пакта о ненападении факты выдачи немецких антифашистов гестаповцам, закрытие нашей границы перед беженцами из поработанной Гитлером Европы^[152], факт исчезновения из советской прессы и печати Коминтерна слова «фашизм» и объявление главным врагом СССР и коммунистов англофранцузского империализма?

Документы свидетельствуют, что Сталин косвенно помог осуществлению в 1926 г. фашистского переворота в Литве, в результате которого к власти пришел диктатор Антанас Сметона, являвшийся руководителем правой профашистской партии таутининкасов (националистов). Президент Сметона и премьер-министр Аугустинас Вольдемарас были тесно связаны с руководством СССР, а их партийные органы напрямую финансировала советская казна^[153]. При этом Сталин действовал по классическим принципам политического лицемерия: говорил о поддержке героической подпольной борьбы литовских коммунистов, а на деле поддерживал литовских фашистов... Сказанное объясняет, почему в 1940 г. легко, без всякого сопротивления тогдашнее литовское правительство и президент отдали власть Советам.

Судя по архивным свидетельствам^[154], СССР, подкармливая сговорчивых литовских националистов, рассчитывал на их ярое нежелание заключать балтийский союз с Латвией и Эстонией (Советскому Союзу было выгодно иметь под боком несколько небольших раздраженных друг другом государств, нежели сплоченное содружество), а также на их антипольские настроения.

В этой связи отметим, что в преддверии шагов к очередному советско-германскому сближению, первым из плодов которого явился совместный раздел Польши, Сталин 16 августа 1938 г. санкционировал постановление Президиума Исполкома Коминтерна о роспуске компартии Польши^[155]. Тем самым Польша была лишена общественной силы,

способной содействовать мобилизации прогрессивной общественности страны в антифашистский фронт, который мог бы повлиять на готовность польского правительства к сотрудничеству с Советским Союзом для отражения готовившейся германской агрессии. А ведь именно нежеланием принять какие-либо условия помощи со стороны СССР для отражения германского нападения историки мотивируют, в совокупности с другими факторами, необходимость подписания советско-германского договора о ненападении.

Все описанное объективно подтверждает второй тезис концепции Виктора Суворова: активное содействие Сталина разжиганию войны в Европе и, в частности, приходу к власти в Германии фанатичного лидера, способного эту войну начать.

Какие цели преследовал этим единовластный советский правитель?

В докладе, с которым Сталин выступил 26 января 1934 г. на XVII съезде партии — через год после прихода Гитлера к власти, — прозвучала следующая мысль: война «наверняка развяжет революцию» и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран, как это имело место в ходе первой империалистической войны^[156]. Позднее эти цели и намерения довольно откровенно были изложены И.В. Сталиным в знаменитом «Кратком курсе» истории ВКП (б) — книге, появившейся в сентябре 1938 г. и, таким образом, свободной от воздействия Мюнхенского «антисоветского» сговора. В книге утверждалось, что «вторая империалистическая война на деле уже началась»^[157]. Та самая война, которую давно предсказывали деятели коммунизма и с которой они связывали, по аналогии с Первой мировой войной, успех революционного движения. Так стоило ли стране «победившего социализма» (Конституция СССР 1936 г.) вмешиваться в естественный ход вещей, тем более что «империалистическая война» только началась? Участвовавшие в ней классово враждебные государства были, следовательно, еще далеки от краха — условия, необходимого, по примеру Первой мировой войны, для победы социалистической революции^[158]. И тем более вмешиваться на стороне Англии и Франции, по сталинскому определению — так называемых демократических государств, солидарных с фашистской политикой борьбы «против рабочего и национально-освободительного движения».

Сталин и не скрывал намерения воспользоваться империалистической войной в интересах социализма. Проводя историческую параллель между русскими либерально-монархическими буржуа, потерпевшими поражение в октябре 1917 г. из-за своей, по сталинскому мнению, политики сговора с государством, и политикой западных стран, поддерживавших в 30-х гг. по классовым мотивам агрессию фашистских стран, Сталин писал: «Как известно, либерально-монархическая буржуазия России жестоко поплатилась за свою двойственную игру. Надо полагать, что правящие круги Англии и их друзья во Франции и США также получают свое историческое возмездие»^[159]. Следуя сталинской логике, основанной на аналогии с революционными событиями 1917 г., нетрудно догадаться, кому, по мысли Сталина, история отводила роль исполнителя ее приговора.

Эти сталинские идеи затем переключались, вплоть до текстуальных совпадений, из «Краткого курса» в доклад советского вождя на XVIII съезде ВКП (б)^[160]. В этом же докладе Сталин, заключая в кавычки слово «нейтралитет» при характеристике позиции невмешательства Англии и Франции в происходившие на международной арене события, лицемерно уличал правительства названных стран в следующем: «...не мешать агрессорам (имелись в виду Германия, Италия и Япония. — А. П.) творить свое черное дело... дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их втихомолку, дать им ослабить

и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, — вступить в войну со свежими силами... и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево и мило!»^[161] Тем самым Сталин приписал руководителям западных держав свои собственные намерения. 7 сентября 1939 г., т. е. через две недели после того, как СССР заключил с Германией договор о ненападении и обозначил этим свой «нейтралитет» в войне, приобретшей после объявления Англией и Францией 3 сентября войны Германии характер Второй мировой, в беседе с ближайшим окружением Сталиным было заявлено следующее: «Война идет между двумя группами капиталистических стран... Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону... Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и населения»^[162].

Как видим, интересам мирового пролетариата соответствовало бы исчезновение (с помощью Гитлера) Польши с географической карты^[163].

Думается, что дальнейшее доказывание того, что Гитлер, сам того не подозревая, являлся сталинским «Ледоколом революции», не требуется.

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению вопроса: от кого исходила инициатива германо-советского политического сближения.

И. Фляйшхауэр в работе «Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939» делает попытку доказать, что пакт Молотова-Риббентропа — в значительной мере итог целенаправленной деятельности напуганных авантюризмом и агрессивностью Гитлера ведущих сотрудников германского посольства в Москве и прежде всего посла Шуленбурга, в 1944 г. ставшего активным участником заговора против фюрера.

И. Фляйшхауэр и российский историк Л.А. Безыменский^[164] считают, что германские дипломаты в донесениях, предназначенных для высших руководителей рейха, давали «подправленную» информацию, вкладывая в уста своих советских собеседников скорее собственную точку зрения на то, как следовало бы развивать отношения между Германией и СССР, чем то, как советские представители говорили в действительности. По мнению названных ученых, мотивом подобного «заговора» германских дипломатов была их убежденность в необходимости дружбы с Россией и невозможности для Германии вести войну на два фронта. Как утверждают Безыменский и Фляйшхауэр, профессиональные германские дипломаты, в большинстве своем аристократы, Шуленбург, Вайцзеккер, Шнурре и другие, были приверженцами политики Бисмарка, выступавшего против войны с Россией. Поэтому, внутренне объединенные идеей недопущения войны между Германией и СССР, они, действуя целенаправленно, хотя и в осторожной форме, давали-де «подкорректированную» информацию менее искушенным в тонкостях дипломатии руководителям Третьего рейха.

В позиции И. Фляйшхауэр и Л. Безыменского имеется недостаток — подведение к общему знаменателю двух временных отрезков развития советско-германских отношений в 1938–1939 гг. Как явствует из книги самой же И. Фляйшхауэр, инициатива, якобы

проявленная именно германской дипломатией поздней осенью 1938 г., имела своей целью не более чем расширение торговых связей между двумя странами. При этом за рамками работы И. Фляйшхауэр остаются следующие факты. С конца 1936 г. в Берлине вел длительные переговоры торговый представитель СССР Д. Канделаки, и вел их напрямую от имени Сталина и Молотова, о чем с удивлением узнал в 1939 г. нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов (секретные дневники Литвинова опубликованы его сыном на Западе в хрущевское время). Эти переговоры уже выходили на высший экономический и политический уровень — на рейхсминистра Г. Геринга и директора Имперского банка Я. Шахта. С советской стороны к ним скоро присоединился член Политбюро, нарком внешней торговли А.И. Микоян. Чтобы обеспечить успех этих переговоров, крупнейшему резиденту советской разведки в Западной Европе Вальтеру Кривицкому было приказано свернуть германскую сеть, что выражало бы полное доверие между двумя странами. Напомним, что эти переговоры велись в годы открытой политической конфронтации между СССР и Германией. Каналы связи с высшими сферами рейха были налажены через германскую разведку назначенным в декабре 1936 г. наркомом НКВД секретарем ЦК ВКП (б) Н.И. Ежовым, сменившим на этом посту профессионала Г.Г. Ягоду^[165].

Таким образом, якобы проявленная германской дипломатией осенью 1938 г. инициатива, на которую указывают И. Фляйшхауэр и Л. Безыменский, была всего лишь продолжением давно и не без успеха продвигавшихся экономических переговоров между двумя странами.

Как уже было сказано, эти ученые в качестве «двигателя» инициативы германских дипломатов, «общего знаменателя» называют их убежденность в невозможности для Германии вести войну на два фронта. Однако, во-первых, поздней осенью 1938 г., каковой И. Фляйшхауэр датирует инициативу германских дипломатов, такой перспективы для Германии еще не существовало. Во-вторых, говоря об инициативе политического сближения Германии и СССР, имеют в виду так называемый «план Шуленбурга», предусматривавший содействие Германии урегулированию японо-советских отношений, гарантию независимости Прибалтийских стран, предложение советскому правительству заключить с Германией пакт о ненападении и широкое торговое соглашение^[166]. Однако этот план был всего лишь ответом на выдвинутое В.М. Молотовым предложение о создании политической базы для успеха экономических переговоров, о чем он заявил в беседе с послом Шуленбургом 20 мая 1939 г., причем, по свидетельству Молотова, указание им на отсутствие политической базы было для Шуленбурга «большой неожиданностью»^[167]. Можно ли ответ на предложение партнера назвать инициативой? Более того, при детальном рассмотрении тех фактов, о которых пишет И. Фляйшхауэр, выясняется, что план Шуленбурга, по сути дела, ответом советскому правительству не был: Шуленбург лишь обменялся мнениями о том, каким бы ему хотелось видеть будущее германо-советских отношений, с министром иностранных дел Италии Чиано, и от советского поверенного в делах в Риме информация дошла до советского правительства. С этого момента советское руководство настойчиво побуждало германскую сторону к подобному варианту развития двусторонних отношений, особенно подчеркивая свое желание заключить с Германией именно пакт о ненападении^[168]. Самим же германским правительством вопрос о таком пакте вообще не ставился^[169]. Немецкая сторона, нуждавшаяся в нейтралитете СССР для успешного осуществления планов агрессии против Польши, хотела лишь заявления СССР об отказе от применения силы^[170]. Таким образом, автором урегулирования двусторонних политических отношений именно в форме

договора о ненападении, а не в какой бы то ни было другой форме, явилось советское правительство. Из исследователей на это обращает внимание только В.Я. Сиполс^[171]. И именно советское руководство настаивало на письменном оформлении в виде дополнительного протокола заверений германской стороны о том, что «между Балтийским и Черным морями не существует ни одного вопроса, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран»^[172]. Это подтверждается содержанием бесед Шуленбурга с Молотовым^[173], текстом советского проекта пакта о ненападении, содержавшего упоминание протокола^[174], телеграммой Гитлера Сталину, пункт 4 которой прямо указывал, что дополнительный протокол был «желаем советским правительством»^[175].

И. Фляйшхауэр утверждает, однако, что секретный дополнительный протокол исходил от германской стороны^[176], и автором его является сотрудник МИД Германии Гауе^[177] (это же утверждение прозвучало и в сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР)^[178]. Свою позицию Фляйшхауэр, дабы очевидная бездоказательность этого утверждения не бросалась в глаза читателю, подкрепляет примечанием, помещенным в конце книги, где приводит фразу Риббентропа: «В самолете я сначала вместе с Гаусом набросал проект планируемого пакта о ненападении»^[179]. Все! Где же упоминание Риббентропом дополнительного протокола?

На основе своих голословных выводов И. Фляйшхауэр пишет: «Тем самым позднейшие утверждения Риббентропа, будто Сталин «уже на первой стадии переговоров (имеются в виду переговоры в Кремле 23 августа 1939 г. — А. П.) заявил, что желал бы поднять вопрос об определении конкретных сфер интересов», выдвинув соответствующие требования, представляются в принципе... неверными, а литература, которая... считает этот протокол, определивший сферы интересов, советским изобретением, — дезинформационной»^[180]. При этом И. Фляйшхауэр оговаривается: «Не известно ни одной записи хода этих судьбоносных переговоров в Кремле... Единственный свидетель, который мог бы пролить сегодня свет на ход тогдашних переговоров, — присутствовавший на них переводчик Сталина Павлов — пока не высказался по этому поводу»^[181].

В начале 1990-х гг. бывший помощник наркомин-дел СССР В.Н. Павлов, переводивший на всех встречах Сталина и Молотова с Риббентропом, приподнял завесу секретности над этими переговорами. Добавив, что в это «вообще трудно поверить», он рассказал буквально следующее: «Инициатива создания и подписания секретного протокола исходила не с немецкой, а с нашей стороны... Риббентроп привез только текст основного договора (как видим, это подтверждает однозначность процитированного И. Фляйшхауэр высказывания Риббентропа и опровергает выстроенные немецким ученым на нем выводы об авторстве протокола. — А. П.). Сталин, Молотов обсудили его, внесли поправки. Сталин вдруг заявил: «К этому договору необходимы дополнительные соглашения, о которых мы ничего нигде публиковать не будем». Сталин, понимая, что ради спокойного тыла Гитлер пойдет на любые уступки, тут же изложил эти дополнительные условия... В кабинете Сталина был составлен секретный дополнительный протокол. Его отредактировали, отпечатали и подписали. Сталин несколько раз подчеркнул, что это сугубо секретное соглашение никем и нигде не должно быть разглашено»^[182].

Рассказ Павлова подтверждает то, о чем сказал обвиняемый Риббентроп в своем

последнем слове на Нюрнбергском процессе: «Когда я приехал в Москву в 1939 г. к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана-Келлога, а дал понять, что если он не получит половину Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы с портом Либавы, то я могу сразу же вылететь назад»^[183].

Советское руководство настолько увлеклось идеей создания секретных протоколов^[184], что в ноябре 1940 г., когда германская сторона предложила СССР очередной раздел сфер влияния в мире, советская сторона вместо предложенных Германией двух секретных соглашений настаивала на заключении пяти^[185].

Следует отметить также, что об инициативе со стороны германских дипломатов к моменту появления «плана Шуленбурга» уже не может быть и речи, ибо сама д-р Фляйшхауэр признает, что после утверждения германским руководством плана «Вайс» — плана нападения на Польшу — «инициатива германской дипломатии» быстро стала перекрываться инициативой Гитлера, заинтересованного в политической изоляции Польши для успешного осуществления намеченной против нее военной кампании^[186]. Под политической изоляцией Польши легшая в основу плана «Вайс» директива Гитлера от 3 апреля 1939 г. понимала ограничение войны боевыми действиями с одной лишь Польшей, исключив вмешательство Запада и России. Путь к этому вел через Москву, где с весны 1939 г. проходили англо-франко-советские переговоры о коллективном отпоре агрессору.

Поэтому целью приглашений к переговорам со стороны Германии было в первую очередь не допустить заключения трехстороннего соглашения между СССР, Англией и Францией, гарантировавшего безопасность Польше^[187], а во вторую очередь — обеспечить советский нейтралитет в момент, когда дело дойдет до германского нападения на Польшу. Москва стала решающим фактором в военных планах Гитлера, касавшихся Польши. Именно высшее руководство рейха, принимая во внимание настрой немецкого генералитета, заявлявшего, что войну, в которой придется сражаться против России, Германия, по всей вероятности, проиграет, и советовавшего «сближаться с Россией»^[188], всеми силами стремилось избежать войны на два фронта, ради чего и пошло на огромные территориальные уступки Советскому Союзу, зафиксированные в секретном дополнительном протоколе от 23 августа 1939 г. По словам В.М. Молотова, произнесенным им в ходе переговоров в Берлине 12 ноября 1940 г., соглашения августа 1939-го были прежде всего «в интересах Германии», которая смогла «получить Польшу», а позднее захватить Францию и начать серьезную войну против Великобритании, имея «крепкий тыл на Востоке»^[189]. (Не будем забывать при этом, что такое развитие событий вполне соответствовало сценарию Кремля.)

И. Фляйшхауэр указывает также, что к сотрудничеству с СССР Гитлера толкало и ведомство Геринга, курировавшего выполнение германского четырехлетнего плана^[190]. Это указание подтверждает факт, о котором шла речь выше: факт давних двусторонних экономических переговоров.

На достижение первоочередной из названных целей высшего германского руководства было направлено неоднократное вмешательство Германии в трехсторонние переговоры как раз на критических стадиях последних^[191]. Отсутствие англо-франко-советского военно-политического соглашения выдвигалось непременным условием «значительного улучшения» отношений Германии с Советским Союзом^[192]. Уже в ходе переговоров в Кремле 23 августа Риббентроп настаивал перед Сталиным на удалении западных военных миссий.

В ответ Сталин дал свое принципиальное согласие^[193].

Как видим, эти факты опровергают традиционное в советской историографии^[194] возложение вины за провал англо-франко-советских переговоров исключительно на правительства западных держав. Впервые такая позиция прозвучала в интервью К.Е. Ворошилова через несколько дней после подписания советско-германского договора о ненападении: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий»^[195]. 31 августа 1939 г. это утверждение было воспроизведено В.М. Молотовым в докладе на сессии Верховного Совета СССР^[196], и с тех пор оно не подвергалось сомнению в советской исторической науке.

Из исследователей этой проблематики лишь М.И. Семиряга^[197] и В.М. Кулиш^[198] указывают на незаинтересованность Сталина и Молотова в поисках баланса интересов с западными демократиями. Между тем в докладе ведущего в 30-х гг. в США специалиста по Советскому Союзу профессора Чикагского университета Самуэла Н. Харпера, сделанном «по горячим следам» совершенной им весной 1939 г. двухмесячной поездки в Советский Союз, отмечалось: «Именно Британская империя находится сейчас под угрозой, именно она слабее подготовлена к самообороне и в дополнение ко всему из-за своих обязательств в Восточной и Юго-Восточной Европе нуждается, если не поставлена перед необходимостью, добиваться сотрудничества с Советским Союзом. Я, однако, не видел никаких доказательств того, чтобы Москва пыталась извлечь выгоды из того положения, в котором оказалась Англия вместе со своей союзницей Францией, ослабленной стратегически по причине установления германо-итальянского контроля над Испанией»^[199]. Данная констатация привела С. Харпера к пессимистичным выводам в отношении возможности успеха англо-франко-советских переговоров, что и подтвердило последующее развитие событий.

Одной из причин провала переговоров военных миссий трех держав советские историки (и эта позиция опять же прозвучала в Сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР) называют отсутствие согласия Польши на пропуск советских войск через ее территорию для того, чтобы они могли войти в соприкосновение с агрессором, так как летом 1939 г. СССР общей границы с Германией не имел. Польша такое согласие дать отказывалась.

Однако при этом забывается, что СССР и не пытался склонить правительство Польши к сотрудничеству, переуступив эту часть работы Лондону и Парижу. Между тем вопрос об обращении СССР для решения названной проблемы непосредственно к польскому руководству неоднократно ставился последним перед западными демократиями^[200]. Поэтому, как отмечает О.А. Ржешевский^[201], одной из вероятных инициатив советской делегации на переговорах могло быть приглашение на них полномочного представителя Польши, что, как известно, сделано не было.

С подписанием в Кремле 23 августа 1939 г. советско-германских соглашений желание Гитлера не допустить позитивного исхода англо-франко-советских переговоров и нейтрализовать СССР было исполнено.

Наконец, при всей заманчивости версии И. Фляйшхауэр и Л. Безыменского о том, что германские дипломаты вкладывали в уста советских собеседников больше, чем они могли

сказать, трудно поверить в координацию действий всех чиновников германского министерства иностранных дел. Работа всех министерств германского государства находилась под жестким контролем Национал-социалистической партии, и все без исключения сотрудники подвергались проверкам, для чего указом Гитлера был создан специальный орган^[202]. Поэтому, к примеру, руководитель политического отдела МИД Германии Верман, которого И. Фляйшхауэр также относит к лицам «прорусской ориентации» или близким к ним^[203], едва ли мог быть участником «заговора дипломатов», ибо являлся партийным функционером^[204].

В свете вышеизложенного согласиться с утверждением, будто «новая эра» в советско-германских отношениях — плод усилий исключительно германской дипломатии, не представляется возможным.

Сборник документов «Нацистско-советские отношения. 1939–1941», изданный госдепартаментом США в 1948 г.^[205], открывается меморандумом статс-секретаря МИД Германии Э. Вайцзеккера о состоявшейся 17 апреля 1939 г. между ним и советским полпредом в Германии А.Ф. Мерекаловым беседе^[206]. Согласно меморандуму, Мерекалов в ходе этой беседы якобы заявил, что нет причин, почему отношения между двумя странами не могли бы иметь нормальный характер, а затем постепенно и дальше улучшаться. На основе этого документа многие западные историки утверждают, что инициатива переговоров об улучшении советско-германских политических отношений исходила от советской стороны^[207]. А.Г. Наджафов, учитывая, что дата встречи Мерекалова с Вайцзеккером — 17 апреля — совпадает с днем, когда народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов вручил английскому послу в Москве советское предложение о заключении соглашения о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, подчеркивает существенность установления того, какая же из сторон — советская или германская — первой решилась перевести в практическую плоскость вопрос об улучшении двусторонних политических отношений^[208].

По советской версии, отраженной в телеграмме Мерекалова в НКВД СССР, беседа преимущественно касалась советских заказов заводам «Шкода»^[209]

И. Фляйшхауэр утверждает, что активная роль в беседе 17 апреля принадлежала статс-секретарю, а не советскому полпреду^[210]. По мнению Фляйшхауэр, беседа, состоявшаяся действительно по инициативе советской стороны, представляла собой первый официальный шаг Германии к сближению с СССР^[211].

Однако немецкий историк никак не комментирует факт, который сама же и сообщает, а между тем он во многом подтверждает интерпретацию хода беседы, изложенную в меморандуме Вайцзеккера. Через десять дней после встречи Вайцзеккера с Мерекаловым свою запись этой беседы выслал в Москву по указанию М. Литвинова (изложение беседы А.Ф. Мерекаловым оставляло неясным ряд существенных для советского правительства вопросов) Г.А. Астахов, выполнявший во время встречи 17 апреля функции переводчика. Согласно записи Астахова, по предложению Вайцзеккера Мерекалов оказался в роли спрашивающего (так у кого же активная роль в диалоге: у того, кто задает вопросы, или у того, кто на них отвечает?), в результате чего разговор перешел на политические темы, в том числе тему советско-германских и германо-польских отношений^[212]. В этом расхождении между записью статс-секретаря и записью Астахова нет. Однако пересказанные выше

заключительные слова меморандума Вайцзеккера, вложенные им в уста советского полпреда, в действительности все же являются словами статс-секретаря. Тем не менее, рассматривать поведение Мерекалова в ходе беседы 17 апреля всего лишь как обязанность каждого дипломата заботиться об улучшении отношений со страной пребывания, подобно тому как это делает В.Я. Сиполс^[213], нет никаких оснований. Об этом свидетельствует сам круг поднятых Мерекаловым вопросов и характер их обсуждения. По этим же причинам не представляется возможным согласиться с И. Фляйшхауэр в том, что беседа эта представляла «зондаж Вайцзеккером Мерекалова»^[214] (кто кого «зондировал»?). Скорее, обе стороны проверяли готовность друг друга к политическому диалогу.

Вскоре после 17 апреля советские послы в европейских странах, в том числе А.Ф. Мерекалов, были вызваны в Москву на совещание к высшему партийному руководству. Мерекалов в Берлин не вернулся. Вместо него советское полпредство в Германии возглавил в ранге временного поверенного в делах Г.А. Астахов, считавшийся среди германских дипломатов активным сторонником оживления хороших в прошлом германо-советских связей в разных областях^[215]. Однако замене Мерекалова Астаховым предшествовали январский (1939 г.) Пленум ЦК ВКП (б), Отчетный доклад И.В. Сталина на XVIII съезде ВКП (б), смещение М.М. Литвинова с поста наркома иностранных дел СССР и приход на эту должность В.М. Молотова. Каждое из названных событий нуждается в изложении и оценке.

Состоявшийся 9-11 января 1939 г. Пленум ЦК ВКП (б) в закрытой части своей работы сместил акценты международной политики СССР. Именно там Сталин дал понять, что отныне он берет бразды внешней политики в свои руки^[216]. Тогда же М.М. Литвинов узнал, что за его спиной ведет переговоры в Берлине торгпред СССР Д. Канделаки.

Тремя месяцами позже, 10 марта, И.В. Сталин выступил на XVIII съезде партии с Отчетным докладом о работе ЦК ВКП (б)^[217], где, назвав Англию и Францию «поджигателями войны», фактически заявил о решимости советского руководства не дать втянуть страну в военный конфликт с Германией и Японией и намерении остаться вне войны, если она не будет развязана непосредственно против СССР. Тем самым Сталин поставил под сомнение возможность договориться с Лондоном и Парижем о совместных действиях против агрессии и дал Германии понять, что она, повернувшись (по оценке Сталина) против поджигателей войны на Западе, оставила фронт враждебного СССР окружения^[218]. Именно так выступление Сталина было расценено американскими дипломатами в Москве^[219] и печатью Соединенных Штатов^[220].

С удовлетворением восприняли сталинский Отчетный доклад и в посольстве Германии в СССР. Так, И. Фляйшхауэр приводит слова германского военного атташе в советской столице Э. Кестринга, назвавшего сталинскую речь «исключительно мягкой, если не сказать доброжелательной» по отношению к Германии^[221]. Таким образом, утверждение И. Фляйшхауэр о том, что дипломатические и политические наблюдатели, с огромным вниманием следившие в Москве за этим выступлением, не усмотрели в нем каких-либо изменений сталинского курса в направлении возможности улучшения отношений между Германией и СССР^[222], не подтверждается даже теми фактами, на которых сама же немецкий ученый строит свою работу.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 мая 1939 г. народным комиссаром иностранных дел СССР был назначен В.М. Молотов, сохранивший при этом за собой пост председателя Совета народных комиссаров.

И. Фляйшхауэр пишет, что объяснение отставки Литвинова с поста наркоминдел возможно только после изучения советских документов^[223]. Теперь в этот вопрос можно внести ясность.

Не публиковавшийся в печати указ за подписью М.И. Калинина говорил об освобождении М.М. Литвинова от должности наркома ввиду того, что он занял «ошибочную позицию, в особенности в оценке политики Англии и Франции»^[224]. На это же как на главную причину отставки Литвинова указывает непосредственный очевидец тех событий А.А. Громько, назначенный весной 1939 г. в Наркоминдел СССР^[225]. Причины снятия М. Литвинова разъяснил в июле 1939 г. В.М. Молотов, выступая на собрании НКВД СССР: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК ВКП (б) в наркомате»^[226]. Имелась в виду внешнеполитическая линия, провозглашенная в Отчетном докладе И.В. Сталина от 10 марта 1939 г.^[227]

Американское посольство в Москве однозначно связало отставку Литвинова с изменением курса советской внешней политики. 4 мая 1939 г. временный поверенный в делах США в СССР А. Керк сообщал в Вашингтон: «Эта перемена может означать отход от принципа коллективной безопасности к установлению отношений с Германией в соответствии с указаниями, содержащимися в речи Сталина на XVIII съезде ВКП (б)...»^[228]

Еще в начале 1939 г. в Женеве М.М. Литвиновым в беседе с Наумом Гольдманом были сказаны следующие слова: если Гольдман «однажды прочтет в газетах о том, что он (Литвинов) ушел с поста министра иностранных дел, то это будет означать сближение между фашистской Германией и Советским Союзом и близкую войну»^[229]. Как стало ясно позднее, в своем пророчестве Литвинов оказался прав.

Вслед за М.М. Литвиновым от занимаемых должностей были освобождены тесно связанные с его ориентированным преимущественно на сотрудничество с Англией и Францией, на участие в Лиге Наций дипломаты, а западный отдел НКВД был полностью реорганизован^[230].

Пришедшего на смену М. Литвинову В.М. Молотова, являвшегося фактически «вторым по положению лицом в партии и стране»^[231], «правой рукой Сталина»^[232], «непреклонным исполнителем сталинской воли»^[233] (эти характеристики вынуждают напомнить, что в январе 1939 г. Сталин дал понять, что он взял руководство советской внешней политикой в свои руки; на то, что с 1939 г. дела обстояли именно так, содержится указание в мемуарах А.А. Громько — года прихода А.А. Громько на работу в Наркоминдел)^[234], в США, Англии и других странах Запада относили к категории сторонников «твердой линии» в отношении западных демократий^[235].

Итак, Г.А. Астахов возглавил советское полпредство в Берлине сразу после описанных событий.

Имея в виду обстоятельства назначения Астахова временным поверенным в делах СССР в Германии, сомнение вызывает версия С.А. Горлова о том, что Астахов, делая в адрес Германии многообещающие заявления от имени СССР, «непозволительно превышал свои полномочия», действовал на свой страх и риск^[236]. Такое мнение С. Горлов высказывает на основе проведенного им сравнительного анализа записей бесед Г.А. Астахова с Вайцеккером, Шнурре, Верманом, Шуленбургом, Штуммом с соответствующими отчетами этих немецких деятелей, в ходе которого Горлов установил, что советский дипломат в своих

донесениях был гораздо более скуп и краток, чем его германские коллеги. С.А. Горлов утверждает, что лишь телеграммы Молотова от 28 и 29 июля 1939 г., представлявшие по содержанию не инструкции, а лишь одобрения постфактум действий Астахова^[237], покрыли его «самодеятельную активность». Однако характер этих телеграмм заставляет предположить наличие заранее проведенного инструктажа или же возможность других каналов связи (по линии НКВД).

В пользу первого предположения говорят обстоятельства, предшествовавшие назначению Астахова главой советского полпредства в Берлине: январский Пленум ЦК ВКП (б), Отчетный доклад Сталина на XVIII партсъезде, смещение Литвинова и приход на его место Молотова. Последовавшие вслед за последним из перечисленных фактов репрессии и «чистки» в отношении сотрудников комиссариата по иностранным делам, воцарившаяся в связи с этим во внешнеполитическом ведомстве атмосфера исключали возможность какой бы то ни было «самодеятельности» советских дипломатов, пример которой С.А. Горлов видит в деятельности Г.А. Астахова.

В пользу второго предположения говорит безусловная секретность советско-германских переговоров (отсюда и выжидательная позиция советской стороны, фиксируемая многими исследователями: мог ли Советский Союз, учитывая проводившиеся им параллельно переговоры с Англией и Францией, направленные против той же Германии, проявлять излишнюю инициативу на тайных переговорах с германскими представителями?) и наработанный в 1921–1933 и 1936–1938 гг. опыт подобного рода обмена информацией: тайные службы обеих стран не прерывали контактов. Однако, поскольку никаких документов, подтверждающих вторую гипотезу, до настоящего времени неизвестно, а также учитывая анализ всех изложенных обстоятельств, наиболее реальным представляется первое предположение: заранее проведенный московским руководством инструктаж Астахова.

Уже через два дня после смещения М.М. Литвинова, 5 мая 1939 г., заведующий Восточно-Европейской референтурой отдела экономической политики МИД Германии Ю. Шнурре сообщил Г.А. Астахову, что германское правительство согласно, чтобы заводы «Шкода» выполнили советские заказы^[238]. Поскольку речь шла о поставках военной техники, это было немаловажным симптомом наметившегося сближения двух стран.

Итак, взяв за основу в поиске ответа на вопрос: кто сделал официальный первый шаг, приглашение к урегулированию советско-германских политических отношений — чисто хронологическое развитие событий и учитывая все ранее изложенное, с уверенностью можно констатировать, что инициатором сближения Германии и Советского Союза выступило советское руководство (ему же принадлежит авторство формы советско-германских соглашений). Указание на то, что путь к пакту Молотова — Риббентропа был обозначен в марте 1939 г. на XVIII съезде партии, содержалось в сообщении о ратификации советско-германского договора о ненападении, с которым В.М. Молотов выступил на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Все свои рассуждения о договоре Молотов построил именно на мартовском Отчетном докладе Сталина о работе ЦК ВКП (б), опустив ту часть речи, где говорилось, что Советский Союз поддержит страны, ставшие жертвами агрессии. Молотов, подчеркнув, что советское руководство всегда стремилось и давно «считало желательным сделать дальнейший шаг вперед в улучшении политических отношений с Германией», дожидаясь лишь ответного желания германского правительства изменить свою внешнюю политику в сторону улучшения отношений с СССР, сказал, что еще в марте Сталин «поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских

отношений между Германией и СССР»: Гитлеру дали ясно понять, что, если он протянет Сталину руку, то ее примут. «Теперь видно, — добавил Молотов, — что в Германии правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы»^[239].

Выступая в германском рейхстаге 1 сентября 1939 г., Гитлер, коснувшись ратификации советско-германского пакта, заявил, что он «может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим»^[240].

Таким образом, рассматривать сообщение Молотова от 31 августа 1939 г. лишь как «намек» на взаимосвязь мартовского выступления Сталина с последующим переломом в развитии политических отношений Германии и СССР, подобно тому как это делает И. Фляйшхауэр^[241], можно лишь при невнимательном изучении текста этого выступления. В.Я. Сиполс, касаясь сообщения Молотова, утверждает, что в МИД Германии никакого намека на возможность сближения СССР и Германии в Отчетном докладе Сталина не заметили^[242]. Однако это опровергается ранее цитировавшимися словами военного атташе Германии в СССР Э. Кестринга.

Главным аргументом, выдвигаемым И. Фляйшхауэр против того, что И.В. Сталиным на XVIII съезде ВКП (б) была продемонстрирована внешнеполитическая открытость в отношении Германии, является неясность (с точки зрения И. Фляйшхауэр) вопроса, «зачем ему это нужно было делать»^[243].

Все, о чем шла речь выше, свидетельствует: Сталин фактически способствовал приходу Гитлера к власти, поддерживал его усилия по разжиганию войны в Европе, с которой советское руководство связывало успех мирового революционного движения. Сталин, стоявший у руля тайного сотрудничества СССР и Германии в 1921–1933 гг., желал продолжить его и с Германией Гитлера (анализ выступлений Сталина на XVII и XVIII съездах ВКП (б)). Именно советская сторона явилась автором как договора о ненападении, так и секретного дополнительного протокола. В 1939 г., в опасной ситуации «уже идущей второй империалистической войны», Сталин разглядел шанс для победы отложенной в 1925 г. на неопределенный срок мировой революции. Поэтому-то следует согласиться с версией Виктора Суворова о том, что политические соглашения с Германией были нужны Сталину, чтобы руками Гитлера как «Ледокола революции» разгромить и ослабить Европу, в том числе и Германию, и ввести на территории ослабленных войной стран свежие советские армии, увеличить число советских социалистических республик, приблизить заветную цель всех большевистских лидеров — сделать планету «красной».

Сам В.М. Молотов, как он объяснял много лет спустя, видел свою задачу наркома иностранных дел в том, чтобы «как можно больше расширить пределы нашего Отечества. И кажется, мы со Сталиным неплохо справились с этой задачей»^[244].

В. Суворов прав также, утверждая, что своими действиями Гитлер давал Сталину право в любой момент объявить себя освободителем Европы.

В конечном счете, именно так оно и случилось, а те страны, через территории которых прошла в годы Второй мировой войны Красная Армия, на десятилетия вошли в советскую сферу влияния, расширив территорию «социалистического лагеря».

Однако прав ли В. Суворов, утверждая, что Гитлер опередил Сталина с нанесением удара, а поскольку в соответствии с директивой высшего политического руководства страны был-де выработан план лишь наступательной войны против Германии, то этим и объясняются катастрофические поражения Красной Армии на начальном этапе Великой Отечественной

войны. Иными словами, насколько верна концепция превентивной войны Германии против СССР?^[245]

Вот что пишет в своих «Воспоминаниях» Г.К. Жуков, с июня 1940 г. командовавший войсками Киевского Особого военного округа, а с января 1941 г. занимавший пост начальника Генерального штаба: «Что касается оценки пакта о ненападении... нет никаких оснований утверждать, что И.В. Сталин полагался на него... Во всяком случае, мне не приходилось слышать от И.В. Сталина каких-либо успокоительных суждений, связанных с пактом о ненападении»^[246]. Нарком ВМФ СССР и главнокомандующий ВМФ в Великую Отечественную войну Н.Г. Кузнецов: «Для меня бесспорно одно: И. В. Сталин не только не исключал возможность войны с Германией, напротив, он такую войну считал весьма вероятной, и даже рано или поздно неизбежной. Его ошибкой, по моему мнению, было неправильное определение сроков конфликта. И.В. Сталин вел подготовку к войне — подготовку широкую и разностороннюю, исходя из намеченных им самим сроков. Гитлер нарушил его расчеты»^[247]. Очевидно, что Сталин под влиянием уверений Гитлера о том, что его главной целью является разгром Англии, считал советско-германскую войну возможной лишь после окончания военных действий с Англией. Отсюда и его растерянность в первые дни Великой Отечественной, и неоднократные предложения в адрес Гитлера заключить мир наподобие Брестского: первый раз — 22 июня, второй — в июле 1941 г., в разгар Смоленского сражения, третий — в начале октября 1941 г., когда вермахт начал наступление на Москву^[248].

Неопровержимыми являются следующие факты. В период с 1 сентября 1939 г. до начала Великой Отечественной численность Вооруженных сил СССР была увеличена в два с лишним раза^[249]. На 21 июня 1941 г. в Красной Армии насчитывалось 303 дивизии^[250]. К этому времени к западной границе СССР были стянуты силы, по количественным показателям не уступавшие, если не превосходившие силы вермахта и его союзников. На случай войны с Германией стратегическая установка Красной Армии состояла в том, чтобы разгромить основные силы противника в приграничных боях, перенести военные действия на Запад, освободить страны Европы от германского ига, что в свою очередь должно было, по мысли советских лидеров, стимулировать революционный процесс и привести к освобождению европейских народов от гнета буржуазии. (Собственно, именно эту миссию Красная Армия и выполнила в ходе борьбы с фашизмом в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, о чем говорилось выше.) В этом направлении велась пропагандистская и воспитательная работа в частях Красной Армии и среди населения приграничных районов. Такая стратегическая установка Красной Армии подтверждается и директивами №№ 2 и 3, направленными из Кремля в войска 22 июня 1941 г.^[251]

Что же касается сталинских предложений Германии заключить мир наподобие Брестского договора от 3 марта 1918 г., то эти факты никоим образом не опровергают утверждений о вынашивавшихся Сталиным агрессивных планах в отношении рейха и всей Европы. Более того, они свидетельствуют именно об агрессивности замыслов сталинского правительства. Чтобы прийти к такому выводу, достаточно вспомнить историю заключения Брест-Литовского договора. И в 1941 г., сознавая, что война с Германией началась в самых неблагоприятных для Советской страны условиях, Сталин решил ценой утраты всей Прибалтики, Белоруссии и Украины обеспечить мирную передышку для восстановления застигнутой врасплох, а потому терпевшей поражения Красной революционной армии,

чтобы взорвать потом подобный Брестскому мир. Но Германия была уже другой. Если кайзеровской монархии мирный договор с Россией был нужен в 1918 г. для того, чтобы энергичнее вести войну на Западе, то гитлеровская директива № 21 от 18 декабря 1940 г. гласила: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию... еще до того, как будет закончена война против Англии»^[252]. Оценив методы, с помощью которых сталинское правительство овладевало территориями, отошедшими к сфере интересов СССР в результате секретных договоренностей с Германией — методы насильственной большевизации, — и задумавшись над тем, что стоит за советскими требованиями о передаче СССР новых европейских территорий (Сталин жестко настаивал на том, что Финляндия и Балканы относятся к его «сфере влияния». Что означал этот термин, мы уже хорошо знаем), Гитлер остро почувствовал надвигающуюся на Европу коммунистическую опасность. Поэтому в речи от 14 июня 1941 г. он напутствовал германский генералитет такими словами: в войне с Россией «речь пойдет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность... Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника (именно это и означал бы мир наподобие Брест-Литовского. — А. П.), а для того, чтобы уничтожить его»^[253]. Гитлеровское правительство замышляло уничтожить СССР как страну большевизма, страну, бессменное руководство которой неотступно преследовала идея мировой социалистической революции. И в этом смысле нападение Германии на СССР было действием, предупреждавшим опасное (а в том, что насильственная большевизация является таковой, у меня сомнений нет) не только для Германии, но и для всей Европы развитие событий. Иными словами, превентивным ударом.

Использовать ситуацию, пока Германия, Англия и Франция истощают друг друга в войне, для приобретения малой кровью новых территорий, увеличения числа советских республик — цели, заложенной в фундамент Советского государства, — не удалось.

Подведем итоги. Существуют различные оценки советско-германского договора о ненападении. Согласно традиционной, или, можно сказать, официальной в течение долгих лет, позиции он характеризовался как политически правомерный, необходимый в сложившейся обстановке, помогший СССР отодвинуть начало неминуемой войны. Такая точка зрения прозвучала и в Сообщении Комиссии Съезда народных депутатов^[254], и в утвердившем ее выводы постановлении СНД СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.»^[255] (пп. 1, 2). Есть и другое мнение. Оно состоит в основных чертах в том, что без договора Германия, возможно, не рискнула бы ввязаться в военную авантюру против Польши. Такой позиции придерживаются, в частности, М. Семиряга^[256] и Р. Мюллерсон^[257].

В Сообщении Комиссии СНД СССР вторая позиция названа «бездоказательной»: утверждается, что Германия зашла в подготовке войны слишком далеко, чтобы «протрубить отбой».

Между тем все, о чем говорилось выше, свидетельствует: Гитлер отлично понимал причину поражения Германии в Первой мировой войне. Этой причиной была борьба на два фронта. И в будущей войне он вовсе не желал оказаться между двух огней — с запада и востока. Изначально успех намеченной в плане «Вайс» военной кампании напрямую увязывался с тем, удастся ли достигнуть политической изоляции Польши: «Целью нашей политики является локализация войны в пределах Польши»^[258]. Эта же мысль еще раз

прозвучала в речи Гитлера на совещании 13 мая 1939 г.: «Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу. Успех этой изоляции будет иметь решающее значение и будет зависеть от умения вести политику изоляции»^[259].

К осуществлению названной цели и прилагала усилия гитлеровская дипломатия весной — летом 1939 г.: не допустить антигерманского военного соглашения Англии, Франции и СССР и нейтрализовать Советский Союз в случае конфликта с Польшей. 23 августа эти две главные цели были достигнуты.

Без поддержки России, единственной великой державы, в силу своего географического положения сохранявшей полную свободу действий в Восточной Европе, предоставленные Польше 31 марта 1939 г. англо-французские гарантии теряли свою ценность. Допустим, можно было атаковать Германию с запада, но нельзя воспрепятствовать переходу немецкими войсками польской границы, — а в результате этого перехода Запад был бы попросту поставлен перед свершившимся фактом, который сделал бы продолжение войны бессмысленным (именно на этот фактор и сделал ставку Гитлер 1 сентября 1939 г., но, как оказалось, недооценил твердость позиции западных держав)^[260]. Отсюда самым надежным способом изолировать Польшу было переиграть возможное соглашение русских с Англией и Францией на германо-советское и тем самым обеспечить нейтралитет СССР в случае войны. Чтобы добиться этого, Гитлер и Риббентроп были готовы превратить в фарс антикоминтерновский пакт, пойти на риск лишиться обоих союзников — Италии и Японии^[261] — и согласиться на огромные уступки Советскому Союзу в Восточной Европе.

Кроме того, при определении причины того, почему именно Москва оказалась летом 1939 г. в центре внимания Гитлера, следует указать на то, что англофранцузским гарантиям для Польши Гитлер серьезного значения не придавал^[262], воспринимал их «как пустую угрозу, как демонстрацию, направленную против него лично». До самого начала войны он не верил, что Англия будет воевать с Германией из-за Данцига^[263], французы же лишь последуют ее примеру, а будучи предоставлены сами себе, не вступят в войну^[264]. Такая уверенность Гитлера в безнаказанности «польского похода» основывалась на том, что ни одна из внешнеполитических акций Германии, начиная с ее выхода в октябре 1933 г. из Лиги Наций и заканчивая оккупацией немецкими войсками Словакии в марте 1939 г., не встретила решительных контрдействий со стороны Запада. (Отнюдь не случайно в речи от 22 августа 1939 г. перед германскими главнокомандующими Гитлер подчеркнул, что основание Великой Германии было «в военном плане... сомнительно» и достигнуто лишь «благодаря блефу политического руководства».^[265])

Тем не менее, дабы получить стопроцентную уверенность в изоляции Польши, Гитлер пытался отговорить западные державы от выполнения взятых ими на себя обязательств помощи. Поэтому, как отмечает в этой связи В.М. Фалин, с подписанием 23 августа советско-германских соглашений Германия на 10 или даже 11 дней потеряла интерес к политическим контактам с СССР^[266]. Технические вопросы и детали обсуждались, но все политическое внимание Гитлера и его дипломатии с 24 августа до 2 сентября было переключено на Англию и Польшу. Однако, как писал германский посол в Москве Шуленбург через несколько дней после начала войны, «Великобритания не смогла пойти на «второй Мюнхен». Чемберлена растерзали бы, если бы он совершил такое еще раз...»^[267]

Подписанием в Кремле 23 августа 1939 г. советско-германских соглашений из рук западных держав был выбит важный инструмент — помощь России.

Как видим, тезис о политической правомерности договора о ненападении несостоятелен, как несостоятельны и утверждения о том, что заключением этого пакта «всему человечеству вновь было показано последовательное миролюбие Советского государства»^[268]: советско-германский договор был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу, обеспечив ему при этом тыл на Востоке и свободу рук на Западе. Руководство Советского Союза полностью осознавало это. Каждому политически мыслящему человеку того времени было ясно, что советско-германский пакт означал вторжение в Польшу, т. е. начало Второй мировой войны. Это не умаляет вины Германии в развязывании Второй мировой войны. Советский Союз был полностью согласен с войной между другими народами, чтобы поживиться частью ее плодов.

Утверждают, что, заключив с Германией пакт о ненападении, Советский Союз почти на два года отсрочил нападение Германии на СССР^[269]. Однако следует согласиться с В.М. Кулишом, что такая отсрочка — не заслуга договора^[270].

У германского руководства был свой план войны в Европе, заявленный Гитлером 8 марта 1939 г. Советский Союз, осуществлявший с Германией с апреля 1939 г. интенсивные тайные контакты, лучше, чем кто бы то ни было другой, знал, что в ближайшее время Германия нападать на СССР не собирается. Не была готова она к этому и в военном отношении^[271].

С опровергнутыми утверждениями тесно связана попытка обоснования необходимости советско-германского пакта тем, что Советский Союз стремился избежать войны на два фронта: напоминают о действиях советско-монгольских войск на реке Халхин-Гол в Монголии^[272]. Однако со стороны Японии это была разведка боем, небольшая по размаху операция армейской группы^[273]. Указание на военно-технический, а не военно-политический характер этой акции содержится и в мемуарах командовавшего советскими войсками на Халхин-Голе Г.К. Жукова^[274]. Жертвы были большие, но, что касается большой войны против Советского Союза, Япония рассчитывала на такую войну через 2–3 года^[275]. В 1939 г. Япония к серьезной войне против Советского Союза не была готова.

Самое же главное — операция японцев на Халхин-Голе не угрожала непосредственно безопасности СССР, и вовсе не безопасность Родины защищали принимавшие участие в этой операции советские войска: они выполняли «интернациональный долг», защищая завоевания монгольской народной революции 1921 г.^[276] (а значит, и дружественный СССР режим: генеральной линией правящей Народно-революционной партии был провозглашен курс на обеспечение постепенного перехода от феодализма к социализму), подобно тому как это было сорок лет спустя в Афганистане.

Кроме того, подготовка к генеральной наступательной операции по окружению и уничтожению японских войск началась в самом начале лета 1939 г., когда вопрос о договоре с Германией еще не перешел в практическую плоскость: изначально операцию по разгрому японских войск намечалось начать в срок до 20 августа^[277] (как известно, советские войска перешли в наступление на Халхин-Голе утром 20 августа 1939 г., а вечером 19-го Сталин принял окончательное решение о заключении советско-германского пакта). К 23 августа — дате подписания соглашений с Германией — успех военных действий против Японии становился очевиден, следовательно, и цель пакта — если ее понимать как желание советского правительства «усмирить Японию» — становилась бессмысленной. Именно полное поражение японских войск на Халхин-Голе, последовавшее 31 августа, а не советско-германский договор (я не отрицаю его важность для обесценивания антикоминтерновского

пакта), послужило основной причиной заключенного 15 сентября 1939 г. соглашения о перемирии между СССР и Японией^[278], а 13 апреля 1941 г. — советско-японского пакта о ней-тралитете^[279].

Утверждают, что, присоединив во исполнение вытекавших из противоречивших всем принципам и нормам международного права соглашений с Гитлером к Советскому Союзу Западную Белоруссию и Западную Украину, а также Прибалтийские республики, и тем самым отодвинув на запад границы нашей страны, СССР обеспечил себе большую безопасность за счет ограничения продвижения немецких войск на восток^[280]. Да, советские границы действительно были отодвинуты на 200–300 километров на запад, но при этом согласно тем же советско-германским соглашениям Германия продвинулась на 300–400 километров на восток. Поэтому следует согласиться с мнением В. Суворова, что от этого безопасность Советского Союза не повысилась, а наоборот, понизилась^[281]. Возник совершенно новый фактор: общая советско-германская граница (договор о дружбе и границе между СССР и Германией был заключен в Москве 28 сентября 1939 г.). Тем самым существенно упростились условия для вооруженного нападения одной стороны на другую, в том числе и внезапного. Напомним также, что ошибки советского руководства послужили причиной стремительной — в течение считанных дней — оккупации германскими войсками присоединенных к СССР территорий.

Некоторые авторы связывают с предпринятыми летом 1939 г. советским правительством дипломатическими шагами предотвращение угрозы единения «реакционных сил Запада и нацизма» и, как следствие, последующее участие СССР в антигитлеровской коалиции^[282].

Выводы данных ученых, по меньшей мере, нелепы, ибо военно-политическая обстановка 1941 г. ни в коей степени не сопоставима с обстановкой года 1939-го (22 июня 1940 г. перед немецко-фашистскими войсками капитулировала Франция; с этого времени ожесточенные бои велись между Германией и Англией).

Между тем многие внешнеполитические шаги советского руководства, следовавшие после заключения советско-германских соглашений и под их непосредственным влиянием: совместное с Германией расчленение Польши, агрессия против Финляндии, приведшая к исключению СССР из Лиги Наций, действия сталинского руководства в Бессарабии, Северной Буковине и Прибалтике, — приводили к дальнейшей самоизоляции страны, провоцировали западные страны на военное противостояние с Советским Союзом. Более того, методы, с помощью которых сталинское правительство овладевало территориями, отошедшими к сфере интересов СССР в результате секретных договоренностей с Германией, — методы насильственной большевизации — легли в основу оправдания агрессии против СССР Гитлером, начавшим поход на Восток под лозунгом ликвидации «коммунистической опасности».

Альберт Л. Уикс[\[283\]](#)

Пакт Молотова-Риббентропа: 70 лет спустя

КАКОВЫ БЫЛИ ПЛАНЫ СТАЛИНА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Падение в 1991 году коммунистического правления в России вызвало интенсивные дискуссии по поводу того, как следует отражать прошлое, которое в свое время так лихо было отштамповано советской историографией под диктовку КПСС.

С частичным открытием советских архивов — гражданских, военных и тайной полиции — содержимое оруэлловской «дыры в памяти», в которую во времена Сталина уместилось так много исторической правды, начинают эксгумировать. Результатом явилось то, что в последние годы российскую историческую науку охватил всеобщий ревизионизм. В этом процессе почти ни один камень не остался неперевернутым.

Одним из самых больших белых пятен в советской истории является вопрос, касающийся намерений и планов Иосифа Сталина во время и после подписания советско-германских договоров и секретных протоколов, составленных Берлином и Москвой в августе — сентябре 1939 года. А также вопросы, касающиеся сталинской стратегии накануне германского нападения в июне 1941 года.

Одно из направлений в историографии, которое мы здесь назовем «оборонительное», придерживается традиционной линии, доминировавшей в исторических работах в СССР и за рубежом вплоть до недавнего времени. Это направление утверждает, что сталинская военная политика с 1939 года до немецкого вторжения в Советский Союз 22 июня 1941 года была в большей степени оборонительной. То есть Сталин придерживался ненаступательной стратегии в отношении Германии и любого другого капиталистического государства — потенциального врага. Сталин только пытался уберечь СССР от мировой войны, предсказанной марксизмом-ленинизмом как «неизбежная», настолько долго, насколько это было возможно. Таким образом, Советы имели бы время усилить свою обороноспособность в ожидании грядущего глобального конфликта, в который они были бы вовлечены рано или поздно.

Как утверждает это направление, среди таких «оборонительных» шагов были советские территориальные приобретения 1939–1940 годов, включавшие в себя половину Польши, все страны Балтии, часть Финляндии, а также Северную Буковину и Бессарабию. Названные «оборонниками» «буферной зоной», эти территории якобы не были плодом преднамеренной советской экспансионистской политики. Они скорее были дополнением к защитным мерам, мудро предпринятым Сталиным в предвидении немецкого вторжения. То, что при этом они стали частью СССР, считается неуместным обсуждать.

Коварное нападение Германии стало для Сталина, как утверждают «оборонники», неприятным сюрпризом. Оно выставило Советскую Россию в неприглядной и унижительной роли легкой жертвы. Получилось так, что Сталин совершил глупость, доверяя Гитлеру даже тогда, когда последний начал неприкрытые приготовления к нападению на советских западных границах весной 1941 года.

Утверждают, будто бы Сталин просто игнорировал все предупреждения о нападении, полученные от Рузвельта, Черчилля и от собственных иностранных агентов, некоторые из которых даже предсказали точную дату вторжения. У Сталина были основания не доверять

западным политикам, этим двуличным «мюнхенским миротворцам», которые, как известно, отказались от серьезных советских предложений по разработке гарантий коллективной безопасности против экспансионизма Оси. И которые все время планировали разрушить Советский Союз.

В отличие от этой позиции в дискуссии, «наступательное» направление в историографии утверждает, что Сталин все время готовил свою собственную наступательную войну — прежде всего против Германии и, в конечном итоге, против всей «капиталистическо-империалистической» Европы.

Это подтверждают заявления, секретные или публичные, сделанные ведущими официальными лицами, и собственные советские оборонительные приготовления и стратегия. Здесь в первую очередь следует упомянуть сталинское секретное выступление перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года, выдержанное в наступательном духе, два последовавших за этой речью полевых пособия для Красной Армии, выпущенных до июня 1941 года и основанных исключительно на наступательных, а не на оборонительных принципах, а также важный военно-стратегический документ, адресованный Сталину и подготовленный высокопоставленными военными чиновниками (Василевским, Тимошенко и Жуковым) и датированный 15 мая 1941 г. Все они поддерживали идею захватнической войны.

«Оборонники» считают, что нет доказательств тому, что Сталин когда-либо видел последний документ. Однако возникает вопрос: осмелились ли бы генералы давать подобные рекомендации Сталину, который незадолго до этого произвел кровавую чистку офицерского состава Красной Армии, если бы наступательные принципы не соответствовали его собственным взглядам?

Говоря об идеологии, ревизионисты ссылаются на ленинский «Доклад о мире» от 8 ноября 1917 года. Советский лидер призвал тогда западные «трудящиеся и эксплуатируемые массы» покончить с участием их наций в Первой мировой войне и, следуя советскому примеру, «освободить» себя от «всех форм рабства и эксплуатации». Социалистический «новый порядок», продолжал Ленин, «не будет связан соглашениями». Мы «зажгли факел мировой революции», писал он в наброске первой после 1917 года Программы Российской Коммунистической партии (большевиков). Советы будут «нести революцию в наиболее передовые страны и вообще во все страны». В речи от 7 марта 1918 года Ленин заявлял: «История шагает вперед на базе освободительных войн».

Эти принципы никогда не были забыты. Ревизионисты-«наступатели» замечают, что с учреждением Коминтерна в 1919 году мечта о способствовании всеобщей советизации, которую Ленин так долго лелеял, наконец была реализована. Вскоре советская дипломатия пошла по «двум дорожкам». Возможно, лучшей аналогией для двойного, если не двуличного, характера советской иностранной политики и поведения на международной арене был бы айсберг. Видимая часть состояла из «легальной» дипломатии и разговоров о «мирном сожительстве» (позже переименованном в «мирное сосуществование») с целью выигрывать время и введения в заблуждение «глухого, немого и слепого» врага и увеличения советской мощи во всем мире. Косвенно «легальная дипломатия» в то же время содействовала поиску глобального революционного повода для советизации мира.

Большая, подводная, часть айсберга состояла из международной подрывной деятельности через легальные и/или нелегальные организации коммунистических партий во всем мире. Эти силы, пропитавшие все слои общества в определенных капиталистических странах или

странах третьего мира, служили, используя более позднее высказывание Сталина 1952 года, международными «ударными бригадами». Как вооруженные элементы марксистско-ленинского «интернационализма», они были нацелены на подготовку победы социализма советского стиля через вооруженные захваты власти и партизанские действия, содействовали советским интересам средствами пацифистской пропаганды и прямого саботажа внутри конкретных стран (таких, как Британия, Франция и Соединенные Штаты в течение советско-германского «медового месяца»

1939–1941 годов). Или они находились в подполье и ждали момента, чтобы принять по приказу московского центра участие в акциях в случае войны во имя социализма. В мирные времена они подготавливали почву для советизации тех или иных стран или регионов. Как это выяснилось по российским источникам, в подобные операции были вложены гигантские средства.

Историки- «наступатели» придерживаются того мнения, что Сталин действительно рассчитывал на войну. Революция могла быть «экспортирована па копчиках штыков», как открыто декларировали советские представители и военные ястребы на съездах Коминтерна в двадцатые и тридцатые годы. Сталин поощрял немецкий экспансионизм против Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга и Британии. При этом Сталин планировал начать захватническую войну против Германии, которая должна была начаться или к июлю 1941 года (мнение меньшинства), или, самое позднее, к середине 1942 года. Красная Армия пронеслась бы через Европу, объединяя восставшие массы и неся красное знамя на Запад.

Эти же российские историки замечают, что в 1939 и 1940–1941 годах несколько ближайших сталинских помощников, таких, как Молотов, Жданов, Мехлис, Щербаков, уверенно говорили о «расширении границ социализма» на крыльях «неизбежной» будущей войны^[284].

За пять лет до начала Второй мировой войны Сталин зловеще изрек: «Война, безусловно, развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма...»^[285].

Молотов признавал в своих мемуарах, которые он писал в 70-е годы, будучи в отставке, что одной из его задач было «расширять настолько, насколько возможно, границы Отечества». Он добавлял: «Мы справлялись с этим неплохо». Другими словами, «буфер» оборачивался прямой аннексией, способствовал расширению границ и мощи СССР.

«Оборонники» в ответ на это утверждают, что такие революционно звучащие фразы, исходящие от высших советских лидеров, были не более чем пустым бахвальством. Советизация Европы, говорят они, была воздушным замком, идеологическим позерством или показухой.

Им возражают «наступатели». Главной целью советской Великой стратегии было извлечь из войны пользу. Ленин сделал предсказание, отшлифованное затем Сталиным, о том, что в будущем будет два типа войн: 1) межимпериалистические и 2) империалистические агрессивные войны против СССР. Первый тип войн был неизбежным и естественно возникающим, говорили они, так как он был связан с «последней стадией империализма», в которой усиливающиеся «противоречия» между капиталистическими государствами неизбежно оборачивались бы войнами. Вторым тип войн, «антисоветский», был также неизбежен до тех пор, пока не было разрушено «капиталистическое окружение».

Так как все эти войны подталкивают к революции (пролетарии выступают против империалистических войн, в которых капиталистические угнетатели используют трудящихся как пушечное мясо), для Советов имело смысл усугубить «межимпериалистические

противоречия» настолько, насколько возможно, в то же время готовясь ко второму типу войн, который, как утверждает марксизм-ленинизм, перерос бы в мировую «освободительную войну» для всех трудящихся. Тактика противоречий, которую придумали Ленин и Сталин и ухитрилась воплотить в жизнь советская дипломатия, была направлена на то, чтобы спровоцировать Японию на конфликт с Соединенными Штатами, европейские капиталистические страны настроить против США и их же — друг против друга. (Эта политика была вновь применена спустя годы во времена Брежнева с целью посеять раздоры внутри НАТО.)

Документально подтверждают это учение и раскрывают подспудную активную советскую политику и глобальную подрывную деятельность, которую практиковал Коминтерн, различные заявления, сделанные Сталиным и его высокопоставленными помощниками.

Можно спросить, насколько далеко готов был зайти Сталин в стремлении содействовать развязыванию Второй мировой войны (учитывая, что это был его собственный план), чтобы реализовать четко заявленные советские цели мирового господства? Как указывалось помощником Берии Павлом Судоплатовым, ключевым периодом в практической реализации советских экспансионистских целей стал август — сентябрь 1939 года.

Встает вопрос: была ли это долгожданная идеальная ситуация, при которой использование двойной дипломатии и освобождающий, «революционный» катализатор войны могли бы совместно реализовать советские экспансионистские планы в этот уникально подходящий момент истории? «Оборонники» отклоняют такую трактовку.

Что касается гамбита коллективной безопасности в середине тридцатых годов, предписанного Сталиным якобы «умеренному», так называемому «прозападному» наркому иностранных дел Максиму Литвинову, то ревизионисты-«наступатели» настаивают на том, что он просто был диверсией со стороны диктатора с целью напугать Германию и подстегнуть ее пойти на сделку с Москвой, всего лишь симуляцией сплочения рядов с западными капиталистическими государствами.

На самом деле Сталин сразу же прервал все переговоры с другими западными странами, как только начала прорабатываться сделка с нацистами.

Нужно добавить, что десятилетний опыт советско-германского сотрудничества в двадцатых и начале тридцатых годов сопровождался периодом обширной двусторонней торговли. Немецкая экономическая помощь индустриализации Советской России во времена Сталина на самом деле была в некоторых аспектах более существенной, чем таковая от Соединенных Штатов, несмотря на помощь последних в построении железных дорог, Днепропетровской плотины и советских тракторных и текстильных фабрик.

Между 1921 и 1938 годами Германия экспортировала в Россию более двух миллиардов долларов в предметах потребления, в то время как США — 1,4 миллиарда. После того как Гитлер пришел к власти, НКВД стал сотрудничать с немецким гестапо. (Статья в постсоветском еженедельнике «Аргументы и факты» познакомила читателей с документами на советское изобретение некоего д-ра Берга — газовая камера в форме четырехколесного транспортного средства, используемого для истребления людей. НКВД также передал Генриху Гиммлеру схемы организации внушительной сети советских трудовых лагерей (ГУЛАГ), предшественников таких гитлеровских «лагерей смерти», как Освенцим и Бухенвальд.)

Чуть позже, согласно секретным протоколам и другим соглашениям августа — сентября

1939 года, советское сырье (нефть, зерно, хлопок, хром, железо и т. д., более чем 3 миллиона тонн по специальному соглашению 1940 года) было отправлено в Германию с пунктуальной точностью. Эти поставки были использованы в войне против западных союзников. Советы соблюдали соглашения по этим поставкам вплоть до 22 июня 1941 года, несмотря на то что немцы, со своей стороны, отступали от них.

«Оборонники», напротив, настаивают, что, вне зависимости от контактов с Германией, Сталин был настроен серьезно по отношению к коллективной безопасности. Однако он подозревал, что британцы и французы не были столь серьезны. Более того, похоже, что он верил, что политика умиротворения, которая могла бы в конечном счете превратиться в антисоветский альянс со странами Оси, была более вероятным решением для Лондона и Парижа, чем согласие на серьезные договоренности о коллективной безопасности с СССР (это предполагает, однако, что Сталин не следовал плану «разделяй и властвуй», против чего есть убедительные свидетельства). Не указывал ли полет гитлеровского помощника Рудольфа Гесса в Англию в мае 1941 года на то, что Англия была заинтересована в заключении сделки с Гитлером? Тогда, рассудил Сталин, было бы лучшим прилепить свою звезду на немецкое орудие сокрушительного действия.

Судоплатов в своих мемуарах также говорит о первостепенном значении сталинской сделки с Гитлером на фоне советского революционного экспансионизма. Он пишет: «Идея пропаганды сверху коммунистической революции во всем мире была дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы, влияющей на все события в мире. Хотя изначально эта концепция и была идеологической, она постепенно стала реальным политическим курсом. Такая возможность открылась перед нашим государством впервые после подписания пакта Молотова — Риббентропа. Ведь отныне, как подтверждали секретные протоколы, одна из ведущих держав мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширять свои границы»^[286].

Согласно полковнику Григорию Токаеву, офицеру Красной Армии и сотруднику советской военной администрации в оккупированной Восточной Германии в конце войны, доверенному лицу Сталина от НКВД и помощнику заместителя Лаврентия Берии генерала Ивана Серова, Советы рассчитывали на войну, чтобы ускорить продвижение советизации на Запад. Это была точка зрения, говорил он, широко поддержанная в высших эшелонах гражданской и военной власти в Кремле.

Другие хорошо осведомленные экс-советские офицеры и гражданские должностные лица, которые очутились на Западе до, во время или после Второй мировой войны, делали аналогичные заявления.

Имеет смысл также упомянуть подоплеку советско-германской дружбы. После Первой мировой войны Германия рассматривалась Лениным, а позже и Сталиным, как хозяин Европы, огорченный «отсутствием» власти. Поэтому она была податлива к советским предложениям дружбы. К тому же Россия не была стороной Версальского договора и фактически выступала против него. Советы считали, что межимпериалистическая борьба вступила в новую фазу благодаря унижительному договору, который довел Германию и ее рабочий класс до нищеты. Благодаря советско-германскому Рапальскому договору 1922 года и другим соглашениям Советская Россия вскоре ощутимо сблизилась с Германией.

«Оборонники» считают, что СССР под руководством Сталина остался бы в значительной степени сторонним наблюдателем того, как разыгрывались бы всемирно-исторические

события в это уникальное время. Позже, возможно, СССР использовал бы ситуацию в своих целях, но определенно не стал бы агрессивным участником мировой войны. СССР также не стал бы, как сказал Сталин, «таскать каштаны из огня» для капиталистических стран. Прежде всего, СССР постарался бы остаться вне расширяющегося конфликта настолько долго, насколько возможно.

В то же время «оборонительное» направление не учитывает тот факт, что Сталин, как открыто заявляли некоторые его помощники, хотел, чтобы капиталистические страны, демократические или фашистские, взаимно уничтожили себя в схватке, которая вымостила бы дорогу для «революций» в советском стиле. «Оборонники» также не учитывают тактику, явно защищаемую Лениным и Сталиным, согласно которой Советы насколько возможно поощряли «противоречия» между конкурирующими капиталистическими странами силами вплоть до того, что подстрекали их на братоубийственные войны.

Кроме того, в соответствии с нацистско-советскими договорами и протоколами или односторонними советскими шагами 1940 года Советы приобрели «буферную зону», включающую среди прочего страны Балтики, Северную Буковину и Бессарабию. Эта зона была предназначена обеспечить Советам некое количество пространства и времени для наращивания их обороноспособности. В результате советско-финской войны зимы 1939–1940 годов Советы получили за счет Финляндии дополнительную «защиту» в форме геостратегических территорий на своей северной границе. Позже Сталин потребовал всю Буковину, но в переговорах с немцами согласился на объединение только с северной частью. Эти приобретения не рассматриваются «оборонниками» как прямая экспансия. Странно, но они также не видят связи между этими приобретениями 1939–1940 годов и созданием «советского блока» центральноевропейских и восточноевропейских государств после Второй мировой войны.

Историки-«наступатели» считают, что вторжением 22 июня 1941 года Гитлер захватил врасплох потенциального захватчика Сталина. Высокомерие и самоуверенность советского диктатора в его отношениях с Гитлером лишили его трезвого взгляда на происходящее. «Оборонники» возражают, что эта линия является «пронацистской» и не подкреплена доказательствами. Они замечают, что Гитлер и его генералы были весьма неискренни, когда заявляли, что операция «Барбаросса» была осуществлена только потому, что сам Сталин планировал нападение на Германию.

Что же происходило непосредственно перед 22 июня 1941 года? Какого рода военные оборонительные или наступательные меры предпринял Сталин на самом деле? Ответ на этот вопрос мог бы пролить свет на планы советского диктатора относительно Германии.

Принимая во внимание наступательную позицию Красной Армии непосредственно перед 22 июня 1941 года, авторы-«наступатели», включая нескольких современных российских военных историков, поддерживают мнение о том, что сталинская милитаризация Советского Союза и огромный объем оборонной продукции, выпущенной в течение двух предшествующих Второй мировой войне пятилеток, были подчинены отчетливо наступательной военной стратегии и свидетельствовали об одном: существовал долговременный план подготовки наступательной войны. Андрей Кокошин, бывший первый заместитель министра обороны, высший военный советник президента Ельцина и секретарь Совета безопасности, в своей книге «Армия и политика», вышедшей в 1995 году, кратко высказался об этом так: «Наступательный характер советской военной стратегии был вполне очевиден».

Сталинское секретное выступление 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий — другой пример того же самого. Полного стенографического текста речи не существует, но она собрана по кусочкам на основе нескольких сохранившихся вариантов, составленных по воспоминаниям свидетелей выступления. Они проанализированы в собрании очерков под общей редакцией российского академика Юрия Афанасьева «Другая война. 1939–1945». Это издание воспроизводит части трех версий текста сталинской речи.

В выступлении в Большом Кремлевском дворце всего лишь за несколько недель до вторжения немцев Сталин полностью изменил как свои, так и Молотова утверждения 1939–1940 гг. о том, что Англия и Франция были основными «зачинщиками новой войны». Как заявил Сталин, теперь Германия стала основным «поджигателем войны». Он заявил также, что должен быть положен конец представлениям о «немецкой непобедимости». Пришло время готовиться к ведению наступательной войны. Сразу же после выступления Сталина был организован прием для выпускников-академиков, на котором, как говорят свидетели, Сталин развил идеи своего выступления: «Генсек, во-первых, говорил о необходимости перейти в мероприятиях Красной Армии от обороны к «военной политике наступательных действий», а во-вторых, перестроить пропаганду, агитацию, печать, все воспитание «в наступательном духе»^[287].

Дальнейшие пояснения к сталинским указаниям были даны в последующие дни и недели в деловых бумагах таких высокопоставленных должностных лиц, как Молотов, Жданов, Маленков, Щербаков (который был ответственным за военную идеологическую обработку) и генералами Александром Василевским и Николаем Ватутиным. В своих проработках сталинского выступления и последовавшего за ним приема эти должностные лица и старшие военные офицеры, всегда ссылаясь на Сталина, рекламировали «военную политику проведения наступательных действий». Тогда же вспомнили высказывание Ленина: любая война, ведущаяся СССР против капиталистических сил, «является справедливой войной, вне зависимости от того, какая сторона начала войну». (Это утверждение было повторено слово в слово в советской военной литературе в эпоху термоядерного оружия и разрядки напряженности.)

«Наступательное» направление утверждает, что такая война, какая планировалась Советами, имевшими свою собственную тактику блицкрига «по Тухачевскому», привела бы Красную Армию в Европу в роли освободительницы, как и прорицал Ленин. Революция была бы принесена на Запад в то время, когда побежденная Германия лежала в руинах, а парализованные Франция, Англия и далекая Америка находились в конфронтации с красной в основном Евразией. Таким образом было бы компенсировано унижение, которое претерпел СССР (и лично Сталин) от неудач в советско-польской войне 1920 года.

В отношении советско-польской войны 1920 года протагонисты советской наступательной теории цитируют недавно опубликованную стенограмму речи Ленина, начинавшуюся так: «Я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать». В этой речи Ленин в 1920 году предсказал, что с советизацией Польши Красная Армия могла бы расположиться прямо на германских границах. В таком случае она могла бы тогда начать «наступательную войну» против Запада, в конечном счете неся «освободительную войну» всей Европе.

«Наступательное» направление, кроме того, обсуждает вопрос, было ли сталинское приобретение необходимой «буферной зоны» в соответствии с нацистско-советскими соглашениями таким уж невинным. Ведь Сталин опасно придвинул советские границы к

немецким границам — границам, которые вермахт однажды мог бы пересечь в атаке против Советов. Может, Сталиным было запланировано, чтобы это случилось совсем другим образом? А именно — Сталин выдвинулся вперед, чтобы реализовать свою стратегию ведения неожиданной, захватнической войны против Германии?

Примечательно, что Сталин не начинает сразу же укреплять оборону на вновь приобретенных территориях на Западе, утверждают эти авторы. Когда вдоль бывшей (до 1939 года) советской границы старые укрепления были демонтированы, не было установлено никакой новой «сталинской линии».

Таким образом, вместо того, чтобы руководствоваться политикой обороны на вновь приобретенных территориях — в странах Балтии, Северной Буковине и Бессарабии, а также на Украине и в Белоруссии, Сталин, как утверждает «наступательное» направление в историографии, развернул там главным образом войска, готовые к атаке. Они состояли в основном из воздушно-десантных войск и механизированных дивизий. Эти части были обучены и вооружены для того, чтобы выполнять стремительные, наступательные удары и глубокое проникновение в тыл противника. Такая тактика была использована во время военных учений под руководством Жукова, проводившихся в Советском Союзе в 1940–1941 годах. Жуков применил такую тактику на деле в боях против японцев на Халхин-Голе (Монголия) в августе — сентябре 1939 г., где он руководил советскими войсками.

Историки по-разному оценивают выводы, которые были сделаны Сталиным и его генералами из этих уроков. «Оборонники» настаивают, что выводы были в значительной степени оборонительные по своей природе; «наступатели» же считают, что они были наступательные.

В подтверждение «наступатели» обращаются к важному документу, датированному 15 мая 1941 года: «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». Он был построен в форме меморандума, озаглавленного «Председателю Совета Народных Комиссаров СССР товарищу Сталину». Документ был написан заместителем начальника Генштаба генералом Василевским. Читал ли Сталин этот стратегический документ — неизвестно. «Соображения...» воспроизведены полностью в книге Афанасьева. В относящемся к спору отрывке читаем: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить (подчеркнуто в тексте. — А. У.) нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить (подчеркнуто в тексте. — А. У.) противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» [\[288\]](#).

В то же время, утверждает «наступательное» направление, Советы построили на передовых позициях у самой границы военные аэродромы, которые могли быть использованы для проведения тактической и стратегической воздушных атак, что позволило бы коварно захватить немцев врасплох. При этом они были очень уязвимы и оказались уничтоженными немецкими войсками в первую очередь после нападения, начавшегося в воскресенье в 3 часа ночи, 22 июня 1941 года. Знаменательно и то, что все советское новейшее вооружение и лучшие обученные солдаты — фактически две трети всего состава Красной Армии того времени — были развернуты в западных прифронтовых районах.

Советские Вооруженные силы выросли на 250 процентов всего за два года. Между 1939 и

1941 годами численность советских Вооруженных сил выросла с меньше чем двух миллионов до более чем пять миллионов и с менее чем 100 дивизий до более чем 300.

Из-за того, что вермахт напал на Красную Армию неожиданно, и благодаря сталинскому требованию, чтобы Красная Армия немедленно — и, как получилось во многих случаях, преждевременно — начала вести контрнаступления, советские потери были ошеломительными. Для «наступательного» направления этот факт является еще одним доказательством наступательных намерений Красной Армии.

Это также иллюстрируется отсутствием в сталинской военной доктрине тактического и/или стратегического отступления. Благодаря дислокации войск Красная Армия оказалась неподготовленной к блицкригу, начавшемуся в мирный воскресный день. В первый день немецкого нападения только одни западные районы потеряли 738 самолетов, большинство из которых было уничтожено на земле. В первые несколько часов войны немцы достигли полного воздушного превосходства на протяжении более чем трех тысяч километров фронта, уничтожая в среднем 1200 самолетов в день. Всего лишь через две недели после нападения казалось, что немецкие войска находятся на пути к победе в войне.

По подсчетам современных армейских аналитиков США, после шести месяцев войны суммарные советские потери были эквивалентны 229 дивизиям. Немецкие потери в людях, для сравнения, составили в среднем менее чем половину советских потерь. К ноябрю 1942 года Советы потеряли убитыми, ранеными и захваченными в плен свыше 11 миллионов человек по отношению к немецким 4 миллионам. Нужно учесть, что последние вели наступательную войну, а традиционный закон сражений гласит, что наступающая сторона теряет гораздо большее количество солдат, чем обороняющаяся, — примерно в расчете три к одному.

Споры по поводу того, что Сталин планировал в 1939–1941 годах, это нечто большее, чем просто академическое упражнение. Сегодня российские школьники имеют в своих руках несколько вариантов новых учебников истории. Автор этой статьи проанализировал некоторые из них и нашел, что в основном коммунистическая пропаганда по поводу событий внутренней и внешней политики времен Ленина, Сталина и их преемников с 1917 по 1991 год была в них ликвидирована. Все же какая-то часть ее до сих пор осталась. Во имя исторической правды и осуждения коммунистического прошлого совершенно необходимо заполнить «белые пятна» в советской истории.

Дженнифер МакДауэлл и Милтон Лоеенталь [\[289\]](#)

Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина-Гитлера

В августе 1949 г. в Гуверовский институт войны, революции и мира Стэнфордского университета в Калифорнии, в качестве дара от руководства военной администрации США в Германии (OMGUS), поступил набор из 232 особо секретных постановлений советского Политбюро по вопросам внешней политики за 1934-1936 гг. Одна треть этих документов была на русском языке с переводом на немецкий, остальная часть была только на немецком языке. В архивах института также содержатся пять докладов для Политбюро из разных источников, все на русском^[290].

В Национальный Архив США поступило около 140 таких постановлений на русском языке без перевода, два из которых датируются 24 апреля и 22 мая 1934 г., а остальные — с 16 ноября 1934 г. по 14 марта 1936 г.

В 1962 году Гуверовский институт получил все документы Политбюро из Национального Архива, среди них было десять постановлений, которых не было в Гуверовском институте. Таким образом, общее число постановлений теперь равнялось 242.

Германская разведка никогда не получала оригиналы документов. Документы попадали к ней через утечку в Советском посольстве в Вене, скопированные от руки карандашом и переписанные чернилами (одним и тем же человеком). Немцы переводили и перепечатывали их^[291]. Немецкие агенты регулярно приобретали такие документы, получая их через 7–8 дней после создания. Немецкие агенты тратили 600 рейхсмарок в месяц, и поскольку немцы получали около десяти документов в месяц, цена одного приближалась к 60 маркам, или 15 долларам, а по сегодняшнему курсу — 300 долларам^[292]. Документы были изучены доктором Лейббрандтом, одним из крупнейших немецких советологов^[293]. Он проверял содержание документов, используя данные международной прессы и источники в немецкой разведке. Эти постановления циркулировали в высших кругах нацистского правительства. Бернхард Вильгельм фон Бюлов, государственный секретарь, в письме министру иностранных дел, Константину Фрайхерру фон Нойрату, отметил, что немецкий посол в Австрии Франц фон Папен «регулярно поставляет фюреру и рейхсканцлеру сведения о собраниях Политбюро в Москве, которые получает в Вене и за которые он платил определенные суммы»^[294].

Мы также знаем, что Гитлер определенным образом использовал одно из этих постановлений Политбюро для влияния на политику. Об этом пишет в своем дневнике Альфред Розенберг:

«Я передаю фюреру текст постановления Политбюро от 29 мая 1934 г., в котором Советская Россия склонялась к безусловному союзу с Францией и принимала решение об агрессивных действиях против Японии, совместно с США.

Гитлер (читает): Это действительно очень интересно. Нужно передать это итальянцам.

Я: Сегодня в полдень я встречаюсь с британским послом [Сэром Эриком Фиппсом]. Я уведомяю также и его.

Гитлер: Безусловно. Англия и Италия должны знать об этом»^[295].

Эти постановления содержали информацию об указаниях Политбюро верхушке Наркоминдела (Народного комиссариата иностранных дел) и другим высшим государственным чиновникам. Они были посланы из головного офиса НКВД в Москве — его

Особого отдела (О. О.) по сбору разведданных в Западной Европе — в его Венский отдел (В. О.). Венский отдел был связан с агентами разведки в Болгарии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Албании, Италии и Югославии.

К этим постановлениям немцы подшили переписку из 34 писем и телеграмм между Особым отделом НКВД в Москве и Венским отделом за период с 4 января 1934 г. по 9 февраля 1935 г. Из этой переписки 31 письмо содержит в среднем 642 слова и 3 телеграммы по 220 слов. Точных цифр дать нельзя, т. к. не вся корреспонденция доступна по-русски^[296].

Немцы хранили большинство постановлений Политбюро под отдельными титульными листами с указанием типа документа и даты его принятия, даты передачи, специальных номеров, определяющих позицию документа в серии, и даты получения в Германии. Среднее число слов в каждом постановлении — 385 в документах 1934 года и 432 — в документах 1935 г. Плата за документ была фиксированной, не зависящей от количества слов, и этот факт говорит об аутентичности документов^[297]. Русские использовали подчеркивания в тексте для расстановки акцентов, и немцы воспроизвели эти подчеркивания в переводах и добавили свои.

В основном эти постановления касаются целей, тактики и сдвигов в советской внешней политике, по большей части речь в них идет о советско-германских отношениях, за ними следуют отношения с Англией, Францией, Японией, Италией, Польшей и Америкой. Предоставлять такую сложную информацию с точными деталями, каждый второй день с октября 1934 по июнь 1935 (136 постановлений) было бы невыполнимой задачей для самого искусного фальсификатора.

Доктор Фриц Эпштейн, куратор славистики в Гуверовском институте и специалист по советско-германским отношениям, принял меры для передачи этих документов Гуверовскому архиву от американской военной администрации (OMGUS). Он снабдил 136 из них аннотациями, но затем, проявив непростительную безответственность, поместил их в отдел «документов на выброс» на 14-м этаже Гуверовской библиотеки, считая, что они сфальсифицированы и абсолютно бесполезны. Ему не пришло в голову, что они могли сыграть роль в советско-германских отношениях, как это и было на самом деле.

Судьба этих документов могла бы быть решена уже тогда, но на 14-м этаже не было мусорного ведра, а служащие делали свою работу с черепашьей скоростью. Таким образом, вместо того, чтобы навсегда исчезнуть со страниц истории, эти бесценные материалы остались пылиться на 14-м этаже до тех пор, пока сменивший Эпштейна на посту куратора славистики Витольд Свораковски не обнаружил их в ноябре 1952 года и не принял соответствующие меры. Свораковски сразу понял, что документы, содержащие такую информацию, не должны быть потеряны.

Свораковски предложил советологу Милтону Ловенталю работу по аутентификации этих постановлений в середине марта 1955 г. Ловенталь принял это предложение и работал над документами с 1955 г. по 1960 г. Он перевел документы, составил именной, географический и предметный указатель на 20.000 наименований, выбирал и выполнял исследовательские задачи и вел переписку о них с другими советологами. Он пришел к выводу, что документы подлинны, в чем Свораковски был с ним согласен. За данный период Ловенталь собрал практически всю информацию по документам. В 1961 г. к проекту Ловенталья присоединилась советолог Дженнифер МакДауэлл, специалист по Джорджу Оруэллу и советским концентрационным лагерям. Вместе они написали множество исследовательских статей, комментирующих данные постановления. Они и многие другие специалисты

доказывали на основе опубликованных исследований, что ни при каких обстоятельствах ни белоэмигранты, ни нацисты, ни какие-либо другие фальсификаторы не смогли бы создать такие документы. Было также установлено, что постановления не являлись советской дезинформацией.

Ловенталь и МакДауэлл создали комплексную аналитическую методологию, основанную на анализе содержания, которая включала в себя анализ отдельных ключевых документов и проверяла на значение и точность каждый факт. Были проведены сравнения с официальными советскими документами — такими, как советские законы. Были проверены стиль и терминология постановлений в сравнении с основными характеристиками стиля и терминологии Сталина и Максима Литвинова. Анализировались идеология, даты собраний, хронология и обсуждаемые в документах предметы, а также проблема выбора тем и предметов, которая могла стоять перед возможным фальсификатором. Значительно меньшее внимание уделялось попыткам восстановить цепь доставки документов германской разведке из Москвы в Вену, поскольку ввиду ее секретного характера это не представлялось возможным.

Со временем Ловенталь и МакДауэлл пришли к выводу, что эти постановления Политбюро были частью большого набора документов, похищенных немецкой разведкой из Советского Союза. Эти документы подразделяются на четыре группы: документы 1925–1929 гг., 1931–1933 гг., 1934–1936 гг. и 1936–1937 гг. Эти документы проливают свет на «великую чистку», пакт Сталина — Гитлера, политику Сталина и решение Гитлера напасть на Советский Союз в 1941 г. Важно отметить, что сам Сталин сетовал на недостатки в советской системе безопасности. В письме 1927 года он писал: «Мы не можем допустить, чтобы за нами шпионили повсюду, вплоть до самого высокого уровня. Практически ни одно секретное распоряжение не остается в секрете. В течение менее восьми дней [курсив наш] многочисленные копии передаются в Берлин, Париж и Варшаву. От левых радикалов они попадают к меньшевикам, а затем передаются капиталистическим правительствам; таким образом, они всегда информированы о самых секретных наших материалах и решениях»^[298].

Обоснованность этого недовольства Сталина демонстрируют даты получения постановлений 1934–36 гг. в Германии, которые, как мы показали в 1980 г. в журнале *San Jose Studies*, подтверждают, что 96 % постановлений Политбюро дошли до Германии не позже, чем через восемь дней после соответствующих собраний Политбюро.

В 1962 году Эдгар Андерсон, основоположник балтийских исследований в США, опубликовал первую статью об этих постановлениях Политбюро, включив их в анализ предпосылок Восточного пакта в 1934–1935 гг.^[299] В 1963 году чешский дипломат Джозеф Корбел (отец Мадлен Олбрайт и наставник Кондолизы Райс) опубликовал два постановления 1931 г. той же группы материалов в своей книге *Poland Between East and West* («Польша между Востоком и Западом»). Корбел выяснил, что на постановлении 17 августа 1931 г. канцлер Генрих Брюнинг написал: «Строго секретно. Ни в коем случае не разглашать источник этого секретного отчета»^[300]. Корбел также считал постановления 1934–36 гг. подлинными^[301].

В 1980–1981 гг., в журнале *San Jose Studies*, Ловенталь и МакДауэлл опубликовали три ключевые статьи об этих постановлениях Политбюро, содержащие описание документов, историю и методологию исследования, а также экзегезис ключевого документа^[302]. Эти статьи дают наиболее полный обзор предмета и окончательно обосновывают аутентичность

документов. В 1991 г. в *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas* было опубликовано письмо о документах^[303]. Аутентичности документов были посвящены две статьи, представленные на Конференции ассоциации славистов Роки Маунтин в Денвере в 1998 г., еще раз привлекая внимание к этой проблеме.

Как упоминалось ранее, Свораковски инициировал исследования по данным постановления Политбюро в Гуверовском институте в середине марта 1955 г., а затем, в июне 1955 г., он занялся исследованием сообщения, опубликованного французским новостным агентством Navas 27 ноября 1939 г. Этот материал воспроизводит секретную речь Сталина 19 августа 1939 г., в которой он объясняет Политбюро, почему он принял пакт о ненападении с нацистской Германией ранее в тот же день.

Значение советско-нацистского пакта хорошо понял исследователь Сталина Олег В. Хлевнюк, отметивший, что «Сталин лично ответственен за пакт с Гитлером...»^[304]. Это подтверждает доклад от агентства Navas. Свораковски считал, что этот доклад и постановления Политбюро относятся к одному типу материалов и что доклад и постановления подлинны. Эти взгляды разделял и эксперт по внешней политике Советского Союза Роберт М. Слассер, который в 1960 году назвал постановления Политбюро «Свитками Мертвого моря в советских исследованиях»^[305].

В работе 2006 г. Виктор Дорошенко, Ирина Павлова и Р.Ч. Раак представили наиболее полную на сегодняшний день картину того, что произошло 19 августа 1939 г. и позже, объединив материал агентства Navas и исследования Свораковски в высокоинформативном, основанном на детальном анализе сообщении о том, что произошло в этот судьбоносный промежуток времени^[306].

Постановления Политбюро и материал агентства Navas органически объединяют основные идеологические и политические лейтмотивы деятельности Сталина, подчеркивая твердую приверженность Сталина идее мировой революции и его макиавеллиевские методы достижения своих целей. Эти лейтмотивы вылились в 1939 году в заключение Сталиным экстраординарного союза с нацистским правительством, ведущим политику расового неравноправия. Давайте рассмотрим эти лейтмотивы.

1. Вторая мировая война является предварительным условием для мировой коммунистической революции

11 февраля 1934 года Политбюро пришло к единогласному заключению, что лишь новая европейская война может создать в Европе положение, способное вызвать мощное коммунистическое движение в объеме и размахе, достаточных для успешного захвата власти революционным пролетариатом в наиболее крупных европейских центрах^[307]. 19 августа 1939 года Сталин считал, что «опыт предыдущих двадцати лет полностью доказал нам, что в мирное время в Европе невозможно создать коммунистическое движение, достаточно сильное для захвата власти Коммунистической Партией. Такое движение — и, как результат, диктатура Коммунистической Партии — может быть вызвано только великой войной»^[308].

2. Во Второй мировой войне СССР следует сохранять нейтралитет

Невовлечение в предстоящую мировую войну упоминается в постановлениях Политбюро более двадцати раз. Например, 10 ноября 1934 г., в докладе на Политбюро, Сталин утверждал, что приближается вторая мировая война и что Советский Союз не должен принимать в ней участие, в то же время стараясь вовлечь Германию и Японию в конфликт с их наиболее сильными врагами. В то же время Советский Союз должен проводить «линию

умиротворения и разоружения в Европе».

19 августа 1939 года Сталину приписываются следующие слова: «Если мы примем предложение Германии... она, несомненно, нападет на Польшу, и тогда вступление Англии и Франции в эту войну станет неизбежным. При таких обстоятельствах у нас будут хорошие шансы остаться в стороне от конфликта, и мы сможем, находясь в выгодном положении, выждать, когда наступит наша очередь».

3. Война должна продолжаться как можно дольше, чтобы обе стороны исчерпали свои ресурсы, тогда в войну должна вступить Красная Армия

В постановлении Политбюро от 1 мая 1935 г., основанном на докладе Сталина, Политбюро поддержало взгляды Сталина на разворачивающиеся в мире события: «... Политбюро ВКП (б) с одушевлением видит в заключительных словах доклада тов. Сталина ясный прогноз предстоящего развития событий: «На Западе готовится новая война держав против германского милитаризма. В Азии неминуемым становится столкновение между Японией, США и Великобританией... Советский Союз примет участие в этих конфликтах лишь в той мере, которая позволит ему сказаться решающим фактором в смысле превращения мировой войны в мировую революцию».

Эти взгляды объясняют мотивы Сталина при заключении пакта с Гитлером.

В том же тоне Особый отдел НКВД в Москве писал в Венский отдел 20 сентября 1934 г. о том, что Красная Армия будет оказывать помощь революциям в других странах после второй мировой войны: «Наш тезис чрезвычайно прост: торжество коммунизма в Центр. Европе проходит через три стадии: 1) подготовка сил и условий революционного выступления; 2) вооруженное столкновение капиталистических держав между собою без участия СССР в конфликте; 3) революция, поддержанная Вооруженными Силами СССР»^[309].

19 августа 1939 года Сталин утверждал, что «для нас очень важно, чтобы эта война [между Германией и англо-французским блоком] продолжалась как можно дольше, чтобы обе стороны исчерпали свои ресурсы... В то же время мы должны усилить коммунистическую работу в воюющих странах, чтобы быть готовыми к тому моменту, когда закончится война [для вторжения Красной Армии]».

Подтверждение подлинности сообщения Navas о речи Сталина исходит не от кого иного, как от Уинстона Черчилля, который в 1948 году, в книге «Надвигающаяся буря», публикует следующее: «Вечером 19 августа [1939 года] Сталин объявил Политбюро о своем намерении подписать с Германией пакт»^[310]. Нужно помнить, что Черчилль имел доступ к данным британской разведки с 10 мая 1940 г., когда он стал премьер-министром.

В ходе своей работы по аутентификации документов, в 1960 году, Ловенталь дискутировал по поводу их подлинности с генералом Александром Орловым, одним из наиболее выдающихся инструкторов разведки Советского Союза. Орлов подготовил «Кембриджскую тройку» — Кима Филби, Дональда Маклина и Гая Берджеса; эта разведывательная операция изменила ход истории, потому что благодаря ей Советский Союз узнал секрет атомной энергии. Орлов был доверенным лицом НКВД при испанском республиканском правительстве во время гражданской войны в Испании, и в Испании он организовал убийство Андреса Нина. Нин организовал в Испании коммунистическую партию и сделался лидером ПОУМа, испанской антикоммунистической левой партии, в которую вступил анархист Джордж Оруэлл. Орлов убивал троцкистов и других антисоветских активистов в Испании, а в июле 1938 года бежал из Испании в Соединенные Штаты, опасаясь, что Сталин может убить его самого в ходе «великой чистки».

В ходе переписки о документах 1934-36 гг. с коллегами Ловенталь написал Бертраму Вулфу, автору книги «Three Who Made a Revolution», бывшему коммунисту, который в 1966 году стал старшим научным сотрудником в Гуверовском институте. Вулф, в свою очередь, обратился к Орлову, считая его честным и более компетентным, чем он сам, поскольку был знаком с предметом изнутри. Благоговение Вулфа перед бывшими агентами советской разведки заставило его без критики принять все, что говорил Орлов, и пропустить без внимания аргументы Ловенталья в защиту своей позиции. Тем не менее, когда открылись советские архивы, на свет вышла информация, доказывающая, что Орлов оставался лояльным идеям марксизма-ленинизма. Более того, он гордился тем, что ему удалось провести агентов американской разведки^[311]. Таким образом, неудивительно, что его свидетельства в отношении постановлений Политбюро полны неточностей, которые Ловенталь со временем идентифицировал.

Ясно, что ситуация Орлова была довольно сложной, хотя в то время это не было очевидным. Самое главное, что нам нужно иметь в виду, это то, что в ряде анализов документов для Вулфа Орлов сознательно лгал о миссии НКВД по сбору разведданных, и эта ложь была частью всей лжи, которую Орлов говорил о своей работе на НКВД и о своей лояльности Америке. Так, например, он никогда не раскрыл имена более чем шестидесяти агентов, работавших под его началом, включая Кембриджскую тройку. Он тщательно скрывал тот факт, что он был агентом НКВД в Великобритании. Он отрицал свою причастность к убийству Нина и то, что он знал о роли испанских агентов в убийстве Льва Троцкого.

28 августа 1960 г. Орлов прислал Вулфу отчет по аутентичности документов. Основная критика его сводилась к утверждению, что в НКВД не было разведывательного аппарата, то есть не было Особого отдела. Как высокопоставленный агент советской разведки, Орлов должен был знать такие вещи. Документы же показывают, что Особый отдел НКВД все-таки существовал, что еще раз подтвердило значение этих документов. Поэтому давайте рассмотрим свидетельства Орлова, поскольку они демонстрируют недостаточную компетентность Вулфа в данной области, хитрость Орлова, и то, как все это повлияло на историю этих аутентичных документов. В своем отчете Орлов писал:

В НКВД не было разведывательного аппарата, ни в какой форме. Всей разведкой занимался НКВД и, в редких случаях, Четвертый отдел Красной Армии.

В НКВД, как и в других советских Народных комиссариатах, был Особый отдел, но его деятельность не имела никакого отношения к разведке. Особый отдел состоял из шифровальщиков, чьей обязанностью было зашифровывать и расшифровывать письма и телеграммы и следить за тем, чтобы они сохранялись в соответствии с принятыми нормами секретности.

Господин Ловенталь пишет в предисловии, что в Гуверовской библиотеке Стэнфордского университета содержится «12 писем из венского отдела советской разведывательной сети при НКВД, адресованные в Особый отдел в Москве, и 22 письма из московского Особого отдела в венский отдел». Вся эта переписка (между несуществующими разведывательными аппаратами) является, несомненно, стопроцентной фальсификацией^[312].

Совсем другое о разведывательных функциях НКВД Орлов рассказывал своему лучшему другу, агенту ФБР [FBI] Эдварду Газуру в беседе о структуре советской разведки. Он говорил, что 6 сентября 1936 г. Генрих Ягода, глава КГБ [НКВД], «...напомнил... [Орлову], что информацию, собранную им в Испании, КГБ будет докладывать Политбюро напрямую, и ввиду важности разведданных о развитии событий в Испании, которыми он будет снабжать

Центр, они должны быть максимально точными и полными, а также максимально своевременно достигать Центра, чтобы в глазах Политбюро КГБ выглядел более компетентным, по сравнению со своими конкурентами по сбору разведданных — Комиссариатами иностранных дел и обороны»^[313].

Как видно из этого сообщения, Орлов знал, что НКВД располагал разведывательным аппаратом. Его нападение на корреспонденцию НКВД лишней раз указывает на ее подлинность.

Продолжая аутентификацию документов, в 2005 году МакДауэлл и Ловенталь сравнили эти 242 постановления Политбюро, доставленные из Германии, с протокольными постановлениями Политбюро по советской внешней политике, ставшими доступными в российских архивах. В ходе этой работы они обнаружили, что существует два уровня постановлений Политбюро. Есть протокольные постановления Политбюро, содержащие материал низкого уровня, например инструкции по выполнению указаний. Также существуют материалы более высокого уровня, указывающие на общий курс ведения политики в рамках марксистско-ленинской идеологии, представленный и в 242 постановлениях Политбюро, о которых идет речь здесь. Эти материалы не дублируют друг друга, но содержат политическую информацию, поступающую с различных организационных уровней советской иерархии. Документы дополняют друг друга, этим объясняются содержащиеся в них совпадения.

Взаимодействие между этими двумя уровнями очень интересно само по себе, потому что оно отражает логику, диктуемую событиями и нуждами политики. Высший уровень более интересен, поскольку здесь содержится более значимая информация. Стоит также отметить тот факт, что постановления высокого уровня отличаются широтой охвата, информативностью, высоким стилем и сложностью, в то время как постановления низкого уровня можно узнать по их усредненному стилю.

Далее идут семь примеров того, как выглядят эти совпадения:

ПРИМЕРЫ СООТВЕТСТВИЙ И СПОСОБ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ

Сравнение, приведенное ниже, показывает, как опубликованный архивный документ низкого уровня — протокольное постановление — соотносится с документом высокого уровня, аутентичность которого установлена посредством анализа содержания. Последний документ более информативен и носит более общий характер. Протокольное постановление снабжено идентификационным номером и датой, второе постановление имеет только дату.

Первое соответствие

Предмет: Проблема контроля над Бессарабией была предметом разногласий. (Заметим, что русское правление в Бессарабии продолжалось с 1812 по 1918 г., затем она находилась под властью Румынии: 1918–1940 гг.).

Постановление Политбюро из советского архива (Протокол № 8, 1 июня 1934 г.):

1 июня 1934 г. Политбюро постановило:

«63/51. В отношении Румынии.

Одобрить следующую телеграмму:

В крайнем случае считаем возможным при восстановлении дипломатических отношений умолчать о спорных вопросах [спорных вопросах]».

(9 июня 1934 года Чехословакия и Румыния признали Советский Союз.)

Постановление Политбюро от 10 июня 1934 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

«Политбюро ВКП (б) было также известно, что тем не менее самый акт признания [Малой Антантой — Чехословакией, Румынией и Югославией] задерживался из-за наличия спорных вопросов [спорных вопросов] между СССР и Малой Антантой, или — точнее — между СССР и Румынией в связи с вопросом о Бессарабии»^[314].

Постановление от 10 июня 1934 г. предоставляет полную картину вопроса, а протокольное постановление содержит инструкции, логически следующие из него — так действует это иерархическое распределение информации.

Второе соответствие

Предмет, о котором идет речь во втором, третьем и четвертом соответствиях — попытка Советов заключить тройственное соглашение с Францией и Германией, гарантирующее позиции регионального Пакта. Эти три нации должны были сформировать основу Пакта.

Постановление Политбюро из советского архива (Протокол № 10, 14 июля 1934 г.):

14 июля 1934 года Политбюро постановило: «Согласиться на подписание тройственного соглашения [соглашения] с Францией и Германией, гарантирующего восточный региональный пакт»^[315]. То, что Политбюро активно стремилось к заключению этого соглашения, хорошо известно из источников, не имеющих отношения к постановлениям. Поэтому слово «согласиться» неадекватно отражает тот факт, что Политбюро просто жаждало заключить этот Пакт.

Постановление Политбюро от 13 ноября 1934 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

«...со своей стороны, [советское правительство] должно употребить все усилия на согласование [согласование] внешнеполитических интересов Франции, Германии и Сов. Союза, поскольку дело касается Европы...»

Третье соответствие

Постановление Политбюро от 4 мая 1935 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

«...Политбюро ВКП (б) не утрачивает надежды на то, что окруженная со всех сторон и изолированная Германия окажется в конце концов вынужденной изменить свою позицию в отношении восточного пакта, чем создастся почва для широкого франко-германо-советского соглашения [для широкого франко-германо-советского соглашения], при наличии которого Польше волей-неволей придется играть второстепенную роль».

Четвертое соответствие

Постановление Политбюро от 12 мая 1935 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

«...Политбюро ВКП (б) считает совершенно необходимым, чтобы советская дипломатия постепенно взяла на себя инициативу в целях привлечения Германии к участию в восточном пакте, имея в виду то обстоятельство, что с точки зрения интересов Советского Союза, возможности советско-франко-германского соглашения [соглашения] неизмеримо предпочтительнее, чем путь советско-франко-польского сближения».

Стремление Советов к созданию Восточного пакта было длительным и сложным

начинанием, которое продолжалось на протяжении 1934-35 гг., поэтому неудивительно, что такие совпадения возникали именно в этот период времени. В этом пакте Политбюро продолжало искать решение, чтобы сдержать агрессию гитлеровской Германии.

Пятое соответствие

Постановление Политбюро из советского архива (Протокол № 16, 2 ноября 1934 г.):

Предмет, о котором идет речь в пятом, шестом и седьмом соответствиях, это стремление Политбюро завершить заключение Восточного пакта с участием или без участия отдельных стран, и отказ допустить легализацию перевооружения Германии. В случае если Франция уступит требованиям Германии, Политбюро настоятельно рекомендует, чтобы Франция настояла на вступлении Германии в Восточный пакт о взаимопомощи.

Слушали:

п. 47. Вопросы НКВД

Б. Об отношениях с Францией.

Постановили:

а) Признать возможным заключение Восточного пакта [*Восточного пакта*] и без участия Германии и Польши, в случае согласия на это Франции и Чехословакии [*и без участия Германии и Польши, в случае согласия на это Франции и Чехословакии*] или одной Франции.

Курсив в квадратных скобках здесь обозначает совпадающие слова.

б) Не делать никаких предложений о легализации вооружений Германии по нашей инициативе. В случае обнаружения со стороны Франции готовности согласиться на требования Германии о такой легализации, предлагать Франции настаивать на участии Германии в Восточном пакте о взаимной помощи [*Восточном пакте о взаимной помощи*] [\[316\]](#).

Постановление Политбюро от 18 ноября 1934 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

«...Политбюро ВКП (б) подтверждает настоящим свои прежние постановления о желательности скорейшего заключения восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи [*восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи*] с участием или без участия в нем Германии и Польши [*...без участия в нем Германии и Польши...*] и предлагает тов. Литвинову настаивать перед руководителями французской внешней политики на принятии последними немедленного решения».

Шестое соответствие

Постановление Политбюро от 3 декабря 1934 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

«...Политбюро ВКП (б) с особенным удовлетворением констатирует, что французское правительство окончательно отказалось от каких-либо комбинаций, которые развязали бы руки Германии в Центральной, а затем и в Восточной Европе, принимая на себя в отношении Советского Союза официальное обязательство поддерживать в полной мере план восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи [*восточноевропейского пакта безопасности и взаимопомощи*] и привести его в исполнение даже в случае отказа Германии и Польши [*даже в случае отказа Германии и Польши*] к нему присоединиться».

Заметим, что совпадающие слова встречаются в разных комбинациях в протокольном постановлении от 2 ноября 1934 г. и в постановлении Политбюро от 18 ноября 1934 г. Слово

«взаимопомощь» в постановлениях высокого уровня пишется в одно слово, а в протокольном постановлении, приведенном выше — в два слова. Интересно, что постановления высокого уровня употребляют термины в том виде, в котором они впоследствии появятся в советских словарях и энциклопедиях.

Седьмое соответствие

Постановление Политбюро от 14 января 1935 г., аутентифицированное посредством анализа содержания:

В этом постановлении содержатся совпадения с пунктом «б» протокола № 16 от 2 ноября 1934 г. Звучит оно следующим образом:

«Принимая во внимание настоящие тенденции британской и итальянской политики в отношении Германии и учитывая наличие предпосылок к советско-германскому сближению, Политбюро ВКП (б) считает целесообразным рекомендовать руководству НКВД содействовать всемерно со своей стороны согласию французского правительства на удовлетворение и действительное проведение в жизнь германского требования о равноправии при условии участия Германии в системе международных гарантий безопасности».

Содержание в точности воспроизводит пункт «б» протокольного постановления от 2 ноября 1934 г., приведенный в пятом соответствии именно для этой цели. Как видно отсюда, борьба за сдерживание Германии некоторым образом продолжалась.

Совпадения, найденные в официальных документах сталинского времени

Не менее, чем соответствия с протокольными постановлениями Политбюро, важны совпадения, которые были найдены в официальных документах соответствующих периодов правления Сталина. Рассмотрим постановление Политбюро от 24 мая 1934 г., основанное на докладе Сталина, и проследим за тем, как Сталин употребляет слово «пересмотр». Доклад Сталина Политбюро назывался «О пересмотре основных предпосылок генеральной линии ВКП (б)». Этот доклад напрямую ведет к VII всемирному конгрессу Коминтерна, который прошел в Москве с 25 июля по 25 августа 1935 г.

На заседаниях VII всемирного конгресса Коммунистического Интернационала была высказана официальная поддержка Французскому Народному Фронту, который сформировался в процессе развития Объединенного Фронта коммунистов и социалистов. Создание обоих этих объединений — Народного Фронта и Объединенного Фронта — было начато постановлением Политбюро от 24 мая 1934 г., на основе секретного доклада Сталина, и было естественным итогом той ситуации, в которой оказалось Политбюро. Основными чертами этого постановления были следующие:

Изменившаяся ситуация в мире заставила руководство Партии пересмотреть генеральную линию ВКП (б) и предпринять тактическое отступление. Эти идеи отозвались в тезисах заключительной речи Георгия Димитрова на VII конгрессе Коминтерна (в то время Димитров был Генеральным секретарем Коминтерна). Он заметил: «Чтобы соответствовать требованиям изменившейся ситуации в мире, наш конгресс пересмотрел тактическую линию Коммунистического Интернационала»^[317]. Поскольку партийное руководство ВКП (б) контролировало Коминтерн, слова «наш конгресс» вполне можно приравнять по значению к словам «руководство Партии», а «тактическую линию Коммунистического Интернационала» к «генеральной линии ВКП (б)». Эти замены приведут к следующему высказыванию: «Чтобы соответствовать требованиям изменившейся ситуации в мире,

руководство Партии пересмотрело генеральную линию ВКП (б)».

Очевидно, что постановление 24 мая определило как план действия, который должен был быть принят Коминтерном (в заключительной речи Димитрова), так и сами слова, в которых этот план был сформулирован. VII конгресс Коминтерна, естественно, не мог допустить никаких отступлений от коммунистических принципов.

Слово «пересмотр», как мы увидим, было словом, которое партийные чиновники выбрали для обсуждения очень важных и чрезвычайно деликатных вопросов, связанных с отклонением от марксистско-ленинской идеологии. Это слово возникает в ситуациях, которые идеологически связаны с докладом 24 мая, оно встречается как до, так и после мая 1934 г. Яркий тому пример — защита Сталиным в 1926 г. своей теории социализма в одной стране — теории, которая является идеологическим предшественником доклада 24 мая. В этом докладе Сталин заявляет, что он «пересмотрел» марксизм^[318]. В обсуждении смены тактики Коминтерна в июне — августе 1934-го, когда высшим руководством Коминтерна выковывались первые звенья Объединенного Фронта, идеологического детища доклада 24 мая, самым употребляемым словом было слово «пересмотр». На коминтерновском конгрессе по Народному Фронту, следующем этапе идеологической эволюции доклада 24 мая, генеральный секретарь Коминтерна заявил 25 августа 1935 г., что: «наш конгресс пересмотрел тактическую линию Коммунистического Интернационала».

В своем докладе Политбюро 24 мая 1934 г. Сталин мог выбрать по меньшей мере восемь слов вместо слова «пересмотр»: (1) «изменение»; (2) «исправление»; (3) «переделка»; (4) «перемена»; (5) «переоценка»; (6) «перестройка»; (7) «поправка»; (8) «уточнение».

Тот факт, что Сталин выбрал именно это слово для секретного доклада, слово, используемое в серьезных дискуссиях о марксизме-ленинизме, показывает, как словарное совпадение помогает обнаружить источник.

Набор из 242 постановлений Политбюро на английском языке в переводе Ловенталя и МакДауэлл готовится к публикации в виде книги. В настоящее время эти постановления доступны в Гуверовском институте, в старом переводе Ловенталя.

Некоторые западные комментаторы не торопятся признать факт существования документов, относящихся к политике Сталина, которые были похищены из Кремля. Тем не менее советская система безопасности не была совершенной и не могла предотвратить потери некоторых самых важных секретов Советского Союза, несмотря на поразительные успехи НКВД в разведывательной деятельности. Что же касается данных 242 постановлений, то представляется вероятным, что они сыграли значительную роль в решении Гитлера напасть на Советский Союз.

Ричард Ч. Раак[\[319\]](#)

«Куда идет Польша?» — на свой вопрос Сталин ответил делом

Совместным с Гитлером нападением на Польшу в сентябре 1939-го Сталин ввел в действие давно подготовленный план. Одной из его целей было вернуть Советский Союз в границы царской России; другой — направить Красную армию на Запад через всю Европу. У него была и третья цель, связанная со второй, для достижения которой нужно было заставить германского фюрера, готового рисковать и обманывать самого себя, начать общеевропейскую войну. Но у Польши были западные союзники, Великобритания и Франция, связавшие себя договором пойти войной на Германию, если та будет угрожать независимости Польши.

Сталин ожидал, что европейская война, спровоцированная нападением Гитлера на Польшу, приведет к общественному и экономическому хаосу и к росту политического недовольства в воюющих странах — от Польши и до Ла-Манша. Местные коммунисты с помощью наступающих на запад советских армий используют беспорядки в тылу по всему континенту, чтобы звонить в поминальный колокол по «империализму» и капитализму^[320]. Полякам также было поручено установить «правительство рабочих и крестьян» советского типа, а существующее польское правительство обозвали, и не в первый раз, «фашистским». Так Сталин заранее представил Польшу в качестве модели для революций, которые кремлевский хозяин надеялся увидеть осуществленными по всему континенту^[321].

Гитлер отважился послать вермахт на Польшу в первый день сентября 1939 г. после того, как заранее тайно договорился со Сталиным, что тот нападет на Польшу с востока. Требовались удары обеих вторгающихся армий, чтобы быстро и полностью уничтожить польское сопротивление. Война к востоку от Германии должна была быть закончена прежде, чем западные союзники Польши смогут собрать превосходящие силы, необходимые для нападения на Германию с запада (чего на деле ни одна из держав не сделала). Польское сопротивление прекратилось через месяц с небольшим, временно отодвинув для Германии кошмар еще одной войны на два фронта. Во время секретных переговоров в Москве 23 и 24 августа 1939 г. нацистский и советский диктаторы согласились поделить Польшу после ее завоевания.

22 августа 1939 г., за день до отъезда нацистского министра иностранных дел Риббентропа в советскую столицу для переговоров об окончательных условиях пакта между двумя диктаторами, сделавшего возможным двойное вторжение в Польшу, Гитлер хвастался перед своими генералами: «Теперь Польша у меня в руках»^[322]. Сталин, смертельный враг Польши после поражения Советской России в польско-русской войне 1920 г., мог бы сказать то же — и с таким же наслаждением.

Кремлевский вождь долго мечтал об очередном разделе Польши. За несколько месяцев до серьезного начала переговоров о заключении нацистско-советского пакта от 23 августа 1939 г. Сталин и группа авторов нового советского партийного катехизиса, «Краткого курса истории ВКП (б)», стремились направить интересы Германии на Польшу. Небольшой намек на возможное германское нападение на Польшу появился в тексте «Краткого курса», который «Правда» публиковала с продолжениями как раз перед Мюнхенской конференцией в конце сентября 1938 г.^[323]

Это были не первые слова Сталина на эту тему. Советский заместитель комиссара иностранных дел Владимир П. Потемкин прогнозировал предстоящий раздел Польши между

Германией и Советским Союзом в статье, опубликованной несколькими месяцами ранее, в апреле 1938 г. Статья Потемкина, названная «Куда идет Польша?», была опубликована ведущим советским теоретическим журналом «Большевик»^[324]. Очевидно, что Сталин, начальник Потемкина, поручил ему опубликовать военный замысел Сталина по поводу Польши — и для чего, если не для того, чтобы старательные аналитики германского посольства в Москве заметили это предсказание?^[325] Частью работы германских дипломатов, как и многих из персонала других посольств в советской столице, было сообщать домой и официальные советские мнения, и намеки на внешнюю и внутреннюю политику, опубликованные в московской прессе. Оба задания требовали бесконечного терпения и усилий, чтобы понять нюансы «советского новояза», на котором нередко были выражены кремлевские откровения.

В статье замнаркома Потемкина в «Большевике» был следующий наставительный прогноз: «Гитлер хочет спустить Польшу против Советского Союза. Думает ли он, что хвастливые польские паны выйдут победителями из столкновения с колоссом? Разумеется, нет. Он желает лишь, чтобы они расчистили для Германии дорогу. Пусть польские войска будут разгромлены. Пусть даже снова, как в 1920 году, задрожит польская земля под копытами советской конницы. Фашистские поджигатели войны рассчитывают воспользоваться этим, чтобы двинуть и свои полки на польскую территорию^[326]. Гитлеру нужно, чтобы Польша была стерта в прах между двумя жерновами. Он хочет, чтобы Польша больше не существовала. Он пытается вновь привести эту страну к тому, что уже постигло ее в конце XVIII века. Гитлер готовит Польше четвертый раздел. Пусть повторяется история. Пусть новый Костюшко, бросив в отчаянии саблю, воскликнет: «Конец Польше!» — как было когда-то при Мацеевицах»^[327].

Затем Потемкин цитирует первого советского диктатора Ленина, выступившего с речью 1 марта 1920 г., незадолго до того, как он отправил Красную армию на запад к Варшаве и далее к германской границе. Заявляя, что он предложил полякам мир, Ленин пообещал присутствующим: «Но если Польша отвечает на наше мирное предложение молчанием, если она продолжает давать свободу французскому империализму, который натравливает ее на войну против России, если в Польшу каждый день отбывают новые поезда с военным снаряжением, если они нам грозят, что пойдут войной на Россию, то мы говорим: «Попробуйте! Вы получите такой урок, что не забудете его никогда».

Потемкин продолжил: «То, что сделал с Польшей в 1920 году французский империализм, пытается повторить ныне гитлеровская Германия... Может ли она [Польша] избежать этой участи? Вне всякого сомнения. Но для этого Польша должна иметь другое правительство, перестать служить орудием фашистских поджигателей войны, сделаться страной подлинной демократии»^[328]. Для Сталина и его рупора Потемкина образцом «подлинной демократии» был, разумеется, Советский Союз.

Благодаря исследованиям германского ученого Яна Липинского и до него польского ученого Ежи Томашевского мы знаем, что в феврале, за два месяца до публикации статьи Потемкина, замнаркома сам сообщил советнику болгарского посольства в Москве Николе Антонову, что готовится раздел Польши^[329]. По логике, Потемкин уже работал над статьей для «Большевика» в феврале 1938 г., когда передал ее суть болгарскому дипломату.

Давно было известно, что между болгарами и немцами существуют многолетние дружественные отношения, восходящие к их прошлому как союзников (и побежденных) в

Первой мировой войне. Болгарские монархи боялись Советского Союза, правительство которого убило своего царя. Более того, у России была давняя история вмешательства в дела на Балканах — расстраивая планы почти каждого государства там. После того как Гитлер милитаризовал Германию, некоторые малые, зачастую враждующие балканские страны вновь стали считать ее своей потенциальной защитницей. У них, у Германии и у других центральноевропейских стран был свой исторический опыт противодействия давнишнему движению России к турецким проливам через Румынию и Болгарию^[330]. Можно быть практически уверенным, что слова Потемкина Антонову были переданы как минимум одной стороне, заинтересованной в их содержании, то есть немцам.

В середине июня 1939 г. Сталин вновь воспользовался восприимчивыми ушами болгарского дипломата. В то время Гитлер и Сталин уже несколько месяцев предавались кокетливому обмену мнениями в попытке согласиться на взаимно удовлетворительную переделку их общих территориальных интересов в Центральной Европе, в конечном итоге приведшую к падению Польши^[331].

В середине июня 1939 г. советский поверенный в делах в Берлине Георгий Астахов, несомненно поддержанный его кремлевским хозяином, пытался ускорить обсуждение территориальных вопросов с немцами, тем не менее отделяя свои слова от официальных сообщений Кремля. Он взялся непрямо передать нацистским дипломатическим лидерам некоторую информацию о советских требованиях в грядущих переговорах. Чтобы быстро донести до нацистских дипломатических лидеров свои слова о добыче, которую Москва стремится получить, Астахов раскрыл некоторые советские требования Парвану Драганову, советнику болгарского посольства в Берлине. Затем Драганов передал услышанное Эрнсту Ворманну, руководителю политического отдела на Вильгельмштрассе^[332]. Драганов уверял Ворманна, что он был абсолютно поражен подходом Астахова. Он сказал, что в прошлом у него не было никаких особых отношений с Астаховым, и его удивило неожиданное внимание к нему советского поверенного в делах^[333].

Использование третьей стороны для передачи сообщений было лишь одним из методов Сталина^[334]. Отсюда и откровения: Потемкина — советнику болгарского посольства Антонову в феврале 1938 г., Астахова — Драганову в июне 1939 г. То, что Антонов, вероятно, доложил услышанное от Потемкина в министерство иностранных дел в Софии, подтверждается фактом его передачи, вместе со схожими сообщениями, советнику французского посольства в Софии в декабре 1938 г.^[335]

Позже упомянем еще несколько случаев, когда Потемкин помогал немцам обратить внимание на то, что Сталин заинтересован в новом разделе Польши. Но прежде нам нужно выяснить, почему слова заместителя наркома иностранных дел заслуживали оказанного им внимания. Начиная с 1937 г. появились слухи, что нарком иностранных дел Максим Литвинов скоро уйдет. На этот счет было много спекуляций и слухов. Например, даже в феврале и марте 1939 г. такие опытные дипломаты, как германский посол в Москве Фридрих Вернер фон дер Шуленбург и аналитик посольства США Чарльз Е. Болен, настаивали на том, что ветеран дипломатической службы Литвинов продолжает выполнять функции, согласно своему титулу главного дипломата Сталина. В феврале Шуленбург докладывал в Берлин, что не считает существенным сообщение о том, что Потемкин настаивает на уходе СССР от связей с Западом, включая действующий договор об обороне с Францией (1935 г.) и выход из Лиги Наций^[336].

Литвинов долго был рупором Сталина, провозглашавшим между 1935 и 1937 гг. (и даже позже, хоть менее часто) советские внешнеполитические мантры «коллективной безопасности» и «народного [объединенного] фронта». Эти лозунги наводили на мысль о заинтересованности Москвы в сотрудничестве с другими европейскими странами против агрессоров, названных Москвой: Германией, Италией и Японией. Но особенно после Мюнхена дипломаты начали улавливать серьезное изменение направления советских внешнеполитических интересов, включавшее отход от «коллективной безопасности», франко-советского договора 1935 г. и членства СССР в Лиге Наций. Дипломаты в Москве отмечали новые веяния в советской прессе, например, потемкинские заявления, процитированные Шуленбургом. Но дипломаты еще не могли подтвердить изменения, которые, как мы покажем далее, уже давно начали осуществляться.

Важно отметить: в преддверии нацистско-советских соглашений от 23 августа 1939 г. даже опытные аналитики кремлевской политики не были уверены во внешнеполитических намерениях Сталина и в том, кто действительно выражает позицию Советского Союза в этой области. Причина была в том, что Сталин хотел, чтобы это направление, то есть приближение к нацистско-советскому соглашению, оставалось непрямым. Гитлер, давно заинтересованный в близком союзе с Польшей, многие годы не проявлял особого интереса к заигрываниям Сталина^[337]. Как мы покажем далее, Сталин эффективно использовал и своего представителя, и советскую прессу, чтобы сохранить видимость актуальности обеих тенденций: его сохраняющуюся заинтересованность в «коллективной безопасности» и его антизападные интересы. Эти интересы означали полный отказ от «коллективной безопасности» как лейтмотива советской внешнеполитической агитации. На первый план было выдвинуто то, что в течение месяцев представлялось не более чем кокетливым заигрыванием с Гитлером, а на деле стало пактом от 23 августа 1939 г. — де-факто союзом с Гитлером. Ранее опубликованные взгляды Сталина на предстоящий нацистско-советский заговор против Польши прекрасно служили этому плану.

И Шуленбург, и Болен ошибались по поводу Литвинова в течение многих месяцев. В апреле 1937 г. ответственность за европейские дела была тихо отобрана у Литвинова и перешла к самому Сталину и к его ближайшему сотруднику, В.М. Молотову. Тогда же Потемкин был назначен заместителем наркома иностранных дел^[338]. Явно будучи обязанным скрывать ограничение своих полномочий, Литвинов старался отрицать слухи, появившиеся тогда же, в апреле 1937 г., о предстоящем германо-советском сближении^[339].

Через год с небольшим Литвинов еще стремился сохранять видимость полной занятости. Например, в январе 1939 г. он дал понять, что не будет участвовать, как часто делал, в ежегодном заседании Лиги Наций^[340]. Но только потому, говорил он, что на повестке дня Лиги не было ничего, что интересовало бы Советский Союз^[341]. Объяснение Литвинова было явно смехотворным. Используя Литвинова в качестве рупора, Сталин всегда находил, что сказать о любых международных делах.

Все это время, с апреля 1937 г. до официально объявленного снятия Литвинова с должности в начале мая 1939 г., он продолжал выполнять некоторые обязанности в своем наркомате, сочинять кое-какие дипломатические послания, даже в европейские представительства, и встречаться с кое-какими европейскими дипломатами — тем самым достойно играя роль подставного лица по требованию Сталина. Но с необъявленным отстранением Литвинова от «европейского отдела» Наркомата иностранных дел Потемкин

неофициально занял его позицию представителя Сталина по европейской внешней политике. Входящие дипломатические сообщения, прежде поступавшие Литвинову, теперь направлялись Молотову и от него — Сталину^[342]. Потемкин, хоть и без титула наркома по европейским делам, стал главным голосом Кремля и публицистом новой линии в этой области — по крайней мере, до официального увольнения Литвинова в начале мая 1939 г. Только тогда Молотов официально принял Наркомат иностранных дел. А до этого Сталин и Молотов лично занимались европейскими делами, но всегда за фасадом Наркомата иностранных дел, который представляли Литвинов и Потемкин. Слова Потемкина были словами Сталина. Его статьи, которые нарком иностранных дел Литвинов иногда обнаруживал уже после их публикации, представляли превалирующие внешнеполитические взгляды Кремля.

Вернемся к «Краткому курсу», где грядущая судьба Польши была предсказана в сентябре 1938 г. Этот текст, содержащий более 400 страниц, был важен не менее всего, выпущенного ранее издательским аппаратом Сталина. Кроме прочего, он известил о новой сталинской дипломатии — хотя и запутывая ее позиции типично непрозрачным советским новоязом. «Краткий курс» был составлен под непосредственным наблюдением Сталина. Он лично редактировал текст — хотя в последующие десятилетия не представлялся редактором. Он был также одним из его авторов^[343]. Несмотря на очень сжатый язык и осторожно сформулированные неопределенности, «Краткий курс» был важнейшим партийным документом.

Поскольку цель этой статьи — выявить один из наименее известных в истории эпизодов, помогающий понять, как началась война в 1939 г., а именно — польскую проблему, нам нужно обратиться к «Краткому курсу». Давайте вспомним, что его авторы, то есть Сталин, настаивали, что Польша — вероятная следующая жертва германской агрессии^[344]. Это не просто совпадение: точка зрения Сталина на грядущую судьбу Польши, опубликованная в «Кратком курсе» в сентябре 1938 г., и статья Потемкина «Куда идет Польша?», опубликованная несколькими месяцами ранее в «Большевике». Первоначально печатающийся с продолжениями в «Правде», «Краткий курс» был потом напечатан шестимиллионным тиражом на русском языке. Германский посол Шуленбург записал, что «Правда» превознесла «всемирно-историческое значение» этой книги, потому что «она предоставляет братьям и товарищам вне советских границ необходимые индикаторы [руководство] для осуществления революционного действия»^[345].

В соответствии с наклонностями Сталина как литератора и знатока культуры, авторы «Краткого курса» также заново развили философский марксизм-ленинизм — изложенный так, как хозяин Кремля понимал эту доктрину. Они также представили его взгляд на историческую значимость самого себя — после того, как чистки 1937–1938 гг. прекратили земное существование его конкурентов на корону Ленина. Посол Шуленбург так характеризовал биографию Сталина в «Кратком курсе»: после «очень грубой подделки фактов... авторы решили изобразить Сталина как непогрешимого исполнителя воли его учителя, Ленина, и искоренить память о действительных руководителях большевистской революции»^[346]. Сталин и его агенты переписали прошлое, чтобы повысить его роль в революционной истории. Убийство большинства соратников и противников из среды старых большевиков в чистках 1937–1938 гг. дало Сталину возможность значительно раздуть собственную важность. Он удалил свидетелей истории, могущих представить другие

взгляды.

Сентябрь 1938 г. был месяцем безнадежной пред-мюнхенской дипломатии на пике судетского кризиса. В то время Литвинов, номинальный нарком иностранных дел, истово предлагал свой товар Лиге Наций в Женеве под лозунгом «коллективной безопасности», пытаясь убедить иностранные правительства и общественность начать войну против нацистов^[347]. В течение того месяца и даже в последовавшие месяцы Литвинов часто использовал этот лозунг (далее покажем, что и советская пресса делала то же, хоть и менее часто). Но он делал это, как обычно, специфически не связывая предлагаемые коллективные антигитлеровские действия других стран со сходными действиями Советского Союза, который внесет «свою лепту» — что неоднократно обещал Литвинов и другие советские представители. Но ни Литвинов, ни другие, как отметил проницательный канадский дипломат, никогда не говорили, что собой представляет та самая «лепта»^[348].

Фактически же лозунг «коллективной безопасности» с подсобной линией политической агитации за «объединенный [народный] фронт», хотя и непрерывно провозглашался Литвиновым в Женеве в сентябре 1938 г., был уже, как и сам нарком иностранных дел, незаметно отодвинут Кремлем в сторону, как это видно из «Краткого курса». Отодвинут еще до того, как четыре державы встретились в Мюнхене в конце того месяца, чтобы умиротворить Гитлера, передав ему Судеты.

Вспомним, что «Краткий курс» был готов задолго до разрешения в Мюнхене спровоцированного Гитлером судетского кризиса. Но многие противники Оси, жившие в то время, как и бесчисленные историки, большинство из которых не цитировали «Краткий курс» и, возможно, даже не читали его, пришли к заключению, что Сталин только позже отказался от «коллективной безопасности». По их мнению — в результате личного разочарования отсутствием успеха в формировании «народного фронта» с западными державами для вооруженного противостояния требованиям Гитлера от Чехословакии^[349].

«Коллективная безопасность», хоть и не прямо отвергнутая в «Кратком курсе», не была упомянута на его страницах, где был провозглашен «новый период». Этот «новый период», то есть существующий, не был ясно определен. Но было сказано, что он следует после «периода парламентского оппортунизма». Он был также периодом движения истории от «классовых конфликтов» через революционное пролетарское действие, включая «период» пролетарской революции и заканчивая захватом власти пролетариатом, как только «империализм» будет свергнут^[350].

То, что «коллективная безопасность» была на деле отправлена в отставку еще до умиротворения в Мюнхене, становится очевидным ввиду заявления Сталина, тоже на страницах «Краткого курса», что партии Второго интернационала (то есть на кремлевском жаргоне социалистические и социал-демократические партии Запада) «были недостаточны для революционной борьбы пролетариата»^[351]. Эти партии, якобы преобладавшие в предыдущий период [«парламентского оппортунизма»], никогда не смогут, по мнению Сталина, «обеспечить руководство для подготовки пролетариата к революции». Это утверждение подчеркивало откровение Сталина, что старый «период» закончился. С его уходом Кремль незаметно похоронил вместе с «коллективной безопасностью» и ее подсобный объект, «народный фронт» — то есть продвигаемое Москвою сотрудничество некоторых секций коммунистических партий с некоторыми западными социалистическими партиями (партиями Второго интернационала) и даже с некоторыми буржуазными партиями

(как во Франции в 1936–1938 гг.). Но управляемый Кремлем Коминтерн, который формально отвечал за отношения Москвы с зарубежными секциями партии и прежде боролся за «коллективную безопасность» и «народные фронты» против «агрессоров», продолжал делать то же самое и в последующие месяцы — разумеется, только вне Советского Союза^[352].

Итак, как мы прежде установили, Кремль продолжал старательно усугублять путаницу в представлениях о своих внешних интересах, говоря одновременно обеими сторонами своего журналистского рта. Одному иностранному дипломату, заметившему в прессе тенденции новой политической линии, Потемкин указал в начале 1939 г., что советская пресса продолжала упоминать «коллективную безопасность»^[353]. Сталин поддерживал эту путаницу даже внутри СССР. Руководителю Коминтерна Димитрову он впервые сообщил о прекращении «коллективной безопасности» через семь дней после начала войны!^[354]

Следовательно, когда Литвинов выступал в Женеве, отход Москвы от очень успешных и привлекательных внешнеполитических лозунгов «коллективной безопасности» и «народного фронта» продолжался уже более года — хотя, вместе с уменьшением роли Литвинова, отказ от старого и переход в «новый период» тоже прошел, как говорилось выше, не замеченным многими дипломатами. Посол Франции в Москве (и позже в Берлине) Робер Кулондр, вспоминая потом в своих мемуарах о довоенном периоде и особенно об осени 1938 г., писал, что, хотя и ходили слухи о том, что Литвинов не в фаворе, его посольство продолжало ожидать от Москвы поддержки политики «коллективной безопасности», чтобы остановить германскую агрессию. Тем не менее и он слышал от Потемкина, что Москва, возможно, заинтересована в переговорах с Германией и в разделе Польши. Хотя Кулондр, по всей видимости, не читал апрельской статьи Потемкина в «Большевике», он услышал от своего талантливого поверенного в делах, Жана Пайара, о том, что Потемкин сказал ему и другим французским дипломатам, что Советский Союз может быть заинтересован в расчленении Польши^[355].

По возвращении в Москву в октябре 1938 г. Литвинов, очевидно, читал статьи Потемкина и более поздние откровения московской прессы на ту же тему. Ибо он тоже изложил Кулондру, предположительно осенью 1938 г., часть содержания статьи «Куда идет Польша?». Повторяя сталинскую линию, впервые выраженную Потемкиным, Литвинов сказал, что Советы не уважают польскую армию и видят в Польше поле боя или землю, о которой можно вести переговоры с Гитлером^[356].

Итак, ранние заявления Потемкина о разделе Польши были частью нового дерзкого внешнеполитического курса Кремля, который был публично, хоть и завуалированно, выражен в «Кратком курсе» и в других публикациях. Но эти информационные сигналы не закончились статьей Потемкина в «Большевике», обличением Гитлера в мнимом антипольском заговоре Сталиным и его соавторами по «Краткому курсу» и замечанием Литвинова Кулондру о польской армии.

* * *

Посол Шуленбург, ощущавший юмор, распространившийся в правительственной Москве в день созыва Мюнхенской конференции, был принят Потемкиным в тот же день, 29 сентября 1938 г. Потемкин, выражая гнев своего начальника на то, что его не включили в список приглашенных обсуждать судьбу Чехословакии в Мюнхене, пошел в атаку. Как только Шуленбург оказался в его кабинете, Потемкин разразился тирадами с кучей претензий,

направленных против Германии и всех стран, замешанных в Судетском кризисе, кроме своей собственной страны.

Сперва Потемкин гневался на европейский Запад за то, что тот не пошел по тропе войны, по которой его правительство хотело бы, чтобы этот Запад шел, и о которой Литвинов говорил в Женеве. Потемкин предупредил Шуленбурга, что участвовавшие в том, что он назвал «уничтожением» Чехословакии, пожалеют об этом. После окончания проповеди против Германии и западных держав Потемкин перешел к Польше. Он жаловался Шуленбургу, что поляки собираются с согласия Гитлера забрать кусок Чехословакии, на котором, по их словам, проживает польское население. Но, предостерег Потемкин, Польша тоже является страной со многими меньшинствами, хотя он, несомненно продуманно, упомянул из них только немцев и украинцев. (Шуленбург подчеркнул в своем отчете в Берлин, что Потемкин с особым выражением произнес слово «многие».) Он предупредил, что Польша будет сожалеть о территориальной экспансии за счет Чехословакии. Украинцы в Польше, угрожающе заметил Потемкин, начали «пробуждаться к действию»^[357].

Оплеуху получил еще один вождь — Муссолини, созвавший Мюнхенскую конференцию. Итальянцы заплатят за то, что поддерживают Гитлера, предсказал Потемкин. Он провозгласил (со значительно меньшей точностью, чем оказалось в действительности), что наградой Муссолини за созыв Мюнхенской конференции станет потеря Италией Южного Тироля, который перейдет Германии. Закончив словесное избиение всех участников Мюнхена, включая правительство Бенеша (проигравших чехословаков, представителям которых не позволили присутствовать на мюнхенской стрижке), Потемкин перешел на другую сторону, чтобы словесно помочь нацистскому режиму. Он лицемерно предупредил посла Шуленбурга, что Муссолини опасен^[358].

Обличительная речь Потемкина Шуленбургу от 29 сентября предвосхитила статью «Правды», появившуюся через два дня, 1 октября. Возможно, что именно замнаркома ее и написал. Так или иначе, журналисты Сталина были в курсе антипольской линии, изложенной Потемкиным германскому послу: «Правда» стремилась донести до Гитлера мысли Сталина о Польше, точно так, как Потемкин сделал это полгода назад в «Большевике». «Правда» заявила, что «поляки сами роют могилу независимости Польши». Скоро придет время, когда германские «фашисты» сделают раздел Польши «приказом дня», писалось там. Согласно «Правде», «германские фашисты давно присматриваются к некоторым частям Польши»^[359].

Через два дня Шуленбург предоставил Вильгельм-штрассе анализ послемюнхенских настроений в советской столице. В Москве, отмечал он, продолжают превалировать плохое настроение и чувство изолированности. Сталин не добился «милрой маленькой войны, в которой воюют другие», писал Шуленбург, и «которая принесла бы так много радости Москве». «Коллективная безопасность» пропала. «Хуже того: с точки зрения Кремля, никто не обращал на него ни малейшего внимания, а даже минимального внимания хватило бы на приглашение Сталина присоединиться к обсуждениям в Мюнхене. В результате гнев кремлевских пропагандистов был направлен против предавших дело Советов, в числе виновников были Лига Наций и особенно Британия и Франция». Лига тоже пропала, писал Шуленбург^[360].

Через два дня, 2 октября, в статье «Известий», будто бы собранной из донесений Литвинова о встречах Лиги в сентябре 1938 г., Сталин мог предложить западным державам

только игру без победителей. Они могли бы объединиться в «коллективном противодействии агрессорам», роль Советов в котором будет определена позже (судя по «Известиям», Москва снова не сделала твердого предложения присоединиться к этим усилиям). В противном случае, предостерегали «Известия», грянет война и вызовет общественное недовольство. Правительства Британии и Франции, опасаясь хаоса и общественных беспорядков, которые, безусловно, последуют за войной, капитулировали перед диктаторами.

Угроза революции в тылу (как произошло в 1917–1918 гг.) была отчетливо сформулирована «Известиями» и могла быть безошибочно понята всеми участниками, а также секциями зарубежных коммунистических партий, подчиняющихся указаниям Коминтерна в Москве.

Без коллективных действий против агрессии «капиталистам» не остается ничего, кроме как продолжать умиротворять «диктаторов» — захватчиков (классификация, которую авторы «Известий» наверняка не собирались применять к московскому вождю). Следовательно, у капиталистов скоро ничего не останется защищать. Капиталисты — французские были упомянуты особо — были обречены, если они что-либо сделают, и обречены, если не сделают ничего.

Согласно аналитикам германского посольства, статья в «Известиях» показала, что Советский Союз, учитывая его недавнее разочарование неудачей западных держав противостоять Берлину, тем не менее пока еще не решил принять новую линию в замену «коллективной безопасности»^[361]. Учитывая, что представители Сталина проповедовали от его имени одновременно несколько несопоставимых внешнеполитических линий, важной задачей было выяснить, которая из этих линий в конце концов заменит «коллективную безопасность», все еще декларируемую пропагандистами Сталина устно и печатно. Как обычно, исполнение предназначалось другим и без какого-либо определенного вклада со стороны Кремля. То есть сторонникам (среди них влиятельные партии на Западе, избегавшие чтения «Краткого курса» с его ссылкой на «новый период»), верившим, что Кремль связан обещанием «коллективной безопасности», были адресованы не более чем слова, которые Кремль и его дипломаты повторяли специально для их ушей.

Но через несколько недель после Мюнхена Сталин развернулся на сто восемьдесят градусов на двух дипломатических фронтах. Без попытки объяснения и без публичных объявлений неожиданной смены направления он взялся за улучшение двусторонних отношений и с Польшей, и с Германией. Однако в то же время, 23 октября, «Известия» снова напали на Мюнхенское соглашение, от которого Германия получила прямую выгоду, а Польша — непрямую. Казалось, что Кремль не мог повернуть кран пропаганды даже тогда, когда это требовалось для соответствия с существующей политической линией, но, разумеется, никогда не было лишь одной существующей линии в советской внешней политике. В статье «Известий» от 23 октября сталинский автор смело предсказал, что Германия и западные державы вновь вступят в конфликт и что Западу понадобится помощь Советского Союза. Он предоставит решающую мощь для противостояния «организаторам войны». По мнению автора, политики Европы знают, что «СССР выполнит свои европейские обязательства»^[362]. Но именно в этом сомневались многие мудрые головы по всей Европе.

Прошел еще месяц, 21 ноября, вопреки некоторым сообщениям об улучшении польско-советских отношений, авторы «Известий» сочли нужным вновь раскопать план Германии разделить Польшу. Как и Потемкин ранее, они взялись за перья в защиту национальных меньшинств Польши. Судьба Польши может стать такой же, как судьба Чехословакии,

предсказывали они. Западные земли Польши могут отойти Германии. «Карпатская Украина», тогда еще часть Чехословакии (но «население считает себя этнической частью великого украинского народа»), «может [вместе с соседней польской Галицией] стать славянскими Судетами». И, как зловеще заметил журналист «Известий», «в Польше есть еще и белорусы». Почему бы, предложил автор, не разбить существующую Польшу на три части, Польшу, Белоруссию и Украину, и западные земли страны не вернуть Германии? Британия и Франция бросили одного союзника, Чехословакию. Не сдадут ли они и другого, Польшу?^[363] Угрозы статьи в «Известиях» территориальной целостности Польши и Чехословакии были очевидны. Но московский брат мог (и действительно вскоре так и сделал) в конце концов объединить всех славян в просторных границах, определенных Кремлем, за железным занавесом. Грядущая война предоставила Сталину такую возможность. В 1944–1945 гг. он забрал Рутению, то есть Карпатскую Русь, у Чехословакии и присоединил к Советскому Союзу, осуществив таким образом собственное пророчество 1938 г.

Как было сказано ранее, в начале октября хозяин Потемкина неожиданно изменил свой курс по отношению к Польше в открытых дипломатических контактах. Потемкин, представляя Литвинова (заболевшего, как было сказано), сообщил 10 октября польскому послу Вацлаву Гржибовскому, что Советы хотят пожать любую протянутую им руку^[364]. Вскоре Гржибовский получил и неофициальное предложение резко увеличить советско-польскую торговлю^[365]. Между тем начиная с октября правительство Польши оказалось под увеличивающимся и нежелательным давлением из Берлина, толкающим к полной переделке отношений с Германией^[366]. Польский министр иностранных дел Йозеф Бек увидел в предложении Потемкина возможный путь к расширенным политическим дискуссиям с соседом, у которого вся история полна публичной вражды с Германией. Бек, видимо, не знал о продолжающейся кампании Москвы за раздел его страны и искал поддержки везде, где только можно.

26 октября Гржибовский и Литвинов собрались вместе для «размораживающей» политической дискуссии. Гржибовский поднял ряд вопросов и идей, одна из которых частично совпадала с предложением Сталина об увеличении торговли между двумя странами^[367]. 10 ноября Бек переправил Гржибовскому — для обсуждения с Литвиновым — некоторые предложения по общему улучшению двусторонних отношений, включая торговые^[368].

Несмотря на непрекращающееся антипольское бурчание в советской прессе, казалось, что оба правительства продвигаются к примирению. Их дипломаты публично говорили о разрядке отношений. Польско-советские отношения продолжаются на основе прежних соглашений, заявили в Москве их представители. Это заявление напомнило о Пакте о ненападении 1932 г. между двумя нациями, продленном до 1945 г., и о других документах, регулирующих советско-польские отношения. Два дипломата также сообщили о своем намерении заняться давно замороженными торговыми переговорами^[369].

27 ноября было опубликовано польско-советское коммюнике^[370]. Оба выступавших, Гржибовский и Литвинов, выразили желание разрешить противоречия и заняться торговыми переговорами. Коммюнике, как казалось, обоюдно укрепляло международные позиции Польши и Советов.

Риббентроп, разрабатывавший замысел Гитлера приблизить Польшу к Германии, в восторге не был. 26 ноября недовольный германский министр иностранных дел сообщил

польскому послу в Берлине Йозефу Липскому, что советско-польские договоренности «нарушают дружественные польско-германские отношения»^[371]. Польский посол Гржибовский также видел, что германские дипломаты в Москве не в духе. Они считали польскую кампанию на сближение с Кремлем более удачной, чем свою собственную^[372]. Если немцы были недовольны, то Сталин, явно работая на то, чтобы держать Германию и Польшу подальше друг от друга, был, несомненно, более чем доволен.

Несмотря на видимое польско-советское сближение, предсказания Потемкина не прекратились. В последующие месяцы и на улице Вержбова^[373], и на Вильгельмштрассе были получены схожие сообщения из финских источников. В январе 1939 г. финский дипломат слышал о предстоящем «четвертом разделе Польши», и об этом, по его словам, говорил в Париже французский генерал^[374]. Шестью месяцами позже, весной 1939 г., Вуперт фон Блюхер, германский советник в Хельсинки, получил похожее сообщение, но от совершенно другого финского чиновника. Этот финн сказал, что о предсказанном разделе Польши говорил Потемкин^[375].

* * *

При разделе Польши Советский Союз стал бы непосредственным восточным соседом Германии. Если удивительное преобразование европейской геополитики, вызванное таким изменением, не было тем, чего хотел Сталин, почему он не призывал к международной поддержке Польши и обеспечению ее существования? Если он не желал иметь нацистского соседа, почему он позволил своим агентам декларировать будущий статус Польши как нацистской (и советской) жертвы? Судя по этому и учитывая известную склонность Сталина приписывать другим то, что он сам имел в виду, мы можем с уверенностью сказать, что задолго до лета 1939 г. он задумал сделать Польшу субъектом грядущей германской и советской агрессии^[376].

Наконец и Гитлер понял. В конце марта 1939 г., после окончательного отклонения Беком предложений о близких отношениях и о польско-германском территориальном урегулировании, навязываемых Гитлером и Риббентропом властям Варшавы в течение нескольких месяцев, фюрер был вынужден с неохотой оставить надежду превращения правительства Варшавы в своего близкого партнера. Сталин находился тогда в идеальной позиции для соблазнения неумелого и нетерпеливого фюрера к вступлению в сталинскую игру^[377]. Сталин сказал Хрущеву после подписания пакта, что Гитлер «думает, что он меня обдурил, но это я его обдурил»^[378]. Мы очередной раз ловим Сталина на том, что он приписывает свои мотивы другим людям, в этом случае — обманутому Гитлеру.

С отказом Бека присоединиться к Берлину польская игра Сталина стала казаться упрямому самоослепленному нацистскому вождю также и его собственной — поскольку Сталин предложил то, что казалось единственным средством, с помощью которого Гитлер, планировавший установить германскую гегемонию в северной части континента, мог обезопасить свой восточный фронт, если придется послать войска на запад против Британии и Франции. Поспешность, с которой Гитлер вступил в пакт со Сталиным в августе 1939 г., была результатом его безрассудной ставки на свою способность справиться с польской опасностью непосредственно к востоку от Германии. И на надежду, что Сталин будет придерживаться в течение хоть какого-то времени условий их договоренности о разделе большей части континента.

Если на Польшу нападут нацистские войска (это описано Потемкиным в «Большевике» и предсказано «Кратким курсом»), как будет восточный сосед Польши, Советский Союз, справляться с такой агрессией против его самого большого соседа с запада? Раннее описание Потемкиным предстоящего раздела Польши точно предсказало поведение Кремля в этом случае. Две армии встретятся в побежденной Польше. Все, что Гитлеру и Сталину требовалось, — это заключить пакт, определяющий условия этой встречи, и нарисовать на бумаге демаркационную линию между двумя зонами оккупации. И то и другое было потом зафиксировано в нацистско-советском пакте от 23 августа 1939 г. и в дополнительных документах, и устных условиях, подготовленных тогда же и позже.

Александр Пронин

Советско-польские события 1939 г

Советско-польская война 1920 г. Версальский мирный договор и германо-советские отношения в 1922–1933 гг.

Правда истории не подлежит корректировке. Если, конечно, за правду не выдавалась ложь. Ныне мало у кого вызывает сомнение тот факт, что разгром Польши был осуществлен нацистской Германией при деятельной поддержке Сталина. Это означало, что два величайших тоталитарных государства в мире стали партнерами. Советское руководство было согласно с войной, чтобы поживиться частью ее плодов.

Глава советского правительства и одновременно народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., неоднократно подчеркивал прочность «новых» отношений между СССР и Германией. В одном случае он говорил о том, что «на смену вражде... пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией», в другом — о наступлении «последнего решительного поворота в политических отношениях между Советским Союзом и Германией...», в третьем — о том, что «новые советско-германские отношения построены на прочной базе взаимных интересов»^[379].

Предвосхищая и как бы подготавливая сталинское определение новых советско-германских отношений как «дружбы, скрепленной кровью»^[380], Молотов превозносил «общую» (Германии и СССР) победу над Польшей, для чего, по его выражению, «оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского до-говора»^[381].

Таким образом, истоки той «дружбы», которую провозгласил подписанный 28 сентября 1939 г. договор о дружбе и границе между СССР и Германией (в ст. 4 данного договора стороны согласились рассматривать осуществленное ими территориально-политическое переустройство в Польше как «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами»^[382]), берут свое начало в давнем недовольстве, испытываемом Германией и Советской Россией в связи с Версальским послевоенным устройством 1919 г. Это было признано В.М. Молотовым в упомянутом докладе от 31 октября 1939 г.

Не случайно уже после Второй мировой войны, в конце ноября 1945 г., утвержденный советской делегацией на Нюрнбергском процессе перечень не подлежащих обсуждению на нем вопросов, составленный по инициативе делегаций от США и Великобритании с целью воспрепятствовать встречным обвинениям защиты против правительств стран антигитлеровской коалиции, пунктом первым предусматривал запрет обсуждению отношения СССР к Версальскому миру, а пунктом девятым — вопроса советско-польских отношений^[383].

Дело в том, что в соответствии со ст. 87–93 Версальского договора^[384] Польша наделялась особой, ключевой функцией. По оценке доктора исторических наук Ю.Л. Дьякова и кандидата исторических наук Т.С. Бушуевой, она была превращена в своего рода опорный пункт как французской, так и всей «англосаксонской» системы Версаля и не только должна была «сторожить» Германию на востоке, но и препятствовать прорыву Советской России в Центральную Европу^[385]. Об этом же писал в книге «Германия между Востоком и Западом»

немецкий генерал фон Сект [\[386\]](#).

Для того чтобы лучше понять корни ситуации, сложившейся на международной арене в 1939 г. и во многом повлиявшей на заключение и содержание советско-германских соглашений, необходим экскурс в историю отношений Польши и России.

В ходе Первой мировой войны Польское королевство, являвшееся частью Российской империи, было оккупировано войсками Германии и Австро-Венгрии. Согласно ст. III и IV Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г. между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Россией, с другой стороны [\[387\]](#), ратифицированного Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов 15 марта 1918 г. в условиях, когда Советская власть едва родилась и была слабой, территория Польши отторгалась от России наряду с Прибалтикой, Украиной, частями Белоруссии и Закавказья.

Подписанная В.И. Лениным как председателем СНК 2 (15) ноября 1917 г. Декларация прав народов России [\[388\]](#), провозгласив равенство и суверенность народов России, предоставила им право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Поскольку названная декларация вступила в силу до подписания Брест-Литовского мирного договора, ее действие изначально распространялось и на народ, населяющий Польшу, ибо военная оккупация Польши как части России германскими и австро-венгерскими войсками не означала прекращения распространения российского государственного суверенитета на эту территорию [\[389\]](#).

Однако 12 сентября 1917 г. по соглашению между Германией и Австро-Венгрией приказом германского варшавского генерал-губернатора Безелера на территории Польского королевства был создан Регентский Совет, которому предписывалось осуществлять «верховную власть» в Польше, но на деле он являлся креатурой Германии и Австро-Венгрии и состоял из трех членов, назначенных германским и австро-венгерским императорами. В связи с этим советское правительство справедливо рассматривало Регентский Совет, просуществовавший до 13 ноября 1918 г., лишь как административный орган германской и австро-венгерской военной оккупации. 22 июня 1918 г., т. е. уже после заключения Брестского мира, наркоминдел России Г.В. Чичерин писал представителю польского Регентского Совета: «Поставленная в необходимость признать факт насильственного отторжения Польши от России, Советская Россия в то же время не может признать существующего в Польше так называемого Регентского Совета представителем воли польского народа. Именно потому, что Рабоче-Крестьянское Советское правительство признает за польским народом право на самоопределение, оно не может считать Регентский Совет чем-нибудь иным, как только органом германской оккупации» [\[390\]](#).

Ноябрьская революция 1918 г. привела к свержению кайзеровской монархии в Германии и установлению Веймарской республики. 13 ноября 1918 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет заявил, что «условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор... в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся... уступки территории и областей, объявляются недействительными» [\[391\]](#). В этот же день, 13 ноября, в Польше было сформировано правительство, провозгласившее Польшу независимой республикой и объявившее Регентский Совет стоящим вне закона, а 28 ноября советское правительство де-факто признало Польскую республику как самостоятельное государство [\[392\]](#). Воссоздание независимой

Польша было санкционировано Антантой при подписании 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора (ст. 87–93), но границы Польши, за исключением западной, которая в соответствии с ч. 2 ст. 27, ст. 87 и 88 приблизительно соответствовала границе 1772 г.^[393], т. е. времен первого раздела Польши, детально не регламентировались.

Тем временем Юзеф Пилсудский, член Польской социалистической партии, стал главой Польского государства. Он и его окружение трактовали ленинский декрет об отмене тайных договоров XVIII века относительно разделов Польши как автоматическое восстановление Польского государства в границах 1772 г. Такое толкование (по отношению к российской стороне) было, в общем-то, справедливым, ибо текст Декрета СНК от 29 августа 1918 г. об отказе от договоров правительства бывшей Российской империи с правительствами Германской и Австро-Венгерской империй, королевств Пруссии и Баварии, герцогств Гессена, Ольденбурга и Саксен-Мейнингема и города Любена гласил следующее: «Статья 3. Все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, отменяются настоящим бесповоротно. Статья 4. Все тайные договоры, соглашения и обязательства, заключенные, но не опубликованные в установленном для таких актов порядке, бывшими правительствами России с правительствами Австро-Венгрии, Румынии и государств, в состав последней входящих, отменяются бесповоротно...»^[394].

Помимо восстановления Польши в границах 1772 г., целям Пилсудского отвечало создание «санитарного кордона» — полосы изоляции, отделяющей Польшу от революционной России. Сторонники Пилсудского добивались объединения с Польшей (в форме федерации или включения в сферу ее влияния) Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, большей части Украины и даже Кубани и Кавказа.

Однако Антанта не признавала польские права на территории восточнее этнических польских земель.

Вопрос о восточных границах Польши обсуждался на мирной конференции в Париже, открывшейся 18 января 1919 г. На этой конференции была создана специальная комиссия по польским делам под руководством бывшего французского посла в Берлине Жюль Камбона. При подготовке решения вопроса о польско-русской границе эта комиссия исходила из решения делегаций главных союзных держав — Англии, Соединенных Штатов Америки, Италии, Японии, считавших необходимым включить в состав территории Польши лишь этнически польские области.

На основе вышеизложенного решения главных союзных держав Территориальная комиссия Парижской мирной конференции выработала линию восточной границы Польши, которая была принята союзными державами уже после заключения Версальского мирного договора и опубликована в Декларации Верховного совета союзных и объединившихся держав по поводу временной восточной границы Польши от 8 декабря 1919 г. за подписью председателя Верховного совета Ж. Клемансо. Позднее, в июле 1920 г., та же линия восточной границы Польши была подтверждена на конференции союзных держав в Спа и явилась основой для ноты от 12 июля 1920 г. британского министра иностранных дел Керзона советскому правительству, в которой он изложил примерную линию советско-польской границы, ставшую известной под именем линии Керзона^[395].

Но Пилсудский и его сторонники провели через комиссию сейма по иностранным делам требование отвода советских войск (постановление ВЦИК от 1 июня 1919 г. за подписью М.И. Калинина провозгласило образование военного союза советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для отпора наступлению общих врагов^[396]) «за границы 1772 г.». Фактически уже с февраля 1919 г. шли вооруженные столкновения между Красной армией и польскими воинскими частями.

В апреле 1920 г. польское правительство заключило с одним из лидеров националистического движения на Украине, Симоном Петлюрой, договор о совместных военных действиях против России. Пилсудский намеревался утвердить на Украине власть Петлюры, который обещал Польше часть украинской территории (идея Пилсудского о федерации не находила поддержки, не было о ней речи и в договоре с Петлюрой). Сменив рассуждения о федерации на практические дела, Пилсудский пошел силой перекраивать территории соседних народов.

Хроника этой никогда официально не объявлявшейся войны достаточно известна. 7 мая 1920 г. польские войска захватили Киев и вышли на левый берег Днепра. 26 мая Красная армия развернула контрнаступление, пересекла линию Керзона, отвергнув 17 июля предложения английского правительства о содействии в установлении перемирия между Россией и Польшей^[397], и вступила на этнические польские земли. 12 августа 1920 г. Красная армия подошла к Варшаве. Объяснение своего пребывания на польской земле бойцы Красной армии видели в идее «помощи братьям по классу»^[398].

Россию охватил ажиотаж близости мировой революции. Так, еще 9 мая 1920 г. «Правда» публиковала призыв: «На Запад, рабочие и крестьяне! Против буржуазии и помещиков, за международную революцию, за свободу всех народов!» Газеты восторженно писали о штурме Варшавы Западным фронтом (под командованием Тухачевского), о боях на подступах к Львову, которые вел Юго-Западный фронт (где членом Реввоенсовета был И.В. Сталин), публиковали приказ Тухачевского своим войскам: «Бойцы рабочей революции! Устремите свои взоры на Запад. На Западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!»^[399].

На знаменах боевых частей Западного фронта, на кумаче транспарантов сверкали лозунги: «На Варшаву!», «На Берлин!», собрания и митинги красноармейцев заканчивались хоровым кличем: «Даешь Варшаву!», «Даешь Берлин!»^[400].

В это время германские генералы, переводившие вооруженные силы на полуподпольное существование в виде спортивных обществ, землячеств ветеранов и т. п. и потому обладавшие реальной силой и властью в поверженной стране, решились на военный союз с «советским большевизмом» для разгрома Польши, стремясь ликвидировать последствия Версальского договора и восстановить общую границу с Россией. Эту идею четко сформулировал и всячески поддерживал главнокомандующий сухопутных войск рейхсвера фон Сект. Разгром Красной армией польских войск под Киевом и начавшееся их изгнание за пределы советских республик способствовали установлению тайных контактов германских генералов с председателем Реввоенсовета Л.Д. Троцким и созданию предварительных наметок сотрудничества^[401].

Штаб мировой революции — Коминтерн, его Второй конгресс, проходивший в те дни в Москве, назвал «белогвардейскую» Польшу «твердыней капиталистической реакции»^[402].

Коминтерн призывал: «Братья красноармейцы, знайте: ваша война против польских панов есть самая справедливая война, какую когда-либо знала история. Вы воюете не только за интересы Советской России, но и за интересы всего трудящегося человечества, за Коммунистический Интернационал... Красная армия есть сейчас одна из главных сил всемирной истории. Ближе то время, когда создастся международная Красная армия»^[403]. На весь мир был обнародован манифест Второго конгресса Коминтерна: «Коммунистический Интернационал есть партия революционного восстания международного пролетариата... Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказалась бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых. Дело Советской России Коммунистический Интернационал объявил своим делом. Международный пролетариат не вложит меча в ножны до тех пор, пока Советская Россия не включится звеном в федерацию Советских республик всего мира»^[404].

Согласно воззрениям участников определению Коминтерна, демократия — это фетиш, прикрывающий диктатуру буржуазии^[405]. Советское государство — государство диктатуры пролетариата (п. 9 главы пятой Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. провозгласил задачу установления диктатуры пролетариата «в целях полного подавления буржуазии»^[406].) Если к этому добавить, что диктатура как «особая форма государственной власти» есть «власть, опирающаяся не на закон, не на выбор, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения»^[407], что «научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»^[408], то нетрудно будет сделать вывод о том, какими методами эту власть намечалось устанавливать (пролетариат — непримиримый враг буржуазии, следовательно, советское государство — враг всех «западных демократий»^[409]). Поэтому-то — «пролетариат не вложит меча в ножны...» — в утвержденной 30 декабря 1922 г. первым съездом Советов Союза Советских Социалистических Республик Декларации об образовании СССР опять же «перед всем миром» заявлялось, что новое государство «послужит верным оплотом против мирового капитализма» и «новым решительным шагом» в создании «Мировой Социалистической Советской Республики»^[410]: намечалось количество советских республик увеличивать до тех пор, пока весь мир не войдет в состав СССР.

Но вернемся к советско-польской войне 1920 г. Как пишет В. Иванов, в обозах Западного фронта продвигались члены польского ревкома под руководством председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского и польское советское правительство, выпускали декреты и указы для оккупированных территорий, создавали органы Советской власти^[411].

«Поддержка вооруженной рукой дела советизации» — именно такая характеристика советско-польской войны была дана в проекте резолюции, предложенной 23 сентября 1920 г. для утверждения участникам Всероссийской конференции РКП^[412]. Эта война явилась своего рода репетицией событий, последовавших после 17 сентября 1939 г. Не случайно в принятой 29 октября 1939 г. Декларации Народного Собрания Западной Белоруссии «О вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики» подчеркивалась огромная роль «непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной армии» в деле «освобождения народов Западной Белоруссии от господства помещиков и капиталистов»^[413]. Подобная констатация содержалась и в принятой 27 октября 1939 г.

Декларации Народного Собрания Западной Украины «О вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики», где со всей прямотой говорилось: «... по указу советского правительства Красная армия освободила навеки народ Западной Украины от власти польских помещиков и капиталистов»^[414]. «Заслуги» Красной армии в установлении Советской власти на территориях других государств признавались и в Декларации сейма Литовской республики «О вступлении Литвы в состав СССР», принятой 21 июля 1940 г.: «С помощью могучей Красной армии... народ Литвы сбросил ярмо поработителей и установил в своем государстве Советскую власть»^[415]. Но об этом будет сказано позже.

В 1920 г. польские рабочие и крестьяне не проявили ожидаемой готовности присоединиться к русским «освободителям от капиталистического ига». Напротив, призыв главы Польской республики Ю. Пилсудского к народу оказать сопротивление Красной армии был горячо подхвачен поляками. На берегах Вислы, под Варшавой, начался сокрушительный разгром советских войск. Натиск Красной армии, интернациональной по духу, в пух и прах разбился о национальный патриотизм польского народа, едва обретшего государственную самостоятельность и не желавшего вновь становиться населением окраины Российской империи. Именно в этом усматривают причины поражения Красной армии в советско-польской войне 1920 г. исследователи последней^[416].

Тот факт, что Красную армию не стали поддерживать ни польские крестьяне, ни польские рабочие, подтвердили на IX Всероссийской конференции РКП (б) очевидцы. Так, член Реввоенсовета 15-й армии Западного фронта Д. Полуян заявил: «В польской армии национальная идея спаивает и буржуа, и крестьянина, и рабочего, и это приходится наблюдать везде»^[417].

Красная армия испытала унижение стремительного отступления. «Правда» писала: «... наша Красная армия, а значит, и мировая революция, отступает»^[418]. 28 августа польские легионы уже подошли к Минску. Советское правительство пошло на мирные переговоры, но уже с позиции побежденной стороны. 12 октября 1920 г. РСФСР и УССР подписали с Польшей договор о перемирии и прелиминарных условиях мира^[419], ст. 1 которого зафиксировала границу где на 150, а где и на все 200 километров к востоку от линии Керзона. В части пятой этой же статьи содержался отказ России и Украины от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к западу от этой границы. В свою очередь, Польша отказалась в пользу Украины и Белоруссии от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к востоку от этой границы. В ст. 2 договора о перемирии обе договаривающиеся стороны взаимно подтвердили полное уважение государственного суверенитета и воздержание от какого-либо вмешательства во внутренние дела другой стороны.

Итак, Белоруссия и Украина лишились своих западных областей. Разумеется, советское руководство было недовольно данной границей, как было недовольно оно и Версальским договором 1919 г. В.И. Ленин, выступая в 1920 г. в Москве на совещании уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов, назвал Версальский договор «неслыханным, грабительским миром», который «держится на Польше». Он признал, что «...нам не хватило сил довести войну до конца... У нас не хватило сил, мы не смогли взять Варшаву и добить польских помещиков, белогвардейцев и капиталистов, но... Красная армия показала, что этот Версальский договор не так прочен... Разоренная Советская страна летом 1920 г. была,

благодаря Красной армии, в нескольких шагах от полной победы»^[420].

На основе договора о предварительных условиях мира 18 марта 1921 г. между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, был подписан в Риге мирный договор^[421], в ст. 1 которого обе договаривающиеся стороны объявили о прекращении между ними состояния войны. Статья 2 практически повторяла регламентацию границы, установленную ст. 1 договора о перемирии от 12 октября 1920 г., ст. 3 была идентична ч. 5 ст. 1 договора о предварительных условиях мира. Статья 4 Рижского мирного договора 1921 г. провозглашала, что из прежней принадлежности части земель Польской республики к бывшей Российской империи не вытекает для Польши по отношению к России никаких обязательств и обременений (за исключением предусмотренных названным договором), равным образом из прежней совместной принадлежности к бывшей Российской империи не вытекает никаких взаимных обязательств и обременений между Украиной, Белоруссией и Польшей. В ст. 5 обе договаривающиеся стороны обязались взаимно гарантировать полное уважение государственного суверенитета другой договаривающейся стороны и воздерживаться от всякого вмешательства в ее внутренние дела, в частности, от агитации, пропаганды и всякого рода интервенций либо их поддержки. В ст. 23 Россия и Украина провозгласили, что все обязательства, принятые ими по отношению к Польше, распространяются на все территории, расположенные к востоку от государственной границы, указанной в ст. 2 настоящего договора, которые входили в состав бывшей Российской империи и при заключении данного договора были представлены Россией и Украиной. В частности, все вышеупомянутые обязательства распространялись на Белоруссию. Указанные положения договора приобретали особую важность в свете того, что позднее УССР, БССР и РСФСР вошли в состав единого государства — Союза ССР.

В последующие десятилетия память о войне тяготела над советско-польскими отношениями. Старый антирусский стереотип времен самодержавия в Польше не только не исчез, но закрепился, перенесенный на отношения с СССР. События 1920 г. объясняют, почему летом 1939 г. Варшава неизменно отвечала отказом на все предложения Англии и Франции пропустить через свою территорию советские вооруженные силы в случае агрессии со стороны Германии, чтобы они могли войти в соприкосновение с ее войсками, так как СССР общей границы с Германией не имел. Министр иностранных дел Польши Бек постоянно ссылаясь на заветы Пилсудского (Ю. Пилсудский умер в 1935 г.), согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории^[422]. (Этим же обостренным ощущением своей национальной независимости, о которое разбилась Красная армия в 1920 г., объясняется и то, что Польша, несмотря на весь свой антикоммунизм и далеко не дружественное отношение с СССР, осенью 1938 г. наотрез отказывалась присоединиться к антикоминтер-новскому пакту, считая это равносильным потере своей независимости и подчинению Германии. Таким же образом расценивала Польша и впервые выдвинутые Германией 24 октября 1938 г. требования дать согласие на присоединение «вольного города» Данцига, полученного Польшей по Версальскому договору (ст. 104)^[423] и дававшего ей доступ к Балтийскому морю, к Германии и на предоставление экстерриториальных (неконтролируемых польскими властями) дорог — железной и шоссейной — через «польский коридор» для связи с Восточной Пруссией. Гитлер впервые столкнулся с польским «упрямством», и именно тогда он, по выражению немецкого историка И. Фляйшхауэр, стал «искать пути и средства наказания Польши с помощью

России»^[424].) Летом 1939 г. отсутствие согласия по этому, как его называли, «кардинальному вопросу» явилось одной из причин того, что англо-франко-советские военные переговоры в середине августа 1939 г. зашли в тупик. Как пишут авторы «Краткого исторического очерка Великой Отечественной войны», «вместо надежной и реальной помощи своего восточного соседа — СССР, выразившего готовность гарантировать польскому народу сохранение национальной независимости и государственного суверенитета, польские правители предпочли иллюзорные гарантии западных стран — Англии и Франции»^[425].

О том, какие меры предприняло осенью 1939 г. советское правительство для «сохранения национальной независимости и государственного суверенитета польского народа», будет подробно сказано ниже. Упомянем здесь лишь, что, отвечая 12 мая 1995 г. на вопросы обозревателя газеты «Известия» К Эггерта, премьер-министр Польши Юзеф Олексы подчеркнул, что поляки до сих пор «не могут вычеркнуть из памяти германо-российскую агрессию в сентябре 1939 г. (означавшую со стороны СССР безусловное нарушение Рижского мирного договора 1921 г., равно как и других, более поздних, советско-польских соглашений. — А. П.), Катынь, сталинщину»^[426].

После советско-польской войны 1920 г. в Советском Союзе, в свою очередь, сложился стереотип «польской угрозы», укоренилось представление, будто мирная передышка в отношениях с Польшей носит временный характер. Все оперативные планы на случай войны^[427] на Западе, включая «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» от 1936 г. (он был последним из оперативных планов войны на Западе к моменту советско-германского сближения, произошедшего в 1939 г.), строились так, как если бы война ожидалась с одной только Польшей^[428]. Эти обстоятельства и повлияли в дальнейшем на внешнеполитические шаги советского руководства, легли в основу советско-германского сотрудничества, о котором речь пойдет ниже.

Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г., превратил Германию в третьеразрядное государство. Германия потеряла 67,3 тыс. квадратных километров территории в Европе и все колонии. Особенно унижительным оказались военные статьи: армия не должна превышать численности в 100 тыс. человек (ст. 160), офицерский корпус — 4 тыс. (ч. 3 ст. 160), на вооружении не должно быть тяжелой артиллерии (ст. 164), авиации (ст. 201), танков (ч. 3 ст. 171), подводных лодок (ст. 191), ликвидировался Генеральный штаб (ст. 160), все военные учебные заведения (ст. 176–177), отменялась всеобщая воинская повинность (ст. 173); Германии не разрешалось иметь военных миссий в других странах (ст. 179), ее гражданам проходить военную подготовку в армиях других государств (ст. 179). Требовалось выплатить Антанте многомиллионные репарации (ст. 231–244)^[429].

То был один из самых суровых военных приговоров в истории. По словам В.И. Ленина, условия Версаля были продиктованы «беззащитной» Германии «разбойниками с ножом в руках»^[430].

Вместе с Германией была унижена и Россия: последней отныне надлежало быть отделенной от Центральной и Западной Европы кордоном из государств, создание которых было узаконено победителями с целью предотвратить опасность проникновения большевизма в Европу^[431].

Образно говоря, поверженная в войне Германия и большевистская Россия стали в те дни париями Версаля.

Россия после Гражданской войны, интервенции Антанты и неудачной «польской

кампании», выявившей неподготовленность Красной армии к ведению боевых операций на чужой территории, оказалась, как и Германия, в международной изоляции и искала выход из трудного положения в союзе с Германией, нацеленном против Запада и Версаля.

В связи с тем что в результате поражения Красной армии под стенами Варшавы надежды на совместный (Германии и России) разгром Польши в 1920 г. рухнули, возобладала идея долговременного военного сотрудничества двух стран на основе взаимных интересов и с учетом общих врагов.

Использование разногласий в капиталистическом мире для развития отношений с Германией^[432] полностью соответствовало внешнеполитической линии, разработанной ЦК партии большевиков во главе с Лениным. Начало деятельности в рамках достигнутого Россией и Германией в феврале 1921 г. тайного соглашения о «восстановлении немецкой военной промышленности», вопреки положениям Версальского мирного договора, было санкционировано лично В.И. Лениным^[433], однако процесс активного взаимодействия с рейхсвером разворачивался уже после отхода Ленина в 1922 г. от полноценной политической деятельности в связи с болезнью.

Эту традицию тайных дел с Германией унаследовал Сталин. Поначалу (здесь и далее я излагаю события так, как они описаны в книге Т.С. Бушуевой и Ю.Л. Дьякова «Фашистский меч ковался в СССР») встречи военных и политических руководителей двух государств предусматривали возможность установления контактов в случае конфликта одной из стран с Польшей (так и произошло в сентябре 1939 г.), служившей опорой Версальской системы на востоке Европы. Далее сотрудничество России и Германии обрастало новыми идеями: Россия, получая иностранный капитал и техническую помощь, могла повышать свою обороноспособность, а Германия взамен располагала совершенно секретной базой для нелегального производства оружия, прежде всего танков и самолетов. (Именно они, как известно, и определили ход сражений Второй мировой войны.) Глава рейхсвера генерал Г. фон Сект видел в этом союзе возможность обойти наложенные Версальским договором военно-технические ограничения. Русские, по мнению фон Секта, могли бы при необходимости обеспечивать поставки боеприпасов для рейхсвера и в то же время сохранять нейтралитет, если возникнут международные осложнения^[434]. Он-то и начал практическую реализацию сближения с РККА.

Советско-германское сотрудничество постепенно набирало силу. И вот 16 апреля 1922 г. в итальянском городе Рапалло министры иностранных дел двух стран, Г. Чичерин и В. Ратенау, поставили подписи под договором^[435], который хотя и не имел секретных военных статей, тем не менее его важнейшим результатом стала политическая база для советско-германского военного сотрудничества, начало которому было положено ранее.

Договор был заключен при следующих обстоятельствах. В начале 1922 г. советское и германское правительства получили приглашение участвовать в международной конференции, которая открылась 10 апреля в Генуе. Эта конференция была плодом смелой политики британского премьера Д. Ллойд Джорджа, направленной на возобновление связей с Германией и Советской Россией, изгоями в европейском сообществе. Советскую делегацию представляли наркоминдел Г.В. Чичерин, руководитель наркомвнешторга Красин и заместитель народного комиссара по иностранным делам Литвинов. Однако конференция не оправдала надежд частично из-за твердой оппозиции Франции идеям Ллойд Джорджа (Франция осталась смертельным врагом и Германии, и Гитлера; прежде всего в ней автор

«Майн камф» видел силу, способную воспрепятствовать его экспансионистской политике и завоеванию господствующих позиций в континентальной части Европы), частично из-за того, что Великобритания и Советская Россия не смогли договориться относительно долгов и обязательств. Позиции сторон невозможно было сблизить никакими ухищрениями.

Итак, после того, как советской делегации в Генуе не удалось ничего добиться от западных союзников, она достигла соглашения по тому же кругу вопросов с германской делегацией, подписав его в Рапалло 16 апреля 1922 г. (Ситуация, в которой было заключено данное соглашение, имеет много общего с обстоятельствами подписания советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., в связи с чем последний часто называют «вторым Рапалло».) Дипломатические отношения были восстановлены, взаимные претензии по итогам Первой мировой войны были сняты, и, как следствие, военное сотрудничество получило прочный политический фундамент.

По мнению историков Дьякова и Бушуевой, «союз с Россией был единственным средством, с помощью которого Германия могла отплатить за унижение Версалем»^[436]. Рапалльский договор, каким бы внезапным и поспешным он ни был, оказался достаточно долговечным. Формально он оставался в силе почти 20 лет — до нападения фашистской Германии на СССР. Георгий Чичерин, заключавший договор, назвал его символом вынужденного сотрудничества обоих международных «козлов отпущения» — Германии и России^[437].

Демонстрация солидарности против союзных держав на Генуэзской конференции (позднее подобной же солидарностью было проникнуто, в частности, Заявление советского и германского правительств от 28 сентября 1939 г., в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, в противном случае именно они «будут нести ответственность за продолжение войны», а правительство Германии и СССР будут вынуждены консультироваться друг с другом о «необходимых мерах»^[438]) была сокрушительным ударом по западным союзникам, и это оказало большое влияние на дальнейший ход международных событий.

11 августа 1922 г., спустя всего лишь четыре месяца после того, как советская делегация на конференции в Генуе внесла предложение о всеобщем сокращении вооружения, было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной армии (поистине, германо-советские отношения 1939 г. — начала 1940 г., о которых речь пойдет позднее, развивались уже по ранее апробированному сценарию).

Сотрудничество обеих стран принимает разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем направления личного состава на маневры, полевые учения, академические курсы; совместные химические опыты (!); организация танковой и авиационной школ (!); командирование в Германию представителей советских управлений (Управления Военно-Воздушных сил, Научно-технического комитета, Артуправления, Главсанупр и др.) для изучения отдельных вопросов и ознакомления с организацией ряда секретных работ^[439].

Так, в 1924 г. в Липецке была создана авиационная школа рейхсвера, просуществовавшая почти десять лет и замаскированная под 4-ю эскадрилью авиационной части Красного Воздушного флота. Как утверждают Бушуева и Дьяков, многие, если не большинство немецких летчиков (Блюмензаат, Гейнц, Макрацки, Фосс, Теецманн, Блюме, Рессинг и др.), ставших позднее известными, учились именно в Липецке^[440].

По Версальскому договору (ч. 3 ст. 171) Германии запрещалось, как уже было сказано, иметь танки, и рейхсвер должен был обходиться без них. Но дальновидный фон Сект неоднократно проводил мысль о том, что танки вырастут в особый род войск наряду с пехотой, кавалерией и артиллерией. Поэтому, следуя данному тезису, немцы с 1926 г. приступили к организации танковой школы «Кама» в Казани^[441]. Подготовленная в «Каме» плеяда танкистов, среди которых было 30 офицеров, облегчила позднее быстрое создание германских танковых войск...

Наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР являлась «Томка», в которую немцы вложили около 1 млн марок. Это была так называемая школа химической войны, располагавшаяся в Самарской области, в непосредственной близости от территории автономной республики немцев Поволжья.

Между тем ч. 1 ст. 171 Версальского мирного договора запрещала Германии как пользование удушливыми, ядовитыми и тому подобными газами, всякими аналогичными жидкостями, веществами или способами, так и ввоз их в Германию.

В «Томке» испытывались методы применения отравляющих веществ в артиллерии, авиации, а также средства и способы дегазации загрязненной местности. Научно-исследовательский отдел при школе снабжался новейшими конструкциями танков для испытания отравляющих веществ, приборами, полученными из Германии, оборудовался мастерскими и лабораториями.

Бесспорно, что сотрудничество РККА и рейхсвера в трех названных центрах (с кодовыми названиями «Липецк», «Кама» и «Томка») осуществлялось вопреки Версальскому договору, в соответствии со ст. 168 которого местонахождение и создание подобных военных предприятий должно было быть согласовано и одобрено правительствами главных союзных и объединившихся держав.

Советская сторона получала ежегодное материальное «вознаграждение» за использование этих объектов немцами и право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках. Начальник вооружений РККА И. Уборевич говорил, что «немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения»^[442].

До поры германо-советское военное сотрудничество было скрыто от глаз общественности. Только статья в английской газете «Манчестер Гардиан» в 1926 г. открыла его. Следствием разоблачения стал правительственный кризис в Германии: кабинет премьера Маркса ушел в отставку. Социал-демократы в рейхстаге устроили демарш в связи с поставками в Германию снарядов из СССР.

Тем не менее возрождение германских вооруженных сил в Советской России продолжалось до 1933 г. «Именно здесь, в России, — утверждают изучившие огромное число документов историки Ю. Дьяков и Т. Бушуева, — были в значительной степени заложены основы будущих наступательных сил Германии, ставших в 1939 г. ужасом для Европы, а в 1941 г. обрушившихся на СССР»^[443]. Это мнение разделяет В. Иванов. «С горечью приходится признавать, — пишет он, — что большевистское правительство внесло немалую лепту в вооружение Германии для Второй мировой войны, обучение ее военных кадров в обход версальских запретов и тем самым прямо повинно в разжигании Второй мировой войны»^[444]. (Справедливости ради отметим, что рейхсвер параллельно имел тайные связи

такого рода и с другими странами.) И действительно, в течение шести лет — с 1933 по 1939 г. — «из ничего» создать сильный военно-воздушный флот и самое мощное на тот период времени танковое вооружение было не по плечу даже гению в области строительства вооруженных сил.

Вполне резонно может возникнуть возражение, что шел-де двусторонний процесс, что Красная армия училась у более подготовленного учителя. Но ведь, с одной стороны, закулисные сделки за спиной мировой общественности носят печать безнравственности, не говоря уже о том, что советское руководство фактически становилось соучастником противоправной деятельности Германии, проигнорировавшей нормы Версальского договора. А с другой — судьбы советских командиров высшего и среднего звена, стажировавшихся в Германии, окажутся трагическими. Почти все они будут уничтожены, а полученные ими в Германии военные знания и опыт навсегда канут в Лету. (Здесь-то и лежит ключ к разгадке репрессий в отношении многих деятелей РККА^[445].) Однако 28 сентября 1939 г., всего лишь через два года после грозного приказа наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г., в котором он объявил о раскрытии «заговора предателей и контрреволюционеров, действовавших в интересах германского фашизма», Ворошилов вместе с командармом 1-го ранга Шапошниковым, с одной стороны, и представителями вермахта — с другой, поставит подписи на военных протоколах, координирующих действия советских и германских войск в Польше осенью 1939 г.

Советско-германские договоренности 1939 г. ложились на почву, готовившуюся многие годы. Так, в 1930 г., когда отношения между двумя странами уже не отличались особой сердечностью, английский военный атташе в Берлине М. Корнуэль сообщал, что тем не менее «военные германские власти намерены поддерживать тесную связь со своим будущим могучим союзником в случае возможного конфликта с Польшей»^[446]. 12 мая 1933 г. В.Н. Левичев, военный атташе Советского Союза в Германии, сообщал в письме на имя Ворошилова об обстановке в рейхсвере: «...главной-то основой дружбы, включительно «до союза», считают все тот же тезис — общий враг Польша»^[447]. И такой настрой германских военных кругов, сохранившийся даже после гитлеровских «чисток», во многом предопределил, как мы увидим позднее, подписание германо-советского пакта о ненападении 23 августа 1939 г.

Думается также, что, наряду с другими причинами, в гитлеровской идеологии «похода на Восток» получила свое выражение порожденная «Версалем» враждебность Германии к Польше, особенно сильная в военных и правых кругах.

Интересно, что и советское руководство, заключив мирный договор с Польшей в 1921 г. и тем формально признав восточную польскую границу, неизменно подчеркивало свое недовольство сложившейся ситуацией. Так, посол Германии в СССР в 20-х — начале 30-х годов фон Дирксен 17 октября 1931 г. писал из Москвы о своей встрече с Ворошиловым, утверждая, что границы с Польшей Ворошилов считает, как это он подчеркивал в разговоре с начальником Генерального штаба рейхсвера Адамом, «неокончательными»^[448], а проводимые в то время СССР переговоры с Польшей и Францией нарком обороны СССР характеризует как «явление чисто политического характера, которое диктуется разумом»^[449]. (Запомним эту характеристику и задумаемся, нельзя ли будет подобным же образом охарактеризовать англо-франко-советские переговоры 1939 г. Так, французский исследователь коммунизма Б. Суварин, предсказавший пакт Молотова — Риббентропа за сто дней до его подписания, 7 мая

1939 г. на страницах «Фигаро» подчеркивал, что Сталин всегда стремился заключить союз с немцами. А сближение с Лондоном и Парижем было полезно Москве лишь для того, чтобы, ведя переговоры на двух фронтах, успешнее оказывать нажим то на одних, то на других^[450].)

12 декабря 1931 г. Ворошиловым в беседе с фон Дирксеном были сказаны следующие слова: «...ни при каких обстоятельствах, разумеется, не может быть и речи о какой-либо гарантии польской западной границы; советское правительство — принципиальный противник Версальского договора, оно никогда не предпримет чего-либо такого, что могло бы каким-либо образом укрепить Данцигский коридор (название полосы земли, полученной Польшей согласно ст. 100–108 Версальского договора^[451] и дававшей ей доступ к Балтийскому морю; нежелание Польши удовлетворить германские ультиматумы о возвращении Данцига послужило одной из причин, побудившей Гитлера начать «польский поход». — А. П.) или Мемельскую границу»^[452]. (Мемельская область с 1871 по 1918 г. находилась в составе Германской империи, затем под управлением Антанты и в 1923 г. возвращена Литве. Так возник Мемельский вопрос.) Не случайно уже в 1939 г. у нового посла Германии в СССР Шуленбурга на основании замечаний наркоминдел СССР Литвинова сложилось впечатление, что советское правительство не станет противиться включению Данцига в состав рейха^[453]. Особенность мнения подтверждается беседой, состоявшейся 26 июля 1939 г. между заведующим Восточно-Европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии Ю. Шнурре и советником полномочного представителя СССР в Германии Г.А. Астаховым, в ходе которой Астахов заявил, что «так или иначе Данциг будет возвращен Германскому государству и вопрос о Коридоре может быть каким-либо образом разрешен в пользу Германского государства»^[454].

Германское руководство в 1939 г., в свою очередь, также заверяло: «При любом развитии польского вопроса, мирным ли путем, как мы хотим этого, или любым другим путем, т. е. с применением нами силы, мы будем готовы гарантировать все советские интересы относительно Польши и достигнуть понимания с московским правительством»^[455]. 2 августа 1939 г. Риббентроп сделал Астахову «тонкий намек на возможность заключения с Россией соглашения о судьбе Польши»^[456].

Все это заставляет нас еще раз задуматься над тем, насколько объективно советская историография излагала внешнюю политику нашей страны, и тем, насколько искренне советское руководство стремилось избежать новой войны в Европе.

Как бы то ни было, однако после 1933 г. советско-германская дружба постепенно сходилась на нет, основа ее — военное сотрудничество — развалилась как будто бы совершенно неожиданно. По свидетельству фон Дирксена, инициатива разрыва исходила от СССР: «Советское военное руководство потребовало, чтобы рейхсвер прекратил осуществление всех своих мероприятий в России...»^[457].

Безусловно, приход к власти такой одиозной фигуры, как Гитлер, резко повлиял на внешнеполитический курс обеих стран. Фюрер стал врагом № 1 для коммунистов. Правда, не с подачи Сталина, который еще не определил своего отношения к новому режиму в Германии, а с подачи руководителя германских коммунистов Э. Тельмана после репрессий, которым подверглась его партия; тогда Коминтерн подхватил лозунг Тельмана «Гитлер — это война!» Коминтерн повел пропагандистскую войну против национал-социализма.

Тем не менее советско-германские контакты еще продолжались на разных уровнях, правда, характер их стал иным. В этот период не предпринимаются крупные

долговременные соглашения о сотрудничестве, и речь идет исключительно о малозначимых договорах, связанных с покупкой отдельных образцов военной техники и вооружения. Политика улыбок и всякого рода заверений в дружбе носит чисто дипломатический характер. На самом деле стороны проявляют все больше недоверия и подозрительности друг к другу, следя за каждым шагом партнера для выяснения характера перспектив дальнейших военно-политических отношений. И в данном случае действия командования РККА и рейхсвера лишь отражали (в своей специфической форме) те сложные неоднозначные процессы, которые вызревали у политического руководства двух государств при формировании своей внешней политики.

Однако, как пишет немецкий историк С. Хаффнер, «непосредственно перед уже казавшимся неизбежным столкновением появился еще один резкий поворот в курсе обеих стран...: пакт между Гитлером и Сталиным от 23 августа 1939 г.... Прелюдией к борьбе не на жизнь, а на смерть стало второе Рапалло»^[458].

Советско-германский договор о ненападении: юридический анализ

Из газетных публикаций:

«Правда» от 24 августа 1939 г.: «23 августа в 1 час дня в Москву прибыл министр иностранных дел Германии г-н Иоахим фон Риббентроп.... В 3 часа 30 минут дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдел СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шуленбурга и продолжалась около 3 часов.

После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписанием договора о ненападении».

Текст пакта был до предела лаконичен и насчитывал всего семь статей^[459]. По мнению М.И. Семиряги, это был типичный договор о ненападении или нейтралитете, составленный в классическом стиле^[460]. Доктор исторических наук М.И. Семиряга и доктор юридических наук Р.А. Мюллерсон^[461] отмечают, что подобные договоры заключались в прошлом и с другими странами как Германией, так и СССР. В сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.^[462] говорилось, что сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР. В п. 3 постановления Съезда, утвердившего выводы Комиссии, отмечалось, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований^[463].

С утверждением, что советско-германский договор о ненападении не нарушал международных обязательств СССР, имея в виду анализ ст. IV пакта, не представляется возможным согласиться, ибо названная статья обесценила франко-советский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г., равно как и ряд других международно-правовых соглашений СССР, о чем подробнее будет сказано ниже.

Также нельзя согласиться и с утверждением, что содержание данного пакта не расходилось с договорной практикой СССР. Подавляющее большинство заключенных СССР пактов о ненападении (ч. 2 ст. 2 советско-финляндского договора о ненападении и о мирном

улаживании конфликтов от 21 января 1932 г.^[464], ч. 2 ст. 2 польско-советского пакта от 25 июля 1932 г.^[465], ч. 2 ст. 2 пакта о ненападении между СССР и Францией от 29 ноября 1932 г.^[466], ч. 1 ст. 6 советско-латвийского договора от 5 февраля 1932 г.^[467], ч. 2 ст. 6 договора о ненападении и о мирном улаживании конфликтов между Союзом ССР и Эстонией от 4 мая 1932 г.^[468]) содержали положения об автоматическом расторжении пакта в момент начала агрессии другой стороной против третьего государства, т. е. обязательства по договору увязывались с миролюбивым образом действий партнера. Такое положение было включено даже в договор о дружбе (!), ненападении и нейтралитете между Союзом ССР и фашистской Италией от 2 сентября 1933 г.^[469] (ч. 2 ст. 2). В советско-германском договоре о ненападении от 23 августа

1939 г. названное положение отсутствовало. Не было его и в переданном В.М. Молотовым 19 августа 1939 г. на рассмотрение германской стороны советском проекте договора^[470]. В ситуации, в какой вырабатывались в августе 1939 г. советско-германские соглашения, данная оговорка не имела смысла: обе стороны отчетливо сознавали, что заключенный ими договор о ненападении означал германо-советскую агрессию против Польши. Поэтому неубедительна и свидетельствует скорее об истинных намерениях советского правительства, вопреки провозглашаемому (В.М. Молотов утверждал, что советско-германский договор «будет способствовать делу мира в Европе»^[471]), сделанная 31 августа 1939 г.

В.М. Молотовым попытка оправдать отсутствие в договоре пункта об автоматическом расторжении пакта в случае нападения одной из сторон на третью державу ссылкой на польско-германский договор о ненападении от 1934 г., где такой пункт также отсутствовал: названный польско-германский пакт фактически положил начало военному союзу Германии и Польши. Так же неубедительна и ссылка В.М. Молотова на англогерманскую декларацию о ненападении от 30 сентября 1938 г., подписанную Чемберленом перед его отъездом из Мюнхена (некоторые историки, обосновывая правомерность советско-германского договора о ненападении тем, что Англия и Франция еще раньше заключили с Германией подобные договоры, помимо названной англо-германской декларации упоминают также аналогичную ей германо-французскую декларацию от 6 декабря 1938 г.^[472]). Как указывает М.И. Семиряга, подобное сравнение невозможно по ряду причин. Во-первых, общая военно-политическая обстановка осенью 1939 г. несопоставима с тем же периодом предыдущего года хотя бы потому, что в 1938 г. Германия и не помышляла о серьезной войне. Во-вторых, правительства договаривающихся сторон согласились развивать добрососедские отношения, признали отсутствие между ними каких-либо территориальных споров и установили, что существующая между ними граница является окончательной. Можно ли эту договоренность считать предосудительной и почему она должна была при соблюдении ее партнерами вести к дестабилизации обстановки и вызывать какие-либо подозрения у советского правительства? Наконец, в-третьих, и это представляется особенно важным, декларации имели открытый характер и не содержали никаких секретных протоколов, направленных против интересов других стран. Кроме того, по своей форме они были декларациями, которые, как известно, отличаются от других соглашений тем, что представляют собой заявление двух и более государств, где выражены их позиции по обсужденным крупным проблемам и изложены общие принципы отношений между странами. Названные декларации соответствовали принципам международного права и не могли быть источником международной напряженности^[473].

Отдельные исследователи (в частности, А.С. Орлов^[474]) утверждают, что советско-германский договор о ненападении, по существу, повторяет Берлинский договор о нейтралитете, заключенный СССР и Германией 24 апреля 1926 г.^[475]. Данное мнение является серьезным заблуждением. Статья 2 (нейтралитет) пакта от 23 августа 1939 г. очень характерно отличалась от соответствующей статьи Берлинского договора 1926 г.^[476]: там обязательство нейтралитета обуславливалось «миролюбивым образом действий» партнера по договору, теперь же в советско-германском договоре о ненападении этого условия не было, как не было его и во взятом странами при выработке данного соглашения за основу советском проекте пакта. Советское правительство, по-видимому, сочло излишним придерживаться условия о «мирном поведении», учитывая явно воинственный настрой Германии. Соблюдение нейтралитета одной из сторон договора от 23 августа обуславливалось таким положением другой стороны, при котором она становилась «объектом военных действий со стороны третьей державы». Этим договор широко открывал двери для любого нападения Германии, «спровоцированного» якобы актом насилия со стороны третьей державы.

Формально Берлинский договор о нейтралитете, продленный гитлеровским правительством в 1933 г., оставался в силе, несмотря на политическое отчуждение обеих сторон, и к 23 августа 1939 г., после чего, хотя стороны при подписании пакта о ненападении отказались от упоминания в нем Берлинского договора, как это предусматривала преамбула советского проекта пакта, продолжал сохранять свое действие. Подтверждение этому прозвучало в сообщении В.М. Молотова на посвященном ратификации советско-германского договора о ненападении заседании Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 г.^[477].

Статья I (заявление об отказе от применения силы) германо-советского пакта о ненападении содержала обязательство «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». По своему содержанию она совпадала со ст. I советского проекта пакта.

В статье II (нейтралитет) была принята формулировка, отличная от формулировки советского проекта: если в советском проекте соблюдение нейтралитета имело предпосылкой ситуацию, при которой другая сторона окажется «объектом насилия или нападения со стороны третьей державы», то окончательный текст договора содержал лишь условие, что она должна стать «объектом военных действий со стороны третьей державы». Здесь германской стороне удалось настоять на формулировке, которая игнорировала вопрос о том, кто является инициатором «военных действий», и в которой квалификация любых «действий» других государств как просто «военных», по мнению германского доктора истории И. Фляйшхауэр^[478], лишала их объективного определения (насильственный акт, нападение) и тем самым передавала такое определение на усмотрение заинтересованной стороны. В этой формулировке особенно явно отразилась особенность этого «соглашения о нейтралитете», которое должно было действовать независимо от характера войны.

М.И. Семиряга отмечает^[479], что предусмотренное ст. II обязательство сторон не оказывать поддержки нападающей державе означало для Советского Союза, что он не мог поддерживать объявивших 3 сентября 1939 г. войну Германии Англию и Францию и, стало быть, объективно должен был стать на сторону Германии как «жертвы агрессии», что и

случилось после принятия 28 сентября 1939 г. совместного Заявления советского и германского правительств. Таким образом, приведенная статья не обеспечивала подлинно нейтральный статус СССР, довольно крепко связывала ему руки и ограничивала гибкость его внешнеполитической линии.

Статья III советского проекта пакта (вопрос о консультациях) была разделена на две статьи — III и IV. Первая из них была больше соотнесена с ситуацией войны, а вторая — с ситуацией мира: ст. III пакта о ненападении определяла, что «правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы». Консультации здесь не ограничивались, как это предполагалось в советском проекте, случаями «споров или конфликтов». Они должны были быть постоянными и поэтому служить предотвращению взаимного ущемления интересов в момент военной экспансии.

Как пишет И. Фляйшхауэр^[480], статья эта учитывала также (и прежде всего) пожелание Гитлера, чтобы Советский Союз ни под каким видом — например, на основании своих договорных обязательств в отношении Польши или Франции — не оказался втянутым в той или иной форме в предстоящий конфликт с Польшей на стороне названных стран. (Впрочем, осуществлению данного пожелания германской стороны могла способствовать также и ст. I Берлинского договора о нейтралитете, предусматривавшая поддержание контактов СССР и Германии с целью согласования всех вопросов, касавшихся совместно обеих стран.) Выражением этой заинтересованности Гитлера явилось упорное настаивание германской стороны на направлении в Берлин советской военной миссии и на аккредитации нового советского полпреда в Германии Шкварцева в последние дни перед нападением на Польшу. Во время Польской кампании эта возможность постоянных консультаций принесла Гитлеру свои самые благоприятные плоды: одним из результатов было дружественное соприкосновение вермахта с советскими воинскими частями в центре Польши. В ходе дальнейшей германской экспансии, в частности на Балканах, обязательство консультироваться стало все чаще нарушаться и, в конце концов, игнорироваться.

Учреждение арбитражных комиссий, предусматривавшееся советским проектом пакта о ненападении для устранения споров и конфликтов, применительно к случаю, который для Гитлера был единственно определяющим при принятии им решения пойти на заключение этого пакта, представлялось слишком громоздким и нерациональным с точки зрения затрат времени методом. Поэтому данное предложение нашло отражение в ст. V и было предусмотрено для решения таких «споров и конфликтов», которые не поддавались разрешению в рамках текущих консультаций, но непосредственно не мешали желательному ходу (военных) событий. На деле эта статья так и осталась неработающей.

В статье IV нашло свое воплощение стремление германской стороны нейтрализовать СССР, а также желание СССР не быть втянутым в войну на стороне Англии и Франции (доказывание последнего тезиса будет осуществлено ниже). Статья эта определяла, что ни одна из договаривающихся сторон «не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны». Гитлер полагал, что, заручившись подписью под этой статьей Молотова, он обеспечит прорыв «кольца окружения» вокруг Германии: угроза такого кольца возникла для Германии в ходе англо-франко-советских переговоров лета 1939 г. Однако статья эта повлекла за собой и то, что антикоминтерновский пакт как группировка, направленная против Советского Союза, утратил свою силу: содержащееся в статье определение наложило на Германию

ограничения на ее отношения с Японией. Еще одним фактом, опровергающим суждение о том, что пакт о ненападении не выходил за рамки договорной практики СССР, является отсутствие в ст. IV пакта обычного в договорах такого рода (например, ст. 3 пакта о ненападении между СССР и Францией от 29 ноября 1932 г., ст. 4 польско-советского пакта от 25 июля 1932 г., ст. 5 советско-итальянского договора о дружбе, ненападении и нейтралитете от 2 сентября 1939 г.^[481]) положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе. Не было этого положения и в советском проекте пакта о ненападении. Это означало, что фактически утратили силу, в частности, обязательства СССР из ч. 1 ст. 2 франко-советского договора о ненападении, предусматривавшей отказ сторон в случае нападения на одну из них третьей державы от прямой и косвенной помощи и поддержки нападающего в течение всего конфликта, обязательства из ч. 1 ст. 5 названного пакта, налагавшей на СССР запрет поощрения пропаганды или попытки интервенции, имеющей целью нарушение территориальной целостности Франции, изменение силой политического и социального строя или части ее территории. Это означало также, что фактически утратили силу обязательства СССР из продленного СССР и Польшей до 1945 г. польско-советского договора о ненападении и о неучастии во враждебных сторонам политических комбинациях^[482]. Тем самым ст. IV советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. открывала путь германо-советской агрессии в отношении как Польши, так и Франции.

Говоря о ст. IV пакта, необходимо упомянуть вот о чем. 5 апреля 1941 г. был заключен договор о дружбе и ненападении между Союзом ССР и Югославией^[483]. Этот договор был подписан всего через несколько дней после того, как в Югославии (в ночь с 26 на 27 марта 1941 г.) произошел государственный переворот, в результате которого у власти оказалось проанглийское, антифашистское правительство во главе с генералом Д. Симовичем. Сразу же после 27 марта югославский Генеральный штаб вместе с греческим Генеральным штабом и верховным командованием высадившейся в Греции британской экспедиционной армии начали активно готовиться к совместным операциям против Германии и Италии. В этих условиях СССР и счел для себя целесообразным подписать с новым югославским правительством пакт, ст. 2 которого налагала на стороны обязательства «соблюдать политику дружественных отношений» по отношению к той из договаривающихся сторон, которая станет объектом нападения со стороны третьего государства. Таким образом, названная статья говорила не о нейтралитете сторон в случае нападения на одну из них третьей державы^[484], а подразумевала обязательство взаимопомощи^[485]. В ситуации, существовавшей в апреле 1941 г., ст. 2 советско-югославского договора о дружбе и ненападении означала поддержку Советским Союзом антигерманского правительства Югославии в случае его войны с Рейхом, неизбежность которой была очевидна (военные действия между Германией и Югославией начались уже на другой день после подписания советско-югославского пакта). Итак, с заключением договора о дружбе от 5 апреля 1941 г. СССР фактически присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии. Безусловно, что эти действия советского правительства противоречили ст. IV советско-германского договора о ненападении, запрещавшей договаривающимся сторонам участвовать в какой-либо группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Подобно советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., советско-югославский пакт о дружбе и ненападении также не содержал положения о том, что обязательства,

вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе. Отказ СССР от включения в пакт с Югославией этой нормы означал, что СССР более не считал себя связанным договором с Германией о ненападении, перейдя в стан ее военных противников.

Подписание соглашений о дружбе сначала с фашистской Германией (договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), затем с антифашистской Югославией (пакт от 5 апреля 1941 г.) как нельзя лучше высвечивало истинные цели советского руководства: подталкивать одну воюющую сторону против другой, ослабить и Германию, и Европу, а затем воспользоваться этим в интересах социализма.

В статье IV советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. — по желанию германской стороны — срок действия пакта был определен на 10 лет (с автоматическим продлением на следующие пять лет, если за год до истечения срока действия договор не будет денонсирован одной из сторон), а не, как предусматривал советский проект, на 5 лет. Наконец, ст. VII договора предписывала вступление его в силу «немедленно после подписания», в то время как советский проект предусматривал вступление его в силу лишь после ратификации. Что же касается сроков ратификации, то и проект, и сам договор предписывали сделать это «в возможно короткий срок»^[486]. Тем самым советская сторона уступила давлению цейтнота, испытывавшегося Германией в сфере военного планирования. Однако обмен ратификационными грамотами, после чего договор стал действующим правом, состоялся в Берлине лишь 24 сентября 1939 г.

Уже в довоенный период имелась общепризнанная обычная норма о том, что война между государствами прекращает действие международных договоров. В качестве примера здесь можно привести ст. 289 Версальского мирного договора, в соответствии с которой союзные державы должны указать двусторонние договоры, которые существовали до Первой мировой войны между ними и Германией и действие которых они желали бы возобновить. «Только те двусторонние договоры и конвенции, — говорилось в этой статье, — которые станут предметом такого указания, возобновят свое действие между союзными государствами, с одной стороны, и Германией — с другой. Все другие остаются отмененными»^[487]. Аналогичные положения содержались в ст. 241 Сен-Жерменского мирного договора от 10 сентября 1919 г. и ст. 224 Трианонского мирного договора от 4 июня 1920 г.

Следовательно, договор о ненападении между СССР и Германией прекратил свое действие 22 июня 1941 г., т. е. с момента нападения Германии на Советский Союз, как и все советско-германские соглашения, существовавшие на тот момент. Подтверждение этому прозвучало в сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.^[488] и в п. 4 одноименного постановления Съезда^[489].

Что касается послевоенной Европы, то, как указывалось в сообщении Комиссии СНД СССР, строилась она на международно-правовых нормах, имеющих иные истоки, что отражено прежде всего в Уставе ООН и Заключительном акте Общеευропейского совещания 1975 г.

Произведенный международно-правовой анализ касается только договора о ненападении от 23 августа 1939 г., ставшего «головным» в системе других политических, экономических и торговых договоров и соглашений между СССР и Германией, и не относится к протоколу о разграничении «сфер интересов», подписанному в тот же день.

В абзаце 2 п. 3 упомянутого постановления Съезда народных депутатов СССР констатировалось, что «подлинники протокола не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах. Однако графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его подписания и существования»^[490]. Поставив свою подпись под такими выводами Комиссии Съезда, председатель Верховного Совета Союза ССР М.С. Горбачев согласился с ними, хотя ему лучше всех остальных было известно, что подлинники секретных протоколов реально существовали: в 1987 г. последний советский лидер лично ознакомился с этими документами^[491].

Указами Президента России Б.Н. Ельцина архивы КПСС были переданы в Государственную архивную службу Российской Федерации, которая занимается их рассекречиванием. В результате этой работы 30 октября 1992 г. историком Д.А. Волкогоновым были найдены тексты как советских, так и германских оригиналов документов с грифом «Совершенно секретно» о советско-германских отношениях 1939–1941 гг., хранившиеся в «Особой папке» в ЦК КПСС (Москва, Старая площадь, 4). В настоящее время документы находятся в Архиве Президента России. Впервые эти документы опубликованы в журнале «Новая и новейшая история», 1993, № 1.

Отметим, что как договор о ненападении, так и секретный протокол от 23 августа 1939 г. был составлен на немецком и русском языках, причем были подписаны как немецкий, так и русский тексты. Секретный дополнительный протокол был изготовлен только в двух экземплярах — один на русском, другой на немецком языке. Один экземпляр был после подписания 23 августа 1939 г. оставлен в Москве, а другой Риббентроп привез в Берлин, где немецкий экземпляр хранился в особом месте канцелярии Риббентропа. В течение 1943–1944 гг. этот протокол вместе с другими документами канцелярии Риббентропа был микрофильмирован, а весной 1945 г., по соображениям безопасности, был перевезен в имение Шенберг, что в Тюрингии. В последние дни войны по приказу из Берлина значительная часть перевезенных документов была сожжена. Войскам западных союзников удалось спасти часть этого важного архива и вывезти в безопасное место. Однако секретного дополнительного протокола среди них не оказалось^[492].

Весьма вероятно, что упорное и уверенное отрицание в СССР на протяжении сорока с лишним лет факта существования секретных протоколов было вызвано тем, что после окончания войны в Европе немецкий подлинный экземпляр секретного протокола от 23 августа 1939 г., как и немецкие подлинники более поздних советско-германских договоренностей, оказались в Москве. Таким образом, Москва оказалась единственным хранителем подлинников секретных соглашений.

В постановлении от 24 декабря 1989 г. (п. 6) Съезд народных депутатов СССР констатировал, что Сталин и Молотов не познакомили с секретным протоколом ни членов Политбюро, ни кого-то из народных комиссаров либо партийных и государственных функционеров, не подумав также о его ратификации. Однако признавать недействительность секретного дополнительного протокола на основании того, что он никогда не был ратифицирован^[493], нельзя, ибо согласно ст. 2 действовавшего на момент подписания протокола от 23 августа 1939 г. (равным образом это относится и к протоколу от 28 сентября 1939 г. и от 10 марта 1941 г.) Закона СССР от 20 августа 1938 г. «О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР» ратификации подлежали лишь заключаемые

СССР мирные договоры, договоры о взаимной обороне от агрессии, договоры о взаимном ненападении, а также те международные договоры, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации^[494]. Ни к одному из перечисленных видов международных договоров советско-германские секретные договоренности отнести невозможно, и причину их недействительности надо искать в другом.

Секретные протоколы от 23 августа и 28 сентября 1939 г., от 10 января 1941 г. являются недействительными с самого начала, потому что они противоречили принципу суверенного равенства государств, т. е. императивной норме международного права. Польский ученый, судья Международного суда ООН М. Ляхс пишет, что договоры, в которых решаются вопросы жизненных интересов некоторых государств без их участия и согласия, не только лишены обязательной силы в отношении третьего государства, но и вообще недействительны с точки зрения права^[495]. Данное положение полностью относится к секретным протоколам, заключенным между СССР и Германией. Поэтому, как явствует из постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.» (п. 5), прежде всего на основании именно этих причин Съезд признал названные протоколы (п. 7) «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»^[496].

Перечисленные секретные договоренности имели неправомерный объект. В «сферу интересов»^[497] договаривающихся государств они включали территорию третьих стран. Всякий договор, касающийся интересов, прав и обязанностей третьих государств, независимо от того, что имеется в виду под интересами и понимаются ли они и их реализация сторонами одинаково, не может налагать каких-либо обязательств на эти третьи страны. Он не предоставляет также каких-либо прав сторонам договора относительно этих третьих государств. Такой договор нарушает общепризнанный принцип права договоров — договор не предоставляет прав третьей стороне, не налагает на нее обязательств^[498]. В абзаце 2 п. 7 названного постановления Съезда справедливо отмечалось, что «протоколы не создавали новой правовой базы для взаимоотношений Советского Союза с третьими странами, но были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушении взятых перед ними правовых обязательств»^[499].

Поскольку недействительный с самого начала договор не порождает каких-либо юридических последствий и все, совершенное во исполнение подобного договора, возвращается в первоначальное состояние, судить о правомерности или неправомерности включения в состав СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии можно, лишь изучив процессы самого присоединения, что и будет сделано далее.

Статс-секретарь МИД Германии фон Вайцеккер писал в свое время о протоколе от 23 августа: «Значение этого документа было потому столь велико, что он касался разграничения сфер интересов, проводя черту между теми территориями, которые при данных обстоятельствах должны принадлежать советско-русской сфере, и теми регионами, которые в таком случае должны войти в германскую сферу»^[500]. Этими обстоятельствами в представлении обеих сторон были война (как утверждает И. Фляйшхауэр, употреблявшиеся в п. 1 и 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. слова «территориально-политическое переустройство» недвусмысленно указывали на то, что в данном случае речь

шла о заключении союза для войны. Согласованное таким образом «переустройство» могло наступить либо в ходе военных столкновений, либо вследствие захвата и применения силы^[501]), разрушение традиционного, основанного на Версальской системе политического, территориально-административного и даже социального и этнического строя в расположенных между Балтийским и Черным морями государствах Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В связи с этим секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г., как и подписанное Молотовым и Шуленбергом 28 августа 1939 г. разъяснение к этому протоколу^[502], а также секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. об изменении советско-германского соглашения от 23 августа 1939 г. относительно сфер интересов Германии и СССР^[503] носили характер, явно противоречивший пакту Келлога-Бриана.

К подписанному 27 августа 1928 г. всеми основными державами мира, в том числе Германией, пакту Келлога^[504] СССР присоединился 6 сентября того же года. Более того, обязательства из пакта Келлога по предложению СССР были досрочно введены в действие между СССР, Польшей, Румынией, Эстонией, Латвией и Литвой в 1929 г. (соглашение об этом фигурирует в литературе под названием Московского протокола, который был ратифицирован ЦИК Союза ССР 13 февраля 1929 г.). В статье 1 пакта Келлога-Бриана стороны осудили метод обращения к войне для урегулирования международных конфликтов и торжественно провозгласили отказ в своих взаимоотношениях от войны как орудия национальной политики, а в ст. 2 обязались разрешать все могущие возникнуть между ними в будущем разногласия или конфликты независимо от характера их происхождения только мирными средствами.

С подписанием вышеперечисленных секретных договоренностей СССР и Германия присвоили себе право покушаться путем вооруженного насилия на суверенитет борющихся за сохранение своей независимости государств, следовательно, однозначно нарушили принятые на себя из пакта Келлога-Бриана обязательства.

Вследствие того, что в названии секретных протоколов от 23 августа и 28 сентября 1939 г. фигурирует слово «дополнительный», их часто рассматривают как протоколы к соответствующим договорам, заключенным в те же дни, т. е. как их неотъемлемые части. Тогда протоколы, составляя вместе с договорами определенную целостность, превратили бы в недействительные и сами договоры. Однако с точки зрения Р.А. Мюллерсона^[505] (и с ней следует согласиться), такой подход весьма сомнителен, поскольку, если обе стороны договора хотят, чтобы какие-либо существующие формально обособленные документы считались частью договора, об этом всегда прямо говорится либо в договоре (именно это и предусматривал советский проект пакта о ненападении, содержащий постскрипtum о том, что названный договор вступает в силу только в случае одновременного подписания являющегося составной частью пакта специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для договаривающихся сторон; от этого упоминания стороны в ходе переговоров бескомпенсационно отказались, придав протоколу секретный характер), либо в этих дополнительных документах. Но таких указаний в них нет. Нельзя слова преамбулы секретного протокола от 23 августа 1939 г. о том, что «при подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной

Европе», рассматривать как указание на то, что протокол стал в силу этого неотъемлемой частью договора о ненападении и выводить из этого недействительность последнего.

В статье 4 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. о границе сфер интересов Германии и СССР обуславливалось, что обе стороны будут сохранять его «в строгом секрете». Советское правительство до последнего момента выполняло это обещание. Наряду с (последующим) желанием советских руководителей удержать в своих руках те будущие союзные республики, которые достались Советскому Союзу во исполнение возможностей, вытекавших из подписанных в 1939–1941 гг. с Германией секретных протоколов, а также наряду со стремлением сохранить выгодные военно-стратегические позиции на пространстве от Балтийского до Черного моря, которые им предоставляли эти договоры, прежде всего глубокий стыд помешал им в открытую декларировать свою причастность к этим соглашениям: в 1939 г. советские лидеры прочно вступили на ложный путь готовности к противоречившей всем международно-правовым нормам экспансии.

В пункте 5 постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. констатировалось, что протокол от 23 августа 1939 г. и другие секретные протоколы, подписанные с Германией в 1939–1941 гг., «как по методу составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов политики»^[506]. С этой оценкой Съезда полностью солидарна И. Фляшхауэр^[507].

Данные суждения не выдерживают критики по следующим основаниям.

Формулировка «ленинские принципы внешней политики» имеет своим содержанием открытость международно-правовых соглашений, провозглашенную в абзаце 8 принятого 26 октября 1917 г. Вторым съездом Советов Декрета о мире, где говорилось: «Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом»^[508]. (Текст декрета был написан В.И. Лениным.) Однако процитированная норма отнюдь не стала правилом советской внешней политики. Достаточно вспомнить роль Ленина в становлении и развитии тайного и незаконного советско-германского военного сотрудничества, опиравшегося на одобренные им секретные договоры с германским правительством. Так что тайные соглашения 1939–1941 гг. были всего лишь продолжением ленинских традиций, хорошо усвоенных Сталиным и его ближайшим окружением.

Советско-польские события 1939 г. «Четвертый раздел» Польши

Подобно тому как польские лидеры Пилсудский и Бек, заключив в январе 1934 г. с гитлеровской Германией — злейшим врагом поляков — соглашение о ненападении, после которого в 1935 г. последовал обмен визитами высокопоставленных лиц обеих стран (в коммюнике, опубликованном по случаю поездки Бека в Берлин, говорилось о «далеко идущем согласии» между двумя государствами), в результате чего, по выражению историка Д.Е. Мельникова и публициста Л.Б. Черной, Пилсудский и Бек стали «тешить себя мыслью, что они вместе с гитлеровцами образовали нечто вроде «оси Варшава — Берлин, направленной против СССР»^[509], и тем самым «вступили на путь, который всего через четыре года привел к оккупации Польши гитлеровскими войсками»^[510], так и советские лидеры, Сталин и Молотов, заключив 23 августа 1939 г. с Германией договор о ненападении, фактически означавший германо-советский союз против Польши и западных демократий и сопровождавшийся взаимными заверениями в дружбе, встали на путь (если следовать логике

Л.Б. Черной и Д.Е. Мельникова), пройденный в 1934–1938 гг. Польшей. Характеризуя политику правительства Польши в указанный период как «по-зорную»^[511], авторы книги «Преступник № 1» избегают сравнения ее с политикой Сталина и Молотова в 1939–1940 гг., имевшей для СССР в 1941 г. те же последствия, что и в 1939 г. для Польши.

Между тем подобная параллель вполне уместна.

В 1939 г. цель советско-германского сближения выражалась недвусмысленно с обеих сторон: раздел мира, и в частности Польши. В сообщении от 22 мая 1939 г. французского посла в Берлине Кулондра отмечалось, что Риббентроп считал сближение между Германией и Россией с точки зрения длительной перспективы «насущным и неизбежным». Это отвечало «самой природе вещей и сохранившимся в Германии традициям. Только такое сближение позволило бы окончательно разрешить германо-польский конфликт путем ликвидации Польши на манер Чехословакии»^[512]. Риббентроп придерживался мнения, что Польское государство самостоятельно долго не в состоянии существовать, что «ему все равно суждено исчезнуть, будучи вновь поделенным между Германией и Россией»^[513]. Поэтому для Риббентропа, как и для Сталина, идея такого раздела была самым тесным образом увязана с германо-русским сближением. «Как видно, — писал французский посол, — одна из ближайших целей, которую желают достигнуть, заключается в том, чтобы в случае раздела Польши Россия взяла на себя такую же роль, какую Польша сыграла в Чехословакии (Польша ассистировала Германии при захвате Чехословакии, присвоив себе часть территории чешской жертвы — индустриальный район Тешин. — А. П.). Более отдаленная цель состоит в том, чтобы использовать огромные материальные и людские ресурсы СССР для развала Британской империи»^[514].

Как немаловажное доказательство в поддержку того, что раздел мира со Сталиным был одной из реальных целей Гитлера, и ради этого он даже готов был отказаться от своей «антибольшевистской миссии», приведем тот факт, что в объявленной 8 марта 1939 г. на берлинском совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии гитлеровской программе глобальной агрессии отсутствовало упоминание о СССР^[515].

Об этом же свидетельствует закрепленное в ст. V Берлинского пакта от 27 сентября 1940 г. о Тройственном союзе Германии, Италии и Японии (названный договор был подписан взамен антикоминтерновского пакта 1936 г.) заявление трех стран о том, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом»^[516]. Советское руководство правомерно расценило эту оговорку как подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о дружбе и нейтралитете между СССР и Италией^[517]. Названная статья была включена в Тройственный пакт по предложению Риббентропа и встретила немедленную поддержку Италии и Японии^[518].

25 ноября 1940 г. В.М. Молотов через германского посла в Москве Шуленбурга даст положительный ответ на сделанное Гитлером в ходе переговоров с Молотовым, состоявшихся 12–14 ноября 1940 г. в Берлине (к этой встрече гитлеровское правительство проявляло большой интерес начиная с лета 1940 г.), предложение Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии и участвовать с ними в разделе «бесконтрольного британского наследства», которое останется после «неизбежного краха» Великобритании. Но оставим это за рамками настоящей работы и вернемся к осени 1939 г.

1 сентября 1939 г. германская армия начала войну против Польши. 2 сентября в «Правде» было опубликовано сообщение: «Берлин, 1 сентября (ТАСС). По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных местах. Соединения германских военно-воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше».

В связи с анализом политической линии и практических действий руководства, вытекавших из германо-советских соглашений от 23 августа 1939 г., возникает сомнение, был ли Советский Союз нейтрален в бурных событиях того времени, тем более что пакт о ненападении между СССР и Германией виделся сторонам «союзом для войны», и германская сторона была настойчива в выполнении взятых советским руководством на себя обязательств.

Как известно, нейтралитет в войне представляет собой особый правовой статус государства, не участвующего в происходящей войне и воздерживающегося от оказания помощи и содействия как одной, так и другой воюющей стороне^[519]. Права и обязанности нейтральных государств во время войны, воюющих сторон в отношении нейтральных государств, а также физических лиц как нейтральных, так и воюющих государств в рассматриваемый нами период регламентировались V Гагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 г., ратифицированной в том же году Россией^[520].

В соответствии с названной конвенцией воюющим государствам запрещается проводить через территорию нейтрального государства войска и военный транспорт. Нейтральные государства не должны снабжать воюющих оружием, военными и другими материалами. Нейтральные государства могут предоставлять убежище войскам, военным кораблям и самолетам воюющих стран, если срок их пребывания не превышает одни сутки, но обязательно с последующим их интернированием.

Этих важных условий советские власти не придерживались. Как отмечает М.И. Семиряга, «поскольку международное право не предусматривает ни условного или безусловного, ни полного или неполного нейтралитета, то оказание любой военной помощи одному из воюющих государств несовместимо с данным статусом»^[521].

Никакими обстоятельствами нельзя оправдать согласие советского руководства обслуживать немецко-фашистские военные корабли в советских портах в бассейне Баренцева моря (в октябре 1939 г. Советский Союз согласился на использование германским военно-морским флотом порта Териберка к востоку от Мурманска в качестве ремонтной базы и пункта снабжения судов и подводных лодок, проводивших операции в Северной Атлантике)^[522]. Между тем, согласно XIII Гагской конвенции 1907 г. о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны, также ратифицированной Россией, нейтральное государство обязано не допускать выхода судна одной из воюющих сторон из своих территориальных вод, если есть основания полагать, что оно примет участие в боевых действиях на стороне одного из воюющих. Находясь в территориальных водах нейтрального государства, военные суда могут лишь пополнять свои запасы по лимитам мирного времени, брать столько топлива, сколько необходимо для достижения ближайшего порта своей страны^[523].

Также являются никоим образом несовместимыми с нейтральным статусом государства

следующие факты: транзит через всю территорию СССР с Дальнего Востока в Германию большой группы офицеров из потопленного в Тихом океане германского крейсера «Граф Шпее»^[524], беспрепятственный проезд через западные районы нашей страны, по тылам наших войск многочисленных групп немецких разведчиков под предлогом организации переселения этнических немцев из Прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии в Германию и поиска немецких солдат, погибших в годы Первой мировой войны^[525]. Немецкая авиация свободно нарушала наше воздушное пространство, залетала на большие расстояния в глубь советской территории и активно вела разведку^[526], причем сбивать немецкие разведсамолеты войскам ПВО было категорически запрещено. В заявлении, сделанном 28 марта 1940 г. помощником военного атташе полпредства СССР в Берлине имперскому маршалу Герингу, говорилось, что нарком обороны СССР «сделал исключение из крайне строгих правил защиты границы и дал пограничным войскам приказ не открывать огня по германским самолетам, залетающим на советскую территорию, до тех пор, пока эти перелеты не станут происходить слишком часто»^[527]. Более того, когда немецкие самолеты из-за поломок были вынуждены садиться на наши аэродромы, их ремонтировали, заправляли горючим и с миром отправляли в Германию^[528].

Между тем, несмотря на то что специальных международных соглашений, определяющих правовой режим воздушного пространства над территорией нейтральных государств, не существует, на воздушную войну распространяются общие правила нейтралитета, согласно которым запрещается пролет через воздушное пространство нейтрального государства летательных аппаратов воюющих сторон. Приземлившиеся военные самолеты задерживаются, а экипаж интернируется до конца войны^[529].

Очевидно, что уже перечисленных фактов достаточно, чтобы опровергнуть миф о нейтральном статусе СССР в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.

Особенно ярко советско-германское сотрудничество было продемонстрировано в Польше. Вступление советских войск в восточные воеводства Польши в принципе было предопределено еще в секретном дополнительном протоколе от 23 августа 1939 г., п. 2 которого гласил: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития»^[530].

28 августа 1939 г. в Москве по уполномочению правительства Германии граф Шуленбург и председатель СНК СССР В.М. Молотов в целях уточнения абзаца первого п. 2 секретного протокола от 23 августа подписали разъяснение к названному протоколу, где условились, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно: «2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писса, Нарева, Вислы и Сана»^[531].

Германская сторона стремилась к совместным действиям с войсками Красной армии с самого начала запланированной Гитлером военной кампании. В связи с этим М.И. Семиряга приводит такой факт для размышлений. В конце августа 1939 г. в западную прессу просочились сведения о том, что в связи с обострившимися германо-польскими

отношениями планируется отвод от западных советских границ войск численностью 200–300 тыс. человек. Такое сообщение вызвало в Берлине озабоченность, и 27 августа Шуленбургу была срочно отправлена телеграмма, в которой ему поручалось выяснить, «действительно ли от польской границы отводятся советские войска. Нельзя ли их вернуть, чтобы они максимально связали польские силы на востоке?»^[532].

Шуленбург, получив в Наркомате иностранных дел СССР соответствующую информацию, сообщил: вскоре будет опубликовано заявление о том, что советские войска не собираются отходить от границы с Польшей. И в самом деле, 30 августа 1939 г. советское правительство официально заявило: «Ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей, советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»^[533].

2 сентября 1939 г. в Берлин прибыли советская военная миссия в составе 5 офицеров во главе с военным атташе СССР в Германии генералом Максимом Пуркаевым и новый советский полпред в Берлине А. Шкварцев. В аэропорту их встречали ответственный сотрудник МИД Германии Э. Верман и офицеры во главе с военным комендантом Берлина генералом Зейфертом. Была выстроена рота почетного караула^[534]. Подобная огласка военного сотрудничества обеих стран была крайне неприятной для советского руководства, которое еще накануне просило германского посла фон Шуленбурга, чтобы «из-за соображений безопасности» германская печать не сообщала о прибытии советской миссии и чтобы не называла ее «миссией», а лишь группой офицеров, прибывшей в Берлин в связи с назначением нового советского военного атташе. При этом сообщалось, что советская пресса уже получила соответствующее указание^[535].

По распоряжению советского руководства во всех средствах массовой информации проводилась мысль о том, что главными врагами нашей страны являются Англия и Франция. Подобная позиция советской печати не осталась незамеченной в германском посольстве.

Так, 6 сентября Шуленбург доносил в Берлин, что, по его наблюдениям, в СССР делается «все возможное», чтобы изменить недоброжелательное отношение населения к Германии. «Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. п.»^[536].

Как утверждает И. Фляйшхауэр, германский посол в беседах с Молотовым настаивал на объявлении Советским Союзом — в форме письменного заявления правительства СССР — о вступлении в войну^[537]. Однако указания Шуленбургу относительно этих переговоров были исчерпывающе определены телеграммой Риббентропа от 3 сентября 1939 г., где Шуленбургу советовалось всего лишь выяснить, «не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию». По мнению Риббентропа, это не только помогло бы Германии, но также, «в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах». В связи с этим Шуленбургу предписывалось выяснить у Молотова, может ли германская сторона обсуждать этот вопрос с офицерами советской военной миссии генерала Пуркаева и «какой предположительно будет позиция советского правительства»^[538]. (Как видим, телеграмму Риббентропа Шуленбургу можно рассматривать лишь как настойчивый призыв немецкой стороны ввести советские войска в Восточную

Польшу и не более того.)

В ответ на это 5 сентября 1939 г. Молотов дал Шуленбургу ответ, в котором говорилось, что «мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило... Нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов»^[539].

8 сентября Молотов послал Шуленбургу телефограмму следующего содержания: «Я получил ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской империи»^[540].

Сообщая, что немецкие войска уже «вошли в Варшаву», гитлеровцы тем самым хотели ускорить начало вступления советских войск на оговоренную в протоколе польскую территорию (не случайно в телеграмме Шуленбургу от 8 сентября Риббентроп подчеркнул, что «считал бы неотложным» возобновление бесед германского посла с Молотовым «относительно советской военной интервенции» в Польшу^[541]). Они при этом не обманывали, но окончательно Варшава пала только 27 сентября^[542]. Получив 8 сентября сообщение о «падении Варшавы», Молотов на встрече с Шуленбургом, состоявшейся 10 сентября, заявил, что советское правительство намеревается «воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» (эти кавычки взаимно подразумевали и Сталин, и Гитлер. — А.П.) Германия^[543]. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором»^[544]. Учитывая политическую мотивировку советской акции (крах Польского государства и защита национальных меньшинств), СССР было крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши — Варшава. Поэтому 14 сентября 1939 г. Молотов — через шесть дней после поздравления по поводу вступления германских войск в Варшаву — просил Шуленбурга, чтобы ему «как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы»^[545].

Таким образом, Сталин выполнит предложения сковать польские силы на востоке, чтобы облегчить действия вермахта на западе Польши (для этого уже в самом начале сентября были созданы Украинский фронт под командованием С.К. Тимошенко в составе трех армий и Белорусский под командованием М.П. Ковалева, в него вошли четыре армии, конно-механизированная группа, отдельный стрелковый корпус и Днепропетровская военная флотилия. 11 сентября по приказу наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова эти войска изготовились для наступления^[546]). Но пока он затягивал оговоренный в принципе срок по крайней мере по трем следующим причинам.

Во-первых, надо было психологически подготовить советский народ к восприятию такого неожиданного факта, ввести его в заблуждение по поводу своих намерений в отношении Польши, для чего руководство нашей страны прибегало к различным манипуляциям наподобие заявления о вводе войск в Польшу не с военным, а с политическим основанием. Этому заявлению предшествовала спешно развернутая пропагандистская кампания, в качестве примера которой можно привести публикацию в «Правде» от 14 сентября 1939 г.^[547], которая — если заменить белорусов и украинцев на «фольксдойче» (этнические немцы) — повторяла уже знакомые обвинения немцев, что поляки плохо обращаются с

меньшинствами.

Во-вторых, существовала реальная опасность вмешательства в события западных держав. Когда Советский Союз и Германия договорились о разделе Польши (хотя в тот день этого еще никто не знал), премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен и ее министр иностранных дел Э. Галифакс 24 августа 1939 г. публично заявили, что Англия будет воевать за Польшу. Советскому правительству позиция Англии стала известна уже на следующий день, когда министр иностранных дел этой страны и польский посол в Лондоне подписали пакт, устанавливающий, что стороны будут оказывать друг другу помощь в случае нападения третьей державы. Сталин и Молотов не могли не предвидеть последствий вмешательства Советского Союза на стороне Германии в германо-польский конфликт на его раннем этапе. Риск, связанный с тем, что западные державы после объявления ими войны Германии 3 сентября 1939 г. все-таки перешли бы к стратегии эффективной поддержки Польши на ее территории и сочли бы неприемлемым советское военное присутствие в этой стране, вызывал опасение советского руководства, что «то или иное его неаккуратное действие, — высказывает свое мнение В.М. Фалин, — может быть расценено как *casus belli*, и следствием станет объявление Советскому Союзу войны со стороны Польши, а затем Англии и Франции»^[548].

Поэтому необходимо было выдержать время для окончательного выяснения обстановки в Польше. Советских руководителей подтолкнуло к действиям сообщение о том, что польское правительство покинуло Варшаву, а потому территория этой страны осталась вроде бы «бесхозной» (17 сентября ТАСС получило информацию, что польский президент Мосьцицкий и остальные члены польского правительства находятся в местечке на польско-румынской границе и обратились к румынскому правительству с официальной просьбой о разрешении им прибыть в Бухарест)^[549]. Несмотря на интенсивные настояния германской стороны, Сталин лишь спустя две с лишним недели после начала военных действий между Германией и Польшей — утром 17 сентября 1939 г. — отдал приказ о переходе западной границы, предварительно пригласив Шуленбурга в Кремль и сделав ему заявление, о котором германский посол незамедлительно телеграфировал в Берлин: «Сталин в присутствии Молотова и Ворошилова принял меня в два часа ночи и заявил, что Красная армия пересечет советскую границу в 6 часов утра на всем протяжении от Полоцка до Каменец-Подольска.

Во избежание инцидента Сталин спешно просит нас проследить за тем, чтобы германские самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток — Брест-Литовск — Лемберг (Львов). Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать район восточнее Лемберга... В будущем все военные вопросы, которые возникнут, должны выясняться напрямую с Ворошиловым генерал-лейтенантом Кестрингом»^[550].

Наконец, третьей причиной медлительности Сталина была необходимость успокоить мировую общественность. В Берлине с этой целью было объявлено не о начавшейся против Польши войне, а только об ответных мерах на «польские провокации»^[551]. Та же версия со слов Гитлера была опубликована без комментариев советской печатью^[552].

Советское правительство также не квалифицировало свои действия как войну против Польши. В 3 часа ночи 17 сентября чрезвычайного и полномочного посла Польши в СССР В. Гржибовского вызвали в Наркоминдел и зачитали ноту следующего содержания: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность Польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и

культурные центры. Варшава, как столица Польши, не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам (выделено мною. — А.П. Цитируемая нота советского правительства утром 17 сентября была препровождена послам и посланникам государств, имеющим дипломатические отношения с СССР, в частности Германии, Италии, Японии, Великобритании, Франции, США, Эстонии, Латвии, Литвы. В ноте заявлялось, что по отношению к перечисленным (и другим) странам СССР будет по-прежнему проводить политику нейтралитета^[553]).

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью»^[554].

Итак, 17 сентября 1939 г. советское правительство обязалось сохранять нейтралитет в отношении Германии, а в совместном германо-советском коммюнике, принятом 18 сентября, было сказано, что задача советских и германских войск, действующих в Польше, «состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенное распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»^[555]. По сути, в этом коммюнике СССР объявил себя военным союзником Германии в отношении Польши для «наведения там порядка», ибо под военным союзом понимается объединение двух или нескольких государств для достижения политических целей военными средствами^[556].

То, что в Польше советским руководством (равно как и германским) использовались именно военные средства, сомнений не вызывает, ибо, хотя состояние войны СССР с Польшей не было объявлено, реальные военные действия против польских воинских частей имели место. Так, в донесении от 17 сентября 1939 г. Л.П. Берия К.Е. Ворошилову говорилось, что «в 5 часов утра 17 сентября части РККА и части пограничных войск НКВД Белорусского и Киевского округов перешли государственную границу с Польшей» и в настоящий момент «ведут бой по уничтожению польских пограничных стражниц» (застав). При этом в донесении польские войска назывались «противником»^[557].

Оперативная сводка Генерального штаба РККА 17 сентября сообщала следующие факты: «Наша авиация сбила 7 польских истребителей и вынудила к посадке 3 тяжелых бомбардировщика, экипажи которых задержаны»^[558].

Факт военных действий РККА против польской армии был признан главой правительства СССР В.М. Молотовым в его докладе на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.,

где он заявил, что Польша развалилась благодаря удару германской, а затем Красной армий. В этой же речи Молотов говорил о «боевом продвижении» Красной армии и о захвате ею боевых трофеев, составлявших значительную часть вооружения и боевой техники армии Польши. Здесь же он еще раз обвинил Англию и Францию в агрессии против Германии, которая, мол, «стремится к скорейшему окончанию войны и к миру»^[559]. Пропагандисты Геббельса воспользовались «услугой» Молотова, отпечатав его речь в виде листовок на английском и французском языках, которые разбрасывались над позициями англо-французских войск^[560].

Указание на имевшие место боевые действия между Красной армией и польскими частями содержалось и в приказе № 199 наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова от 7 ноября 1939 г.: «Стремительным натиском части Красной армии разгромили польские войска, выполнив в короткий срок свой долг перед Советской родиной»^[561].

Наконец, постановлением Правительства РФ от 20 апреля 1995 г. № 390 было утверждено Положение о военно-врачебной экспертизе, п. 46 которого предписывал ВВК выносить заключение о причинной связи увечий (ранений, травм, контузий) с формулировкой «военная травма», если увечье было получено в период пребывания освидетельствуемого в составе действующей армии в период боевых действий в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1939 г.^[562] Аналогичное предписание содержится и в ныне действующем Положении о военно-врачебной экспертизе, утвержденном постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2003 г. № 123 (п. 41)^[563]. Как видим, советские воины, принимавшие участие в «боевых действиях» на территории Восточной Польши, названным Положением отнесены к лицам, входившим в состав действующей армии, под каковой понимается часть вооруженных сил государства, используемая во время войны непосредственно для ведения военных действий^[564] (в отличие от другой части вооруженных сил, находящейся в тылу). Но к вопросу, как все же следует квалифицировать действия советских войск в сентябре 1939 г., вернемся чуть ниже.

В ходе боев на территории Восточной Польши 737 советских бойцов погибли и 1862 человека были ранены^[565]. Небезынтересно вспомнить и о том, что в тот период советские войска захватили много польских военнопленных. Именно так именовали их тогда в служебных документах (в донесении Л.З. Мехлиса от 24 сентября 1939 г. Сталину и Ворошилову сообщалось, что Красной армией была захвачена «в плен основная верхушка польского высшего командного состава»^[566]; в приказе № 10 от 23 сентября 1939 г. войскам 3-й армии Белорусского фронта предписывалось «всех офицеров бывшей польской армии считать как военнопленных на территории СССР.... Всех солдат бывшей польской армии, шатающихся по городам, селам и лесам, независимо, оказывал ли он сопротивление в борьбе против частей Красной армии или нет, взят с оружием или без оружия, также направлять в лагеря военнопленных»^[567]) и печати^[568], так называл их, в частности, и Молотов^[569]. Однако с июля 1941 г. (задумаемся: почему именно с этого времени?) у нас их стали называть интернированными.

По данным польского эмигрантского правительства, в период военных действий СССР в Польше Красной армией было взято в плен более 230 тыс. солдат и офицеров польской армии^[570]. (Эти данные практически совпадают с данными, полученными мною на основе сводок Генерального штаба РККА, регулярно публиковавшихся на страницах центральной советской печати.) Среди них было 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131

другой офицер, а также 10966 унтер-офицеров, не считая членов полиции и пограничной охраны^[571]. Всего же к моменту начала Германией войны против Польши армия Польского государства насчитывала миллион солдат^[572].

В.М. Фалин справедливо считает дискуссию о том, как следует рассматривать в данном случае задержанных польских военнослужащих, вопросом принципиальным, и, исходя из того, что поскольку главнокомандующий польских вооруженных сил маршал Э. Рыдз-Смиглы от имени польского правительства отдал своим войскам приказ: «С Советами в бой не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток разоружения наших частей... Части, к которым подошли Советы, должны начать с ними переговоры с целью вывода наших гарнизонов в Румынию и Венгрию»^[573], и тем самым исключил возможность объявления нам войны, польские пленные должны считаться не военнопленными, а интернированными. Он считает серьезным заблуждением объявить постфактум войну с Польшей, назвав интернированных военнопленными^[574].

Доказав факт военных действий Красной армии против польских военных частей, отметим, что с юридической точки зрения для войны характерен такой признак, как формальный акт ее объявления. Но, согласно действовавшему до 1907 г. обычному праву, формальное объявление войны не было безусловно необходимым. Войны XIX века не раз начинались открытием враждебных действий без предварительного заявления. Лишь III Гагская конвенция 1907 г. об открытии военных действий, ратифицированная Россией, установила, что враждебные действия между договаривающимися державами не должны начинаться без предварительного недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны. Последствием такого объявления является, как правило, разрыв дипломатических отношений между воюющими сторонами и прекращение действия большинства двусторонних договоров (в ноте советского правительства от 17 сентября 1939 г. на имя польского посла в СССР заявлялось, что СССР не может более нейтрально относиться к происходящим в Польше событиям; в этой же ноте констатировалось прекращение действия договоров, заключенных между СССР и Польшей, в том числе, стало быть, Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. и договора о ненападении от 25 июля 1932 г. между СССР и Польской республикой, так как Польское государство было объявлено «отныне не существующим», следовательно, исчезло как одна из сторон договора, как субъект международного права. По этой причине имело место прекращение дипломатических отношений между двумя странами. Начиная с 17 сентября советские власти не признавали дипломатический статус польских дипломатов в Москве и чинили им всяческие препятствия к выезду из СССР^[575], в то время как нормы дипломатического права и права вооруженных конфликтов, напротив, предписывали оказать сотрудникам польского посольства всяческое содействие в выезде. Дипломатические отношения были восстановлены лишь 30 июля 1941 г., когда, в связи с необходимостью создания антигитлеровской коалиции, СССР признал находившееся в Лондоне польское эмигрантское правительство во главе с генералом В. Сикорским и подписал с ним соглашение о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии^[576]). Однако согласно ст. 2 Конвенции об определении агрессии, заключенной в Лондоне 3 июля 1933 г. СССР с другими государствами, агрессией признается не только объявление войны другому государству (этот случай предусмотрен п. 1 ст. 2), но и вторжение вооруженных сил, хотя бы и без объявления

войны, на территорию другого государства (п. 2 ст. 2), нападение сухопутных, морских или воздушных вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию, морские или воздушные суда другого государства (п. 3 ст. 2). При этом, согласно ст. 3 названной конвенции, никакие соображения политического, военного, экономического или другого порядка не могут служить извинением или оправданием нападения, предусмотренного в ст. 2^[577].

В качестве примера таких «соображений» стороны, подписавшие конвенцию, в абзаце три приложения к ст. 3 конвенции назвали внутреннее положение какого-либо государства, мнимые недостатки его администрации^[578]. Напомним, что именно якобы имевшим место распадом Польского государства и его правительства СССР мотивировал вторжение своих войск в Восточную Польшу. Следовательно, имея в виду вышеизложенное, 17 сентября 1939 г. СССР согласно Конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г. выступил как прямой международный агрессор; при этом, с учетом германо-советского коммюнике от 18 сентября 1939 г. и последующих шагов правительств СССР и Германии, Советский Союз превратился, по существу, в военного союзника имперского правительства.

Именно в Польше с 17 сентября 1939 г. имели место обстоятельства, при которых Советский Союз фактически исполнял обязательства, предусмотренные союзным договором (*casus foederis*). Одним из свидетельств того, что СССР переступил черту, за которой начинался его военно-политический союз с Германией, явилось подписание 28 сентября 1939 г. в Москве В.М. Молотовым и И. Риббентропом Заявления советского и германского правительств, в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, что отвечало бы, как сказано в документе, «интересам всех народов». Далее следовало предупреждение, что, если Англия и Франция откажутся от данного предложения, они будут нести ответственность за продолжение войны, причем «в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»^[579]. Об этом же говорилось и в заявлении министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, сделанном им 29 сентября 1939 г. по итогам проходивших в Москве 27–29 сентября советско-германских переговоров. В этом заявлении вновь было подчеркнуто, что если Англия и Франция не прекратят «бесперспективную борьбу против Германии... то Германия и СССР будут знать, как ответить на это»^[580].

Поскольку Польша хотя и потерпела поражение в войне, однако ее правительство выехало за пределы страны, так и не подписав акта о государственной и военной капитуляции^[581], то, в соответствии с III Гаагской конвенцией 1907 г. об открытии военных действий, она не потеряла автоматически своего суверенитета. Это положение представляется очень важным, ибо, как вытекает из международно-правовых актов, термин «война» употребляется лишь при вооруженном столкновении между суверенными государствами. Следовательно, субъектами войны и вытекающих из нее правоотношений могут быть только суверенные государства как самостоятельные носители международно-правовых правомочий и обязанностей.

Государства ведут вооруженную борьбу посредством предназначенных для этого своих вооруженных сил. Только последним принадлежит право нападения и защиты (активное состояние войны)^[582]. Таким образом, польские воинские части как вооруженные силы суверенного государства имели полное право оказывать сопротивление Красной армии, каковое и имело место. Поскольку состояние войны может начинаться не только

формальным объявлением войны, но и фактическим открытием военных действий с обеих сторон^[583], СССР следует признать воюющей стороной, а Советский Союз и Польшу — противниками^[584].

Отметим, что 28 апреля 1939 г. Германия расторгла договор о ненападении с Польшей, заключенный 26 января 1934 г. СССР же такого упреждающего шага не предпринял, мотивировав прекращение действия всех политических, экономических и иных договоров с Польским правительством тем, что последнее «перестало существовать», как перестало существовать и Польское государство. Однако, как уже говорилось, верховенство власти польского правительства в пределах территории Польского государства, иными словами, суверенитет Польши, ни 17 сентября 1939 г., ни позднее утрачен не был. Это означало, что СССР, введя части Красной армии на территорию Восточной Польши, однозначно нарушил положение ст. 1 договора о ненападении от 25 июля 1932 г. между Советским Союзом и Польшей^[585] (формально он сохранял свое действие, несмотря на отсутствие в тексте германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных договоров с другими государствами, остаются в силе), в которой обязался воздерживаться от всяких агрессивных действий или нападения на Польшу как отдельно, так и совместно с другими державами. Абзац 2 ст. 1 договора разъяснял, что действием, противоречащим вышеизложенному обязательству, будет признан всякий акт насилия, нарушающий целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой договаривающейся стороны, даже если бы эти действия были осуществлены без объявления войны и с избежанием всех ее возможных проявлений.

СССР, осуществляя военное сотрудничество с Германией, напавшей 1 сентября 1939 г. на Польшу, нарушил и положение, закрепленное в абзаце 1 ст. 2 названного договора, где было сказано: «В случае, если бы одна из договаривающихся сторон подверглась нападению со стороны третьего государства... другая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи и поддержки нападающему государству в продолжение всего конфликта».

Согласно ст. 3 польско-советского договора о ненападении СССР обязался не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне. Бесспорно, что соглашения, заключенные СССР и Германией в отношении Польши в августе — октябре 1939 г., носили характер, явно противоречивший данной статье.

Вводом советских войск на территорию Восточной Польши СССР нарушил и ст. 5 Рижского мирного договора с Польшей от 18 марта 1921 г.^[586], где Россия, Украина и Белоруссия, а значит, СССР как государство — правопреемник этих республик гарантировали полное уважение государственного суверенитета Польши и воздержание от всякого вмешательства в ее внутренние дела, в частности, от агитации, пропаганды и всякого рода интервенции либо их поддержки. При этом в ст. 23 договора было особо подчеркнуто, что эти обязательства по отношению к Польше распространяются на все территории, расположенные к востоку от государственной границы, указанной в ст. 2 договора (согласно ст. 2 государственная граница проходила на 200–300 км восточнее западной границы этнических белорусских и украинских земель, т. е. восточнее линии Керзона), которые входили в состав Российской империи и при заключении Рижского договора были представлены Россией и Украиной. Напомним также, что, согласно ст. 3 Рижского мирного

договора, Россия и Украина отказались от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к западу от указанной в ст. 2 государственной границы, а в ст. 4 договора заявлялось, что из прежней принадлежности части земель Польской республики к бывшей Российской империи не вытекает для Польши никаких обязательств и обременений; равным образом из прежней совместной принадлежности к бывшей Российской империи не вытекает никаких взаимных обязательств и обременений между Украиной, Белоруссией и Польшей.

Придя на помощь «единокровным украинцам и белорусам», проживавшим на территории Польши (причем без всяких просьб с их стороны), — предлог, использованный Гитлером для аншлюса Австрии^[587], захвата Судетской области Чехословакии^[588], Мемельской (Клайпедской) области Литвы, частично при нападении на Польшу^[589], — и тем самым осуществив военную оккупацию практически половины территории Польского государства (22 сентября 1939 г. правительства Германии и СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая должна была проходить по реке Писса до ее впадения в Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков)^[590], советское правительство однозначно нарушило все вышеизложенные обязательства, взятые им на себя согласно Рижскому мирному договору.

Поскольку данное международно-противоправное деяние советского правительства возникло в результате нарушения Советским Союзом своих международных обязательств, вытекавших из заключенных им с Польшей договоров, и посягало на основу существования Польского государства и населявшего его территорию народа, подрывало основные принципы международного права и угрожало международному миру и безопасности, его надлежит квалифицировать как международное преступление^[591].

Если между СССР и Польшей в сентябре 1939 г. имело место состояние войны, значит, оказавшихся во власти СССР, как противника Польши, польских военнослужащих, других комбатантов и некоторых некомбатантов следует признать именно военнопленными, режим плена которых, так как начало военных действий даже без объявления войны обуславливает необходимость соблюдения всеми воюющими сторонами норм права вооруженных конфликтов^[592], должен был регулироваться Положением о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к IV Гаагской конвенции 1907 г.), ибо участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. СССР не являлся. Учитывая же, что имело место принудительное задержание и обычных польских граждан^[593], правильным будет вести речь и о военнопленных, и об интернированных.

С XVIII века принципы международного права базировались на признании того, что пребывание в плену не является ни мстью, ни наказанием, но лишь только превентивным заключением с единственной целью — исключить возможность дальнейшего участия солдат в боевых действиях. Согласно международно-правовым нормам военнопленные освобождаются или репатрируются тотчас же по прекращении военных действий. Однако это положение не распространяется на военнопленных, против которых возбуждено уголовное дело, а также на тех военнопленных, которые осуждены по законам держащей в плену державы.

Как же поступило советское правительство? Несмотря на прекращение боевых действий, многие польские военные офицеры, очевидно по причине напряженной политической

обстановки в западных областях Украины и Белоруссии, советскими военными властями длительное время не освобождались. Более того, их как преступников направляли в находившиеся в ведении НКВД специальные лагеря. В апреле — мае 1940 г. более 15 тыс. польских военнопленных офицеров и полицейских^[594] были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Конечными пунктами их маршрута стали Катынь, поселок Медное Тверской области и 6-й квартал лесопарковой зоны в Харькове...

Как было признано властями СССР в 1990 г.^[595], преступное решение о «физической ликвидации» названных военнопленных формировалось по всей служебной иерархии НКВД, что подтверждает ряд документов.

Первым в их ряду следует назвать Положение о военнопленных, разработанное при участии А.Я. Вышинского и утвержденное СНК СССР 19 сентября 1939 г.^[596] Ему сопутствовал список формируемых лагерей для военнопленных с указанием штатной численности (обслуживающего административного персонала), утвержденный заместителем наркома внутренних дел Союза ССР полковником Чернышовым^[597]. Далее в п. 32 решения Политбюро ЦК ВКП (б) от 3 октября 1939 г. Берии и Мехлису предписывалось в трехдневный срок «представить предложения по вопросам о военнопленных и беженцах»^[598]. Во исполнение этого последовала директива Л.П. Берии от 8 октября 1939 г. о создании во всех лагерях «особых отделений по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных». В их задачу входило выявление «антисоветских элементов» и контрреволюционеров. Наконец, в директиве от 31 декабря 1939 г. Берия прямо предписал ускорить работу следователей «по подготовке дел военнопленных — полицейских бывшей Польши для доклада на особом совещании НКВД СССР»^[599].

Рассмотрение этих «дел» и закончилось преступлением в Катыни...

Осенью 1939 г. в Польше Сталину удалось приблизиться к своей заветной цели — «освободить угнетенные массы», а на деле ассимилировать их в условиях, в которых жило население Советского Союза. «Освободить» с помощью «непобедимой» Красной армии.

18 сентября 1939 г., на другой день после начала агрессии СССР против Польши, «Известия» писали: «Спасение идет из СССР. Грозная, суровая, непреклонная и великодушная — идет Рабоче-Крестьянская Красная армия. Ради... счастья человеческого построена наша страна, и на страже его стоит Красная армия. Ради этой цели Красная армия двинулась сегодня, затемняя небо стальными крыльями, потрясая землю бронемашинами, тяжелой поступью неисчислимых полков»^[600]. Не в процитированных ли строках раскрыто истинное предназначение первого в мире советского государства и Красной армии?

По-иному взглянуть на некоторые внешнеполитические и военные шаги Сталина, предпринятые в 1939 и 1940 гг., позволяет опубликованный на страницах «Военно-исторического журнала» «План поражения СССР», автором которого является маршал М.Н. Тухачевский. Вышеприведенное название плану, написанному Тухачевским в 1937 г. в тюремной камере, дано было явно по подсказке следствия. План якобы вредительский, по которому якобы действовали заговорщики: кое-где есть вкрапления, подсказанные следователями, о вредительских действиях заговорщиков. В целом же это довольно стройный план ведения войны на Западном театре военных действий, изложенный так, как он понимался высшим руководством Красной армии, и ничего пораженческого в нем нет. Это был план военного нападения на Германию.

Однако план, изложенный Тухачевским в тюремной камере, ничего нового Сталину не давал, ибо последний знал Западный театр военных действий не хуже Тухачевского, так как в разные периоды Гражданской войны он занимал посты члена РВС Северного (Петроградского), Западного и Юго-Западного фронтов, сутками просиживал над картами или ездил по воинским частям. Впрочем, все планы военного похода России в Европу или, напротив, планы европейских стран по войне с Россией были однотипны со времен Киевской Руси и определялись единственно географическим фактором: двумя «коридорами», разделенными обширными Пинскими болотами, — через Брест-Литовск, имея северной границей Балтийское море, или через Львов, имея южной границей Карпатские горы.

Именно этими путями, хорошо изученными Сталиным, должна была идти на Запад мировая революция.

Западный маршрут (белорусское направление) выглядел так: Минск — Варшава — Познань — Берлин и далее до Парижа. Юго-Западный (украинское направление): Киев — Львов — Краков — Вроцлав (Бреслау) — Лейпциг — Мюнхен и далее по Европе.

В «Плане поражения СССР» (плане нападения на Германию) Тухачевский подчеркивал необходимость согласованного действия обоих фронтов — Украинского и Белорусского. По мнению Тухачевского, вопрос состоял лишь в том, которому из фронтов (направлений) отдать преимущественно решающее значение... «При варианте первоочередной ликвидации лимитрофов — все преимущества за белорусским направлением». Но эти преимущества сохраняются лишь «при условии нейтралитета Германии». Зато «при условии нахождения Германии в составе врагов... — все преимущества сосредоточения главных сил переходят к украинскому направлению»^[601].

Советско-германский пакт о ненападении гарантировал сторонам проведение политики «нейтралитета» по отношению друг к другу (применительно к процитированным отрывкам плана Тухачевского «нейтралитет» следует понимать как лояльность ничего не подозревавшей об истинных намерениях советского правительства Германии). Секретным дополнительным протоколом от 23 августа 1939 г. лимитрофы — Эстония, Латвия, Финляндия, частично Польша — отходили в советскую сферу влияния. Что же касается юго-востока Европы (украинское направление), то, в отличие от упоминавшихся выше территорий, Бессарабия в п. 3 протокола от 23 августа не была однозначно причислена к сфере советских интересов, ибо Сталин, связав Гитлера пактом о ненападении, тем самым сделал ставку на «преимущества белорусского направления»^[602]. Почему же к сфере советских интересов в августе 1939 г. Сталин не осмелился присовокупить Литву. Ответ на этот вопрос будет дан чуть ниже. (В 1940 г., по мере охлаждения германо-советских отношений, во внешнеполитических шагах советского руководства стало все явственнее проглядываться предпочтение юго-западному варианту.) Однако заключая в 1939 г. соглашения с Германией, Сталин и Молотов предусмотрели и частично зафиксировали в советско-германских документах оба пути будущей советской экспансии.

Итак, осенью 1939 г., в свете отношений с германским правительством, перед советскими лидерами в качестве первоочередной стояла задача ликвидации лимитрофов, и за осуществление этой задачи советское руководство самым активным образом и взялось. Как подчеркивал Тухачевский, в случае выбора белорусского направления для Красной армии «было бы крайне важно пройти по территории Литвы»^[603].

Согласно п. 1 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. северная граница Литвы одновременно являлась границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы к Виленской области признавались обеими сторонами. Риббентроп пообещал литовцам вернуть им их древнюю столицу Вильнюс, захваченную поляками в 1919 г. И вот, вопреки зафиксированной в п. 1 секретного протокола договоренности, Красная армия, осуществив агрессию против Польши, заняла литовскую столицу Вильнюс и прилегающий к ней район, которые позднее, однако на основании ст. 1 договора от 10 октября 1939 г. между Советским Союзом и Литвой были переданы СССР Литовской республике с включением их в состав государственной территории Литвы^[604].

Между тем 20 сентября 1939 г. Гитлер подписал план присоединения Литвы к рейху, а 25 сентября отдал войскам приказ о готовности нанести удар по этой стране. Но в тот же день, 25-го, Сталин через германского посла в Москве Шуленбурга предложил следующее: из

территорий к востоку от демаркационной линии все Люблинское воеводство и ту часть Варшавского воеводства, которая доходит до Буга (эти земли были населены этническими поляками), добавить к землям, оккупированным немецкими войсками, взамен на отказ Гитлера от претензий на Литву^[605]. Это предложение Сталина известный английский историк Алан Буллок объясняет тем, что в августе 1939-го Сталин был уверен в отказе Гитлера дать согласие на присоединение Литвы к советской «сфере интересов», а потому предпочел заручиться получением по временному разделу Польши большей части ее центральных территорий в дополнение к Западной Украине и Западной Белоруссии^[606].

Для решения названных проблем в Москву по приглашению правительства СССР 27 сентября 1939 г. приехал министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп. На переговорах, состоявшихся в Кремле 27–28 сентября, со стороны Германии принимал участие также посол Шуленбург. Советский Союз представляли И.В. Сталин, В.М. Молотов и полпред в Германии А.А. Шкварцев.

Договор о дружбе и границе, заключенный Германией и СССР 28 сентября 1939 г.^[607], согласно ч. 2 ст. 5 вступал в силу с момента подписания, хотя, как и пакт о ненападении, предусматривал процедуру ратификации (ч. 1. ст. 5), каковая и была осуществлена Президиумом Верховного Совета СССР и рейхстагом Германии 19 октября 1939 г., а 14 декабря в Берлине состоялся обмен ратификационными грамотами.

Под эвфемистической формулировкой преамбулы договора, констатировавшей факт «распада бывшего Польского государства» и провозгласившей в качестве обоюдной задачи германского и советского правительств обеспечение «народам, живущим на этой территории, мирного существования, соответствующего их национальным особенностям», было без обиняков декларировано то территориально-политическое преобразование, которое предусматривалось ст. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г.

В статье 1 договора устанавливалась граница между «государственными интересами» обеих стран на территории «бывшего Польского государства». Согласно названной статье, более подробно эта линия подлежала описанию в дополнительном протоколе, каковой и был подписан 4 октября 1939 г. В.М. Молотовым и послом Шуленбургом, действовавшим от имени имперского правительства^[608]. Как и сам договор о дружбе и границе, во исполнение ст. 1 которого правительства двух стран подписали названный протокол, последний был ратифицирован и Президиумом Верховного Совета СССР, и рейхстагом Германии 19 октября 1939 г., а 14 декабря в Берлине стороны обменялись ратификационными грамотами.

В статье 2 договора о дружбе и границе отмечалось, что обе стороны признают установленную в ст. 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение, причем необходимое государственное переустройство стороны производят каждая в своей зоне (ст. 3). Наконец, договаривающиеся стороны пришли к выводу, что такое переустройство станет надежным фундаментом для дальнейшего развития дружественных отношений между их народами (ст. 4).

У политического обозревателя «Известий» В. Матвеева при анализе действий советского руководства в сентябре 1939 г. возникает ряд вопросов: «Зачем нужно было связывать нашу страну обязательствами «дружбы» с нацистской Германией? Зачем потребовалось объявлять об «искусственности» польской государственности?»^[609] (Речь Гитлера от 6 октября 1939 г. в рейхстаге, где глава Рейха вновь подчеркнул «нежизнеспособность Польского государства»,

созданного, по его словам, «на костях и крови немцев и русских», без всякого учета исторических и этнографических условий, опять же, без комментариев была воспроизведена советской печатью^[610].) Очевидно, что здесь нашло свое выражение давнее недовольство советской стороной Версальским мирным договором и Рижским миром 1921 г., а также память о неоднократно произносившихся в 1922–1933 гг. Германией и Советским Союзом взаимных заверениях в дружбе, главной основой которой являлось наличие общего врага — Польши. Не случайно в беседе с советским военным атташе в Германии генералом Пуркаевым, состоявшейся 5 сентября 1939 г., главнокомандующий сухопутных сил Германского государства Браухич напомнил первому о своей реплике, произнесенной в адрес одного высшего командира РККА в 1931 г. на военных маневрах: «Надеюсь в ближайшем будущем встретиться в Варшаве». Это напоминание было воспринято Пуркаевым как выражение уверенности в силах Красной и немецкой армий, которым несколькими днями позже предстояло совместно «навести порядок» в Польше^[611].

Обменяв Люблинское воеводство и части Варшавского воеводства на территорию Литовского государства^[612] и подписав в тот же день с Германией договор о дружбе и границе, советское правительство в основном ограничилось присоединением к СССР славянских «братских народов» — украинцев и белорусов, проживавших на польской территории «чужаками». Однако вопреки устоявшемуся мнению^[613], линия советско-германской границы отнюдь не повторяла линии Керзона, выработанной в 1919 г. Верховным советом союзных и объединившихся держав в качестве советско-польской границы. К такому выводу позволяет прийти элементарное сравнение линии, нанесенной на прилагающуюся к договору о дружбе и границе карту, с линией, изложенной в ноте от 12 июля 1920 г. британским министром иностранных дел Керзоном^[614]. Подтверждение этому факту содержится и в Заявлении от 11 января 1944 г. о советско-польских отношениях, сделанном советским правительством, где говорилось, что «восточные границы Польши могут быть установлены по соглашению с Советским Союзом. Советское правительство не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши в том направлении, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона»^[615]. В послании И.В. Сталина от 4 февраля 1944 г. на имя премьер-министра Великобритании У. Черчилля, посвященном польскому вопросу, вновь было повторено, что «мы... не считаем границу 1939 г. неизменной и согласились на линию Керзона (помимо вышепротитированного Заявления советского правительства, Сталиным имелась в виду принципиальная договоренность о послевоенных границах Польши, достигнутая ранее на Тегеранской конференции глав союзных держав. — А. П.), пойдя тем самым на весьма большие уступки полякам»^[616].

Несмотря на несовпадение линии, установленной советско-германским договором о дружбе и границе, с линией Керзона, тот факт, что советское правительство ограничилось в 1939 г. присоединением к СССР территорий «бывшей Польши», населенных преимущественно украинцами и белорусами, позволил Москве (наряду с другими причинами) избежать недовольства Англии и Франции, чего отнюдь не удалось достичь с подписанием московских соглашений Германией^[617]. Учитывая известную тягу поляков к воссоединению, положениями, зафиксированными в германо-советских соглашениях, СССР смог также избежать источника постоянного беспокойства, который мог бы появиться,

включи СССР в сферу своих «государственных интересов» исконно польские земли.

В контексте юридического анализа договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. особенно важен вопрос о границах.

Упоминание в преамбуле договора о распаде «бывшего» Польского государства противоречило международному праву, так как военная оккупация (об элементах оккупационного режима на территориях, отошедших в сферу государственных интересов СССР и Германии в «бывшей» Польше, говорят и обязательства сторон, взятые СССР и Германией с подписанием 28 сентября секретного дополнительного протокола о недопущении польской агитации на территории другой договаривающейся стороны. Согласно этому протоколу, стороны также обязались ликвидировать зародыши враждебной агитации на своих территориях и информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях^[618]) не ликвидирует государство как субъект международного права. Кроме того, выше уже говорилось, что побежденная в войне Польша не утратила своего суверенитета, ибо ее правительство выехало за пределы страны, так и не подписав акта государственной и военной капитуляции. И хотя на территориях, переходящих к СССР, проживало в основном украинское и белорусское население, договор, ставший результатом применения силы против Польши со стороны не только Германии, но и Советского Союза, являлся, как нарушающий императивную норму международного права, недействительным с самого начала^[619]. Этот вывод полностью относится и к дополнительному протоколу от 4 октября 1939 г. о разграничении государственных интересов СССР и Германии на территории «бывшего Польского государства». Таковыми они и были признаны, хотя и косвенно, в соглашении между правительством СССР и правительством Польской республики о восстановлении дипломатических отношений (по инициативе СССР 25 апреля 1943 г. отношения с польским правительством вновь были прерваны. Советское правительство обвинило эмигрантское правительство Польши в «активном участии во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу «убийства в Катыни»^[620]) и создании польской армии на территории СССР, подписанном в Лондоне 30 июля 1941 г., где говорилось (п. 1), что правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу^[621].

Осенью 1939 г., осуществляя договоренности о территориально-политическом переустройстве на территории суверенной Польши, германская и советская стороны предприняли шаги по присоединению отошедших к ним земель. 5 сентября 1939 г. Молотов дал понять германскому послу в Москве Шуленбургу, что в скором времени Красная армия приступит к действиям в Польше, но уже 4 сентября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приступило к рассмотрению вопросов послевоенного переустройства в Польше. Это решение Политбюро, датированное 4 сентября — 3 октября 1939 г., было оформлено единым Протоколом № 7^[622]. В нем предписывалось: «1. Созвать Украинское Народное Собрание из выборных по областям Западной Украины (территория бывших воеводств Станиславского, Львовского, Тернопольского и Луцкого) и Белорусское Народное Собрание из выборных по областям Западной Белоруссии (территория бывших воеводств Новогрудского, Виленского, Белостокского и Палесского).

Эти Народные Собрания должны: 1) Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2) решить вопрос о характере создаваемой власти; 3) решить

вопрос о вхождении в состав СССР, т. е. о вхождении украинских областей в состав УССР, о вхождении белорусских областей в состав БССР; 4) решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности».

Согласно п. 14 решения Политбюро были организованы Временные областные управления, действовавшие на территориях «бывших воеводств» Восточной Польши в составе двух представителей от армейских организаций, одного — от НКВД и одного — от Временного управления областного города. Согласно п. 6 решения были созданы Комитет по организации выборов Народного Собрания Западной Украины и Комитет по организации выборов Народного Собрания Западной Белоруссии, причем инициативу по созыву Народных Собраний и созданию комитетов поручалось взять на себя Временным управлениям городов Львова и Белостока (именно в этих городах в соответствии с п. 2 решения должны были быть созваны Народные Собрания), и названные Временные управления городов также подлежали включению в состав комитетов. Кроме того, в состав комитетов должны были войти по одному представителю от Временных областных управлений, по два представителя — от крестьянских комитетов, еще по два — от рабочих организаций и интеллигенции. Для «помощи» в организации выборов в комитеты по организации выборов Народных Собраний вошло по три представителя от президиумов Верховных Советов УССР и БССР.

Ответственность за проведение выборов в областях (бывших воеводствах) возлагалась на Временные управления областей, городов, уездов.

Пункт 8 решения Политбюро ЦК ВКП (б) предписывал вышеназванным оккупационным властям провести избирательную кампанию в Народные Собрания под лозунгом установления Советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения Западной Украины в состав УССР и Западной Белоруссии в состав БССР, одобрения конфискации помещичьих земель; требования национализации банков и крупной промышленности. По перечисленным вопросам ЦК ВКП (б) Украины (т. Хрущеву) и ЦК ВКП (б) Белоруссии (т. Пономаренко) надлежало подготовить соответствующие декларации, которые должны были быть приняты Народными Собраниями.

«Выборы» в Народные Собрания, состоявшиеся 22 сентября 1939 г. «на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании», проводились по единственному списку, продиктованному оккупационными властями^[623], тогда как смысл выборов (по определению) в конституционном праве заключается в том, чтобы выбрать одного из нескольких или даже многих кандидатов. Только при соблюдении этого условия выборы легитимируют власть^[624].

Кроме того, основываясь на п. 10 упомянутого решения Политбюро ЦК ВКП (б), оккупационными властями была учреждена одна — коммунистическая — партия, и для поддержки социальной и политической революции, которую принесла на своих штыках в Восточную Польшу Красная армия, туда в сжатые сроки откомандировывались тысячи функционеров Коммунистической партии (п. 11–13 решения).

Таким образом, какое бы то ни было реальное народное представительство на выборах исключалось монополией Компартии. Реальное народное представительство на этих «выборах» не могло быть обеспечено еще и в результате той обстановки, в которой они проводились: несмотря на то что абзац 2 п. 4 решения Политбюро по «Вопросам Западной Украины и Западной Белоруссии» наделял правом выбора в Народные Собрания всех граждан мужского и женского пола, достигших 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, социального происхождения, имущественного положения и

прошлой деятельности, в результате репрессий по отношению к более зажиточному польскому населению, к бывшим представителям власти, еврейских погромов^[625], ареста невинных жителей, насильственной массовой депортации местных жителей, прежде всего поляков^[626], перечисленные категории граждан были фактически лишены права голоса.

Вышеприведенные факты дают нам основание признать избирательный процесс, инициированный и осуществленный в 1939 г. по сценарию ЦК ВКП (б) советскими оккупационными властями на территории восточной части суверенной Польши, нелегитимным.

Как бы то ни было, в результате этих «выборов», как это и было запланировано ЦК ВКП (б), 27 октября 1939 г. была принята Декларация Народного Собрания Западной Украины «О государственной власти в Западной Украине»^[627], провозгласившая Советскую власть. Аналогичная ей Декларация «О государственной власти» была принята 29 октября 1939 г. Народным Собранием Западной Белоруссии^[628]. В обеих декларациях заявлялось, что Польское государство, являвшееся «тюрьмой народов», «рухнуло». В Декларации «О вхождении Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики», принятой Народным Собранием Западной Белоруссии 29 октября 1939 г.^[629], и в Декларации «О вхождении Западной Украины в состав Украинской Советской Социалистической Республики», принятой Народным Собранием Западной Украины 27 октября 1939 г.^[630], подчеркивалась огромная роль Красной армии в установлении Советской власти на территории «бывшей» Восточной Польши и содержалось ходатайство о воссоединении Западной Белоруссии и Западной Украины соответственно с Белорусской и Украинской Советскими Социалистическими Республиками. С принятием Верховным Советом Союза ССР Закона СССР «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР»^[631] (1 ноября 1939 г.) и Закона СССР «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР»^[632] (2 ноября 1939 г.) эта просьба была удовлетворена. Однако 31 октября, выступая на сессии Верховного Совета СССР и говоря о воссоединении упомянутых земель с Советским Союзом, В.М. Молотов отмечал, что «перешедшая к СССР территория по своим размерам равна территории большого европейского государства»^[633]. Таким образом, Молотов говорил о воссоединении как об уже свершившемся факте за 1–2 дня до того, как оно было оформлено юридически.

«Ликвидацией исторической несправедливости» назвали эти события советские историки^[634].

Германия, в свою очередь, также осуществила «территориально-политическое переустройство». На северо-востоке Польши Германия вернула бывшие прусские земли Данциг, Позен, Западную Пруссию и значительную часть Силезии. Но аннексированная Гитлером территория, 55000 с лишним квадратных километров, более чем вдвое превышала ту, которую Германия потеряла по Версальскому договору^[635].

Оставалась территория в центре Польши, более 60 000 квадратных километров, с городами Варшава, Краков, Люблин, которая была оккупирована немцами, но не присоединена к Рейху. Эта часть Польши, по приказу Гитлера от 12 октября 1939 г., получила название Генерал-губернаторства. Статус его долгое время не был точно определен. Официально Генерал-губернаторство называлось «присоединенной землей». Но в конце

концов 2 августа 1940 г. было объявлено, что Генерал-губернаторство является составной частью Германской империи^[636].

Однако если советско-германский договор о дружбе и границе недействителен с самого начала как нарушающий императивную норму международного права, избирательный процесс, осуществленный на территории Восточной Польши после оккупации ее Красной армией, нелегитимен (а значит, декларации, принятые так называемыми Народными Собраниями, юридически недействительны, следовательно, недействительны и принятые Верховным Советом СССР на их основе законы СССР от 1 и 2 ноября 1939 г.), возникает вопрос: как же в дальнейшем была решена проблема польских границ?

Как уже говорилось, в соглашении от 30 июля 1941 г. между правительством СССР и правительством Польской республики о восстановлении дипломатических отношений и создании польской армии на территории СССР советское правительство сочло договоры с Германией относительно территориальных перемен в Польше утратившими силу.

24 сентября 1941 г. на Межсоюзной конференции в Лондоне советское правительство присоединилось к Атлантической хартии — декларации США и Великобритании о целях войны и принципах послевоенного переустройства мира, подписанной 14 августа 1941 г. Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. В названной декларации провозглашались, в частности, такие принципы, как право всех народов избирать форму правления, при которой они хотят жить, и обеспечение восстановления суверенных прав и самоуправления народов, лишенных этого насильственным путем^[637].

Польское эмигрантское правительство, представлявшее Польское государство в тех границах, в которых оно вступило 1 сентября 1939 г. в навязанную ему войну, с момента заключения польско-советского договора от 30 июля 1941 г. неизменно придерживалось той позиции, что в вопросе о границах между Польшей и Советским Союзом сохраняется статус-кво, существовавший до 1 сентября 1939 г. Для подкрепления своей позиции польское правительство обоснованно ссылалось на Атлантическую хартию^[638] и настаивало на применении по отношению к Польше содержащегося в хартии принципа непризнания насильственных изменений границ. Иными словами, польское правительство требовало восстановления границ, установленных Рижским мирным договором 1921 г., грубо нарушенным 17 сентября 1939 г. в результате советской агрессии.

Следует отметить, что союзные державы, к числу которых принадлежал и СССР, аналогичным образом толковали положения, содержащиеся в Атлантической хартии, что нашло выражение, к примеру, в Декларации об Австрии, подписанной на конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г. В названной декларации союзные правительства, включая — еще раз подчеркнем — СССР, согласились рассматривать присоединение, навязанное Австрии Германией после агрессии, осуществленной последней 15 марта 1938 г., «как несуществующее и недействительное», несмотря на то что 10 апреля 1938 г. на «общегерманском плебисците» австрийское население одобрило присоединение Австрии к Германии. Союзные державы подчеркнули, что они не считают себя «никоим образом связанными какими-либо переменами, произведенными в Австрии после 15 марта 1938 г.». В декларации провозглашалось желание союзников «видеть восстановленной свободную и независимую Австрию»^[639].

Однако применительно к Польше СССР следовать принципу непризнания

насильственных изменений границ категорическим образом отказывался и упрекал польское правительство в том, что оно «не хочет признавать исторических прав украинского и белорусского народов быть объединенными в своих национальных государствах»^[640] (напомним, что, присоединяясь к Атлантической хартии, советское правительство заявило, что применение принципов хартии «...должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»^[641]).

По причинам, изложенным ниже, западные державы также отказывались признать польские права на земли, отошедшие к Польше по Рижскому мирному договору.

Во-первых, линия Керзона, предложенная СССР польскому правительству в качестве послевоенной советско-польской границы, была этнографически обусловлена и получила неоднократное одобрение в 1919–1920 гг. державами — победительницами в Первой мировой войне. Во-вторых, как объяснял 20 января

1944 г. Черчилль на встрече с лидерами поляков в Лондоне, «огромные жертвы и достижения русских армий» в процессе освобождения Польши дают русским право на пересмотр польских границ^[642]. Эта же позиция была заявлена британским премьер-министром 6 февраля

1945 г. на пленарном заседании Ялтинской конференции союзных держав, где Черчилль вновь счел нужным подчеркнуть (надо отметить, не без предшествовавших этому серьезных колебаний), что «претензии Москвы на линию Керзона базируются не на силе, а на праве» после той трагедии, которую пережил СССР, защищая себя от германской агрессии, и после тех усилий, которые СССР приложил для освобождения Польши^[643]. В-третьих, полякам было обещано расширение западных границ Польского государства путем присоединения к Польше территорий, входивших в Германию. (На этот шаг западные державы решились в Тегеране, тогда еще рассчитывая на создание буржуазной Польши.)

Итак, принципиальная договоренность о послевоенных польских границах была выработана еще 1 декабря 1943 г. на Тегеранской конференции союзных держав. Согласно этому решению «очаг Польского государства должен быть расположен между линией Керзона и линией реки Одер с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции»^[644].

На Крымской (Ялтинской) конференции главы трех союзных держав договорились, что восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Союзные державы также признали, что Польша должна получить приращение территории на севере и западе, о размере которого будет спрошено мнение нового польского Правительства Национального Единства и что, вслед за тем, окончательное определение западной границы Польши будет отложено до мирной конференции^[645].

Наконец, на состоявшейся уже после окончания войны в Европе Берлинской (Потсдамской) конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) главы трех правительств согласились, что впредь до окончательного определения западной границы Польши бывшие германские территории, расположенные к востоку от линии, проходящей от Балтийского моря чуть западнее Свинемюнде и отсюда вдоль реки Одер до слияния с рекой Западной Нейса и вдоль реки Западной Нейса до чехословацкой границы, включая ту часть Восточной Пруссии, которая в соответствии с решением Берлинской конференции не поставлена под управление Союза ССР, и включая территорию бывшего свободного города Данцига, должны

находиться под управлением Польского государства^[646].

В дальнейшем нерушимость западной границы Польши получила международно-правовое подтверждение в договорах ПНР с ГДР (1950 г.) и ФРГ (1970 г.), советско-западногерманским договором (1975 г.), а также в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1970 г.). Нерушимость существующих границ подтвердила в 1990 г. и объединенная Германия.

Во исполнение решений Крымской и Берлинской конференций союзных держав 16 августа 1945 г. в Москве премьер-министром польского Временного Правительства Национального Единства Э. Осубка-Моравским и наркоминдел СССР В.М. Молотовым был подписан договор о советско-польской государственной границе^[647], в соответствии со ст. 1 которого государственная граница между Союзом ССР и Польской республикой устанавливалась вдоль линии Керзона с отступлением от нее в пользу Польши в некоторых районах от пяти до восьми километров. Кроме того, дополнительно Польше была уступлена территория, расположенная к востоку от линии Керзона до реки Западный Буг и реки Солокия, к югу от города Крылов с отклонением в пользу Польши максимально на тридцать километров, а также часть территории Беловежской Пуши на участке Немиров — Яловка, расположенной на восток от линии Керзона, включая Немиров, Гайновку, Беловеж и Яловку, с отклонением в пользу Польши максимально на семнадцать километров.

Однако еще четыремя месяцами раньше, 21 апреля 1945 г., между СССР и Польской республикой в лице Э. Осубка-Моравского и И.В. Сталина в Москве сроком на 20 лет был заключен договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве^[648], в ст. 2 которого стороны выразили уверенность в том, что интересы безопасности и процветания советского и польского народов требуют сохранения и усиления в период и после окончания войны прочной и постоянной дружбы, обязались укреплять дружеское сотрудничество между обеими странами в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, а также невмешательства во внутренние дела другого государства.

В статье 3 стороны обязались и по окончании войны с Германией предпринимать совместно все меры, находящиеся в их распоряжении, для устранения любой угрозы повторения агрессии со стороны Германии или какого-либо другого государства, которое объединилось бы с Германией, непосредственно или в какой-либо иной форме.

Статья 4 договора предусматривала, что в случае, если одна из сторон в послевоенный период окажется вовлеченной в военные действия с Германией, которая возобновила бы свою агрессивную политику, или с каким-либо другим государством, которое объединилось бы с Германией непосредственно или в какой-либо иной форме в такой войне, другая договаривающаяся сторона немедленно окажет договаривающейся стороне, вовлеченной в военные действия, военную и другую помощь и поддержку всеми средствами, находящимися в ее распоряжении.

В статье 5 договаривающиеся стороны обязались не заключать без взаимного согласия перемирия или мирного договора с любой властью в Германии, которая бы посягала на независимость, территориальную целостность или безопасность каждой из договаривающихся сторон.

Согласно ст. 6 договора каждая из договаривающихся сторон обязалась не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции, направленных против другой договаривающейся стороны.

Наконец, в ст. 7 советско-польского договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве от 21 апреля 1945 г. договаривающиеся стороны провозгласили, что они и после окончания настоящей войны будут сотрудничать в духе дружбы в делах дальнейшего развития и укрепления экономических и культурных связей между обеими странами и помогать друг другу в восстановлении хозяйства обеих стран.

Говоря о значении названного договора, И.В. Сталин подчеркнул, что оно состоит в ликвидации старой и пагубной как для СССР, так и для Польши политики игры между Германией и Советским Союзом и заменяет ее политикой союза и дружбы между Польшей и ее восточным соседом^[649].

Другую оценку от него услышать было бы невозможно: отныне Польша на несколько десятилетий оказывалась вовлеченной в советскую сферу влияния.

Заключение

Истоки ситуации, сложившейся на международной арене в 1939 г. и во многом повлиявшей на заключение и содержание советско-германских соглашений, берут свое начало в давнем недовольстве, испытываемом Германией и Советской Россией в связи с Версальским послевоенным устройством 1919 г., в результате которого Польша должна была «сторожить» Германию, потерпевшую поражение в Первой мировой войне, на востоке, а также препятствовать проникновению большевизма из Советской России в Центральную Европу. Кроме того, на внешнеполитические шаги советского руководства, предпринятые им в 1939 г., оказала влияние неудачная для России советско-польская война 1920 г., окончившаяся подписанием 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора, согласно которому Белоруссия и Украина лишились своих западных областей, граница которых (восточная граница Польши) была установлена Верховным советом союзных и объединившихся держав 8 декабря 1919 г. и известна как линия Керзона.

Названные обстоятельства и легли в основу советско-германского сотрудничества (прежде всего военного) 1921–1933 гг., противоречившего нормам Версальского мирного договора и осуществлявшегося за спиной у мировой общественности, в результате чего Советский Союз выступил как соучастник противоправной деятельности Германии.

В 1939 г. по инициативе советского правительства СССР и Германии сравнительно легко удалось, несмотря на предшествовавший этому шестилетний период взаимного отчуждения, вернуться к проведению в отношении друг друга прежней дружественной политики, опиравшейся все на тот же фундамент родственных интересов: обоюдное недовольство Польшей и Версалем.

Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу, обеспечив ему при этом тыл на востоке и свободу рук на западе, что означало Вторую мировую войну. Руководство Советского Союза полностью сознавало это.

Вопреки распространенному мнению о том, что советско-германский договор о ненападении представлял собой типичный договор о ненападении или нейтралитете, составленный в классическом стиле (это мнение было выражено также и в постановлении Съезда народных депутатов СССР от 25 декабря 1989 г. о политической и правовой оценке названного соглашения), анализ договора приводит к обратным выводам. Содержание советско-германского пакта заметно расходилось с договорной практикой СССР и нарушало

ряд международных обязательств советского правительства. Отсутствие в договоре пункта об автоматическом расторжении пакта в случае нападения одной из сторон на третью державу (такой пункт существовал во всех ранее заключенных Советским Союзом с другими государствами пактах о ненападении), равно как и тот факт, что предусмотренное договором обязательство сторон не оказывать поддержки нападающей державе (обязательство соблюдать нейтралитет) не обуславливалось миролюбивым образом действий партнера по договору, означало возможность германской агрессии против Польши и других стран. Более того, отсутствие в советско-германском пакте о ненападении обычного в договорах такого рода положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе, открывало путь для совместной германо-советской агрессии, в частности в отношении Польши.

Позднее по образцу советско-германского пакта о ненападении был построен договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией, заключенный 5 апреля 1941 г. Отказ СССР от включения в договор с Югославией положения о том, что обязательства, вытекающие из ранее подписанных сторонами договоров, остаются в силе, означал, что СССР более не считал себя связанным договорами с Германией, перейдя в стан ее военных противников, каковым являлось в тот период Югославское государство.

Подписание соглашений о дружбе сначала с фашистской Германией (договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.), затем с антифашистской Югославией (пакт от 5 апреля 1941 г.) как нельзя лучше высвечивало истинные цели советского руководства: подталкивать одну воюющую сторону против другой, ослабить и Германию, и Европу, а затем воспользоваться этим в интересах мировой революции.

Упорное и уверенное отрицание в СССР на протяжении сорока с лишним лет факта существования секретных советско-германских протоколов было вызвано тем, что после окончания войны в Европе как советские, так и немецкие подлинники названных договоренностей оказались в Москве и хранились в «Особой папке» ЦК КПСС. Таким образом, Москва оказалась единственным хранителем подлинников секретных советско-германских соглашений 1939–1941 гг., и об этом было известно всем советским лидерам от Сталина до Горбачева. Последний, поставивший свою подпись под постановлением Съезда народных депутатов, где констатировалось, что подлинники протокола от 23 августа 1939 г. «не обнаружены ни в советских, ни в зарубежных архивах», тем самым утвердил заведомо ложные выводы Комиссии Съезда.

Следует также сказать, что подписание в 1939–1941 гг. секретных договоренностей с Германией было всего лишь продолжением ленинской линии на развитие тайного и незаконного советско-германского военного сотрудничества, а отнюдь не являлось «отходом от ленинских принципов внешней политики».

Содержание секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г., подписанного, как и пакт о ненападении, по инициативе советского правительства и предусматривавшего разграничение «сфер интересов» Германии и СССР, недвусмысленно указывало на то, что в данном случае речь шла о заключении союза для войны. Согласованное в протоколе «территориально-политическое переустройство» могло наступить либо в ходе военных столкновений, либо вследствие захвата и применения силы. При этом подписавшие протокол (юридически несостоятельный и недействительный с момента его подписания, равно как и более поздние секретные советско-германские договоренности, а также договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.) стороны делали ставку на разрушение традиционного,

основанного на Версальской системе, политического, территориально-административного и даже социального и этнического строя в расположенных между Балтийским и Черным морями государствах Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы. В связи с этим секретный дополнительный протокол от 23 августа 1939 г., как и подписанное Молотовым и Шуленбургом 28 августа 1939 г. разъяснение к этому протоколу, а также секретный дополнительный протокол от 28 сентября 1939 г. об изменении советско-германского соглашения от 23 августа 1939 г. относительно сфер интересов Германии и СССР, носили характер, явно противоречивший обязательствам из подписанного 27 августа 1928 г. всеми основными державами мира, в том числе Германией и СССР, пакта Келлога — Бриана, провозгласившего отказ от войны как орудия национальной политики.

Поскольку международное право не предусматривает ни условного или безусловного, ни полного или неполного нейтралитета, то оказание любой военной помощи одному из воюющих государств (а именно такую помощь оказывало советское правительство после сентября 1939 г. воюющей Германии) несовместимо с данным статусом. Перечисленных в работе фактов достаточно, чтобы опровергнуть миф о нейтральном статусе СССР в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.

Ввод советских войск в Восточную Польшу, последовавший 17 сентября 1939 г., согласно п. 2 ст. 2 Конвенции об определении нападения, заключенной в Лондоне 3 июля 1933 г. СССР с другими государствами, надлежит квалифицировать как агрессию против Польши. При этом с учетом последующих шагов правительств СССР и Германии Советский Союз превратился, по существу, в военного союзника имперского правительства, ибо под военным союзом понимается объединение двух или нескольких государств для достижения политических целей средствами, каковые и были использованы в Польше Советским Союзом.

Наш анализ дает возможность признать СССР и Польшу выступившими в сентябре 1939 г. в качестве военных противников, а действия Красной армии на территории Восточной Польши — как военную оккупацию. При этом Советским Союзом был нарушен ряд положений Рижского мирного договора 1921 г. и советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. Поэтому данное международно-противоправное деяние советского правительства, возникшее в результате нарушения Советским Союзом своих международных обязательств, вытекавших из заключенных им с Польшей договоров и ряда других международно-правовых актов, поскольку оно посягало на основу существования Польского государства и населявшего его территорию народа, подрывало основные принципы международного права и угрожало международному миру и безопасности, следует признать международным преступлением.

Мы пришли к выводу, что между СССР и Польшей в сентябре 1939 г. имело место состояние войны, а значит, оказавшихся во власти СССР, как противника Польши, польских военнослужащих, других комбатантов и некоторых некомбатантов следует признать, вопреки навязанному после 22 июня 1941 г. мнению, военнопленными, режим плена которых, так как начало военных действий даже без объявления войны обуславливает необходимость соблюдения всеми воюющими сторонами норм права вооруженных конфликтов, должен был регулироваться Положением о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к IV Гаагской конвенции 1907 г.), ибо участником Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. СССР не являлся. Расстрел более 15 тыс. польских военнопленных офицеров и полицейских, осуществленный в апреле — мае 1940 г. советскими властями,

проигнорировавшими нормы названного документа, надлежит квалифицировать как противоправное деяние.

Линия советско-германской границы, установленная договором между СССР и Германией о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и более детально регламентированная дополнительным протоколом к нему, подписанным 4 октября 1939 г. (названные соглашения, ставшие результатом применения силы против Польши со стороны не только Германии, но и Советского Союза, являлись как нарушавшие императивную норму международного права недействительными с момента их подписания), отнюдь не повторяла — вопреки еще одному достаточно распространенному мнению — этнографически обусловленной линии Керзона.

Приведенные нами факты позволяют признать избирательный процесс, инициированный и осуществленный в 1939 г. по сценарию ЦК ВКП (б) советскими оккупационными властями на территории восточной части суверенной Польши, нелегитимным, следовательно, сформированные в результате состоявшихся 22 октября 1939 г. выборов (которые, по сути, таковыми не являлись) так называемые Народные Собрания Западной Украины и Западной Белоруссии не были правомочны принимать какие-либо решения, а значит, принятые ими декларации, провозгласившие Советскую власть и содержавшие просьбы о воссоединении соответственно с Советской Украиной и Советской Белоруссией, надлежит признать юридически недействительными, как и принятые на их основе законы СССР от 1 и 2 ноября 1939 г. «О включении Западной Украины в состав Союза ССР с воссоединением ее с Украинской ССР» и «О включении Западной Белоруссии в состав Союза ССР с воссоединением ее с Белорусской ССР».

Многие внешнеполитические шаги советского руководства, последовавшие после заключения советско-германских соглашений и под их непосредственным влиянием: совместное с Германией расчленение Польши, агрессия против Финляндии, приведшая к исключению СССР из Лиги Наций, действия сталинского руководства в Бессарабии, Северной Буковине и Прибалтике, — приводили к дальнейшей самоизоляции нашей страны, провоцировали западные страны на военное противостояние с Советским Союзом. Более того, методы, с помощью которых сталинское правительство овладевало территориями, отошедшими к сфере интересов СССР в результате секретных договоренностей с Германией, — методы насильственной большевизации — легли в основу оправдания Гитлером агрессии против СССР, начавшего поход на Восток под лозунгом ликвидации «коммунистической опасности».

Договор о советско-польской государственной границе, подписанный СССР и Польской республикой 16 августа 1945 г., в соответствии с которым советско-польская граница устанавливалась вдоль линии Керзона с небольшими отступлениями в пользу Польши, был заключен во исполнение решений Крымской и Берлинской конференций союзных держав — СССР, Англии и США. Названные решения являлись отступлением от провозглашенного в Атлантической хартии от 14 августа 1941 г. о принципах послевоенного устройства мира принципа непризнания насильственных изменений границ, в соответствии с которым Польша обоснованно претендовала на границы, установленные Рижским мирным договором от 18 марта 1921 г. Такое право на пересмотр советско-польских границ СССР получил в результате заслуг Красной армии в освобождении Польши от немецко-фашистских захватчиков и в качестве компенсации за те огромные людские жертвы, которые он при этом нес. Таким образом, в процессе работы союзных держав над проблемой послевоенных советско-польских границ явственно прослеживается следование известному с древних

времен правилу: победителей не судят.

Александр Гогун[\[650\]](#)

«Освободительные походы» 1939–1940 гг.: акты красной геополитики

Но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот.

В. Ленин. 26 ноября 1920 г. [\[651\]](#)

Капиталистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только каленым железом священной войны.

М. Калинин. 20 мая 1941 г. [\[652\]](#)

17 сентября 1939 г. Красная Армия начала вторжение в Польшу. Этим была открыта эра т. н. «освободительных походов», захватнических акций СССР по отношению к государствам Восточной Европы. Советский Союз вступил во Вторую мировую войну на Европейском континенте как агрессор.

«Освободительными» эти походы были названы в СССР потому, что Красная Армия и НКВД помогали освободиться народам Восточной Европы от эксплуатации. Удовлетворенный Сталин 9 сентября 1940 года подвел итог: «...Это благоприятно для человечества, ведь счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой прочей сволочи. Это с точки зрения народов» [\[653\]](#).

Вождь ошибся. У самих «освобожденных» была на этот счет несколько другая точка зрения: при первой возможности с оружием в руках воевали против коммунизма до конца 40-х, а в отдельных случаях до начала 1960-х годов.

Но сейчас нас интересует не то, как РККА и НКВД захватывали и истребляли народы Восточной Европы в 1939–1940 годах. Интересно взглянуть на цели этой последовательной агрессии СССР.

Все захваты Советского Союза в начале Второй мировой войны стали возможными в результате сговора Сталина с Гитлером в августе 1939 г. Открыв шлюзы мировой войны, коммунисты получили свободу действий восточнее черты, определенной пактом Молотова-Риббентропа.

Первой жертвой была Польша

1 сентября вермахт вторгся в эту страну и стал быстро продвигаться на восток, преодолевая отчаянное сопротивление Войска Польского. На все просьбы Гитлера поскорее ударить в тыл полякам Сталин отвечал, что Красная Армия пока не готова. Вскоре вермахт пересек «линию советских интересов» и вошел в области, населенные в основном украинцами и белорусами. Из Берлина намекнули в Кремль о возможности создания в Западной Украине отдельного государства. И 17 сентября в 5.00 без объявления войны Красной Армией был нанесен удар в спину польской армии. В результате победоносной совместной красно-коричневой военной акции Польша была уничтожена как государство, а 28 сентября был подписан советско-германский договор «О дружбе и границах» и новый секретный протокол о разделе сфер влияния. Гитлер отказывался от притязаний на Литву, а Сталин отдавал ему часть «своей» территории Польши к востоку от Вислы.

От новой советской границы до Варшавы было рукой подать, до Берлина — 500 километров (меньше дня езды для советских танков). Вермахту же до Москвы теперь оставалось почти вдвое больше. Но Гитлер и не думал о походе на Восток, он был озабочен другими проблемами — с 3 сентября шла война с Англией и Францией. Пока активных боевых действий на суше и в воздухе не велось, но обе стороны активно пытались удушить друг друга морской блокадой.

А за спиной у Гитлера был Советский Союз, в котором развернулась военная истерия и осуществлялся переход экономики на военные рельсы. Но при этом пока Сталин спасал нацистский режим поставками сырья и продовольствия.

В результате польской кампании появилась советско-германская граница. И сразу же, с октября 1939 г. в советском Главном штабе РККА начал разрабатываться план войны с Германией. Германские же штабы занялись аналогичной работой по отношению к СССР только через 9 месяцев.

На новой границе было два глубоких выступа в сторону Берлина. Один из них был в районе польского города Белостока (с 1939 по 1945 год в составе БССР). Другой — в районе Львова. Весной — летом 1941 г. эти выступы были просто забиты советскими войсками.

В связи с этим цели красной агрессии сентября 1939 г. выглядят не так, как их объясняли советские историки-пропагандисты в течение последующих 40 лет.

Но из-за вторжения Гитлера в Россию плацдарм для наступления превратился в пожирающий котел. Белостокский мешок немцы захлопнули уже в июне-июле 1941 года, войска из львовского выступа отступили и попали в окружение под Киевом в сентябре того же года.

Финляндия — жертва № 2

Решив польский вопрос, Сталин занялся Финляндией. Выдвинув на переговорах с финнами предложения, неприемлемые из-за угрозы национальной безопасности страны Суоми, советские дипломаты завели переговоры в тупик. Мирным путем оккупировать эту страну было невозможно. На границе с Финляндией разворачивались огромные наступательные силы. Финны готовились к обороне.

26 ноября на советской части Карельского перешейка в районе деревни Майнила прогремело несколько взрывов. Потом весь мир удивлялся, насколько бездарно была устроена эта советская провокация (не то что гитлеровцами в Глейвице). 30 ноября «в ответ на провокацию финской военщины» РККА перешла в наступление... Уже к 1 декабря было сформировано «народное правительство» самой что ни на есть демократической Финляндской республики во главе со старым коминтер-новцем Отто Куусиненом. Была сформирована и коммунистическая армия Финляндии из советских граждан карело-финского происхождения. Советские командиры и комиссары, внимая лозунгам советской пропаганды, говорили друг другу в начале кампании: «Скоро встретимся в Хельсинки!» Солдаты получили приказ приветствовать шведских пограничников на финляндско-шведской границе и препятствовать населению бежать из Финляндии. Все говорит о том, что готовилась полная оккупация страны, а не отодвигание границ от Ленинграда на несколько десятков километров, как об этом до сих пор пишут некоторые историки.

Но из-за целого ряда причин Кремлю пришлось ограничиться захватом у Финляндии только Карельского перешейка (март 1940 года). Хотя теперь, с чисто военной точки зрения, был возможен очень быстрый захват всей Финляндии: «линия Маннергейма» была

преодолена.

Зачем все это затевалось?

И. Сталин 17 апреля 1940 г. пояснил: «Там, на западе, три самые большие державы вцепились друг другу в горло (Англия и Франция против Германии. — А. Г.), когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам предоставляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить? «...» Теперь угроза Гельсингфорсу стоит с двух сторон — Выборг и Ханко»^[654].

Обратим внимание: попытка захвата Финляндии — это не удар собственно по Финляндии и не столько «решение вопроса о Ленинграде», а удар по великим державам, когда они «вцепились друг другу в горло» и у них «руки заняты».

Вообще-то лидеры англо-французского блока в тот момент были мало экономически и политически заинтересованы в Финляндии. Захват этой страны «ударил» бы по ним не сильно — просто они показали бы свою неспособность остановить советского агрессора, а финны подверглись бы красному террору.

В независимой Финляндии была заинтересована другая великая держава — Германия, и вот почему.

Промышленность Германии была очень плохо обеспечена германским сырьем, которое активно импортировалось. Главным сырьем в современной войне является металл. Две трети железной руды, необходимой для нормальной работы германской экономики, импортировались из Швеции. Оттуда же импортировались цветные и тяжелые металлы, которых Третьему рейху не хватало даже с учетом этих поставок. Рудники, расположенные на севере Швеции, лежали на расстоянии всего 120 км от границы с Финляндией.

Не следует забывать и того, что сама Финляндия поставляла в Германию никель, продукцию лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Захват Финляндии обеспечивал для СССР возможность разбить Германию, даже не ведя кровопролитных сражений с вермахтом. Не потребовалось бы пережимать и нефтяной шланг Румыния — Германия, о чем речь ниже. Скажем, 14 июня 1940 г. (в то время как немцы, почти израсходовав боезапас, победоносно входили в Париж) советские подлодки с финских баз потопили бы все корабли, везущие сырье в Германию, авиация с территории Финляндии за несколько дней сровняла бы шведские рудники с землей. А РККА могла захватить их в короткое время: Швеция к тому моменту не воевала уже почти полтора века. Поставки сырья из СССР в Германию также прекратились бы.

Вермахту просто нечем было бы воевать против Красной Армии. Сталин же, оставив на всякий случай на западных границах СССР заслон из пары сотен дивизий, мог спокойно ждать, глядя, как германская экономика останавливается и «Тысячелетний рейх» разваливается на глазах. Забудем на секунду о воюющей Британии и недобитой Франции. Предположим, что Гитлер сумел бы все-таки как-нибудь извернуться, переправить дополнительные войска из Франции в Польшу, Норвегию и Швецию, достать для них откуда-нибудь боеприпасы и бросить против превосходящих по всем параметрам сил Красной Армии. И только в этом случае потребовались бы воздушные бомбардировки (или быстрый захват) слабой в военном отношении Румынии, что оставило бы всю германскую промышленность, транспорт, флот, армию и ВВС еще и без нефтепродуктов. Тогда сложилась бы поистине трагикомическая ситуация: миллионы опытных солдат и офицеров вермахта хотят остановить угрозу с Востока, но, не имея на это ни малейшей возможности, превращаются в стада пушечного мяса, а вся германская техника — в груды бесполезного

железа.

Может быть, кому-то все это покажется ничем не подтвержденными домыслами: что может значить какая-то маленькая Финляндия в схватке сверхдержав? Для подтверждения приведем всего одну фразу «президента» СССР М. Калинина из речи о грядущей войне с Германией от 22.05.41: «Если бы, конечно, присоединить Финляндию, то положение еще более улучшилось с точки зрения стратегии»^[655]. Всесоюзный староста был совершеннейшей пешкой в партийно-государственном аппарате и не имел никакого отношения к стратегии. Если Калинин говорил тогда такое широкой аудитории, то ему не могли этого не подсказать. Сам он до такого додуматься не мог или тем более высказать свою мысль без приказа сверху. Это говорит о том, что в Кремле не просто знали о важнейшем стратегическом положении Финляндии, но и активно обсуждали возможности использовать ее территорию в скорой войне с рейхом.

Гитлер тоже осознавал — во всяком случае, заявлял позже: «При нападении на Финляндию зимой 1939/40 г. у них не было иной цели, кроме как создать на побережье Балтийского моря военные базы и использовать их затем против нас»^[656].

Вышеприведенная же фраза Сталина от 17 апреля 1940 г. о том, что «теперь угроза Гельсингфорсу стоит с двух сторон — Выборг и Ханко», не оставляет сомнений насчет дальнейших планов «кремлевского горца» относительно Финляндии.

«Придется идти в Румынию»

В тот же день на том же совещании Дмитрий Павлов (расстрелянный в 1941 г.) заявил: «Чтобы поправить ошибки прошлого (имелась в виду финская кампания. — А. Г.), я сел за изучение военно-географического описания южного театра. Если мы пойдем, а может быть, и придется идти в Румынию, то там климатические и почвенные условия таковы, что в течение месяца на возах с трудом проедем. Это надо учесть»^[657].

Сталин не «одернул» воинственного генерала, так как в Румынию «пришлось идти» действительно скоро: 28 июня 1940 г., когда основные силы вермахта находились во Франции. Этот шаг не был предварительно согласован с Гитлером (в Берлин о готовящемся вторжении сообщили лишь 23 июня) и вызвал в высших кругах Германии состояние, близкое к панике. В ультимативной форме Молотов потребовал от румын присоединения к СССР Бессарабии (до революции принадлежавшей России) и Северной Буковины (никогда России не принадлежавшей). Претензии были удовлетворены. Немецкие дипломаты приложили все силы, чтобы не допустить военного конфликта в этом регионе. И это понятно: из Румынии Германия получала нефть, которой ей тоже остро не хватало.

Вот что записал генерал-майор Маркс в проекте операции плана «Ост» (война против России) от 5 августа 1940 г.: «Ведение войны со стороны Советской России будет заключаться в том, что она присоединится к блокаде [Германии]. С этой целью вероятно вторжение в Румынию, чтобы отнять у нас нефть»^[658].

А вот что писал Гитлер Муссолини 20 ноября 1940 г. по поводу угрозы английских бомбардировок Румынии: «...ясно одно: эффективной защиты этого района производства керосина нет. Даже собственные зенитные орудия могут из-за случайного упавшего снаряда оказаться для этого района столь же опасным, как и снаряды нападающего противника. Совершенно непоправимый ущерб был бы нанесен, если бы жертвами разрушения стали крупные нефтеочистительные заводы. «...»

Это положение с военной точки зрения является угрожающим, а с экономической, поскольку речь идет о румынской нефтяной области, — просто зловещим»^[659].

Во время беседы с дуче 20 января 1941 г. фюрер заявил: «Демарш русских по поводу ввода наших войск в Румынию должным образом отклонен. Русские становятся все наглее, особенно в то время г., когда против них ничего не предпринять (зимой). «...» Самая большая угроза — огромный колосс Россия. «...» Надо проявить осторожность. Русские выдвигают все новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Потому-то они и не желают в этих договорах твердых и точных формулировок.

Итак, надо не упускать из виду такой фактор, как Россия, и подстраховать себя [военной] силой и дипломатической ловкостью.

Раньше Россия никакой угрозы для нас не представляла, потому что на суше она для нас совершенно не опасна. Теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в груды дымящихся развалин, а он для оси жизненно важен» (1, с. 138).

Захватив Бессарабию, Красная Армия приблизилась к румынским нефтеносным районам на 100 км, до них оставалось менее 200 км. Позже Гитлер заявлял, что если бы советские войска прошли эти самые километры летом 1940 г., то Германия была бы разгромлена самое позднее к весне 1942 г.^[660]

Не следует особо доверять словам Гитлера, палача и захватчика: все агрессивные режимы используют пропаганду, выставляя себя невинными жертвами, чтобы начать агрессию. Но факты говорят сами за себя.

По плану развертывания Красной Армии, датированному маем 1941 г., ей предписывалось «быть готовой к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке»^[661], а в Бессарабии и на Украине весной — летом 1941 г. были развернуты огромные наступательные силы. Что касается оценки советским руководством «нефтяной проблемы», то в мае 1941 г. ее отражал доклад Главного управления политпропаганды Красной Армии: «...горючее — это первое слабое место германской экономики. Продовольствие — это второе слабое место германской экономики (оба «слабых места» — в Румынии. — А. Г.). Оно уже дает себя чувствовать чрезвычайно остро... Перспективы снабжения продовольствием все более ухудшаются... Третьим слабым местом германской экономики является положение с сырьем. Несмотря на то, что Германия получает сырье из оккупированных стран, всеми видами сырья она не обеспечена. Созданные в свое время запасы иссякают, а английская блокада закрывает для Германии внеевропейские рынки. Чем дольше продолжается война, тем больше будет истощаться Германия»^[662].

Прибалтийский плацдарм

Что касается стран Прибалтики, то их присоединили почти одновременно с Бессарабией — в июне 1940 г. три страны окончательно оккупировали советские войска, а 21 июля новые прибалтийские «правительства» попросили принять их в состав СССР. К тому времени уже почти год на территории Прибалтики были советские военные и военно-морские базы, но для простоты и надежности в Москве было решено захватить регион. С июля 1940 г. военная мощь на этих территориях наращивалась без каких-либо оглядок на «суверенитет» прибалтов.

Теперь значительная часть побережья Балтийского моря находилась в руках Сталина. На

этих территориях развертывались все новые и новые силы РККА и РККФ.

Особенно большая концентрация советских субмарин к лету 1941 г. была в латвийском порту Лиепая. Город был захвачен вермахтом в первые дни войны с большим количеством горючего, боеприпасов и т. п. В оборонительной или «контрнаступательной» войне не требовалось сосредотачивать такие силы в нескольких километрах от германской границы. Но для нанесения удара по германо-шведским и германо-финским водным коммуникациям базы лучше, чем Лиепая, просто не найти (если, конечно, не считать Финляндии). РККФ на Балтике в первый день войны получил приказ топить все корабли Германии по праву подводной войны. В Прибалтике к лету 1941 г. были сосредоточены и огромные сухопутные силы, предназначенные для того, чтобы сковывать группировку немецких войск в Восточной Пруссии, пока остальные части Красной Армии будут наступать в Польше и Румынии.

Если окидывать общим взглядом «освободительные походы», то их последствия и итоги были многообразны и разносторонни. Народы занятых СССР территорий после оккупации возненавидели сталинский режим (и переносят часть этой ненависти на Россию и русских до сих пор). Вместо миролюбивых восточноевропейских стран соседями СССР стали гитлеровская Германия и враждебно настроенные, жаждущие возвращения отнятых территорий Румыния и Финляндия. Кроме того, лидеры Венгрии ясно осознали красную угрозу с Востока и в том числе из-за этого позже приняли участие в войне против коммунизма. Из-за агрессий и кровопролитной кампании в Зимней войне упал международный престиж СССР, а Гитлер решил, что это «колосс на глиняных ногах». Но, конечно же, все вышеперечисленные последствия не входили в планы Кремля. Красная Армия приобрела опыт ведения войны как в лесах и болотах восточной Польши, так и в снегах Финляндии. СССР за год — с сентября 1939 г. по август 1940 г. захватил территории с населением свыше 23 миллионов человек (таким образом, население «соцлагеря» приросло на 13,5 %). Были быстро образованы пять новых советских «республик». Снова предоставим слово Сталину (9.08.40): «Мы расширяем фронт социалистического строительства... А с точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом и капитализмом это большой плюс, потому что мы... сокращаем фронт капитализма»^[663]. Но самое главное, ради чего задумывались все эти авантюры: Советский Союз приобрел отличный трамплин для прыжка в Европу. Правда, воспользоваться в должной мере этим трамплином помешал Гитлер.

Джангир Наджафов[\[664\]](#)

Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта 1939 года

В радикальных переменах в мире, происшедших вследствие распада Советской империи, прослеживается исторически обозримая линия взаимосвязи с геополитическим курсом, на который решился Советский Союз, заключив в 1939 г. пакт с нацистской Германией. Линия причинно-следственной связи, обнаружившая себя столь разительным образом через десятилетия.

Притом наследие советско-германского пакта этим не исчерпывается. С учетом как его непосредственных, так и долговременных последствий, включая анализ роли пакта в геополитических категориях исторического уровня, оно шире. Охватывая Вторую мировую войну, образование подконтрольной СССР «мировой социалистической системы», складывание биполярных международных отношений в холодной войне и, наконец, скоротечную дезинтеграцию коммунистической евразийской империи. Во всех этих судьбоносных явлениях XX века сказалось, так или иначе, воздействие пакта как системного геополитического фактора. С одной стороны, окончательно обозначившего классовые параметры противостояния двух систем, инициированного Октябрьской революцией 1917 г. в России. С другой — приблизившего сроки исхода антагонизма между западным капитализмом и советским коммуно-социализмом.

Без советско-германского пакта 1939 г., одномоментно и круто изменившего в преддверии Второй мировой войны баланс сил в Европе, последующий международный событийный ряд и на Европейском континенте, и за его пределами имел бы иной вид. В этом гипотетическом случае изменилась бы ориентация всей мировой политики. Впрочем, случилось то, что было, можно определенно утверждать с исторической дистанции, запрограммировано геополитическим соперничеством великих держав. И более всего — международной стратегией нацистской Германии и коммунистического Советского Союза, их маниакальным стремлением к переустройству мира на свой лад. К военно-силовому переустройству. Причем у СССР с его антикапиталистической, классово-имперской стратегией и противников было больше, и намерения шли дальше. Советский вызов существующему миропорядку воплощали самые пропагандируемые классовые лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «За победу рабочего класса во всем мире!»^[665]

Дважды международные последствия советско-германского пакта были наглядно-взрывными, с последующим критическим ускорением хода событий и сменой де-факто вектора мировой политики.

Первый раз — когда пакт избавил гитлеровскую Германию, изготовившуюся нападением на Польшу инициировать всеобщий вооруженный конфликт в Европе, от кошмара войны на два фронта. Проигранная Первая мировая война доказала обреченность для Германии одновременного ведения войны и на западе, и на востоке континента. Добившись в результате сделки со Сталиным решающего военно-стратегического перевеса, Гитлер более чем укрепился в своем намерении напасть на Польшу, оказавшуюся таким образом в фактической изоляции, чему нацистский диктатор придавал решающее значение^[666].

Если Мюнхен принято считать поворотом к войне, то советско-германский пакт означал пересечение рубежа необратимости в вопросе войны или мира — через несколько дней

началась Вторая мировая война 1939–1945 годов, но впоследствии наиболее пострадавшей стороной стал как раз Советский Союз, вынесший на себе основное бремя войны и понесший не виданные ни в одной из прежних войн многомиллионные людские потери. Однако для В.М. Молотова, подписавшего пакт вместе с нацистским министром иностранных дел И. Риббентропом (отсюда распространенное наименование «пакт Молотова — Риббентропа»), существеннее было то, что в итоге войны «Сталин стал во главе половины земного шара!»^[667].

Во второй раз наследие советско-германского пакта громко сказалось в 1989–1991 годах, когда взрывная волна от заложенной пактом «мины замедленного действия» (А.Н. Яковлев) распространилась такими мощными кругами, что вызвала, как и полвека до этого, еще одну структурную перестройку международных отношений. Детонатором разительных перемен послужило признание советской стороной — публичное, на весь мир, впервые — факта подписания вместе с пактом Секретного дополнительного протокола^[668], зафиксировавшего «в строго конфиденциальном порядке» советско-германскую договоренность «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе»^[669] и тем самым предопределившего незавидную участь целого ряда сопредельных с Советским Союзом малых восточноевропейских стран.

Безусловно, шумное раскрытие самой большой из тайн сталинской дипломатии — тайны Секретного дополнительного протокола^[670], существование которого столь долго и столь упорно отрицали все советские руководители, сыграло свою немаловажную роль в развале Советской империи. Достаточно напомнить, каким абсолютно безнадежным делом оказались после официального объявления секретных договоренностей с нацистской Германией «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания»^[671] попытки удержать от отпадения три прибалтийские республики, контроль над которыми Советский Союз установил в 1939–1940 годы по этим договоренностям. Мало того, народы, имевшие статус союзных советских республик, поспешили отделиться от России в поисках своей национально-государственной идентичности. Все республики — без исключения. Национальным меньшинствам, не имевшим союзного статуса, судя по трагедии Чечни, предстоит нелегкий путь в свободное будущее.

Однако тут требуется оговорка принципиальной важности. Наступившие решительные перемены в судьбах народов Советской империи были не спонтанно возникшими из-за разглашения Секретного протокола, а концом, громогласным финалом процесса, идущего издавна. Эти перемены потому и оказались столь глубинными по своему характеру, что явились итогом длительной исторической подготовки такой развязки. «Различные факторы, подготавливавшие российский кризис конца XX века, действовали в течение десятилетий, иные — в течение столетий»^[672].

В ряду таких долговременных факторов советско-германский пакт выделяется тем, что, вызвав эффект домино, он привел к череде необратимых глобальных изменений. Перемены в мире после Второй мировой войны, приведшие к развалу «мировой социалистической системы» и ее структур, как и конечному крушению Советской империи (Российской империи в коммунистическом варианте), были вызваны не столько Секретным протоколом (а тем более разглашением его тайны), сколько советско-германским пактом как таковым. Его, как показало время, историко-геополитическими последствиями^[673].

В связи с рассматриваемой в статье темой анализ причин провала переговоров СССР со

странами Запада, которые велись весной и летом 1939 г. с целью организации противодействия агрессии в Европе, имеет большое значение. Позволяя вплотную подойти к постижению международной стратегии Советского Союза, приоритетных целей его предвоенного внешнеполитического курса.

Не вдаваясь в подробности этих переговоров (они достаточно документированы), ограничимся фактами самоочевидными. Советско-германский пакт был заключен в момент, когда политико-дипломатические переговоры с Англией и Францией, к середине августа 1939 г. вошедшие в стадию военных переговоров, еще продолжались. Не кто иной, как глава советской военной делегации на переговорах К.Е. Ворошилов заявил на следующий день после публикации в прессе текста пакта представителям западных стран — потенциальным участникам соглашения о коллективной безопасности, что «дальнейшие переговоры теряют всякий смысл»^[674]. Как и рассчитывал на то Сталин, западным делегациям пришлось «ни с чем» покинуть советскую столицу^[675].

Но как оценивать публичные заявления Кремля о том, что советско-германский пакт был следствием, а не причиной провала советско-западных переговоров?

Вот как объяснял неудачу советско-западных переговоров рупор сталинского руководства газета «Правда». В первую годовщину советско-германского пакта в передовой статье газета писала: «СССР стремился к осуществлению своих *государственных задач* в районах западных границ нашей страны и к укреплению мира, а англо-французская дипломатия — к игнорированию этих задач СССР, к организации войны и вовлечению в нее Советского Союза»^[676]. Осуществления каких «государственных задач» вдоль своих западных границ добивался Советский Союз? И почему западные деятели не видели связи между интересами внешней политики СССР и «укреплением мира»?

Предоставим слово Молотову, разделяющему со Сталиным ответственность за предвоенную советскую внешнюю политику: «Мы вели переговоры с англичанами и французами до (?) разговора с немцами: если они не будут мешать нашим войскам в Чехословакии и Польше, тогда, конечно, у нас дела пойдут лучше. Они отказались...»^[677] Не менее откровенен Сталин: «Мы предпочитали (?) соглашение с так называемыми демокр [атическими] странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки, и еще меньше ничего не получая»^[678].

Разумеется, никакого предпочтения переговорам с западными странами не отдавалось. Ведя гласные переговоры с ними и одновременно негласные «разговоры» с Германией, сталинское руководство хотело выжать максимум из выгод своего третьейского положения. Из ситуации, когда обе стороны близкого военного конфликта — и демократические Англия с Францией, и нацистская Германия — добивались советской поддержки. Если западные страны нуждались в советской военной помощи, то для Германии важно было, нейтрализовав СССР, выиграть время.

Завершение перегруппировки основных мировых сил, за исключением Советского Союза — последней неангажированной мировой державы, априори повышало его шансы как силы, способной склонить чашу весов в ту или иную сторону. В поступавших в Москву донесениях советских дипломатов из европейских столиц можно найти немало данных о том, что чем больше возрастала напряженность на континенте, тем большее значение придавалось выбору СССР. Из Берлина советское полпредство сообщало о распространенном мнении в

дипломатических кругах немецкой столицы, которое сводилось к тому, что масштабная война в Европе начнется лишь тогда, когда прояснится все еще неопределенная советская позиция. Но никак не раньше^[679].

Выжидательная тактика Советского Союза, сохранявшаяся вплоть до начала войны, не могла не отразиться на исходе советско-западных переговоров. По целому ряду причин, среди которых и более чем малоудачный опыт советско-западных взаимоотношений в прошлом, а главное — из-за классово-имперского курса Советского Союза, провал его переговоров с Англией и Францией был предсказуем.

В период между двумя мировыми войнами Сталин то и дело клеймил Англию и Францию как застрельщиков антисоветской политики. После кратковременного периода середины 1930 годов, когда была продекларирована советская приверженность идее коллективной безопасности, антизападная пропаганда стала снова набирать обороты. Устами Сталина странам Запада за их внешнюю политику предрекалось то «историческое возмездие» (сентябрь 1938 г.), то «серьезный провал» (март 1939 г.)^[680]. Придерживаясь канвы событий, приходится признать, что участие Советского Союза в коалиции с западными демократиями оказалось вынужденным. Правители в Кремле рассматривали войну с нацизмом исключительно под углом укрепления позиций социализма в мире. Великой Отечественной войной она стала для простых советских людей, отстоявших себя и свои семьи, свои дома, свою родину^[681].

В разгар войны, при обсуждении на Политбюро в 1943 г. киноповести А.П. Довженко «Украина в огне», Сталин обвинил кинорежиссера в «непонимании» того, что идущая война «есть также война классовая»^[682]. Заключением советско-германского пакта, по его словам, «удалось вовремя сорвать намечавшийся военный блок империалистических государств, направленный против СССР»^[683].

Такое представление о международном развитии в предвоенный период Сталин закрепил при редактировании «Фальсификаторов истории», внося в текст этой брошюры отдельный абзац с сопоставлением советско-германского пакта с Брестским миром. В обоих случаях, как при рождении советского государства, так и двадцатью годами позже, решающими оказались классовые мотивы. В сталинской интерпретации, «Советский Союз оказался вынужденным заключить пакт с немцами ввиду той же (как и в 1918 г. — Автор) враждебной политики Англии и Франции»^[684]. Лица из сталинского окружения в своих воспоминаниях утверждают, что так оно и было — существовала реальная угроза сплочения «империалистов» против Советского Союза^[685].

Но действительно ли в Кремле опасались нового похода «14 государств» против страны социализма? Более чем сомнительно.

Во-первых, в официальных заявлениях и Сталина, и Молотова, действовавших тандемом в вопросах внешней политики, неизменно делался акцент на то, что германская агрессия направлена скорее против стран Запада. Одно из заявлений подобного рода было сделано всего лишь за три месяца до начала войны. Глава советского правительства Молотов оценил подписание 22 мая 1939 г. между Германией и Италией военно-политического договора как их отказ от «антикоминтерновской шумихи», которая «сыграла в свое время известную роль для отвлечения внимания». И продолжил: «Теперь агрессоры уже не считают нужным прятаться за ширму... Зато государственные деятели и печать Германии и Италии определено говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских

демократических стран»^[686].

Во-вторых, советско-германский пакт был заключен во исполнение настойчиво повторяемых заявлений о том, что в своей внешней политике Советский Союз исходит из своих государственных интересов и только из них. Этим интересам, по мнению Сталина и его окружения, как раз и отвечал пакт. Подчеркивая взаимовыгодность пакта, говорилось на самом высоком уровне: это соглашение «устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и вместе с тем обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке»^[687]. Через месяц после пакта и в его развитие было подписано еще одно двустороннее соглашение — Договор между СССР и Германией о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.^[688] Внося разлад в стан «враждебного капиталистического окружения» (с дальним прицелом дипломатии Кремля), эти договоры имели и прикладное назначение — «возвращение» с немецкой помощью утерянных в годы Первой мировой и Гражданской войн земель Российской империи. Как известно, в 1939–1940 годах удалось прирастить территорию СССР за счет части Финляндии, трех прибалтийских республик, восточных районов Польши, Молдавии с Северной Буковиной.

Предпосылок и условий для советско-германских договоренностей, воплотившихся в пакте, было несравнимо больше, чем для успешного завершения переговоров СССР со странами Запада.

Прежде всего Германию и СССР объединило их общее ущербное международное положение после Первой мировой войны, разделившей Европу на страны-победители и страны-побежденные. В.И. Ленин, отмечая тяжесть обязательств Германии по Версальскому мирному договору, предвидел, что в создавшихся условиях она «толкается на союз с Россией»^[689]. Сталин пошел дальше, подчеркивая геополитическую составляющую их взаимного тяготения. В беседе с английским послом Р.С. Криппсом (летом 1940 г. — после капитуляции Франции!) он говорил о том, что стремление «изменить старое равновесие сил в Европе, которое действовало против СССР... послужило базой для сближения СССР с Германией»^[690].

Были и иные основания для сближения двух стран — опять-таки в противовес Западу. Характеризуя Рапалльский договор 1922 г. как попытку Германии и СССР «сообща ослабить пути, навязанные державами-победительницами», немецкий исследователь истории взаимоотношений двух стран Х. Таммерман продолжает: договору «была присуща и определенная основополагающая, имевшая социокультурную подоплеку антизападная направленность...»^[691].

Наконец, с первых дней Советской России у ее коммунистических руководителей были свои специфические планы в отношении Германии и той роли «ледокола» мирового революционного процесса, которую она якобы призвана была сыграть в обозримом будущем. Академик Е.Л. Фейнберг вспоминал праздничные демонстрации в Москве 1920-х годов с лозунгом на транспарантах «Советский серп и немецкий молот объединят весь мир»^[692].

С объявлением Гитлером похода против большевизма двусторонние отношения быстро ухудшались. Сталин, однако, полагал, что рано или поздно ему удастся найти общий язык с Гитлером. Согласие последнего в мае 1933 г., после почти двухлетних проволочек, на продление советско-германского (Берлинского) договора 1926 г. Сталин вполне мог оценить как позитивный сигнал^[693]. С советской стороны, давал он знать на партийном съезде в

январе 1934 г., нет препятствий к восстановлению прежних, доверительных отношений — возврату к практике, «получившей отражение в известных договорах СССР с Германией»^[694]. На переговорах в Москве в сентябре 1939 г. Сталин заверял Риббентропа, что «основным элементом советской внешней политики всегда было убеждение в возможности сотрудничества между Германией и Советским Союзом»^[695]. Не ограничиваясь этим, подчеркнул: «Советское правительство в своей *исторической концепции* никогда не исключало возможности добрых отношений с Германией»^[696].

Западноевропейские деятели задолго до советско-германского пакта считались с возможностью тесного сближения СССР с Германией, несмотря на острое идейно-политическое противостояние между ними. Приведем один из таких примеров.

В марте 1935 г. Сталин получил очередное разведывательное сообщение, которым придавал первостепенное значение. Оно было основано на документах МИД Франции, составленных в связи с миссией в Париж министра иностранных дел Англии А. Идена. На нем пометы: «Важно (правдоподобно)» и «Мой архив»^[697].

Приведем ту часть агентурного сообщения, которую подчеркиванием выделил из всего документа Сталин:

«По мнению министра иностранных дел Франции П. Лавалья, совершенно ошибочно рассматривать СССР и гитлеровскую Германию как держащих друг друга в страхе, разрешая таким образом западным державам мирно извлекать пользу из этой враждебности. Германосоветская враждебность вовсе не является неизменным фактором международной политики, на котором можно было бы базировать политику на длительный срок. Похоже даже на то, что в этой враждебности есть известный расчет и что Германия пытается вовлечь Францию в торг, при котором СССР был бы предоставлен Германии. Добившись от Франции свободных рук в отношении СССР, Германия смогла бы очень хорошо сговориться с СССР к невыгоде Франции»^[698].

Советское руководство крепко уверовало в решающую роль в европейской и даже мировой политике советско-германского согласия. В послевоенный период, в условиях холодной войны, сталинское руководство, видимо, не прочь было попытаться вновь разыграть германскую карту в геополитической игре на континенте, противопоставляя Германию странам Запада. При создании Германской Демократической Республики в октябре 1949 г. Сталин вспомнил о довоенных советских намерениях в отношении Германии, назвав образование ГДР «поворотным пунктом в истории Европы»^[699]. Повторив еще более завышенную оценку, которую дал Молотов советско-германскому пакту 1939 г. при его ратификации — как «поворотному пункту в истории Европы, да и не только Европы»^[700].

Вышеизложенное возвращает нас к проблеме ответственности за Вторую мировую войну, которая вновь и вновь требует исследовательского внимания. Как точка отсчета последующего исторического времени. Воздействие мировой войны оказалось столь устойчиво-длительным, что период, характеризующийся как послевоенный, растянулся на многие годы, а ее последствия сказываются по настоящее время.

В период всего существования Советского Союза в его политике сохранялись приоритетные для него классовые и имперские цели. Обусловленные противостоянием с капиталистическим миром^[701] жесткие цели советской внешней политики и используемые для их достижения инструменты были одним из постоянных факторов международной напряженности.

Перед Второй мировой войной Сталин в своей внешней политике отнюдь не намерен был ограничиваться реакцией на события, вынуждаемый к этому решениями, принимаемыми в столицах великих капиталистических держав. Наоборот, он стремился играть самостоятельную и активную роль на международной арене, стараясь навязать странам «враждебного капиталистического окружения» свои правила игры во «второй империалистической войне», начавшейся, как он считал, уже в 1935–1937 годы. Понятно, что политико-дипломатические комбинации с участием СССР не могли не иметь временного, переходящего характера. Советско-германский пакт 1939 г., заключенный на десять лет, просуществовал менее двух лет. А советско-западные соглашения 1941–1945 годов были почти сразу сметены холодной войной.

Сменой в ходе войны одной коалиции на другую — *на договорных началах!* — Советский Союз продолжил свой предвоенный курс, основанный на использовании «межимпериалистических противоречий» и исключаящий предрешенный выбор союзников. Если сотрудничество с нацистской Германией — от торгово-экономического до военно-политического — объяснялось заинтересованностью Советского Союза в пересмотре государственно-территориального статус-кво, установленного в Европе победителями в Первой мировой войне, то последующее его участие в Антигитлеровской коалиции, начавшееся с самозащиты от вражеского нашествия, отражало стремление к всемерному укреплению собственных державных позиций за счет стран «враждебного капиталистического окружения». С окончанием войны советские руководители ставили себе в заслугу то, что удалось, как им казалось, «как перед войной, так и в ходе войны... правильно использовать противоречия внутри лагеря империализма»^[702].

Важнейшей частью проблемы ответственности за Вторую мировую войну является вопрос о ее непосредственных инициаторах. Здесь мы сталкиваемся с тайной Секретного дополнительного протокола к пакту, с загадочными обстоятельствами, его окружающими.

Казалось бы, после начала войны между Советским Союзом и Германией одна из сторон могла бы попытаться, разгласив тайну протокола, добиться политико-пропагандистского выигрыша, обвинив во всех смертных грехах бывшего «заклятого друга». Но ничего подобного не случилось. Что же оказалось весомее взаимной ненависти тоталитарных режимов, схватившихся не на жизнь, а на смерть?

Единственно правдоподобное объяснение этого поразительного факта — в том, что признанием тайного сговора за счет третьих стран, прежде всего за счет ближайшей жертвы — Польши, сговора за считанные дни до всеобщего европейского конфликта, снимался вопрос о том, кто и как развязал Вторую мировую войну. Развязал в целях перекройки политической карты Европы и в расчете на глобальные структурно-системные перемены в дальнейшем. Объяснение долгой одиссеи Секретного дополнительного протокола — в стремлении сохранить его тайну как можно дольше, отсрочить неотвратимый вердикт истории.

Все же, как уже подчеркивалось, дело было не столько в приложенном к пакту Секретном дополнительном протоколе, сколько в самом пакте. Возникший с самого начала всеобщий интерес к закулисным маневрам, окружавшим заключение советско-германского пакта, и вероятным секретным договоренностям помимо объявленного соглашения как бы заслонила собой его подлинную роль^[703]. Вплоть до наших дней можно встретить суждения о том, что советско-германский пакт как таковой вполне был в духе норм международного права. Практически закрывая тему геополитической сущности пакта со всеми вытекающими

последствиями.

Однако был ли на самом деле советско-германский пакт просто соглашением о ненападении, как он формально именовался? Не только приложенный к пакту Секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе, но и обнародованные положения пакта шли дальше заурядного международного соглашения.

Согласно преамбуле советско-германского договора (пакта) о ненападении, стороны руководствовались «желанием укрепления дела мира между СССР и Германией»^[704]. Именно так — между СССР и Германией. В момент, когда сроки немецкого нападения на Польшу исчислялись днями, с предсказуемым вовлечением в конфликт западных стран, договаривающиеся стороны давали знать, что их заботит только состояние двусторонних отношений. И поскольку как раз в это время СССР вел переговоры с Англией и Францией для предотвращения масштабного конфликта в Европе, советское обязательство «укрепить дело мира» с одной Германией означало недвусмысленное поощрение ее агрессии. Современники событий, еще не зная о тайной советско-германской сделке о разделе Восточной Европы, задавались вопросом, какой ценой Гитлер купил советское согласие на пакт.

Преамбула пакта содержала также ссылку на то, что стороны исходят из «основных положений» Берлинского договора 1926 г. Провозглашение преемственности договорных отношений между Советским Союзом и веймарской Германией, с одной стороны, и Советским Союзом и нацистской Германией, с другой, указывало на их предназначение — единение против Запада, отражая их многолетние усилия по подрыву Версальской системы. Неудивительно, что в преамбуле не нашлось места положению Берлинского договора о том, что стороны руководствовались «желанием сделать все, что может способствовать сохранению всеобщего мира» (здесь и далее курсив в цитатах мой)^[705].

Анализ содержания статей пакта подтверждает обоснованность его однозначного толкования.

По статье 1-й пакта стороны обязывались «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Трижды повторенное заклинание «от всякого» призвано было продемонстрировать всем решимость СССР и Германии избегать даже подобия конфронтации. Но когда между ними завязалась жестокая кровопролитная война, спасая лицо, Гитлер твердил о превентивной войне, Сталин — о выигрыше времени благодаря пакту.

Две другие статьи касались случаев вовлечения в конфликты договаривающихся сторон. Предусматривалось, что если одна из сторон «окажется объектом военных действий со стороны третьей державы», то другая сторона «не будет поддерживать ни в какой форме эту державу» (ст. 2). Стороны также взаимно отказывались «участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны» (ст. 4). Это означало, что Германия отказывалась от Антикоминтерновского пакта, а Советский Союз — от переговоров о коллективной безопасности со странами Запада^[706].

Закрепляли сближение участников пакта статьи 4 и 5. По одной, «затрагивающие их общие интересы» вопросы становились предметом взаимных консультаций; по другой — в случае возникновения споров или конфликтов между ними «по вопросам того или иного порядка» стороны обязывались разрешать их «исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями» или путем создания соответствующих комиссий (ст. 5).

Заклученный на десять лет (ст. 6), пакт вступал в силу «немедленно после его подписания» (ст. 7). «Немедленно» — так как дата нападения на Польшу была уже назначена.

Немедленное вступление в силу пакта и особенно отсутствие положения о прекращении его действия в отношении той стороны, которая сама совершит акт агрессии, тут же обратило на себя внимание. Это был тот самый классический случай подготовки к агрессии, о котором предупреждал в свое время М.М. Литвинов, возглавлявший Наркоминдел СССР в 1930–1939 годах. Полемизуя с противниками коллективной безопасности, которые ратовали за двусторонние соглашения о ненападении, он говорил в сентябре 1935 г. на Ассамблее Лиги Наций: «Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира. В то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своими соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишенные. Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства»^[707].

Как и планировалось, первой жертвой стовора пала Польша, атакованная сначала Германией, затем Советским Союзом. Их совместное коммюнике от 18 сентября 1939 г. по поводу «задач советских и германских войск, действующих в Польше», содержало указание на соответствие военной акции двух стран «духу и букве» заключенного между ними пакта^[708]. Такое вступление в силу пакта подвигло посольство Франции в Москве на официальный запрос, не означает ли коммюнике, «что между СССР и Германией заключен военный союз»^[709].

Обе стороны пошли на пакт по сугубо геополитическим соображениям. Но в сравнительно узком, ограниченно-геополитическом варианте, когда целями экспансии были намечены ближайшие соседи Германии и СССР. Но война мировая — поле для глобальной геополитики. Тут рамки советско-германского стовора стесняли и одну, и другую сторону. Согласие по программе-минимум не означало их согласия по программе-максимум. Схватка между ними стала неизбежной, когда реально встал вопрос о лидерстве в Европе. Тогда, когда Сталин отказался предоставить Гитлеру свободу рук на континенте и ограничиться экспансией в южном направлении — в сторону Индийского океана. Отказался согласиться, умерив аппетиты, на присоединение к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии в качестве младшего партнера.

Сталинская классовая система мировых координат исключала такую трансформацию советско-германского пакта. В своей международной политике Сталин и его ближайшее окружение исходили из убеждения, основанного на марксистской теории, что кризисное развитие в мире с неизбежностью ведет к социальным потрясениям. В их представлении состояние и эволюция международных отношений определялись не столько традиционной борьбой великих держав за преобладание в мире, сколько воздействием «общего кризиса капитализма», отражавшего, по сталинскому определению, «прежде всего» усиление загнивания капитализма, подрыв его равновесия. Абсолютизируя классовую борьбу, Сталин говорил на партийном съезде в 1930 г., что «мы живем теперь в эпоху войн и революций»^[710]. Другими словами в сопряженную с насилием переходную эпоху от капитализма к социализму.

Все, или почти все, стало ясно из доклада Сталина на XVIII партийном съезде 10 марта 1939 г. Сказано было много такого, что позволяло с большой долей уверенности судить о его далеко простирающихся антикапиталистических замыслах. Равно как и о том, каким виделся Сталину путь к достижению целей его классово-имперской политики.

В докладе, получившем известность на Западе как «речь о жареных каштанах», ставилась задача «соблюдать осторожность и не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»^[711]. Сомнений в том, что «провокаторами войны» он считает Англию, Францию и США — из-за их трусливой политики умиротворения, Сталин не оставил.

В то же время западным странам противопоставлялась своего рода общая позиция СССР и Германии. Судите сами.

Затеянная в Мюнхене «игра», заявил докладчик, провалилась. Поскольку странам Запада не удалось «поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией *без видимых на то оснований*»^[712]. В свою очередь и Германия, продолжил Сталин, отказывается «платить по векселю» — развивать агрессию в восточном направлении, посылая западные страны «куда-то подальше»^[713]. И все это в контексте «новой империалистической войны», которая «стала фактом», хотя «она не стала еще всеобщей, мировой войной»^[714]. Не стала из-за того, что неагрессивные государства — Англия, Франция и США — «пятятся назад и отступают», хотя государства-агрессоры — Германия, Япония, Италия — всячески ущемляют их интересы^[715].

Выделим по меньшей мере два момента в пространных сталинских рассуждениях.

Первый. Для Сталина предвоенная политика западных стран представлялась «игрой», затеянной людьми, не признающими, как он выразился, «человеческой морали». И поскольку в этом аморальном мире «прожженных буржуазных дипломатов» (опять-таки западных!) все дозволено, то Сталин, сам «беспринципный в вопросах морали» (Н.С. Хрущев), публично выдал себе индульгенцию на то, что и он может включиться в эту силовую геополитическую «игру». Ее суть изложена была им довольно красочно: «Дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга. А потом, когда они достаточно ослабнут, — выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира» и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия. И дешево, и мило!»^[716] Пактом с Гитлером Сталин, как ему представлялось, перехватил инициативу в этой обоюдоострой «игре». Своему окружению после подписания пакта он объяснял: «Тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет». Сталин полагал, что советско-германским пактом ему удалось «обмануть» Гитлера (и не только его), «создав условия для столкновения Гитлера сначала с западноевропейскими странами»^[717].

Второй. Как это ни странно, Сталин решился говорить за нацистскую Германию. Заявляя о том, что она не хочет «платить по векселю» — воевать с СССР, посылая западные страны «куда-то подальше». Куда — известно по ненормативной лексике русского языка. Но откуда такая уверенность в намерениях Гитлера? Что могло зародить у него, по выражению Р.Ш. Ганелина, «патологическое доверие к Гитлеру»?^[718] Вероятно, он исходил из ситуации, сложившейся к осени 1938 г., когда наметилась разрядка напряженности в советско-германских отношениях. Тогда «дорожная карта» немецкой агрессии представлялась Сталину в таком варианте: «Сначала захват Австрии, потом удар по Чехословакии, потом,

пожалуй, по Польше... а потом... потом «видно будет»^[719]. Все это появилось в «Правде» в сентябре 1938 г. в виде текста международного раздела последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)»^[720]. Время, когда Гитлер, поняв, что он не может рассчитывать на безусловную поддержку Японии, а Муссолини связан в своих действиях «дураками» и «негодьями» из окружения короля и кронпринца, решил «быть заодно со Сталиным»^[721]. Не против — а заодно.

У Сталина была своя «дорожная карта» очередности целей СССР в «новой империалистической войне». Логике его слов и дел вполне отвечали поиски (но только на определенном этапе!) согласия с Гитлером. Обоснованно предполагая, что на первых порах Германия ограничится завоеванием малых стран-соседей, и в ожидании, пока война не станет «всеобщей, мировой», вначале с периферийным участием Советского Союза. Для реализации своих планов Сталину был нужен как раз Гитлер, а не нерешительные лидеры западных стран, опасавшиеся, по аналогии с Первой мировой войной, социальных последствий всеобщего конфликта.

После начала войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, Сталин, инструктируя генерального секретаря исполкома Коминтерна Г. Димитрова, так обрисовал свой программный замысел: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивая одну сторону против другой, чтобы [они] лучше разодрались... Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»^[722].

В этих откровениях Сталина хорошо отражена его подсобная, в сравнении с Гитлером как агрессором, но одновременно подстрекательская, провокационная роль в развязывании Второй мировой войны.

Так и действовал сталинский Советский Союз — единственный из основных участников войны, успевший побывать в рядах обеих враждующих коалиций. По большому счету, цели СССР во Второй мировой войне не совпадали с целями ни одной из капиталистических коалиций, по сталинскому определению, «вцепившихся друг в друга во время войны», чтобы добиться мирового господства^[723].

С гитлеровским нападением 22 июня 1941 г. Советский Союз в одночасье лишился не только фактического союзника, превратившегося в смертельного врага. Он лишился поддержки единственной из великих держав, признававшей продвинутые на запад новые советские границы. Предстояло в коренным образом изменившихся условиях отстаивать добытое при содействии нацистской Германии.

Поначалу пришлось отступить. По соглашению о взаимной помощи в борьбе против Германии, заключенному в конце июля 1941 г. с правительством Польши в эмиграции, СССР признал «советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу»^[724]. Созданный опасный прецедент сталинское руководство постаралось устранить, порвав в апреле 1943 г. отношения с эмигрантским правительством В. Сикорского^[725].

Дополнительные трудности для Советского Союза создали Ф. Рузвельт и У. Черчилль, подписавшие 14 августа 1941 г. Атлантическую хартию с требованием «окончательного уничтожения нацистской тирании». Его новоявленные западные союзники отвергали насильственные территориальные изменения, провозгласив «право всех народов избирать

себе форму правления, в условиях которой они хотят жить». Чтобы снискать расположение Запада, в помощи которого он жизненно нуждался, Советский Союз присоединился к Атлантической хартии. Вместе с тем от имени правительства СССР было заявлено, что практическое применение ее принципов «неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны...»^[726].

Безоговорочное принятие Атлантической хартии ставило под вопрос добытое с использованием силовых средств воздействия. Отныне усилия Сталина и его преемников сосредотачиваются на том, чтобы сохранить, добившись тем или иным путем международного признания, территориальные приобретения в результате военно-политического сотрудничества с нацистской Германией.

Примером таких усилий могут служить переговоры, которые вели Сталин и Молотов в декабре 1941 г. с приехавшим в Москву министром иностранных дел Великобритании А. Иденом.

С началом переговоров Сталин заявил, что «гораздо больше его интересует вопрос о будущих границах СССР», чем тексты подготовленных соглашений^[727]. Подчеркнув, что вопрос о границах представляет для советской стороны «исключительную важность», Сталин сослался в подтверждение на провал переговоров с Англией и Францией весной-летом 1939 г. По его словам, на советско-западных переговорах «как раз вопрос о Прибалтийских странах и Финляндии явился камнем преткновения...»^[728]. Более того — «вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР, включая, в особенности, балтийские государства»^[729].

Продолжительные переговоры, которые с советской стороны в основном вел сам Сталин, не дали ожидаемых результатов из-за упорства Идена в вопросе официального признания западных границ СССР. Дело ограничилось принятием краткого совместного коммюнике^[730].

О переговорах того времени с западными союзниками Молотов вспоминал: «Мы настаивали на документе о наших послевоенных границах... Мы настаивали все время, я напирал на это... Все упиралось в признание за нами Прибалтики»^[731].

Ялтинско-Потсдамских соглашений о фактическом разделе Европы оказалось мало, чтобы закрепить за Советским Союзом его территориальные приобретения. Сталин и его преемники в Кремле отчетливо сознавали, что послевоенная социально-политическая структура Европы по советскую сторону от «железного занавеса» основывалась на изменениях, инициированных Советским Союзом с применением насилия, начиная с пакта с нацистской Германией. Груз нелегитимности соглашений с поверженным врагом постоянно довлел над Кремлем. Неприятности добавило признание «ничтожным» Мюнхенского соглашения о передаче Германии Судетской области (по договору 1938 г. между Чехословакией и ФРГ). Понимание правовой несостоятельности соглашений с нацистским агрессором, тем более секретных, подстегивало усилия по предотвращению ревизии сталинской версии пакта.

Показателен случай с внезапным прекращением в 1977 г. издания известной серии «Документы внешней политики СССР».

Двадцатью годами ранее, в разгар хрущевской оттепели, Министерство иностранных дел СССР выпустило в свет первый том этой серии. С обещанием сделать публикацию «систематической»^[732]. Невиданное за все время существования советской власти

начинание^[733].

Публикация сопровождалась различными ограничениями. За каждый календарный год выпускался один-единственный том, причем архивные документы составляли лишь чуть больше половины содержания такого тома. Нашлось этому и мнимое оправдание: поскольку опубликовать все архивные документы МИДа невозможно из-за их огромных размеров, публикуются документы «наиболее важные для понимания внешней политики Советского Союза»^[734]. Задача снабдить исследователей истории внешней политики СССР архивными документами определенно была не на первом месте.

Но и эта половинчатая публикация была неожиданно прервана на 21-м томе серии. Точнее — оборвана. При возобновлении серии спустя 15 лет, уже в постсоветское время, было сообщено, что публикация была «необоснованно приостановлена» по решению советского руководства^[735].

Что значит «необоснованно» — неизвестно. Но предположить, почему издание серии было прекращено именно на предвоенном 1938 г. и именно решением высшего советского руководства, думается, можно. Предположение это связано с тем, что следующий, 22-й том серии должен был включать советско-германский пакт. Не публиковать его нельзя было хотя бы потому, что еще в самом начале было провозглашено за правило публиковать, наряду с архивными материалами, «важнейшие документы» советской внешней политики, пусть даже ранее известные. Чтобы, говорилось в предисловии к первому тому, «составить правильное представление о внешней политике Советского государства»^[736].

Судя по всему, издание очередного тома «Документов внешней политики СССР» было прекращено по соображениям политическим. Вернее — по соображениям сугубо внешнеполитическим.

По-видимому, с официальной точки зрения приостановка публикации документальной серии на 1938 г. была единственно приемлемым решением. Глубокий интерес «советского руководства» состоял в том, чтобы вообще «забыть» о советско-германском пакте, один факт повторной публикации которого неизбежно повлек бы за собой постановку крайне нежелательных вопросов. Возобновились бы дискуссии о роли пакта в развязывании Второй мировой войны, обстоятельствах «сталинского натиска на Запад» в 1939–1940 гг., масштабах сотрудничества Советского Союза с нацистской Германией. Не говоря уж о том, что обязательно был бы поднят вопрос о Секретном дополнительном протоколе, существование которого категорически отрицалось. В повестке дня международной политики вновь оказались бы многие политико-дипломатические и территориальные проблемы в Европе, оставшиеся со времен мировой войны и разделявшие капиталистический Запад и социалистический Восток. Проблемы, решение которых потребовало бы определенного пересмотра итогов войны.

Об опасениях, по которым прекратилось издание «Документов внешней политики СССР», можно судить по отношению к пакту последнего генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, публично заявлявшего об отсутствии в советских архивах оригинала Секретного протокола. Между тем Горбачев был ознакомлен с ним заведующим Общим отделом ЦК КПСС В.И. Болдиным. Видел он и подписанную Риббентропом и Сталиным карту, по которой была проведена линия разграничения советско-германской границы после раздела Польши. По воспоминаниям Болдина, изучив документы, Горбачев приказал: «Убери подальше!» Когда он узнал, что секретные протоколы не уничтожены, воскликнул: «Ты

понимаешь, что представляют сейчас эти документы?!»^[737]

Однако дело не ограничивалось проблемой закрепления за Советским Союзом территориальных приобретений благодаря сотрудничеству с нацистской Германией. В послевоенное время эта, первоначально региональная восточноевропейская проблема с расширением внешних границ Советской империи до центра Европы переросла в проблему континентальную. Разрастание Советской империи, вопреки выявившейся в итоге Первой и продолженной во Второй мировой войне тенденции к распаду мировых империй, было исторической аномалией. Так вопрос о международно-правовом признании послевоенного территориального переустройства в Европе стал вопросом жизни или смерти для коммунистической империи. Форс-мажорные обстоятельства крушения в 1989–1991 годах ялтинско-потсдамской системы международных отношений привели одновременно и к распаду Советской империи, и к радикальным переменам в пределах самой российской метрополии.

С подписанием Хельсинкского Заключительного акта 1975 г., казалось, усилия советских руководителей наконец увенчались успехом. На очередном партийном съезде Л.И. Брежнев значение хельсинкских договоренностей видел в том, что благодаря им пришло признание «сложившихся в результате Второй мировой войны территориальных и политических реальностей» на Европейском континенте^[738]. Это воспринималось Кремлем как определенная гарантия сохранности Советской империи, которая подрывалась изнутри антисоветскими выступлениями в странах-сателлитах. Но как видим в случае с прекращением издания «Документов внешней политики СССР» спустя два года после Хельсинки, полной уверенности в том, что политическая карта Европы зафиксирована окончательно, у советского руководства не было.

Созданная Сталиным империя, перешагнувшая рамки империи Романовых, чтобы сохраниться и развиваться, должна была постоянно расширяться на новые земли, покорять другие народы. В этом причина официально провозглашенного курса на достижение военно-стратегического и военно-политического паритета СССР с окружающим миром. Со всем миром! «Самонадеянность силы» не могла не проявиться самым грубым образом, перегорававшая энергия советской военной машины не могла не искать выхода. Вторжение в Афганистан, которое вылилось в самую продолжительную войну за всю историю СССР, продемонстрировало безудержность советского экспансионизма, выросшего на дрожжах Второй мировой и холодной войн.

Что ж изменилось в советском подходе к внешнему миру со времен правления Сталина? Сохранялась гремучая смесь идеологических установок с непреходящими геополитическими замыслами. Сместилось лишь направление главного удара — с Европы по тылам «мирового империализма». Из второго тома «Архива Митрохина» стало известно, что летом 1961 г. руководство КПСС одобрило глобальную стратегию, нацеленную на достижение победы в холодной войне через наступление в «третьем мире»^[739].

Поначалу новая стратегия сулила успех. Правители целого ряда независимых и освободившихся стран объявили о своей приверженности делу социализма, заручившись советской помощью вооружением и советниками. Впрочем, достаточно было заявить об антизападной ориентации. На долгие годы СССР занял место крупнейшего экспортера вооружений и военной техники — свыше трети всех поставок в мире^[740]. Показательно совместное советско-эфиопское коммюнике от 20 сентября 1978 г., в котором «революция» в

Эфиопии рассматривалась как «составная часть всемирного революционного процесса». «Смотрите, — восклицал в узком кругу Брежнев, — и в джунглях хотят жить по Ленину!»^[741]

Сказывался геополитический импульс советско-германского пакта 1939 г., оправдавшего расчеты сталинского руководства превратить Вторую мировую войну в стартовую площадку для расширения классово-имперской экспансии Советского Союза.

Ее объектами стали Юго-Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Африка, Центральная Америка. Преследовалась цель добиться военного присутствия Советского Союза по всему миру. Какую угрозу несла с собой глобальная версия советского экспансионизма, убедительно продемонстрировал Карибский ракетный кризис 1962 г.

Но о пересмотре курса на то, чтобы переломить мировое развитие в свою пользу через интервенции в «третьем мире», не было и речи. Продолжением, из наиболее крупных подобных акций, и стало вторжение в Афганистан в декабре 1979 г. На этот раз понадобилось десять лет, чтобы убедиться в безнадежности попыток выиграть холодную войну.

Безоглядная геополитическая игра роднит афганскую авантюру брежневского руководства со сталинско-молотовским фатальным решением в преддверии Второй мировой войны. К тому выбору — пакту с нацистской Германией — советская сторона шла через продолжительные закулисные «разговоры» с немцами, до поры до времени прикрывая свои подлинные намерения. Преемники Сталина так же исходили из одиозных геополитических мотивов и так же старались соблюсти скрытность своих действий. Но в обоих случаях с ясным пониманием, что это не могло не иметь самых серьезных международных последствий.

Подтверждение этому мы находим в частично рассекреченных документах Политбюро ЦК КПСС, на заседаниях которого признавалось, что интервенция в Афганистане чревата неизбежными глобальными осложнениями. Одно из таких заседаний происходило, несмотря на «неурочное время» — в субботние и воскресные дни 17–18 марта 1979 г. Активно дискутировался вопрос о «наших возможных действиях» в связи с антиправительственными выступлениями в афганской провинции Герат^[742].

Созыв экстренного заседания Политбюро, продолженного и 19 марта, показывает, что кремлевские руководители были глубоко вовлечены в дела Афганистана, стараясь держать под контролем ситуацию в этой стране с самого начала прихода там к власти в апреле 1978 г. доморощенных марксистских революционеров.

Члены Политбюро были едины в том, что, как выразился министр иностранных дел А.А. Громыко, «мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан»^[743]. Чтобы этого не случилось, по сообщению министра обороны Д.Ф. Устинова, уже были «разработаны два варианта военной акции»^[744]. Председатель правительства А.Н. Косыгин предлагал оставить за собой применение военной акции «как крайнюю меру»^[745].

Однако на этой стадии обсуждения вопроса кремлевские руководители все еще не решались на ввод войск. Участие советских войск в подавлении антиправительственных выступлений в Афганистане, разъяснялось в постановлении Политбюро от 12 апреля, «с одной стороны, нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы далеко назад процесс разрядки, а с другой — обнаружило бы слабость позиций правительства Тараки и могло бы еще больше поощрить контрреволюционные силы внутри и вне страны к расширению антиправительственных выступлений»^[746].

Решение об интервенции принималось в начале декабря 1979 г.

Сошлемся на постановление Политбюро от 12 декабря «К положению в «А»^[747]. Его текст написан от руки на бланке «особая папка» с припиской «Сов. секретно», но со всеми атрибутами официальной бумаги. Вот этот любопытный документ.

«Председательствовал тов. Л.И. Брежнев.

Присутствовали: Сулов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громько А.А., Тихонов Н.А., Пономарев Б.Н.

К положению в «А»

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные т. т. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громько А.А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро.

Осуществление всех этих мероприятий возложить на т.т. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громько А.А.

2. Поручить т. т. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громько А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев.

№ 997 — оп (1л.) П 176/125 от 12/ХІІ 79».

Документ лишь слегка зашифрован. Ясно, что речь идет об Афганистане, «намеченные мероприятия» в отношении которого поручалось осуществить руководителям КГБ, Министерства обороны и МИД СССР, что отражало масштабность затеянной акции. Участие в заседании Л.И. Брежнева и его подпись под документом были, по-видимому, данью формальности. Советский лидер, будучи тяжело больным, по словам лечащего врача Е.И. Чазова, «даже не представлял, что происходит в Афганистане»^[748].

Обращают на себя внимание 12 росписей поверх текста документа высших лиц партийной номенклатуры. «За» высказались Андропов, Устинов, Громько, Пельше, Сулов, Гришин, Кириленко, Черненко, Тихонов, Кулаков, Романов, Щербицкий. Так инициаторы акции постарались сделать ответственность коллективной, связав круговой порукой руководящую группу. На всякий случай. И для истории.

Не менее любопытно нижеследующее машинописное приложение к документу с грифом «Сов. секретно», датированное днем вступления войск в Афганистан (стиль текста сохранен)^[749].

«к № П176/125оп от 12/ХІІ-79 г.

26 декабря 1979 г. (на даче — присутствовали т.т. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громько А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П176/125 от 12/ХІІ-79 г. доложили т.т. Устинов, Громько и Андропов.

Тов. Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрив при этом план действий, намеченный товарищами на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении доложенного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. Вопросы, по которым необходимо принимать решения, своевременно вносить в ЦК КПСС.

К. Черненко.

З — оп (1л.) 27/ХП-79».

Упомянутая в приложении Комиссия Политбюро действовала в составе А.А. Громыко, Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова, а также секретаря ЦК и главы Международного отдела ЦК КПСС Б.Н. Пономарева. Они были теми лицами, которые в ходе длительного обсуждения вопроса практически на всем протяжении 1979 г. готовили аналитические записки со своими «соображениями» и с перечнем предлагаемых «мероприятий».

Один из подготовленных ими документов — «О дальнейших мероприятиях по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане», представленный в Политбюро в конце января 1980 г.^[750], примечателен тем, что в нем раскрываются далеко простиравшиеся геополитические замыслы.

Начинается документ с заявления, что своевременное оказание советской «всесторонней, в том числе военной, помощи Афганистану» положило конец «некоторым опасным для нас тенденциям в развитии обстановки на Среднем Востоке». И чтобы не увязнуть в этой стране, на что «рассчитывают» Запад и Китай, документ предусматривал «и в дальнейшем *сохранение наступательного характера* проводимых нами мероприятий в связи с афганскими событиями»^[751]. Подчеркивалась антиамериканская направленность советской акции, которую, говорилось в документе, «нельзя рассматривать в отрыве от предпринимавшихся уже в течение длительного времени провокационных попыток США добиться односторонних преимуществ в стратегически важных для СССР районах»^[752].

Так логика конфронтации превратила Афганистан в еще один полигон соперничества с США за «третий мир». Столкновение с США и их союзниками шло по нарастающей. Вскоре Политбюро пришлось принять специальное постановление «О противодействии планам расширения военного присутствия США в районе Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана». При этом пришлось отбиваться от возобновившихся старых — «абсолютно беспочвенных» (по документу) обвинений Советского Союза в стремлении к «теплым морям» — Персидскому заливу и Индийскому океану, нефтеносным районам Ближнего и Среднего Востока^[753].

Вторжение в Афганистан началось с физического уничтожения президента страны Х. Амина, призвавшего советские войска на помощь и неожиданно для себя оказавшегося мишенью для пуль и гранат ворвавшихся ночью в его дворец бойцов знаменитой группы «Альфа». Очередным правителем страны стал давний агент КГБ Б. Кармаль^[754].

Специальным пунктом постановления Политбюро «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана» предусматривалось «*подчеркивать*, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана»^[755]. Этим же постановлением советским послам в капиталистических странах предписывалось сообщить местным коммунистам, что в ответ на коварные замыслы внешних врагов — Пакистана, Ирана, Китая, не говоря уж о США, «в Афганистане нашлись силы, которые... решительно поднялись против режима Х. Амина, устранили его от власти и создали новые органы руководства партией и страной»^[756].

При заключении пакта с Германией был скрыт от общественности одиозный Секретный протокол, теперь — что тайно посланный из Москвы штурмовой отряд расчистил путь к власти советскому ставленнику.

Решение направить в эту центральноазиатскую страну «необходимый контингент Советской Армии»^[757] (тиражируемая по всему миру официальная версия о вводе в Афганистан «ограниченного контингента» предназначалась для непосвященных в партийно-государственные замыслы) было принято в момент, который, судя по многим признакам, представлялся кремлевскому руководству звездным часом советского глобализма.

Вскоре было объявлено о существовании военно-стратегического паритета «между миром социализма и миром капитализма», охарактеризованного на Пленуме ЦК КПСС как «завоевание принципиального, исторического значения»^[758]. Формула паритета лишь слегка прикрывала военно-стратегическую доктрину СССР — не уступать по военной мощи любой комбинации противостоящих ему государств. Включая не только США и другие страны НАТО, но и Японию и даже социалистический Китай (время советско-китайской вражды, растянувшейся на два десятка лет). Ни одна страна в прошлом не ставила перед собой столь амбициозную и, как показала практика, самоубийственную задачу — быть равным, а то и превосходить в военном отношении все остальные страны мира.

В условиях эйфории по поводу военно-силовых и, как представлялось, политических возможностей Советского Союза глобальные контуры афганской акции нашли публичное отражение. Правительственная газета «Известия» опубликовала комментарий к брежневскому заявлению об ответственности США за возникший международный кризис — статью своего обозревателя А.Е. Бовина «Сеющие ветер»^[759]. Внимание читателей не могло не привлечь содержащееся в ней суровое предупреждение по адресу США и Китая, спешивших улучшить взаимные отношения. Предупреждение о том, что «любая совместная американо-китайская операция» (формулировка из совместного американо-китайского коммюнике, принятого в Пекине по итогам обсуждения афганского вопроса) была бы не чем иным, как «совместным самоубийством»^[760]. Больше всего досталось США, которые, писала газета, «привыкли к безнаказанности». Называя американскую реакцию на советское вторжение «крайне безответственной, спекулятивной и демагогической», газета предупреждала: «В общем, пора бы Соединенным Штатам научиться держаться поскромнее. Так будет лучше и для самой Америки, и для всего мира»^[761].

Позже автору воинственной статьи пришлось бить отбой. В десятую годовщину советского вторжения в Афганистан Бовин писал, что у него «нет информации о том, чем конкретно (?! — Д. Н.) руководствовалось Политбюро ЦК КПСС, принимавшее такое решение»^[762]. Чему же тогда следовал Бовин, когда всеми правдами и неправдами оправдывал ввод войск в Афганистан? Более чем сомнительно, что угрозы газеты в адрес США и Китая были творчеством «свободного художника»^[763]. Позже, в изданном сборнике газетных публикаций Бовина многозначительная фраза о «совместном самоубийстве» США и Китая из текста статьи исчезла^[764].

Были и другие публичные свидетельства того, что афганская акция имела дальний геополитический прицел. Так, в начале апреля 1980 г. по итогам переговоров с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко премьер-министр Индии И. Ганди выступила с заявлением, что «советская роль в Афганистане должна рассматриваться в контексте того, что Соединенные Штаты и Китай все больше и больше сближаются... В такой обстановке Советский Союз был вынужден пойти на принятие соответствующих мер»^[765].

За массивной пропагандистской кампанией с очевидной целью оправдать в глазах советской общественности интервенционистскую акцию последовало партийное

постановление, зафиксировавшее опасные замыслы руководства СССР. Июньский 1980 г. Пленум ЦК КПСС, охарактеризовав «партнерство» США и Китая как «новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества»^[766], тем самым подтвердил линию на конфронтацию и с США, и с Китаем.

По-видимому, с точки зрения советского руководства военная акция в Афганистане открывала заманчивые перспективы для дальнейшей дестабилизации стратегической ситуации в регионе, где нефтяной кризис 1973 г. и исламская революция 1979 г. в Иране уже подготовили, как могло показаться, почву для изменения старого порядка вещей на всем Ближнем и Среднем Востоке. По-другому трудно интерпретировать доклад Л.И. Брежнева на XXVI съезде КПСС в феврале 1981 г. С одной стороны, докладчик утверждал, что советская акция явилась ответом на «настоящую необъявленную войну» империализма против афганской революции, создавшую «прямую угрозу безопасности нашей южной границы»^[767]. С другой — подчеркивалась, — что и выдавало широту намерений инициаторов вторжения в Афганистан, — готовность, «чтобы вопросы, связанные с Афганистаном, были обсуждены в увязке с вопросами безопасности Персидского залива»^[768]. И это задолго до «броска на юг» Жириновского. Но не без связи с советскими планами экспансии в южном направлении времен Второй мировой войны.

Смена высшего партийно-государственного руководства страны и приход к власти М.С. Горбачева на первых порах не внесли заметных изменений в советскую внешнюю политику. В конце 1986 г., за три года до вывода советских войск из Афганистана, на Политбюро ЦК внешнеполитические вопросы все еще обсуждались под углом «глобального противоборства»^[769].

Таков был императив холодной войны, ставшей прямым продолжением глобальных конфликтов минувшего столетия. И — в этой связи: в какой мере генезис холодной войны, равно как и ее последствия соотносятся с геополитическим курсом, взятым сталинским Советским Союзом в результате заключенного пакта с нацистской Германией в августе 1939 г.? Какая закономерность проявилась в том, что Вторая мировая война, устранив конфликт между фашизмом и демократией, в то же время вывела на первый план противоречия между советским социализмом и западной демократией?

Понимание поставленных вопросов — в том фундаментальном факте, что холодная война (в ее распространенной трактовке) развернулась вслед за окончанием Второй мировой войны, а пришла к концу с распадом Советской империи.

Вторая мировая война началась и в дальнейшем во многом обнаруживала себя как противостояние демократии и тоталитаризма — по линии главного общественно-политического водораздела XX века. Сущностью холодной войны также стало столь же непримиримое противостояние, на этот раз между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком. Еще во время войны писатель К.И. Чуковский предвидел: «С падением нацистской деспотии мир демократии встанет лицом к лицу с советской деспотией»^[770]. Притупившиеся было противоречия между советским коммуно-социализмом и западным либерализмом продолжились по окончании войны в открытой форме. Наступила решающая фаза запрограммированной историей борьбы двух систем, предвиденной основателем советского государства Лениным, полагавшим «немыслимым» их длительное сосуществование. Это было столкновение двух линий в мировой политике, дающих взаимоисключающие ответы на вызовы времени. Для послевоенного сталинизма

было характерно стремление приостановить, а затем и обратить вспять зародившийся в борьбе с мировым фашизмом процесс формирования новых жизненных и общественно-политических стандартов в самой стране и в ее отношениях с окружающим миром^[771].

Ничего необычного не случилось. Антигитлеровская коалиция объединяла страны, правящие круги которых по-разному видели цели войны и, следовательно, по-разному представляли себе картину послевоенного мира. «...В лагере союзников уже во время войны, — говорилось в декларации по вопросу о международном положении первого совещания Коминформа (1947 г.), — существовало различие в определении как целей войны, так и задач послевоенного устройства мира», которые стали «углубляться в послевоенный период»^[772]. Западные страны, наряду с отстаиванием своих доминирующих мировых позиций, видели цели войны также в защите буржуазной демократии от наступления тоталитаризма. Не случайно в итоге победы они получили стимул для дальнейшего продвижения по пути прогресса. Для правящей коммунистической номенклатуры Советского Союза эти цели, еще с довоенных времен, определялись стратегией натиска на капитализм, подрыва его позиций. «Сталин вел дело к гибели империализма и к приближению коммунизма», — говорил Молотов, подводя итог войне^[773]. Победоносная для СССР война укрепила веру кремлевских руководителей в универсальность силового подхода при решении мировых проблем.

Во времена холодной войны, как и во Второй мировой войне, противоборствующие стороны считали конфликт идей и ценностей неустрашимым, рассматривая противника как постоянную угрозу собственному существованию. Коммунистическая пропаганда невольно признавала это, скатившись в объяснении причин мировой войны к тому, что это была следующая, после «похода 14 государств», схватка социализма с капитализмом. Почему холодная война должна была стать исключением в этом ряду? Она и не стала им. По своему глобальному формату и степени мобилизации сил и ресурсов холодная война встала в один ряд с мировыми войнами. Линия мировых войн была продолжена и в плане того преимущественного внимания, которое стороны конфликта уделяли его военно-стратегическим аспектам. Вспомним всепоглощающий масштаб гонки ракетно-ядерных вооружений!

Вот как высказывались о причинах холодной войны такие советские деятели, как М.М. Литвинов, Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, которых трудно поставить в один ряд. Достаточно напомнить об острых политических конфликтах между ними — Литвинова с Молотовым, Хрущева с Молотовым. Между тем они по существу едины в том, что привело к опасному конфликту недавних союзников.

По мнению Литвинова, высказанному им в интервью американскому корреспонденту летом 1946 г. (но опубликованному после кончины Литвинова), «глубинная причина» противостояния восходит к коммунистической идее неизбежности конфликта двух систем^[774]. Хрущев, со своей стороны, на советско-бельгийских переговорах 1956 г. в Москве откровенничал: лидеры капиталистических стран «правильно рассматривают нас (мы за это не обижаемся) как рассадник социалистической заразы во всем мире. Отсюда и напряженность»^[775]. Наконец, в записях бесед с Молотовым, сделанных в 1969–1986 годы, мы читаем: по окончании войны «нам надо было закрепить то, что было завоевано. Из части Германии сделать свою социалистическую Германию, Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия — они тоже были в жидком состоянии, надо было везде наводить порядок.

Прижимать капиталистические порядки. Вот холодная война»^[776].

Нельзя обойти вниманием два обстоятельства, которые в решающей мере способствовали холодной войне, державшей в напряжении весь мир более четырех десятилетий.

Во-первых, то обстоятельство, что холодная война возникла при жизни Сталина^[777], который и в послевоенное время оставался ключевой фигурой в процессе принятия решений^[778]. Многие факты и документы не оставляют сомнений в том, что Сталин явно намеревался продолжить свою антикапиталистическую миссию, не ограничиваясь образованием подконтрольной ему «мировой социалистической системы». При нем мир стал свидетелем таких острейших проявлений фронтального столкновения «двух лагерей» (определение, пришедшее на смену «двум системам»), как захват власти коммунистами в Чехословакии, Берлинский кризис 1948–1949 годов, победа коммунистов в континентальном Китае, Корейская война. В воспоминаниях Хрущева говорится, что сразу по окончании Второй мировой войны «Сталин считал обстановку предвоенной и создавал соответствующий политический накал»^[779].

Считалось само собой разумеющимся, что конфликт социализма с капитализмом нельзя разрешить мирным путем, без глобальных потрясений. На XIX партийном съезде (1952 г.) возникновение большевистской России, а затем и «мировой социалистической системы» непосредственно увязывалось с итогами двух мировых войн, полное же крушение капитализма предвиделось в третьей мировой войне^[780]. Пафос последнего публичного выступления Сталина на съезде свелся к тому, что буржуазная демократия исчерпала себя, предопределяя тем самым победу мирового пролетариата^[781]. А потому, провозглашалось еще с одной высокой трибуны, «не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны. (Бурные, продолжительные аплодисменты.)»^[782] В это время основная доля бюджетных затрат страны по-прежнему уходила на реализацию военных программ, более того — с постоянным наращиванием таких затрат^[783].

Все еще ждет своего исследователя тема «Хотел ли Сталин третьей мировой войны?». Во всяком случае, опасность перерастания холодной войны в масштабный вооруженный конфликт была постоянной, реальной. Имея в виду менталитет советских руководителей, их обусловленную классовым восприятием мировых проблем политическую культуру, нельзя не прийти к заключению, что возможность подобной трансформации отвечала сталинской установке на перманентное обострение борьбы «двух лагерей». Отвечала его давней установке на «революционную развязку мировых конфликтов»^[784].

Второе обстоятельство, обнажающее сущность холодной войны. Случайно ли, что она пришла к своему концу только с крушением СССР, подведя итог длительному противоборству советского социализма с мировым капитализмом? Бесспорно, холодная война достаточно скоро приобрела собственную динамику, вызвав к жизни своеобразную систему жестких взаимосвязей и закономерностей, заслужив реноме исторического феномена. Все это так. Но так же бесспорно, что инициативной, атакующей стороной была Советская империя, расширившаяся за счет стран капитализма, и которой другая сторона, западная, противопоставила «доктрину сдерживания». Если западная сторона отстаивала устоявшиеся буржуазно-демократические ценности, то советская сторона вела борьбу под лозунгом построения иной, альтернативной капитализму цивилизации. Это была цивилизационная экспансия, питаемая отрицанием всего предыдущего.

Окончание холодной войны подвело черту под международным развитием,

последовавшим за Второй мировой войной и растянувшимся почти на всю вторую половину прошлого столетия. Что явилось, таким образом, и завершением почти векового вселенского противостояния социализма и капитализма. В бывшем СССР началось крушение коммунистической системы, претендовавшей одно время на представительство трети человечества. Тем самым прояснилась сущность холодной войны как тотальной конфронтации между двумя системами — социализмом и капитализмом, наложившей отпечаток на весь XX век. Столь однозначный исход противоборства двух систем подчеркивает наличие тесной связи между холодной войной и судьбой того евразийского геополитического образования, которое вошло в историю как Советская империя. Такое понимание сущности холодной войны в свою очередь способствует раскрытию деструктивной в целом роли советского фактора в мировой политике, указывая на одну из основных причин потрясений минувшего «трагического столетия» (А. Эйнштейн).

Советский коммуно-социализм пал в результате тотального проигрыша в соревновании социально-политических систем. Прежде всего в соревновании идей. Марксистское учение о диктатуре пролетариата и международное коммунистическое движение существовали постольку, поскольку жила идея победы рабочего класса в мировом масштабе. Угасание коммунистической идеи и вызванный этим распад Советской империи (а не наоборот) коренным образом повлияли на исторический процесс. Ясно, что столь радикальный поворот мог произойти только под напором извне, в силу мировых реалий — как результат несостоятельности вызова, брошенного капитализму большевистской Россией в далеком 1917 г.

«Факты, которые явно свидетельствовали, к чему шло дело»

О ПОЛИТИКЕ СССР В ПОСЛЕМЮНХЕНСКИЙ ПЕРИОД (ОКТАБРЬ 1938 г. — МАРТ 1939 г.)

Вторая империалистическая война на деле уже началась
«Краткий курс истории ВКП (б)».
Октябрь 1938 г.

Новая империалистическая война стала фактом.
И.В. Сталин. 10 марта 1939 г.

Вторая мировая война, будучи самым масштабным явлением XX века, глубоко захватила взаимоотношения Советского Союза с другими странами, включая важнейшую сферу этих взаимоотношений — сферу войны и мира.

Но в каких причинно-следственных связях находились эти взаимоотношения? Как складывались отношения Советского Союза с фактически сформировавшимися еще в предвоенные годы обеими враждующими коалициями — с государствами демократического Запада, с одной стороны, и фашистско-милитаристским блоком держав Оси — с другой? «Вцепившихся друг в друга во время войны» во имя достижения мирового господства, скажет позже о них И.В. Сталин, и которым *противопоставит*^[785] образовавшийся в итоге войны социалистический лагерь во главе с СССР^[786]. Какие предпосылки обусловили переменчивую позицию Советского Союза, единственного из основных участников войны, поддержавшего вначале нацистскую Германию, потом ее западных противников? И *главное*: какова была роль противоречий между социализмом и капитализмом в круговороте событий, приведших к мировой войне; противоречий, восходящих к расколу мира на две системы со времен Октябрьской революции в России 1917 года?

Вопросы, до сих пор вызывающие принципиальные споры в историографии Второй мировой войны, которая стала *моментом истины* для общественно-политических систем. Завязали эти споры в свое время политики и обслуживающие их нужды пропагандистские машины. Взаимные обвинения в подготовке и развязывании новой всеобщей войны начались задолго до фатального исхода несостоятельных попыток избежать еще одной катастрофы для Европы и мира в целом.

По окончании войны возобладало мнение, что за Вторую мировую войну несут ответственность силы фашизма и милитаризма, ведомые гитлеровской Германией. Однако споры, не ограничивающиеся рамками историографии, продолжаются и сегодня, концентрируясь вокруг поисков ответа на вопрос, вынесенный в заголовок получившей широкую известность книги советского посла в Англии в 1932–1943 гг. И.М. Майского «Кто помогал Гитлеру?»^[787].

Действительно, кто?

Дать ответ на этот вопрос значит выявить, кто еще, помимо А. Гитлера и его прямых сообщников в Токио и Риме, был заинтересован в сломе Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, созданной победителями в Первой мировой войне. Был

заинтересован в пересмотре установившегося государственно-территориального статус-кво, начиная с Европы, остававшейся генератором глобальных процессов. Кто еще, помимо нацистских лидеров, строил свою международную стратегию в расчете на кардинальные социальные перемены в мире. Прояснение этих вопросов подводит нас к более содержательному пониманию происхождения и характера Второй мировой войны.

По историографической концепции советского времени именно страны демократического Запада — в первую очередь Великобритания, а также Франция и Соединенные Штаты Америки своей политикой невмешательства и нейтралитета расчистили путь агрессии держав Оси. По этой же концепции Советский Союз играл самую активную, даже ведущую роль в противостоянии с агрессорами. Но находясь во «враждебном капиталистическом окружении», единственная в мире страна социализма, несмотря на все ее старания, так и не смогла повлиять на гибельные решения, принимаемые в столицах ведущих капиталистических держав.

По распространенной западной историографической концепции, воспринятой в постсоветский период значительной частью отечественных историков, развязыванию Второй мировой войны во многом способствовала антикапиталистическая стратегия Советского Союза. Свое воплощение эта стратегия нашла в советско-германском пакте 23 августа 1939 г., ставшем, как считает, например, историк И.М. Семиряга, «решающим событием» кануна войны^[788]. Схожую оценку пакту дает немецкий историк И. Фляйшхауэр, которая называет его «вехой» на пути германского вторжения в Польшу; следовательно, и развязывания мировой войны^[789]. Ряд подобных суждений легко продолжить.

Попробуем, критически используя как известные, так и новые документальные источники, включая архивные (отечественные и иностранные), разобраться, какое из этих концептуальных положений — о полной непричастности СССР к возникновению войны или о его определенной ответственности за нее — отвечает исторической истине.

Обратимся сперва к официальным советским усилиям отгородиться от обвинений в развязывании мировой войны, впервые документированным в совместной англо-франко-американской публикации «Нацистско-советские отношения в 1939–1941 гг.»^[790]. Из этой публикации, основанной на архивных материалах германского МИДа, следовало, что закулисные контакты СССР с нацистской Германией, завершившиеся подписанием пакта, и последующее советско-германское сотрудничество (от экономического до военно-политического) имели *антизападную* направленность. Отражая внешнеполитическую стратегию СССР, направленную на то, чтобы воспользоваться «межимпериалистическими» противоречиями в интересах дела мирового социализма.

Советский ответ на эти обвинения был дан в брошюре «Фальсификаторы истории»^[791], изданной массовым тиражом от лица Советского информационного бюро и призванной доказать антисоветскую направленность довоенной внешней политики стран Запада. Текст брошюры готовился в МИДе СССР, причем в работе над ней приняли участие, по некоторым свидетельствам, министр иностранных дел В.М. Молотов и его первый заместитель А.Я. Вышинский. Брошюра была отредактирована самим Сталиным и для вящей убедительности была названа им исторической справкой — чтобы придать брошюре большую «разящую силу»^[792]. О значении, которое придавалось брошюре, говорит факт ее публикации в газете «Правда»^[793]. За границей брошюра выпускалась на средства советских посольств, однако итоги ее распространения оказались разочаровывающими^[794].

Этот по-своему уникальный пропагандистский документ начального периода «холодной войны» продолжил линию довоенной внешней политики СССР, далекой от проявления общности интересов и целей со странами демократического Запада.

Вплоть до распада советской империи в подкрепление версии «Фальсификаторов истории» о происхождении войны периодически появлялись издания, включавшие как советские внешнеполитические документы, так и извлечения из западных официальных публикаций, а также трофейные немецкие архивные материалы^[795]. Навязываемый авторами предисловий к этим изданиям вывод (далеко не всегда доказательный, несмотря на специально подобранные материалы) сводился к тому, что страны западной демократии вполне сознательно вели дело к тому, чтобы превратить Вторую мировую войну в общий «крестовый поход» против ненавистного им социалистического государства. Показательно, что со временем все определеннее утверждалось, что война нацистской Германии против Советского Союза была не чем иным, как прямым столкновением сил социализма и капитализма (из разряда предвиденных В.И. Лениным «ужасных столкновений» между ними). Отсюда стремление вычлнить советско-германскую войну из контекста Второй мировой войны, придать ей — как Великой Отечественной войне Советского Союза — особый, не связанный с войнами между другими, капиталистическими странами, характер.

В соответствии с установкой «Фальсификаторов истории» советско-германский пакт стал оцениваться в официозных изданиях: «Истории Коммунистической партии Советского Союза», двухтомной «Истории внешней политики СССР», многотомной «Истории Второй мировой войны» как оправданная советская акция с непосредственной целью сорвать образование общего антисоветского фронта капиталистических стран^[796]. Так что классовый мотив оказывался с советской точки зрения определяющим для характеристики предвоенной политики капиталистических государств — как фашистских, так и демократических. Общей для них антисоветской политики.

Но в таком случае следует признать, что классовый подход в еще большей степени был характерен для Советского Союза, внешнеполитические принципы которого зиждились на антагонизме двух систем как преобладающего начала международных отношений новейшего времени. Выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г., во времена Большого террора, Сталин в очередной раз назвал враждебное капиталистическое окружение «основным фактом», определяющим международное положение СССР. Сталинская концепция «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» в условиях и вопреки «враждебному капиталистическому окружению» предопределила приоритет внешнеполитических задач над внутренними. Другими словами, «именно внешнеполитический аспект является ключом к пониманию и объяснению всей системы политических взглядов Сталина»^[797]. С этой точки зрения политика Советского Союза во Второй мировой войне заслуживает самого пристального внимания как наивысшее воплощение, вершина всей партийно-государственной деятельности Сталина.

Весь период между двумя мировыми войнами заполнен противодействием Советского Союза неоднократным, как заявлялось на официальном уровне, попыткам организовать антисоветскую интервенцию. До прихода нацистов к власти в Германии главными инициаторами таких попыток назывались «империалистические» Англия и Франция, а из соседних стран «панская» Польша (которая рассматривалась как наиболее вероятный военный противник) и «боярская» Румыния.

Политико-пропагандистский прием противопоставления двух систем применялся

чрезвычайно широко для объяснения любых инициатив Запада в международном плане, которые преподносились советским людям как направленные своим острием против страны социализма. Как однажды выразился М.М. Литвинов, в среде советской правящей элиты рассуждали по формуле «без нас — следовательно против нас»^[798]. Рождение Лиги Наций — исторически оправданного опыта создания международного механизма по предотвращению вооруженных конфликтов между государствами, переговоры о пакте Келлога — Бриана о запрещении войны в качестве орудия национальной политики, различные проекты экономической интеграции Европы (план А. Бриана) и многое другое — все рассматривалось под углом проявлений подготовки антисоветской интервенции^[799].

А появление фашизма расценивалось в Кремле как агония мирового капитализма, «как признак слабости буржуазии» (Сталин). Апофеозом такого подхода стало решение VI конгресса Коминтерна в 1928 г. о вступлении мира в решающую фазу борьбы — «класс против класса». Принятая конгрессом новая программа завершалась словами из «Манифеста Коммунистической партии» о том, что коммунисты «открыто заявляют», что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя^[800].

В 1930-е годы, что становилось очевидным для растущего числа современников, включая лидеров многих стран, на первый план выдвинулась общемировая угроза фашизма. В особенности его нацистской разновидности — со стороны гитлеровской Германии. Но марксистская мысль так и не нашла достойного выхода из классового лабиринта, куда она сама себя загнала, следуя ленинско-сталинским заветам. Мало что дали некоторые, по преимуществу тактические, шаги в виде продекларированного согласия Советского Союза на сотрудничество с другими странами по линии коллективной безопасности и коминтерновская политика Народного фронта против фашизма и войны.

Р. Легволд, в прошлом возглавлявший Институт перспективных исследований СССР при Колумбийском университете (США), одну из причин неудачи политики коллективной безопасности видит в том, что Сталин (как и Ленин) не верил ни в возможность длительного и плодотворного сотрудничества между капиталистическими странами, ни тем более в эффективное сотрудничество между последними и Советским Союзом. В первом случае — ввиду остроты «межимпериалистических» противоречий, во втором — из-за антисоветской политики капиталистических стран^[801] (для чего у них было, как показал VI конгресс Коминтерна, достаточно оснований).

Некоторое доверие советским заверениям в приверженности коллективной безопасности придавала деятельность М.М. Литвинова, смещение которого в мае 1939 г. с поста народного комиссара иностранных дел СССР лишь доказало, что его именем и авторитетом сторонника идеи «неделимости мира» пользовались до поры до времени, скрывая подлинные цели сталинского руководства.

Живя постоянными ожиданиями «новой империалистической войны», которая согласно сталинскому «Краткому курсу истории ВКП (б)» началась с середины 1930-х годов, и, следовательно, ожиданиями новых социалистических революций, Сталин и его ближайшее окружение оставались в плену укоренившихся представлений о том, что приоритетным для мира капитализма по-прежнему остается задача сокрушить советский коммуно-социализм.

Еще одной попыткой образовать единый антисоветский фронт, по концепции «Фальсификаторов истории», и стал Мюнхен (сентябрь 1938 г.), в итоге которого,

утверждалось в этой брошюре, дело шло к полной изоляции Советского Союза»^[802].

Далее эта концепция получает законченный вид. Весной и летом 1939 г., то есть «в самые драматические месяцы предвоенного периода», с приближением человечества «к невиданной военной катастрофе», Советский Союз оказался в полной международной изоляции. Оказался... «благодаря враждебной политике Англии и Франции». Хотя именно в эти «драматические месяцы» и именно эти две западные демократические страны вели с СССР переговоры о военно-политическом союзе с целью противодействия агрессии нацистской Германии, на сей раз нацеленной против Польши.

Но дело в том, разъясняется в брошюре, что западные партнеры СССР по переговорам одновременно вынашивали коварный замысел: «двойной игрой» — затяжными переговорами с СССР и секретными переговорами с Германией «дать понять Гитлеру, что у СССР нет союзников, что СССР изолирован, что Гитлер может напасть на СССР, не рискуя встретиться с противодействием со стороны Англии и Франции». При этом последние опирались «на поддержку» в Соединенных Штатах. Только и оставалось Советскому Союзу, «при условии его полной изоляции», постараться сорвать этот «коварный замысел» любыми средствами. Так в самый последний момент пришлось пойти на соглашение с абсолютно чуждыми доселе немецкими фашистами, лишь бы избежать войны, продлить мир для советских людей. Раздел этого официального издания, откуда заимствованы приведенные положения, выразительно назван: «Изоляция Советского Союза. Советско-немецкий пакт о ненападении»^[803]

Отметим, что эти плохо согласуемые с фактами истории положения на десятилетия вперед определили концептуальные рамки советской историографии Второй мировой войны^[804]. Хотя со временем в трудах советских историков все реже встречались прямые ссылки на «Фальсификаторов истории» (как не совсем корректные).

Но было ли положение Советского Союза столь безнадежным, столь безвыходным, как это представляется по сей день некоторым, правда, сравнительно немногочисленным отечественным и зарубежным последователям концепции «Фальсификаторов истории»? Действительно ли он все более оказывался в международной изоляции?

Сомнения возникнут у каждого, кто обратится к свидетельству непосредственного участника дипломатических переговоров как с Англией и Францией, так и Германией, В.П. Потемкина, в 1937–1940 гг. первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР. В последующем народного комиссара просвещения РСФСР и редактора третьего тома «Истории дипломатии» (первое издание), целиком посвященного дипломатической предыстории Второй мировой войны^[805].

В этом томе, опубликованном за три года до появления «Фальсификаторов истории», в главе по предвоенному 1939 году выделен параграф «Соперничество англо-французского блока и немецко-фашистской дипломатии из-за соглашения с СССР»^[806]. Соперничество! Выходит, Советский Союз не только не был в «полной международной изоляции», а, наоборот, находился в выигрышной позиции, когда шла конкурентная борьба за то, чтобы заручиться его поддержкой. Ибо — так начинался параграф: «Для обоих лагерей исключительное значение приобретал вопрос, на чьей стороне в предстоящем столкновении окажется Советский Союз»^[807].

Одно это свидетельство наносит чувствительный удар по основному положению «Фальсификаторов истории». О том, что советско-германский пакт явился всего лишь

ответной советской реакцией защиты против общих для капиталистических стран антисоветских замыслов, простиравшихся якобы столь далеко, что они собирались объединиться в антисоветском походе. Однако через несколько дней после заключения пакта, в начале сентября, нацистская Германия напала на Польшу, в защиту которой, в соответствии со своими обязательствами, выступили Англия и Франция. Отметим странную логику авторов брошюры: раз западным странам не удалось втянуть Советский Союз в войну с нацистской Германией, воевать пришлось им самим. Но вопрос войны или мира не решался и не решается подобным образом.

В итоге получилось по «золотому правилу» дипломатии, как бы удачно (если не учитывать долгосрочные последствия пакта) реализованному Советским Союзом: двое дерутся, а третий радуется. Враждующие капиталистические группировки стран Запада и держав Оси схватились друг с другом, а социалистический Советский Союз оставался вне конфликта, намереваясь пожать плоды взаимного ослабления своих антагонистов. Официозный «Дипломатический словарь» (1960 г.) в качестве примера «использования противоречий между империалистами для обезвреживания их агрессивных замыслов» назвал внешнеполитическую стратегию и тактику СССР перед и в годы Второй мировой войны^[808].

Такому эгоистичному выбору способствовали геополитически выгодное евразийское положение страны и ее громадный потенциал, благодаря которым в прошлом Россия нередко выступала в роли «козырного туза во внутриевропейских конфликтах»^[809]. Кроме того, обвиняя западные страны в стремлении спровоцировать конфликт СССР с Германией — «без видимых на то оснований», скажет Сталин на партийном съезде в марте 1939 г.^[810] советское руководство тем самым заранее выдавало индульгенцию самому себе на любые антизападные акции. Классовый подход к международным явлениям служил оправданием для применения тех методов и инструментов внешней политики, которые, в сталинском понимании, отвечали интересам социализма.

Однако вернемся к положению «Фальсификаторов истории» о том, что после Мюнхена дело шло к полной изоляции Советского Союза. К периоду до немецкой оккупации, в нарушение Мюнхенских соглашений, 15 марта 1939 г. Чехословакии, ставшей вторым (после Австрии) европейским государством, независимость которого растоптал Гитлер. Временные рамки послемюнхенского периода в Европе охватывают таким образом примерно шесть месяцев — с октября 1938 г. по середину марта 1939 г. По мнению такого авторитета исторической науки, как А. Тойнби, редактора многотомной серии «Обзор международных дел за 1939–1946 гг.», с многих точек зрения Вторая мировая война фактически началась с оккупации Чехословакии Германией и лишь формально с ее нападения на Польшу 1 сентября. Март 1939 г. Тойнби считал «поворотным моментом в истории»^[811].

Приняв столь определенную, не лишенную серьезных доводов оценку развития предвоенного политико-дипломатического кризиса в Европе, следует принять и другое. Согласиться с тем, что главный вектор событий уже определился, и оснований рассчитывать на кардинальные перемены в ситуации на Европейском континенте после этого не приходилось. Нечто существенное случилось до марта 1939 г.

Советско-германский пакт не был импровизацией. СССР и Германия пришли к согласию не «в самый последний момент», как уверяла советская партийно-государственная пропаганда. Известный американский журналист и публицист Г. Солсбери, очевидец

событий, вспоминает: ничто так не потрясло мир, как подготовленное втайне подписание советско-германского пакта 23 августа 1939 г. Однако, добавляет он, «очень быстро стали вспоминаться факты, которые явно свидетельствовали, к чему шло дело»^[812]. Присмотримся и мы повнимательнее к послемюнхенскому периоду, к политике СССР между октябрём 1938 г. и мартом 1939 г. и зададимся вопросом, не был ли в этот период predetermined выбор сторон, приведший к пакту? Не были ли такие факты, которые бы явно свидетельствовали, к чему шло дело?

Такие факты были. И не один и не два. Факты разительные. Пожалуй, самым знаковым из них стала завершившаяся за десять дней до злополучной Мюнхенской конференции Англии, Франции, Германии и Италии 29–30 сентября 1938 г. публикация «Правдой» новейшей коммунистической Библии — «Краткого курса истории ВКП (б)»^[813]. Газета печатала ежедневно по одной главе книги, а ее последняя глава, подводившая изложение к текущему международному моменту, появилась 19 сентября. Книга, говорилось в принятом по инициативе Сталина^[814] постановлении ЦК ВКП (б) после ее выхода в свет отдельным изданием, содержала «установки марксизма-ленинизма»^[815]. Считалось, что «установки» эти исходили от самого Сталина, чей стиль мышления и слога легко угадывался во многих местах книги^[816]. В том числе в международном разделе ее последней главы, положения которой предвосхитили, вплоть до текстуальных совпадений, его доклад на съезде ВКП (б) 10 марта 1939 г. Не прервись после смерти Сталина публикация его Сочинений, возможно, мы бы увидели включенным «Краткий курс истории ВКП (б)» в 15-й том^[817].

В последней главе книги, ее международном разделе^[818], посвященном событиям — и это обстоятельство следует подчеркнуть вновь — до «мюнхенского антисоветского сговора» (годам с 1935 по 1937), позиция СССР однозначно, без оговорок, противопоставлялась как антикоминтерновскому блоку Германии, Италии и Японии, так и странам демократического Запада — Англии, Франции и США. Перемены в мире в результате итальянского захвата Абиссинии, итало-германской интервенции против республиканской Испании, захвата Австрии и японского нападения на Китай трактовались как начало «второй империалистической войны», идущей на громадном пространстве от Гибралтара до Шанхая и охватившей более полмиллиарда населения (положение, повторенное Сталиным в докладе на партийном съезде). Разъяснялось, что война, развязываемая агрессорами — Германией, Италией и Японией, «собственно и направлена» против интересов Англии, Франции и США, именовавшихся «так называемыми демократическими государствами».

Отдельный абзац международного раздела посвящен аншлюсу Австрии в марте 1938 г. (хотя хронологические рамки раздела ограничивались 1935–1937 гг.), который оценивается как ее «насильственное присоединение» к Германии, вскрывающее стремление фашистской Германии «занять господствующее положение в Западной Европе». Следовательно, «это был удар, прежде всего, по интересам Франции и Англии».

Таким образом, у Сталина достаточно рано сформировалось убеждение (подкрепляемое ходом событий), что острие фашистской агрессии обращено не на Восток, а на Запад.

Говорилось и о том, что начавшаяся война «не может не быть серьезнейшей опасностью для всех народов и, в первую очередь, для СССР»; однако в качестве вывода следовало указание на меры по укреплению собственно советских международных позиций. С упором на «дальнейшее усиление» оборонного потенциала Советского Союза. Перечислялись и его внешнеполитические акции: вступление в Лигу Наций, «несмотря на ее слабость» (сентябрь

1934 г.); заключение договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией (май 1935 г.), а также с Монгольской Народной Республикой (март 1936 г.); договор о взаимном ненападении с Китаем (август 1937 г.).

В международном разделе отсутствовали какие-либо ссылки как на коллективную безопасность, так и на политику Народного фронта против фашизма и войны. Наглядное подтверждение тому, что сталинское руководство не видело особой разницы между фашистскими и нефашистскими странами. Отсюда характеристика начавшейся войны как «империалистической», указание на ее направленность против западных стран. (Выходит, Сталин намного раньше А. Тойнби пришел к выводу о переломном значении происходящих событий в Европе и за ее пределами.)

Непосредственную вину за войну «Краткий курс истории ВКП (б)» все же возлагал на силы фашизма: слова «фашизм», «фашистский» повторялись в международном разделе в различных сочетаниях до полутора десятка раз. В то же время книга закрепила наметившуюся в советской пропаганде тенденцию распространения ответственности за «империалистическую войну» не только на агрессивных фашистских агрессоров, но и на неагрессивные капиталистические страны Запада (иначе Сталин не называл бы войну «империалистической», то есть несправедливой с обеих сторон). Проявилось это в осуждении политики западных стран за «однобокий характер войны» — за их нежелание оказать вооруженное сопротивление агрессорам. Сталинская критика отражала разочарование продолжающимся отступлением перед агрессорами Англии и Франции, их пассивностью, разочарование, так сказать, слабыми темпами «второй империалистической войны». Война «не стала еще всеобщей, мировой», скажет Сталин на партийном съезде в марте следующего года.

Страны Запада, повторно характеризуемые «демократическими» (в кавычках), обвинялись в том, что они больше боятся рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии, чем фашизма; более того, опираются на него в борьбе против мирового революционного движения, а значит и СССР — «базы и инструмента» мировой революции. На партийном съезде, развивая эту мысль, Сталин обвинит западные страны в поощрении агрессии против СССР.

Дальше — больше. Под прицелом Сталина оказались находившиеся у власти в Англии консерваторы — предмет его постоянной озабоченности. Их политика, критике которой Сталин посвятил отдельный абзац, напомнила ему политику либерально-монархических буржуа в русской революции, вступивших в сговор с царем из-за страха перед собственным народом. Следовало многозначительное заключение: «Как известно, либерально-монархическая буржуазия России жестоко поплатилась за такую двойственную игру. Надо полагать, что правящие круги Англии и их друзья во Франции и США тоже получают свое историческое возмездие».

Этот абзац международного раздела последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)», как показывает изучение материалов его архивного фонда, Сталин собственноручно вписал в готовый текст в самый последний момент^[819]. Вероятно, в первых числах сентября 1938 г., когда работа над «Кратким курсом истории ВКП (б)» была завершена. Любопытно, что до этой правки обещание «исторического возмездия» распространялось только на Англию, без упоминания Франции и США^[820].

Угрозу по адресу стран Запада Сталин повторил в марте 1939 г., предрекая их политике «серьезный провал». Сталин, пишет автор апологетического художественного произведения

о нем, «любил доводить мысли до логического конца»^[821]. Верно: советскому вождю нельзя отказать в последовательности и целенаправленности в словах и делах.

Логика «исторического возмездия», основанная на аналогии между революционным 1917 годом в России и предвоенными тридцатыми годами, ясно указывает на то, кому Сталин отводил роль исполнителя приговора истории Англии и всему буржуазному Западу. Конечно, «ударной бригаде пролетариев всех стран» — Советскому Союзу, призванному, по Сталину, «бороться... за победу социализма во всех странах»^[822]. М. Джилас из частных бесед со Сталиным в годы войны вынес впечатление об убежденности последнего в том, что он вершит суд истории^[823].

В дни, когда в Мюнхене главы Англии, Франции, Германии и Италии решали судьбу чешских Судетов, в Москве при активном участии Сталина с 28 сентября по 1 октября проходило закрытое совещание пропагандистов и работников идеологических учреждений партии, созванное по случаю выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)». В последний день совещания с пространной речью выступил Сталин^[824], откровенность которого в вопросах войны и мира граничила с цинизмом.

«Задача» новой истории партии, заявил он, в том, чтобы освободить «наше руководство от упрощенства в теоретических вопросах, от опошления некоторых отдельных положений, от вульгаризации». Сталин назвал неправильным, когда «часто изображают позицию большевиков по вопросу о войне как позицию оборонческую только, пацифистскую».

Большевики не просто пацифисты, разъяснял он, «которые вздыхают о мире и потом начинают братья за оружие только в том случае, если на них напали. Неверно это. Бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют, сами начнут нападать. Они вовсе не против наступления, не против всякой войны. То, что мы сейчас кричим об обороне — это вуаль, вуаль. Все государства маскируются: «с волками живешь, по-волчьи приходится выть». (Смех.) Глупо было бы все свое нутро выворачивать и на стол выложить. Сказали бы дураки»^[825].

На следующий день «Правда» в передовой статье «Теория, преобразующая мир» повторила сталинское положение о враждебном капиталистическом окружении, «устоять» против которого и «победить» которое можно лишь, укрепляя «мощь советского государства»^[826]. Еще через несколько дней газета в подвальной статье «Два рода войн» (автор М. Баскин) заявила: «...мы ни в коем случае не уподобляемся буржуазным и мелкобуржуазным пацифистам, вздыхающим о мире и ограничивающимся пропагандой мира»^[827].

Сталинское указание, публичное или тайное, письменное или устное (тайных и устных указаний было намного больше, отсюда многие затруднения исследователей в их стремлении докопаться до сути механизма принятия внешнеполитических решений) тут же становилось руководством к действию. В начале ноября В.М. Молотов, выступая с докладом об очередной годовщине Октябрьской революции, построил его международную часть целиком и полностью на сталинских положениях из «Краткого курса истории ВКП (б)». Поскольку в них давалось, говорил он, «марксистское объяснение» переменам в мире, а значит, по этим положениям только и можно «судить о внешней политике Советского Союза и всех международных событиях последнего времени»^[828].

Таким образом, «многодневные» обсуждения в Кремле итогов Мюнхена^[829] практически

не повлияли на советскую стратегию в международных делах. Из юбилейного доклада В.М. Молотова следовало, что сталинское руководство не пересмотрело позицию противопоставления СССР не только фашистским агрессорам, но и демократическому Западу (который, признавал Сталин, был, «конечно», сильнее агрессоров), полагаясь на свою вне- и надблоковую политику. Как видно, оно вовсе не опасалось международной изоляции в итоге Мюнхена, настаивая на неизменности своего подхода к внешнеполитическим проблемам под углом классовой биполярности мира («две системы»). Подхода, наиболее отчетливо проявившегося в эру «холодной войны» и в конце концов приведшего Советский Союз к историческому крушению^[830].

Вплоть до сталинского заявления о том, что «если бы не было Мюнхена, то не было бы и пакта о ненападении с гитлеровской Германией» (высказанного в беседе с Ф. Рузвельтом в Ялте в 1945 г. и развитого в «Фальсификаторах истории»)^[831], советская критика мюнхенских соглашений шла преимущественно по линии опровержения заявлений их участников о спасении мира в Европе. В упомянутом докладе В.М. Молотова Мюнхен был назван «сговором», который «отнюдь не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а, напротив, подлил масла в огонь»^[832].

Советская печать, откликнувшись на Мюнхен как на «удар по делу мира», в своих комментариях использовала критические материалы иностранной прессы. Уже 2 октября «Правда» писала о том, что печать США «совершенно открыто» критикует мюнхенское соглашение. На следующий день она поместила отклики зарубежных газет под заголовком «Мировая печать разоблачает мюнхенское соглашение». Еще через день газета писала, что «английская общественность против политики Чемберлена». Участникам конференции в Мюнхене «Правда» противопоставляла советскую страну, «международный авторитет которой еще более возрос». Безымянный обозреватель центральной партийной газеты писал, что Мюнхенское соглашение ведет к дальнейшему развертыванию агрессии, приближая «сроки новых конфликтов, новых военных столкновений», не выразив однако никакой тревоги по поводу возможных последствий для СССР^[833]. Наоборот, газета изо дня в день печатала сообщения о том, что агрессия Германии и Италии направлена (как и предвидел Сталин) против стран Запада. Лишь позже, в речи 10 марта 1939 г., Сталин выскажет догадку, что «немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательства начать войну с Советским Союзом...»^[834] Еще позже, когда понадобились аргументы для оправдания пакта с нацистами, сталинская «догадка» переросла в открытое обвинение западных стран в том, что они намеренно провоцировали вооруженный советско-германский конфликт.

С другой стороны, пропагандистские усилия были направлены на то, чтобы защититься от обвинений в том, что своей позицией в вопросе помощи Чехословакии СССР вынудил западные страны уступить требованиям Гитлера. В юбилейном докладе В.М. Молотов особо остановился на этих обвинениях, отвергнув «жульнические попытки» изобразить советскую позицию в чехословацком вопросе как «уклончивую и неопределенную», что, по выражению главы советского правительства, «не удалось и очень ловким людям»^[835]. Но обвинения не прекращались, о чем свидетельствует дипломатическая переписка между НКВД СССР и советскими полпредами (послами) в западных столицах^[836].

Предвидя такие обвинения, ТАСС дважды в самом начале октября выступил с опровержением того, что СССР имел какое-либо отношение к конференции в Мюнхене и ее решениям^[837]. С передовой статьей о «непричастности» Советского Союза выступила

«Правда»^[838]. Подлинное значение «позорных» сентябрьских дней 1938 г. центральный партийный журнал «Большевик» в статье, написанной по поручению Сталина^[839], видел в международном заговоре буржуазии, характеризуя проявления этого заговора определениями: «воровская диверсия», «прямая провокация, направленная против СССР, против рабочего класса, против демократии»^[840].

Однако «заговор реакционной буржуазии был сорван». На Ассамблее Лиги Наций было оглашено заявление Советского Союза, проявившего «непоколебимую решимость защищать мир и демократию против разбойников фашизма»^[841]. Другими словами, антисоветский сговор (если он действительно имел место) оказался «сорванным» в самом начале.

Тем не менее на партийном съезде в марте 1939 г. Сталин вернулся к теме антисоветской направленности Мюнхена. Она оказалась в пропагандистском плане столь плодотворной, что Мюнхеном он стал оправдывать и свою антизападную политику, и советско-германский пакт. А по окончании мировой войны мюнхенская сделка за счет Чехословакии будет названа важнейшим звеном в предвоенной политике Англии и Франции, «преследовавшей цель направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза»^[842]. Разоблачение мюнхенского «антисоветского сговора» стало своеобразной антизападной политико-пропагандистской находкой в развернувшейся «холодной войне».

Однако вряд ли стоит преувеличивать антисоветскую направленность Мюнхена, этой попытки реанимации «пакта четырех» 1933 г. (так и не вступившего в силу). В свое время, сразу после Мюнхена, советская пропаганда, напомним, делала упор на совершенно другое. В печати появились многочисленные сообщения о том, что взоры агрессивно настроенных Германии и Италии, как и до Мюнхена, обращены прежде всего на Запад, против Англии и Франции и их колоний. Вот заголовки некоторых сообщений «Правды» за первую половину октября 1938 г.: Германские притязания на Эльзас-Лотарингию. Гитлер требует колоний. Гитлеровское проникновение в Африку. Германия прокладывает путь в Индию. Германские происки на Балканах. Тревога в Англии и США. Угрозы Гитлера по адресу Франции и Англии. Колониальные притязания Германии и Италии. Итальянские фашисты шантажируют Францию. Итальянские фашисты угрожают Англии и Франции^[843].

В беседах с дипломатическими представителями Франции в Москве в октябре — ноябре 1938 г., говоря о последствиях ослабления позиций западных стран в итоге Мюнхена, М.М. Литвинов прогнозировал развитие германской агрессии против них как менее рискованное для Гитлера^[844].

Газетные заголовки «Правды» в общем и целом отражали европейские и мировые реалии, доказывая обоснованность мысли, к которой давно склонялся Сталин, а именно: что германская агрессия будет развиваться в первую очередь в западном направлении, в частности против Франции. Об этом можно судить, к примеру, по сталинской правке рукописи статьи маршала М.Н. Тухачевского «Военные планы нынешней Германии», опубликованной задолго до Мюнхена^[845].

Правя статью, Сталин оставил выделенную курсивом известную цитату из книги Гитлера «Mein Kampf» («Моя борьба») о сознательном отказе от вечного движения германцев «на юг и запад Европы» и переходе к политике территориального завоевания на востоке. И акцент статьи на антисоветские планы Гитлера сохранился. В то же время Сталин внес правки с определенной смысловой нагрузкой. В одном месте: «Гитлер усыпляет Францию...», в другом — фразу «империалистические планы Гитлера имеют не только антисоветское

острие» дополнил следующим образом: «Это острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»^[846].

Из анализа идей Сталина о международном развитии, обнародованных в сентябре 1938 г. в «Кратком курсе истории ВКП (б)» и развитых им в речи на съезде партии в марте 1939 г., можно предположить, что он уже пришел к мысли подстегнуть события в желательном для него направлении. В каком именно? На это ясно указывали сообщения в «Правде» на международную тематику, из которых вытекал естественный вывод о приближающемся всеобщем вооруженном конфликте.

Решение напрашивалось. Шла «вторая империалистическая война», неизбежная по сталинской теории «общего кризиса капитализма». Проблема, следовательно, сводилась к тому, чтобы поспособствовать ее перерастанию в войну — всеобщую, мировую. Сталина вдохновляли социальные последствия мировой войны 1914–1918 гг., названной в «Кратком курсе истории ВКП (б)» «величайшим переломом в жизни народов, в жизни международного рабочего класса»^[847]. Вдохновляли последствия войны, на фоне которой и во многом благодаря которой был низвергнут капитализм в громадной России. «Большевик» в упомянутой выше статье (февраль 1939 г.) писал о таких ожиданиях: «Фронт второй империалистической войны все расширяется. В нее втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию»^[848].

К мысли подстегнуть события в желательном для себя направлении, как можно предположить, пришел и Гитлер. Судить об этом можно по его выступлению накануне подписания советско-германского пакта на совещании командующих всеми видами вооруженных сил Германии. По заявлению Гитлера, с тех пор, как осенью 1938 г. он понял, что ни Япония, ни Италия не готовы последовать за Германией (что подтвердилось с началом мировой войны), он решил «быть заодно со Сталиным». С лидером, равным ему, Гитлеру, в способности предвидеть будущее. Что не помешало признанию, сделанному Гитлером тогда же, что после изоляции и разгрома Польши ее судьбу в дальнейшем предстоит разделить и Советскому Союзу^[849].

Но можно ли такое развитие на Европейском континенте датировать осенью 1938 г., связав его с Мюнхеном как отправной точкой? Из множества документов, подтверждающих наличие такой тенденции в европейском и мировом развитии, рассмотрим некогда секретный документ из Национального архива США под, на первый взгляд, амбициозным названием «Подлинное толкование Мюнхена»^[850].

Из сопроводительного письма, направленного главой американской фирмы Alfred Kohlberg, Inc. советнику государственного департамента США С. Хорнбеку в начале 1939 г.^[851], мы узнаем, что документ был составлен им для ориентации в коммерческих делах. А. Колберг писал, что его фирма связана с текстильным бизнесом в Китае, включая оккупированную японцами часть, а также в Англии, Швейцарии и Персии. Документ основывается на конфиденциальных данных, полученных от партнеров фирмы, главным образом из китайских источников, с оговоркой, что за их достоверность глава фирмы не может ручаться.

Согласно этому документу, в 1934 или в начале 1935 г. советское правительство осознало, что оно охвачено плотным кольцом союзнического договора между Германией и Польшей с запада и Японией с востока. Ставшая русским известной информация убедила их, что

представители японской, немецкой и польской армий проводят консультации с намерением осуществить совместное нападение на Россию и что дипломаты указанных трех стран договорились о частичном или полном разделе России в случае успеха нападения. Обладание такой информацией привело к коренному пересмотру своей политики русским правительством, результатом чего стал прежде всего союз с Францией и договоренность с ней о совместной поддержке Чехословакии. За этим последовал пересмотр Советами в 1935–1936 гг. всей их мировой политики, сказавшийся на их пропагандистской поддержке некоторых западных демократий.

Тем временем эволюция Народного фронта во Франции и его полный провал в сочетании с пониманием Сталиным и новыми правителями России (как и частью германского министерства иностранных дел и многими лидерами нацистской партии), что и немецкий, и русский эксперименты с тоталитаризмом сходны почти во всех отношениях, заставили русских переоценить ситуацию, имея в виду возможность отказа от союза с Францией и поисков соглашения с Германией. Величайшим препятствием этому является сам Гитлер, который все еще считает, что немецкое национал-социалистское движение является основным противником коммунизма, а в России главная помеха союзу с Германией коренится в умах старых большевиков, в свою очередь, рассматривающих фашистское движение в качестве главного врага коммунизма. Чтобы добиться союза [с Россией], потребовалось убедить Гитлера в том, что это было бы в лучших интересах Германии, а затем убедить в необходимости союза [с Германией] старых большевиков или избавиться от них. В России этого удалось достичь в основном процессом ликвидации, в частности командного состава Красной Армии, все планы которой строились на том, что Германия и есть враг номер один.

В начале лета 1938 г. этот процесс ликвидации был почти завершен, когда известие о грядущем германо-японо-русском союзе просочилось из высших кругов и достигло маршала Блюхера, главнокомандующего русской армией в Сибири. Будучи решительным противником подобного союза (как и все высшее армейское командование России), Блюхер взял на себя ответственность за то, чтобы сорвать его заключение, инициировав атаку против Японии в конце июня — начале июля в районе сопки Чангкуфенг [Заозерная] на стыке границ Кореи, Маньчжурии и Сибири. За несколько дней это нападение вылилось в самую настоящую малую войну и завершилось захватом русскими сопки после почти полного уничтожения целой японской дивизии. [Но] вместо того, чтобы сорвать переговоры между Германией и Японией, она привела к скорому достижению соглашения между ними и смещению Блюхера со своего поста. Такое развитие событий в июле и августе побудило Гитлера немедленно ударить по Чехословакии.

Слухи об этом союзе достигли правительств Франции и Англии, и французский министр иностранных дел Бонне в начале сентября был послан в Женеву для встречи с русским министром иностранных дел Литвиновым. В ходе беседы Литвинов отрицал существование союза с Германией и Японией, но был столь уклончив в ответ на требование Бонне принять на себя твердое обязательство на случай нападения Германии на Чехословакию, что французской министр иностранных дел пришел к убеждению, что слухи о германо-русском союзе верны. Когда эти новости дошли до британского правительства, англичане и французы были настолько расстроены потерей своего русского союзника, что решили, что Чемберлен должен немедленно навестишь Гитлера с тем, чтобы добиться максимально приемлемых условий, пока Франция и Англия либо смогут подготовиться к тому, чтобы самим, без

русской помощи, встретить германский удар, либо выиграть время, чтобы вновь привлечь Россию к союзу с Францией.

В своей политике Франция всегда полагалась на то, что в случае войны русская армия отвлечет на Восточный фронт большую часть германской армии, а британский флот перережет пути снабжения Германии с Запада. Потеря России означала, что Франции придется столкнуться со всей мощью германской армии и что блокада британским флотом Германии окажется частично неэффективной, если она сможет черпать из России нефть и зерно.

На востоке Россия пошла на то, чтобы прекратить оказание помощи Китаю и с лета 1938 г. действительно прекратила поставки туда продовольствия, самолетов, летчиков, танков, орудий и военного снаряжения. Япония со своей стороны согласилась прекратить продвижение вглубь Монголии и попытки зайти во фланг русской армии в Сибири захватами во Внутренней и Внешней Монголии.

Поэтому во время противостояния Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене [Бавария] все козыри оказались в руках Гитлера. Чемберлен не мог в то время пойти ни на риск войны из-за Чехословакии, которая без поддержки России была бы быстро смята, ни на риск войны на Западе; оттянув же войну на год или два, Англия и Франция смогли бы повысить свою боеготовность и, возможно, снова вовлечь в союз Россию. Гитлер знал, что Чемберлен не мог и не хотел воевать; и когда Гитлер говорил, что был удивлен собственной умеренностью, он говорил правду.

Учитывая яростную взаимную пропаганду, которую вели Россия и Германия друг против друга в последние несколько лет, немедленное объявление русско-германского союза было невозможно. Необходимо было прежде всего изменить общественное мнение и в Германии, и в России. Такой процесс изменения общественного мнения происходит с сентября прошлого года в обеих странах посредством ограничения взаимной контрпропаганды и постепенным переключением нападков на Францию и Англию. Проявлением этой политики в самой России были ожесточенные атаки на Линдберга, Чемберлена, на так называемую клайвлэндскую клику и т. п. А в Германии то же самое наблюдалось в отношении Англии, Франции и Соединенных Штатов. Ожидается, что действие этой пропагандистской машины отвлечет внимание от бывшего заклятого врага и будет перенесено соответственно на новых врагов, причем эта линия была поддержана итальянской пропагандой, которая начинает придерживаться того же. Коммунисты в западноевропейских странах и Соединенных Штатах также получили указания от русских ослабить критику Германии и Италии, перенеся свои атаки на нынешних глав правительств Франции и Англии.

Следующими ходами на международной шахматной доске могут стать нападения Германии, Японии и Италии на Британскую и Французскую империи, хотя перед этим объектом германской политики могут стать Балканы, чтобы открыть путь в Россию через Румынию.

Польша, которая ожидала заполучить часть России как плату за соглашение с Германией, должна будет получить компенсацию за счет британских и французских колоний в Африке. Япония, вместо ожидавшихся захватов в Сибири, должна получить Гонконг, Индо-Китай и Британскую Малайзию, тогда как раздел британских и французских колоний в Африке в результате германо-итальянских побед в Европе еще ждет своего решения. Планы Германии предусматривают сдачу ей целиком британского флота по окончании ожидаемой войны в Европе. Такая же судьба уготовлена французскому флоту, который в конце войны должен

быть сдан Италии как единое целое, что будет означать переход морской мощи от британской и французской империй к германской и итальянской империям, которые нуждаются в этих флотах, если они хотят сохранить завоеванные в результате войны колонии.

Конечно, все эти планы тоталитарных государств построены на ожидаемой германской победе. В случае победы как Германия, так и Италия надеются продолжить экспансию в Южной Америке, что станет возможной в случае их контроля над британским и французским флотами и сотрудничества с японским флотом. [Конец документа.]

Аналитическая канва документа подкупает логикой изложения, в целом адекватно отражая ход и последствия международных событий в 1930-е годы. Тем интереснее провести тестирование некоторых ключевых пунктов документа с привлечением дополнительных материалов, включая архивные.

Вначале общие соображения.

Первое. Отчетливо прослеживается линия размежевания между агрессивными Германией, Японией и Италией, с одной стороны, и противостоящими им странами, прежде всего Англией и Францией как ближайшими объектами агрессии, с другой. С возникновением глобальной, общемировой угрозы со стороны фактически сформировавшегося блока держав Оси, по логике вещей, не могли не считаться все страны, и не в последнюю очередь Советский Союз.

Второе. Вопреки концепции «Фальсификаторов истории» о международной изоляции СССР, он уж никак не был обойден вниманием ни со стороны агрессоров, ни их потенциальных жертв, занимая в анализе международного развития центральное место. В документе нет и намек на возможность его изоляции ни до, ни после Мюнхена; наоборот, каждая из сторон проявляла особую заинтересованность в позиции СССР в назревающем всеобщем конфликте.

Третье. Чрезвычайно важен подчеркиваемый в документе факт: интерес к советской позиции со стороны агрессоров определялся их захватническими планами, то есть изначально нес в себе угрозу для Советского Союза, тогда как западные страны, находясь в положении обороняющихся, хотели бы видеть в нем союзника. Подходы диаметрально противоположные, и они существенно не менялись в дальнейшем.

О некоторых наиболее существенных положениях документа.

Сталинский Советский Союз, констатируется в документе, в отличие от рано определившихся принципиальных позиций враждующих капиталистических коалиций, «маневрировал между Гитлером и Западом» (что не осталось незамеченным наблюдательными дипломатами)^[852]. На рубеже 1936–1937 гг., разуверившись в выгодах партнерства с демократиями Запада (что отчетливо сказалось в вопросе помощи Испанской республике), он стал явно склоняться к тому, чтобы найти «модус вивенди» с агрессорами. Примени автор документа критерий классовости к политике СССР, ему не составило бы труда понять, что советские «маневры» между двумя группировками европейских держав были не более чем политико-дипломатической тактикой, продиктованной преходящими обстоятельствами. А вот верно подмеченное стремление оставаться вне обоих блоков, проводить сепаратную политику, было выражением его общей антикапиталистической стратегии.

Что, разумеется, не исключало, а предполагало в рамках этой стратегии тактические маневры между двумя блоками капиталистических государств. Они имели место трижды: в 1933–1934, 1935–1937 и 1938–1941 гг. Период, когда, казалось, советская позиция более или

менее определилась, ограничился практически одним 1935 годом — с заключением в мае советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи.

Другое важное положение документа, связанное с только что рассмотренным, — о том, что в Мюнхене английскому премьеру Н. Чемберлену пришлось считаться с тем, что Запад не только не мог рассчитывать на помощь СССР, но вынужден был учитывать признаки его сдвига в сторону Германии. По официальной же советской версии Советский Союз стоял за самый решительный отпор домогательствам Гитлера в отношении Чехословакии, вплоть до вооруженного. Даже и в том случае, утверждалось в официозной «Истории внешней политики СССР»^[853], если Франция откажется от своих военных обязательств перед Чехословакией и СССР.

Давно опубликован текст телеграммы, направленной от имени правительства СССР президенту Чехословакии Э. Бенешу в ответ на запрос последнего о советской позиции. Она содержала, как теперь известно из так называемой «особой папки» (наивысший гриф секретности), принятые на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 20 сентября 1938 г. пункты с подтверждением советской готовности оказать «немедленную и действенную помощь» Чехословакии как по условиям советско-французского договора, так и по обязательствам СССР как члена Лиги Наций на основании статей 16 и 17 ее Устава. Но — при одном из двух условий: «если Франция останется ей [Чехословакии] верной и также окажет помощь» или если Чехословакия обратится за помощью в Совет Лиги Наций^[854].

«Принципиальность» Политбюро в вопросе оказания помощи Чехословакии может быть оценена по достоинству лишь при ее сопоставлении с появившейся за день до этого в «Правде» сталинской оценкой международного положения (в международном разделе последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)». Напомним, что оно характеризовалось как фактическое начало второй империалистической войны, развязанной фашистскими агрессорами при пособничестве так называемых демократических стран Запада, которые, как подчеркивалось, больше боятся революционного движения, чем фашизма. Ни о каком определенном внешнеполитическом выборе в пользу той или иной группы государств, фашистских или нефашистских, и речи не было.

Никакого пересмотра советской политики решение Политбюро от 20 сентября не означало. Оно лишь подтверждало советские обязательства по советско-чехословацкому и советско-французскому договорам от 1935 г., которые формально оставались в силе. К тому же риск войны был невелик, поскольку Сталин (как он только что показал своим анализом международного положения в «Правде» от 19 сентября) не верил, что Франция, а вслед за ней и Англия покончат с «однобоким» характером войны и решатся на вооруженное столкновение с Германией.

Для Сталина ситуация в Европе вполне прояснилась. С его точки зрения проблема сводилась к тому, чтобы так или иначе вынудить западные страны занять наконец твердую антигерманскую позицию. Это отчетливо прослеживается по документам, опубликованным еще в 1977 г. в 21-м томе известной серии «Документы внешней политики СССР».

В самом начале сентября 1938 г. народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов дал недвусмысленный ответ на запрос французского поверенного в делах в СССР Ж. Пайяра (сделанный по поручению министерства иностранных дел Франции), на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия. Ответ был таков: Франция обязана помогать Чехословакии независимо от советской позиции, «в то время как наша помощь обусловлена французской...». И чтобы проверить искренность партнера по договору,

М.М. Литвинов предложил созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий^[855]. 8 сентября заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин, принимая английского посла в Москве виконта Чилстона, вновь заявил, что Советский Союз не обязан вмешаться, пока Франция не выступит активно в поддержку Чехословакии. Из беседы посол вынес впечатление, что Потемкин не верил в наличие у Франции политической воли на «быстрый и решительный шаг»^[856].

Ничего не дала и упоминаемая в документе «Подлинное толкование Мюнхена» встреча в Женеве М.М. Литвинова с французским министром иностранных дел Ж. Бонне. Сообщив об отказе англичан принять советское предложение о созыве совещания Англии, Франции и СССР и их совместном заявлении (в попытке добиться большего, чем франко-советский договор)^[857], Бонне «разводил руками, что, мол, ничего сделать нельзя. Никаких предложений он не делал, и я также был сдержан», телеграфировал в Москву Литвинов^[858].

Принимая решение 20 сентября о готовности оказать Чехословакии «немедленную и действенную помощь», при условии выполнения Францией своих обязательств, Политбюро, как уже указывалось, мало чем рисковало. Сомнений в том, что западные страны скорее уступят требованию Германии передать ей Судетскую область (с преобладающим немецким населением), чем согласятся на сотрудничество со Сталиным, не оставалось. Недоверие Запада к Советскому Союзу и его военным возможностям усилилось в связи со сталинским Большим террором, который повлек за собой уничтожение многих представителей командного состава Красной Армии, в особенности высшего. Нарком обороны К.Е. Ворошилов докладывал на Военном совете, что из армии «вычистили» более четырех десятков тысяч человек^[859]. «Сталин и его подручные буквально утонули в репрессивных делах», пишет отечественный автор, комментируя факт принятия только за один 1938 г. шести постановлений ЦК ВКП (б) по репрессивным делам^[860]. Всего за два года было арестовано 1372392 человек, из них 681692 расстреляно^[861]. Это была одна из веских причин, по которой советские заверения о готовности оказать вооруженную помощь Чехословакии воспринимались на Западе более чем скептически.

Заслуживают внимания и такие факты.

21 сентября, выступая на пленарном заседании Ассамблеи Лиги Наций, М.М. Литвинов (имея в виду советскую телеграмму Э. Бенешу) заявил, что его правительство «дало совершенно ясный и положительный ответ» на запрос Чехословакии^[862]. Однако 23 сентября Литвинов в срочной («вне очереди») телеграмме из Женевы предупреждал, что «нужны более убедительные доказательства», чтобы остановить далеко зашедшего Гитлера. Полагая неизбежным советское вовлечение в европейскую войну, для предотвращения которой он считал необходимым «сделать все», Литвинов предлагал объявить хотя бы частичную мобилизацию и провести в прессе «такую кампанию, что заставило бы Гитлера и Бека (министра иностранных дел Польши, которая присоединилась к Германии и Венгрии в территориальных требованиях к Чехословакии. — Д. Я.) поверить в возможность большой войны с нашим участием... Необходимо действовать быстро»^[863].

В тот же день от М.М. Литвинова была получена еще одна телеграмма, начинавшаяся словами: «Немедленно вручить и послать в Кремль». В ней говорилось о беседе Литвинова в присутствии советского полпреда в Лондоне И.М. Майского с английскими делегатами в Лиге Наций, действовавшими по поручению своего правительства. Англичан, говоривших о том, что «можно ожидать срыва переговоров» Чемберлена с Гитлером, интересовала

советская позиция в случае, если Англия и Франция будут поставлены перед необходимостью «принять солидные меры». Не получив от собеседников никакой информации о ходе переговоров Чемберлена с Гитлером, Литвинов ограничился заявлением, что «мы, во всяком случае, раньше Франции выступать не будем, в особенности после того, что произошло за последние дни»^[864].

Когда поступило сообщение о мероприятиях французского военного командования, советская сторона также объявила о принятии некоторых предупредительных военных мер^[865]. Однако стоит отметить, что в начале октября германское посольство в Москве дважды сообщало в Берлин о том, что «в критические дни» в Советском Союзе, в отличие от некоторых других стран, не было замечено каких-либо мобилизационных приготовлений по линии советских обязательств о помощи Чехословакии^[866].

30 сентября Э. Бенеш вновь обратился к СССР, прося «как можно скорее» сообщить о его отношении к выбору, перед которым стояла его страна: бороться или капитулировать^[867]. И хотя вскоре из Праги поступила вторая телеграмма о том, что президент Чехословакии больше не настаивает на советском ответе, так как его правительство приняло решение согласиться с мюнхенским приговором^[868], в Москве забеспокоились. Полпреда в Праге С.С. Александровского инструктировали телеграммой выяснить, «не мог ли Бенеш при обсуждении вопроса о мюнхенском предложении в правительстве сослаться на то, что он не получил от Советского правительства ответа на свой вопрос, изложенный в Вашей первой телеграмме»^[869]. Был получен успокоительный ответ: «никаких сомнений в том, что Бенеш не ссылаясь на неполучение ответа от СССР»^[870].

Из этих документов видно, что нерешительность проявили как западные страны, так и Советский Союз. Пролить дополнительный свет на события тех дней могли бы документы советско-германских отношений того периода. Но таковых нет ни в томе за 1938 г. серии «Документы внешней политики СССР», ни в материалах, переданных в РГАСПИ из Кремлевского архива. Но если Гитлер, по его же словам, осенью 1938 г. (время Мюнхена и непосредственно после) решил «быть заодно со Сталиным», то такие документы должны быть: как иначе довел бы он свое решение до сведения Кремля?

В официальной «Истории внешней политики СССР» утверждается, что в момент инициированного Гитлером международного кризиса вокруг Чехословакии, приведшего к Мюнхену, Советский Союз готов был идти до конца, выполняя свои обязательства по договорам о взаимной помощи с Чехословакией и Францией. «Более того, — пишут авторы книги, — он соглашался оказать Чехословакии военную помощь даже без участия Франции при единственном условии, что сама Чехословакия окажет сопротивление агрессору и попросит о советской помощи»^[871]. О чем должны были бы говорить соответствующие советские военные приготовления.

В воспоминаниях Н.С. Хрущева, в то время руководителя Украины, можно прочесть о том, что в западных военных округах велись подготовительные военные меры на случай войны^[872]. По данным Д. А. Волкогонова, в боевую готовность было приведено более семидесяти дивизий^[873]. Существует и ряд других подобных свидетельств.

Но действительно ли сталинское руководство готово было воевать с Германией в защиту Чехословакии даже без поддержки Запада? И почему, как говорилось выше, советские военные приготовления не произвели впечатления на германское посольство в Москве?

Редактируя брошюру «Фальсификаторы истории», Сталин вносил в нее свои коррективы

и дополнения. Иногда значительные. Была у него возможность высказаться и по вопросу о готовности Советского Союза оказать военную помощь Чехословакии даже в одностороннем порядке. Тем более что в соответствующем месте брошюры решительно отвергались «лицемерные заявления» правительств Англии и Франции, «будет ли выполнять Советский Союз свои обязательства перед Чехословакией, вытекающие из договора о взаимной помощи». И далее: «Но они говорили заведомую неправду, ибо Советское Правительство публично заявило о готовности выступить за Чехословакию против Германии в соответствии с условиями этого договора, требующими одновременного выступления Франции в защиту Чехословакии. Но Франция отказалась выполнить свой долг»^[874].

Таким образом, если и были заявления с советской стороны о готовности воевать с Германией, невзирая на отказ держав Запада выступить вместе с СССР, то такие заявления нельзя рассматривать всерьез. Они носили приватный характер («признание» Э. Бенеша в беседе с дочерью Т. Манна в 1939 г., газетная статья К. Готвальда в 1949 г.)^[875] и потому не могли сказаться на развитии событий вокруг Чехословакии. Еще более показательным, что Сталин, имея такую возможность, не воспользовался столь убедительным доводом в пользу своей предвоенной внешней политики. Но на самом деле такого довода у него не было.

Сталин следовал линии, с предельной ясностью выраженной в «Кратком курсе истории ВКП (б)» — линии вне- и надблоковой. Проводя линию определенного водораздела между агрессивными и неагрессивными странами, намного более глубокую борозду он чертил между Советским Союзом и всеми остальными капиталистическими странами. Оснований полагать, что Сталин действительно был готов к далекоидущему сотрудничеству с ненавистной ему Англией и ее фактической союзницей Францией в дни сентябрьского кризиса 1938 г., совершенно недостаточно.

Разве не показателен тот неоспоримый факт, что в ближайшем сталинском окружении, среди членов Политбюро, не было ни одного сторонника партнерства с западными странами? Тогда как со времени Рапалло (1922 г.) и Берлинского договора о ненападении и нейтралитете (1926 г.) советские руководители, прежде всего Сталин и Молотов, ориентировались на сотрудничество с Германией. Интересы сторон совпадали в неприятии Версальской системы, слома которой они добивались совместными усилиями (каждая рассчитывая воспользоваться этим по-своему).

Теперь доказано, что эта общность интересов простиралась столь далеко, что было налажено, в обход Версальских запретов, тайное военно-техническое сотрудничество между Красной Армией и германским рейхсвером^[876]. Положение изменилось лишь после прихода к власти Гитлера, объявившего поход против большевизма. Но советские руководители не уставали повторять, что готовы восстановить прежние отношения, как только Германия откажется от антисоветской политики. Видимо, они правильно полагали, что антибольшевизм Гитлера скорее рассчитан на то, чтобы отвлечь внимание Запада от его подлинных намерений. Сталин по-своему выразил это, предложив на званом ужине в честь И. Риббентропа после заключения советско-германского договора о дружбе и границе в сентябре 1939 г. тост за себя как «нового антикоминтерновца Сталина». В интерпретации В.М. Молотова, «издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Подшутил, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: «Мой гениальный министр иностранных дел!» Гитлер никогда не понимал марксистов»^[877].

Сторонники сотрудничества с Западом — Францией, Англией, США были не в высшем партийном аппарате, а среди советских дипломатов. Вероятно, их имела в виду А.М. Коллонтай, в 1930–1945 гг. посланник СССР в Швеции, говоря о «литвиновском периоде» советской дипломатии, воспитавшем «ряд дельных работников с большим кругозором»^[878]. Их лидером по праву можно назвать М.М. Литвинова.

Сталин никогда не доверял М.М. Литвинову, возглавлявшему НКВД СССР в 1930–1939 гг., считая его проводником фракционной линии во внешней политике, «оппортунистом»; обвинял в неправильной оценке международной обстановки, чрезмерной доверчивости к западным деятелям — «мерзавцам»^[879]. В.М. Молотов, глава советского правительства в 1930–1941 гг. и сменивший Литвинова в НКВД в мае 1939 г., публично заявлял (уже в послевоенное время), что при Литвинове советское внешнеполитическое ведомство было «убежищем для оппозиции и для всякого рода сомнительных полу партийных элементов»^[880]. А в своих «беседах» с литератором Ф. Чуевым резкие оценки Литвинова и его деятельности завершил словами: Литвинов «был совершенно враждебен нам» и «заслуживал высшую меру наказания со стороны пролетариата»; «только случайно жив остался»^[881].

На иностранцев, наоборот, М.М. Литвинов производил самое благоприятное впечатление. У. Буллит, участник переговоров о возобновлении дипломатических отношений с СССР и американский посол в Москве в 1933–1936 гг., характеризовал Литвинова как «исключительного дипломата»^[882]. Президент США Ф. Рузвельт, с которым в Вашингтоне вел переговоры Литвинов, отзывался о нем как о «великом мастере вести переговоры»^[883]. Даже В.М. Молотов, в определенном смысле идейный антипод Литвинова, и тот признавал талант Литвинова-дипломата^[884]. Корреспондент New York Times в Москве в 1949–1955 гг. Г. Солсбери вспоминал о своих встречах с Литвиновым: это было «всегда с пользой. Его речь отличалась большой культурой и проникновенностью... Он никогда не уклонялся от вопроса, никогда не находил тему слишком опасной. Среди всех советских государственных чиновников, с которыми я встречался, он был единственным порядочным человеком»^[885].

Уместно задаться вопросом, как могла столь не типичная для сталинского руководства личность так долго возглавлять НКВД СССР? Дело в том, что деятельность М.М. Литвинова и всего дипломатического аппарата строго контролировалась, все внешнеполитические решения (без исключения) требовали одобрения Политбюро и лично Сталина. Ответ на поставленный вопрос следует также увязать с советскими усилиями найти противоядие политико-идеологическим вызовам со стороны воинствующего немецкого фашизма. Литвинов востребован был тогда, когда велись переговоры о восстановлении отношений с США; провозглашалась актуальность коллективной безопасности, чтобы противостоять германской агрессии; для подготовки договора о взаимопомощи с Францией; он нужен был для ярких выступлений в Лиге Наций в защиту всеобщего мира^[886]. Литвинов стал самым известным советским деятелем за рубежом, заслужив репутацию стойкого антифашиста и человека, преданного идее неделимости мира.

Чтобы полнее представить себе взгляды М.М. Литвинова, совершим небольшой экскурс во времена, когда в коммунистической партии еще допускалась свобода мнений по вопросам внутренней и внешней политики. Это стало возможным благодаря открывшемуся доступу исследователей к некоторым материалам «особой папки», в частности материалам дискуссии в советском руководстве в конце 1924 г., дискуссии, инициированной

Литвиновым, как писал он членам коллегии НКВД, в связи с признанием СССР всеми крупными державами Европы, которое поставило в порядок дня вопрос об «общей политической линии»^[887].

Пространная записка М.М. Литвинова состоит из нескольких пунктов. В них предлагалось пойти навстречу Франции, признав условия Версальского мирного договора в обмен на «вплоть до не предусмотренного соглашениями пересмотра наших отношений с лимитрофами, Польшей и Румынией». По мнению Литвинова, Франция могла побудить Польшу «к пересмотру рижского договора [1921 г.]», то есть к установлению польско-советской границы по «линии Керзона». В пункте о Прибалтике говорилось, что «в этом вопросе мы от Франции могли бы получить максимальную компенсацию» за признание Версаля. Что касается Румынии, то ею «Франция охотнее пожертвует, чем Польшей». Затрагивались и «восточные дела», сулившие, по мнению Литвинова, сотрудничество с Францией против Англии. Он предлагал также начать сотрудничать с Лигой Наций, послав в Женеву своего наблюдателя.

Оппонентом М.М. Литвинова выступил член коллегии НКВД В.Л. Копп^[888], поддержавший его идеи в тактическом плане, но не в стратегическом. Главное, по мнению Коппа, заключалось в том, чтобы предотвратить переход Германии в англо-американский блок. В записке Коппа подчеркивалось: «Ничто не послужит в такой мере к ускорению перехода Германии в англоамериканский лагерь, как наше сближение с Францией на базе Версаля. И ничто не в состоянии будет нанести германскому и французскому рабочему движению, которое ведь также является фактором нашей внешней политики, более сокрушительного и непоправимого удара».

М.М. Литвинов ответил запиской «К политическим переговорам с Францией. По поводу замечаний т. Копа»^[889]. Во главу угла, писал он, «я ставлю изменение нынешнего положения в Прибалтике, и в этой области удовлетворение наших требований соответствует интересам Франции». И далее: «Хотим мы этого или нет, но мы вынуждены будем втянуться в общеевропейскую политику, и нам придется выбирать между двумя существующими тенденциями, а больше двух нет и не будет в ближайшее время. Германия еще не существует как самостоятельный активный фактор».

Нарком иностранных дел СССР Г.В. Чичерин обратился к Сталину с письмом, в котором поддержал позицию Литвинова^[890]. Мы стоим особняком и должны продолжать стоять особняком, писал нарком. Но есть нечто, что мы можем сделать: «Мы можем содействовать сближению Франции с Германией, разрядлению электрического напряжения на континенте, содействовать, одним словом, развитию континентальной системы, которую весьма интенсивно интересуется Де Монзи и еще интенсивнее интересуется Кайо. Это для нас весьма доступно, а такая работа была бы в высшей степени целесообразна».

Победили оппоненты Г.В. Чичерина и М.М. Литвинова. Дискуссия показала неизбежность стратегического выбора сталинского руководства — ставку на Германию и, соответственно, против западных государств-победителей в Первой мировой войне. Она же доказывает наличие непреходящего стремления вернуть потерянные территории царской России, что в конце концов удалось с помощью советско-германского пакта 1939 г., по которому нацистская Германия признала сферой советских интересов все прилегающие к Советскому Союзу с запада пограничные страны. И на что упорно отказывалась идти англо-французская сторона на тройственных переговорах в Москве весной — летом 1939 г.

М.М. Литвинов не раз публично выражал свое разочарование неудачами в деле организации коллективной безопасности. В ноябре 1936 г. он предупреждал, что в сложившихся условиях СССР будет «ждать и взирать, как Европа будет делать свой выбор»^[891]. Советский Союз «не напрашивается ни в какие союзы, ни в какие блоки, ни в какие комбинации»; он предоставит другим государствам «взвесить и оценить» выгоды сотрудничества с ним в интересах мира, говорил вскоре Литвинов в другом выступлении^[892]. Через год, в декабре 1937 г., в интервью французской газете Le Mond Литвинов заявил, что раз никто не хочет иметь дело с СССР, последнему ничего не остается, как дожидаться иных возможностей, назвав «вполне допустимым» и советско-германское сближение. Х. Филлипс, американский автор биографической книги о Литвинове «Между революцией и Западом», называет это заявление «настоящей бомбой»^[893].

В момент обострения кризиса вокруг Чехословакии в мае 1938 г., вызванного германским нажимом, М.М. Литвинов откровенно говорил послу Франции в СССР Р. Кулондру, что если западные державы снова уступят требованиям Гитлера, «то в таком случае советское правительство порвет с этой политикой [коллективной безопасности] и уладит свои отношения с Германией»^[894]. Не отражали ли эти предупреждения Западу мнения, которые Литвинов слышал на заседаниях Политбюро при обсуждении пунктов «вопрос НКВД» (так они занесены в протоколы Политбюро)?

Слухи об отставке М.М. Литвинова, которые вновь и вновь появлялись, судя по архивным документам, были небезосновательными. В январе 1938 г. в связи с намерениями сформировать комиссию по иностранным делам Верховного Совета СССР Литвинов обратился к Сталину с письмом, выражая желание работать в такой комиссии, «освободившись от работы в Наркомате». Он аргументировал отставку возможностью, «не переключаясь на старости лет на другую работу, использовать приобретенный опыт и знакомство с внешними делами»^[895]. Такое письмо могло появиться только после того, как для Литвинова стало ясно, что сталинское руководство ориентировано отнюдь не на сотрудничество с демократическим Западом. Но Сталин еще нуждался в Литвинове, и отставка не была принята.

Верховный Совет СССР на своей сессии летом 1938 г. действительно образовал комиссии по иностранным делам своих палат — Совета Союза и Совета национальностей, по 10 членов каждая, под председательством соответственно А.А. Жданова и Н.А. Булганина. Образованные на постоянной основе, комиссии были призваны готовить или предварительно рассмотреть законопроекты и другие акты по внешнеполитическим вопросам. Но неужели советские руководители, с их неодолимой тягой к скрытности и таинственности в делах (важнейший атрибут тоталитарной власти), готовы были поступиться своими секретами в высших интересах страны? Как того предусматривала «сталинская» Конституция СССР 1936 г., наделившая Верховный Совет, по букве основного закона страны, неограниченным правом контроля над деятельностью всего государственного аппарата?

Конечно же, нет. В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Верховного Совета СССР имеется дело, содержащее протоколы Комиссии по иностранным делам Совета Союза за 31 июля 1938 г. — 21 марта 1946 г. Всего на 22 листах и только Комиссии по иностранным делам Совета Союза^[896]. Несколько документов за июль — август 1938 г. своим содержанием красноречиво демонстрируют плотность завесы тайны над советской

внешней политикой.

Скудные по числу и их содержанию документы открывает направленное секретарем Комиссии по иностранным делам Совета Союза Ф. Сазиковым ее председателю А.А. Жданову предложение созвать заседание Комиссии для рассмотрения следующих вопросов:

- 1) Доклад Правительства о внешней политике,
- 2) О положении Комиссии,
- 3) О постоянной информации членов Комиссии по вопросам внешней политики СССР и международного положения,
- 4) Утверждение секретаря Комиссии^[897].

Через месяц, 26 августа, под председательством А.А. Жданова состоялось совместное заседание комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета национальностей. Из двадцати членов комиссий присутствовали только восемь депутатов, включая А.В. Косарева, С.А. Лозовского, Д.З. Мануильского, А.Н. Поскребышева, а также секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин и от НКВД СССР М.М. Литвинов. Согласно протоколу заседания^[898], собравшиеся приняли к сведению сообщение Литвинова об основных международных договорах СССР (текст сообщения в деле отсутствует). Было сочтено «необходимым» изучить состояние отношений СССР с Ираном, Афганистаном, тремя прибалтийскими странами, Финляндией, Польшей и Румынией, подкрепленное просьбой к НКВД и НКВТ СССР представить в комиссии палат Верховного Совета соответствующие материалы.

При рассмотрении второго пункта — «О порядке информации членов Комиссий по иностранным делам Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР» было решено просить НКВД «организовать систематическую информацию Комиссий по наиболее значительным вопросам текущей международной политики в виде квартальных обзоров по отдельным странам, а также в виде информации по отдельным срочным текущим вопросам по согласованию с председателями Комиссий обеих Палат». Следующее заседание комиссий намечено было созвать через два месяца.

Но оно не состоялось. Из «справки» о ходе выполнения решений совместного заседания комиссий 26 августа, подписанной Ф. Сазиковым^[899], узнаем, что ни одно из правительственных ведомств — ни НКВД, ни НКВТ, ни ТАСС так и не представили обещанных материалов. Ничего не предпринял и Л.П. Берия, ответственный за созыв подкомиссии по изучению состояния торговых отношений СССР с соседними странами^[900].

Все же к началу ноября некоторые из запрошенных материалов были получены, и секретарь Комиссии просил у А.А. Жданова разрешение на их размножение^[901].

Последний документ из этой серии, датированный апрелем 1939 г.^[902], составлен от имени секретарей обеих Комиссий по иностранным делам палат Верховного Совета СССР Ф. Сазикова и Юрчика. Они писали, что ими «неоднократно делались попытки» ознакомиться с работой аппарата НКВД, в особенности с вопросами договорных отношений с соседними странами, но каждый раз они наталкивались на категорический отказ. Работники НКВД отговаривались тем, что они не имеют соответствующих указаний от руководителей Наркомата, а последние, в лице М.М. Литвинова и его заместителя В.П. Потемкина, к которым они также не раз обращались, заявляли, что не могут ознакомить их с этими вопросами, так как этого не требуют председатели Комиссий.

Узнав, что Ф. Сазиков и Юрчик имели беседу с информационными целями с заведующим

1-м Западным отделом НКВД (Бежановым), В.П. Потемкин распорядился, чтобы работников Комиссий по иностранным делам Верховного Совета «не принимать и никаких сведений им не давать». Распоряжение было доведено до сведения всех заведующих отделами НКВД. При личной встрече заместитель наркома, подтвердив свое распоряжение, добавил, что «никакие материалы, справки и прочее» они не получают от НКВД, «если на это не будет в каждом отдельном случае [результатом] личного требования тов. Жданова». Он также сказал, что «их Наркомат является сугубо секретным учреждением, куда доступ лиц ограничен, что заведующие отделами могут проболтаться, что они даже заведующих отделами и полпредов не информируют по вопросам, не относящимся к работе их отдела или страны, где они находятся».

Общий вывод секретаря Комиссии по иностранным делам Совета Союза был неутешителен: «Комиссия по существу не работает», постановления от 26 августа 1938 г. «не выполнены, созданные подкомиссии не работали, а вопросы проверки договоров инотехпомощи не доведены до конца». Обращаясь к А.А. Жданову, секретарь писал, что от его вмешательства «зависит дальнейшая работа Комиссии».

И уж совсем по-донкихотски звучали его предложения («поддержанные» М.И. Калинин): о предоставлении секретарю Комиссии возможности повседневного ознакомления с работой аппарата Наркомин дела, о его участии в совещаниях при наркоме, а также о допуске к секретной переписке Наркоминдела, о созыве заседаний Комиссии почаще, о том, чтобы «обязать» НКВД предоставить Комиссии запрашиваемые документы.

Таковы были условия, в которые был поставлен М.М. Литвинов как сторонник коллективной безопасности, лишенный поддержки и со стороны партийно-государственного руководства, и со стороны «молчаливого большинства». Ничего другого не оставалось, как продолжать предупреждать Запад об опасных последствиях отказа от коллективной безопасности.

В июне 1938 г., выступая в Ленинграде (в качестве кандидата в Верховный Совет РСФСР) [\[903\]](#), Литвинов отстаивал идею коллективной безопасности, хотя и понимал, что надежд на ее реализацию все меньше и меньше. Осудил дипломатию, «которая видит высшую мудрость в натравливании агрессора на третьи государства, в ублажении его подачами». Говорил об общем интересе, «объединяющем нас с другими государствами, — это интерес сохранения мира». Выступил против изменения «путем новой кровопролитной войны» порядка, установившегося после Первой мировой войны, независимо от того, плох или хорош этот порядок. Без Советского Союза, считал он, «не может быть создано такое европейское или мировое равновесие, перед которым ступевалась бы агрессия». Провел различие между сторонниками уступок агрессорам и теми, кто отстаивает государственные интересы своих стран. Отсюда у них, на Западе, говорил он, споры по вопросам внешней политики.

В другой части выступления М.М. Литвинов выразил глубокое сожаление тем, что советский призыв к коллективным мерам в защиту мира «не был услышан». Что дало ему основание заявить, что «Советское правительство, по крайней мере, сняло с себя ответственность за дальнейшее развитие событий». И продолжил: «Надо, однако, заметить, что Советский Союз ничего для себя не просит, никому в партнеры и союзники не напрашивается, а лишь соглашается на коллективное сотрудничество (аплудисменты), ибо положение создалось особое не для него самого, а в первую очередь для малых стран, а во вторую — для государств, ответственных за послевоенный международный порядок». Отметив, что агрессоры по-прежнему будут искать слабых противников, Литвинов заключил:

«Однако у нас нет оснований особенно тревожиться за наши собственные интересы, за наши собственные границы». Все тот же мотив убежденности в том, что пока германская агрессия угрожает другим странам, но не Советскому Союзу.

Какой вывод должны были сделать для себя дипломатические представители Запада из выступления М.М. Литвинова в Ленинграде? Посольство США в СССР сообщило в Вашингтон, что это выступление практически означает, что Советский Союз не рассматривает себя в качестве неразрывной части существующей системы межгосударственных отношений, считаясь с ней постольку, поскольку затрагиваются интересы его собственной национальной политики. Одновременно доводится до сведения тех стран, с которыми СССР до сих пор соглашался сотрудничать, что он откажется и от едва намечавшегося сотрудничества с ними, если политика этих стран не будет соответствовать желаниям советского правительства^[904].

Такой характер выступления М.М. Литвинова, в котором Советский Союз в общем противопоставлялся остальным странам, отражал (приходится повторяться) общую антикапиталистическую стратегию сталинского руководства. Придерживаясь концепции «осажденной крепости» и «враждебного капиталистического окружения», СССР по большому счету действительно был вне системы мировых политических и экономических взаимосвязей. Консервации такого положения более чем способствовала информационная изоляция страны (прорыв которой в наше время сыграл первостепенную роль в перестройке). Советские люди черпали сведения о внешнем мире из препарированных сообщений корреспондентов ТАСС в нескольких центральных газетах, которые в своей работе следовали строгим партийным рекомендациям. Газетные публикации «Правды» и «Известий» приравнивались к спущенным «сверху» указаниям. Искусственное формирование внешнеполитических стереотипов привело к тому, что в сознании советского общества «складывалась неадекватная в целом картина внешнего мира, в первую очередь Запада»; в частности, преувеличивалась степень враждебности правящих кругов западных стран к СССР^[905].

Об отношении сталинского руководства к внешнему миру дает представление положение с советской дипломатической службой за границей, сложившееся к началу 1939 г. В пространном письме Сталину^[906] глава НКВД СССР М.М. Литвинов обрисовал картину резкого свертывания службы его ведомства. Советских полпредов не было в десяти зарубежных столицах, включая Токио, Варшаву, Бухарест, Будапешт, в некоторых свыше года. Продолжительное отсутствие во главе посольств и миссий полномочных представителей, подчеркивалось в письме, «приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений». Число вакансий работников рангом ниже (советников, секретарей полпредств, консулов и др.) было 46. Из 8 отделов в центральном аппарате НКВД только один имел утвержденного заведующего. Делался вывод о том, что это может усилить «толки о нашей самоизоляции и т. п.».

Такое положение, продолжал М.М. Литвинов, создалось не только вследствие «изъятия некоторого количества сотрудников НКВД органами НКВД». Не получали разрешения на обратный въезд в страну работники из-за границы, даже работники центрального аппарата, «немалое количество» дипломатов было исключено из партии «в порядке бдительности», другие устранялись от секретной работы. Литвинов внес предложение создать комиссию для изучения создавшегося положения с кадрами и изыскания путей к изменению положения.

Это письмо М.М. Литвинова имеет определенное значение для раскрытия темы данной

статьи.

С одной стороны, оно служит доказательством возраставшего недоверия Сталина и Молотова к аппарату НКВД СССР, чистка которого началась задолго до смещения М.М. Литвинова. Давнее недоверие к Литвинову распространялось на его заместителей, полпредов в наиболее важных столицах мира. Подчеркнем, что речь идет о периоде до марта 1939 г., когда Сталин на XVIII партийном съезде публично дал знать о свершившейся переориентации советской внешней политики. Факт чистки кадров НКВД — еще одно проявление ранней, до московских тройственных переговоров весной — летом 1939 г., переориентации политики СССР.

С другой стороны, письмо М.М. Литвинова не подтверждает положения «Фальсификаторов истории» о том, что в итоге Мюнхена «дело шло к полной изоляции Советского Союза». Тревожило Литвинова другое — усилившаяся тенденция СССР к самоизоляции из-за ничем не оправданного добровольного сужения сферы деятельности собственной дипломатии (до Второй мировой войны СССР имел дипломатические отношения с 30 странами).

Нити внешней политики все больше сосредотачивались в Кремле. Про советскую дипломатию того времени В.М. Молотов говорил: «все было в кулаке сжато у Сталина, у меня», дипломатия была «очень централизованной»^[907]. С обострением международного положения в послемюнхенский период Сталин, этот, по молотовской характеристике, «величайший конспиратор», максимально засекретил свои намерения в области внешней политики. Исследователь механизма политической власти в СССР пришел к выводу, что после Большого террора он посвящал в свои планы лишь отдельных членов Политбюро, превратившегося, в лучшем случае, в совещательный орган^[908]. Показательно, что в опубликованном сборнике документов о сталинском Политбюро в 30-е годы интересующий нас послемюнхенский период представлен всего лишь двумя постановлениями по вопросам внутренней жизни (от 24 и 27 ноября 1938 г.)^[909]. Весь комплекс так называемых особых протоколов Политбюро все еще остается в недоступном для историков «ведомственном» Президентском (Кремлевском) архиве^[910]. К сказанному надо добавить сохраняющуюся советскую традицию сокрытия документов, связанных с советско-германским пактом^[911].

То тут, то там мы находим косвенные подтверждения тайных советско-германских контактов на уровне Сталин — Гитлер, о которых говорится в документе «Подлинное толкование Мюнхена». А.М. Некрич, много занимавшийся советско-германскими отношениями в связи со Второй мировой войной (достаточно напомнить о его книге «1941. 22 июня», за которую он был исключен из партии и вынужден был эмигрировать из страны), писал о непреходящей сталинской ориентации на Германию, которую он проводил «не прямо, а исподволь»^[912]. А.С. Черняев, в бытность помощником М.С. Горбачева, в одной из докладных записок о пакте упоминает ссылки иностранной печати «на кое-какие документы насчет заигрывания Сталина с Гитлером задолго до 1939 года»^[913]. В частности, Сталин действовал через своего доверенного лица советского торгового представителя в Берлине Д. Канделаки, неоднократно передававшего Я. Шахту, Г. Герингу и другим высокопоставленным немцам сигналы о готовности Кремля вступить в переговоры об улучшении взаимных отношений^[914]. Все это находит подтверждение в воспоминаниях резидента советской разведки в Западной Европе В. Кривицкого^[915].

Сведения и слухи о тайных советско-германских контактах умножились в

послемюнхенский период. Так, в последних числах ноября 1938 г. посольство США в Варшаве и их миссия в Бухаресте одновременно сообщили в Вашингтон о тайном немецком предложении Советскому Союзу, переданному по частному каналу, заключить пакт о ненападении, а в первом сообщении речь шла также о предложении договориться о разделе сфер влияния^[916]. В опубликованных по окончании войны мемуарах государственного секретаря США К. Хэлла подтверждается, что американцы обладали этой информацией с конца 1938 г.^[917] В начале следующего года французский посол в Берлине Р. Кулондр (переведенный туда из Москвы) спрашивал у А.Ф. Мерекалова, действительно ли имеют место признаки сближения СССР с Германией, как об этом пишет за последнее время печать^[918].

Во всем этом мало удивительного, учитывая постоянные советские заявления на самом высоком уровне о готовности к урегулированию отношений с Германией. После заключения пакта В.М. Молотов не скрыл того, что советское правительство «и раньше» считало желательным улучшить советско-германские политические отношения^[919]. Но Гитлер не спешил, впрочем, как и Сталин. До поры до времени ему было выгодно разыгрывать антисоветскую карту так, как он это сделал в Мюнхене.

Одно из проявлений тайны, окружавшей советско-германские отношения, немецкий историк И. Фляйшхауэр усматривает в том, что Сталин лично контролировал вопросы этих отношений. При этом она ссылается на «псевдомемуары Литвинова» — Notes for a Journal (Записки для дневника), в которых говорится, что с января 1939 г. М.М. Литвинова лишили прямого доступа к советскому представительству в Берлине, потребовав от полпреда докладывать непосредственно Сталину^[920].

Рассекреченная ныне «особая папка» подкрепила предположение немецкого историка. Опубликованные в Лондоне в 1955 г. «Записки для дневника» действительно принадлежат М.М. Литвинову. Из донесения председателя КГБ СССР И.А. Серова правительству мы узнаем, что сигнальный экземпляр книги был добыт резидентурой КГБ в английской столице еще до ее выхода в свет. Жена Литвинова, Айва Вальтеровна, будучи допрошена в КГБ, сообщила, что при отъезде из США Литвинов (где он был полпредом в 1941–1943 гг.) оставил свои записи, «наподобие дневника (напечатанные на пишущей машинке)», которые она передала на хранение американскому журналисту Дж. Фриману. Не исключено, говорилось в донесении, что эти записи использованы в книге, содержание которой характеризовалось КГБ как «антисоветское»^[921].

Изучение опубликованной переписки М.М. Литвинова с полпредством СССР в Берлине за январь-март 1939 г., ограничивающейся четырьмя сравнительно малозначительными документами^[922], скорее подтверждает, нежели опровергает вышесказанное о личном участии Сталина в советско-германских контактах, начиная с осени 1938 г.

Международную ситуацию, созданную Мюнхеном, сталинское руководство постаралось обратить в свою пользу.

Конечно, с одной стороны, оно не смогло скрыть своей досады тем, что Германия снова уклонилась, по выражению журнала «Большевик», «от испытания огнем и мечом». Уступчивость Запада снова позволила Гитлеру выйти из кризисных ситуаций без потерь и даже укрепиться в намерении продолжить политику шантажа и угроз. Последний раз это случилось, по словам журнала, на конференции в Мюнхене, где «ни Чемберлен, ни Даладье не захотели, чтобы фашизм подвергся разгрому; поэтому они и предпочли произвести нажим

на Чехословакию, чтобы принудить ее к капитуляции»^[923]. Так капиталистические противники СССР вновь ушли от того, чтобы напрямую скрестить шпаги.

Но с другой стороны, неучастие Советского Союза в мюнхенской сделке за счет Чехословакии дало ему преимущество, и не только моральное. Эпицентр политико-дипломатических событий в послемюнхенский период чем дальше, тем больше смещался на Восток, превратив вскоре советскую столицу в дипломатическую Мекку предвоенной Европы.

Тенденция такого развития самоочевидна. Ограничив себя в известной мере договоренностями на Западе: мюнхенским соглашением между Германией, Великобританией, Францией и Италией 29 сентября 1938 г. (об отторжении Судетской области от Чехословакии и присоединении ее к Германии), англо-германской декларацией 30 сентября 1938 г. (с обязательством сторон «никогда больше не воевать друг с другом») и франко-германской декларацией 6 декабря 1938 г. (за «мирные и добрососедские отношения»)^[924], великие державы капиталистической части Европы, тем не менее, не сняли причин сохранявшейся напряженности между ними. Дело в том, пишет Л.И. Гинцберг, один из отечественных специалистов по проблеме немецкого фашизма, что «конечные цели германской политики не могли быть достигнуты в рамках договоренностей с Западом»^[925]. Поэтому как демократические Англия и Франция, так и нацистская Германия в поисках новых возможностей для укрепления своих позиций неизбежно должны были, рано или поздно, обратить свои взоры в сторону СССР — последней неангажированной крупнейшей европейской державы, способной склонить баланс сил в ту или иную сторону.

Прогнозируя развитие событий после Мюнхена, М.М. Литвинов писал советскому полпреду во Франции, что не ожидает разрыва с Англией и Францией, которым это невыгодно, «ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином». Западные страны обратятся к СССР за помощью, если не смогут договориться с немцами или если последние выдвинут неприемлемые для них требования^[926]. В эти же дни советский полпред в Лондоне И.М. Майский говорил китайскому послу, что советское правительство изучает создающуюся ситуацию «и пока не торопится с выводами», которые оно сделает «в свое время»^[927].

Почему в Москве не спешили с окончательным подведением итогов Мюнхена, объяснял позже М.М. Литвинов в письме советскому полпреду в Германии: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»^[928]. Если антифашист Литвинов опускался до уровня торгаша, то можно себе представить, насколько циничными были рассуждения кремлевских руководителей, признававших только «классовую мораль». Время играло на руку Сталину, получившему долгожданный шанс выбрать момент, чтобы с шумом ворваться в европейскую политику. А через нее и в политику мировую.

Время перемен в советско-германских отношениях, которое предвидели немало аналитиков (что может стать предметом отдельного рассмотрения), приближалось.

Спустя месяц после Мюнхена советник посольства СССР в Германии Г.А. Астахов выслушивал предположения корреспондента американской газеты New York Standard о том, что Гитлер, желая запугать Англию и Францию, изменит антисоветский курс, пойдя на сближение с СССР. Подобный маневр, говорил корреспондент, произвел бы исключительно сильное впечатление на Лондон и Париж. Любопытна реакция Астахова: «Отвечаю ссылкой на отсутствие у меня сведений о намерениях Гитлера... [Мы] никогда не уклонялись и от

возможности нормализации отношений с Германией, если последняя проявит к этому готовность»^[929]. Астахов давно пришел к заключению, что долговременная цель советской внешней политики заключалась в достижении политического урегулирования с Германией^[930].

В начале января 1939 г. полпредство СССР в Германии посетил статс-секретарь турецкого МИДа Н. Менемеджиоглу. Темой его беседы с полпредом А.Ф. Мерекаловым и советником полпредства Г.А. Астаховым были условия, при которых могла возникнуть общеевропейская война. Менемеджиоглу (одна из ведущих фигур турецкой дипломатии и будущий министр иностранных дел Турции) говорил, что «война немыслима, если СССР останется в стороне». Ибо, по его мнению, европейские страны не решатся воевать друг с другом, чтобы этим не воспользовался СССР. Отверг Менемеджиоглу и возможность создания широкой капиталистической военной коалиции против Советского Союза^[931]. Чтобы масштабная война в Европе состоялась, конечно, нужно было прежде выяснить, какова будет в этом случае советская позиция. Но не раньше.

Напрашивающийся вывод: Мюнхен, усилив позиции Германии за счет государств демократического Запада, одновременно дал Гитлеру шанс попытаться дальше продвинуть свои экспансионистские планы в Европе через договоренности с Советским Союзом. В таком начинании его могли лишь ободрить постоянные советские заявления о том, что СССР стоял и стоит за улучшение отношений с Германией, при публичной демонстрации Советским Союзом своего растущего недовольства Западом и явными признаками его отказа от политики Народного фронта и коллективной безопасности. Создались предпосылки для сближения с обеих сторон — как с советской, так и германской.

Однако как могло произойти советско-германское сближение, на какой конкретной, прагматической основе?

Между обеими странами сохранялся, помимо дипломатического, еще один канал связи, хотя он существенно сузился на общем неблагоприятном фоне двусторонних отношений. Этим каналом были торгово-экономические отношения, имевшие богатые традиции, но ко времени Мюнхена переживавшие период резкого спада. Германия, еще недавно занимавшая первое место в торговле с СССР, откуда она получала критически важное для наращивания вооружений стратегическое сырье, сместилась на шестое место. В 1938 г., по данным торгпредства СССР в Германии, советский экспорт в эту страну упал с 10,5 млн марок в 1936 г. до 2 млн, а импорт — с 17,9 млн (1935 г.) до 2 млн марок^[932]. Соответствующие германские ведомства «настойчиво требовали» активизации торговли с СССР^[933]. В германском посольстве в Москве перемен в двусторонних отношениях ожидали прежде всего в торгово-экономической области^[934].

Ждать пришлось недолго. 6 декабря Политбюро ЦК ВКП (б) постановило «разрешить» Народному комиссариату внешней торговли (НКВТ) продлить на 1939 г. соглашение о торгово-платежном обороте между СССР и Германией от 1 марта 1937 г.^[935] Соглашение было продлено 19 декабря, а 22 декабря последовало немецкое предложение возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о предоставлении 200-миллионного кредита (в рейхсмарках) для оплаты германского экспорта в СССР в последующие два года в обмен на поставки советского сырья по составленному немцами списку. Предоставление кредита было обусловлено ежегодным увеличением советских сырьевых поставок на 150 млн марок^[936].

Согласие на переговоры, переданное через полпреда СССР в Германии А.Ф. Мерекалова 10 января 1939 г. заведующему экономико-политическим отделом МИДа Германии Э. Виллю, сопровождалось предложением возобновить их безотлагательно. При этом полпред настаивал на перенесении переговоров в Москву, заявив, что советское правительство придает этому символическое значение — как проявление подлинного стремления сторон восстановить взаимные экономические связи. По немецкой версии беседы, Мерекалов пошел дальше, заявив, что его личное участие как полпреда в этом деле следует рассматривать «как выражение желания Советского Союза открыть новую эру в германо-советских отношениях»^[937].

Отечественные документальные издания (как советского, так и постсоветского времени) никак не подтверждают эту немецкую версию. Из них мы узнаем, что визит советского полпреда в МИД Германии касался только вопроса о возобновлении переговоров о кредите^[938]. Однако не исключено, что опубликована не вся советская документация в данной связи. Неясно, например, почему миссия сообщить о советском согласии на немецкое предложение возобновить торгово-экономических переговоры, сделанное через торговое представительство СССР в Берлине, была возложена на полпредство. Естественно предположить, что А.Ф. Мерекалов так или иначе объяснял, почему он, а не торгпред, пришел с ответом. Как естественно и то, что если потребовалось решение Политбюро на рутинное продление соглашения о торгово-платежном обороте с Германией, то оно несомненно принимало решение и по намного более важному вопросу о немецких кредитах. Но о таком решении Политбюро ничего не известно. Нет и опубликованных инструкций полпреду, которыми он должен был руководствоваться. Никаких документов, по которым можно судить о мотивах советского согласия на переговоры, в этих изданиях мы не находим.

Между тем именно принципиальная, политическая сторона дела больше всего занимала умы И.В. Сталина, а также В.М. Молотова и А.А. Жданова, наиболее в то время приближенных к вождю членов Политбюро. Попытки французских дипломатов в Москве и Берлине выведать у советских представителей, не перерастут ли контакты, начавшиеся как экономические, в контакты политические, ни к чему не привели. Заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин, принимая временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра, заявил, что он считает такую перспективу «менее всего вероятной», но добавил дежурную фразу: «Тем не менее, мы никогда не отказывались от возможности нормализовать наши отношения с любым государством»^[939].

Кредитное соглашение между СССР и Германией от 19 августа 1939 г. было подписано всего лишь за несколько дней до заключения советско-германского пакта о ненападении. Это хорошо показывает, что сами по себе соображения торгово-экономического порядка не играли особой роли в сближении сторон в политическом плане. Кредитное соглашение не стало необходимым подготовительным этапом движения к пакту, как это пыталась изобразить официальная пропаганда в сообщении правительственных «Известий» накануне приезда в Москву для подписания пакта нацистского министра иностранных дел И. Риббентропа. Это соглашение имело существенное, но отнюдь не определяющее значение для заключения пакта. Между двумя соглашениями, экономическим и политическим, не было жесткой взаимообусловленности. И шли торгово-экономические переговоры ни шатко ни валко, раз они не имели официально приписываемого им значения. Зато они служили удобным прикрытием для политических переговоров, которые советская сторона (как и немецкая) в целях маскировки долго называла «разговорами» и «беседами». Вывод о

второстепенном значении экономического фактора в советско-германском сближении подчеркивает важность раскрытия иных, более весомых мотивов заключения пакта. Мотивов, не спонтанно возникших, а основательных, продуманных.

Через день после получения в Берлине согласия Советского Союза на возобновление переговоров о торговле и кредитах в немецкой столице произошла настоящая сенсация. 12 января на дипломатическом приеме неожиданно для присутствующих Гитлер, до этого демонстративно избегавший советского полпреда, теперь столь же демонстративно завел с А.Ф. Мерекаловым разговор, длившийся по подсчетам английского поверенного в делах в Германии семь минут^[940]. По оценке корреспондента агентства United Press, это была «самая продолжительная и самая сердечная беседа Гитлера» с советским полпредом. Она послужила основанием для распространения в немецкой столице слухов о переговорах на предмет заключения советско-германского пакта и о намерении Москвы изменить свой курс в отношении «авторитарных государств»^[941].

Но вот что мы читаем о беседе в опубликованной записи из дневника А.Ф. Мерекалова. Гитлер «поздоровался, спросил о жите в Берлине, о семье, о моей поездке в Москву, подчеркнув, что ему известно о моем визите к Шуленбургу в Москве, пожелал успеха и распрощался». Не странно ли, что в обоих на сегодняшний день известных советских документах о беседе, скупых в изложении и повторяющих друг друга^[942], столь неординарное событие для мира дипломатии, в котором так много значат публичные знаки внимания, выглядит как достаточно обыденное?

Демонстративно выказанный нацистским лидером знак особого внимания к советскому полпреду не мог не вызвать самые различные предположения. Гитлер, писал «Большевик», «поразил всех», не раскрывая однако содержания разговора^[943]. Всех занимал вопрос, что сказал или что мог сказать советскому полпреду нацист номер один. По полученным по каналам американской прессы сведениям, Гитлер «как говорят, просил советского посла сообщить Сталину, что Германия в настоящее время не имеет никаких замыслов в отношении Украины, и предложил обменяться мнениями, на что Сталин ранее уже дал согласие»^[944]. Эта информация, дополненная ссылкой на позицию Сталина, поступила в Вашингтон из посольства США в Москве, а ее источником была американская пресс-служба в Лондоне. Как видим, происходившее в Берлине было подхвачено мировой прессой, обрастая все новыми слухами. Рассмотрим, были ли для подобных слухов, в частности относительно Украины, какие-либо основания.

Оказывается, были. Вопрос о германских притязаниях на Украину, возникший после расчленения Чехословакии и образования «Независимой Карпатской Украинской республики» с собственным правительством, все еще шумно обсуждался западной прессой, что, видимо, перестало отвечать планам Гитлера. «Украинская проблема» была одним из пунктов повестки дня встречи Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Бекем в Берхтесгадене, проходившей 5 января. Буквально на следующий день полпредству СССР в Германии стало известно о заявлении Гитлера о том, что «на ближайший период эта проблема вообще неактуальна и приступать к коренному разрешению ее Германия не собирается»^[945]. По информации, поступившей из Италии, слухи о планах Гитлера в отношении Украины приписывались проискам французов^[946]. В эти же дни польский посол в Париже, передавший своему американскому коллеге У. Буллиту подробности польско-германских переговоров, сообщил, что Гитлер убедил Бека в том, что у него нет намерения

воевать с Советским Союзом в наступившем году^[947].

Дипломатический прием у Гитлера был новогодним и начался в полночь 12 января. К этому позднему часу он уже получил сведения из Рима, где в полдень того же дня находившийся там с официальным визитом английский премьер-министр Н. Чемберлен допытывался у итальянского диктатора Б. Муссолини, насколько оправданны опасения, что Гитлер собирается пустить в ход свои войска. Причем Чемберлен начал с Украины как ближайшей цели немецкой агрессии^[948]. О результатах переговоров в Риме стало известно в Москве, где они интерпретировались как поощрение со стороны Англии германской экспансии против СССР.

В свете всего этого не будет преувеличением предположить, что Гитлер, пожелавший продемонстрировать перед всеми изменение своего отношения к Советскому Союзу, вполне мог затронуть в разговоре с его официальным представителем потенциально конфликтный на тот момент украинский вопрос в советско-германских отношениях, следовательно, и перспективы урегулирования этих отношений. Снятие украинской темы, вызывавшей известную озабоченность у сталинского руководства, было весьма кстати.

Отметим также, что война в Испании, в которой Германия и СССР находились по разные стороны баррикад, шла к концу, потеряв былую остроту. Как и то, что обе страны только что вступили на путь оживления торгово-экономических отношений. Шла, судя по всему, практическая реализация принятого Гитлером решения «быть заодно со Сталиным».

Если Гитлер поставил целью внести раскол в ряды стран, которых обвинял в проведении «политики окружения» Германии, то он добился своего. В конце января французский поверенный в делах в Москве Ж. Пайяр в беседе с В.П. Потемкиным попытался заострить «украинскую проблему», но тут же натолкнулся на возражение. Потемкин напомнил французскому дипломату, что «сам Гитлер признал проблему менее актуальной, чем вопрос о колониях и другие, касающиеся Западной Европы»^[949]. Суждение о том, что у нацистского агрессора вполне хватает забот на Западе, отражало устойчивое мнение советского руководства.

Вот что сообщал в Лондон советник английского посольства в Москве Г. Верекер по поводу появившейся в конце декабря 1938 г. в рассчитанном на иностранцев *Journal de Moscou* (его материалы в дипломатических кругах Москвы считали выражением официальной позиции НКВД СССР) публикации, посвященной украинскому вопросу. Английский дипломат охотно соглашался с высказанным в ней мнением, что спекуляции в немецкой прессе не столько отражают серьезность намерений Германии в отношении советской Украины, сколько преследуют цель отвлечь внимание западных держав от действительных объектов германской и итальянской агрессии, обращенной против этих держав^[950]. Вскоре он же доносил в английский МИД, что на самом деле Германия вряд ли способна сейчас предпринять против СССР какие-либо действия^[951].

Новую пищу для европейской прессы дали слушания на совместном заседании комитетов по иностранным делам сената и палаты представителей Конгресса США, состоявшиеся 10 января 1939 г. Выступившие на слушаниях американские послы во Франции и Великобритании У. Буллит и Дж. Кеннеди говорили о вероятности всеобщей войны в Европе еще до наступления лета. Как следствие или итальянских колониальных требований к Франции, или германских притязаний на Украину. На следующий день в Москве американский корреспондент, действуя по инструкциям посольства США, запросил

официальную советскую реакцию. Представитель отдела печати НКВД СССР повторил уже известную советскую позицию: украинского вопроса в действительности не существует, а его вынос на публику выдает «надежды Англии и Франции на то, что германская агрессия будет направлена на восток»^[952].

На примере так называемого «украинского вопроса» видно, как советская внешнеполитическая пропаганда следовала установкам сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)». Отталкиваясь от подтвержденной в нем концепции «враждебного капиталистического окружения», советская печать использовала каждую возможность, чтобы обвинить западные страны в тайном или явном потворстве фашистским агрессорам. Именно украинский вопрос, хотя и потерявший актуальность, использовал Сталин в пропагандистской кампании против Запада, говоря на партийном съезде в марте 1939 г. о попытках «поднять ярость Советского Союза против Германии» и спровоцировать конфликт между ними, для которого он не видел «оснований». Какая цель больше преследовалась сталинским руководством, когда оно характеризовало спекуляции в прессе по поводу Украины как прикрытие для подготовки германской агрессии против западных стран: предупредить эти страны о грядущей опасности или дать знать нацистской Германии о желательном для Советского Союза направлении ее агрессии? Ход событий показал — преследовалась вторая цель.

Еще один из весьма интересных «фактов, которые явно свидетельствовали, к чему шло дело». Имеется в виду появление в «Правде» 31 января 1939 г. перепечатки, без комментариев, статьи (в изложении), опубликованной за несколько дней до этого в лондонской газете News Chronicle за подписью члена парламента и ее дипломатического обозревателя В. Бартлетта.

Публикация под названием «Ньюс кроникл о советско-германском сближении» была посвящена «опасности» сближения СССР и Германии в свете начавшихся между ними торгово-экономических переговоров. Вот места из статьи, показавшиеся центральному партийному органу наиболее важными: «Гитлер, несмотря на свои словесные нападки на большевизм, не хочет потерять такого замечательного случая, чтобы устранить возможность одновременного военного нажима с запада и востока». Но что за «замечательный случай», представившийся Гитлеру? Это не только начавшиеся торговые переговоры как таковые: «В советских кругах, — продолжает Бартлетт, — указывают, что их политика всегда была политикой дружбы по отношению к любому правительству, у кого они встречали взаимность».

И — самое примечательное: «Сейчас советское правительство, по-видимому, совершенно не намерено оказать какую-либо помощь Великобритании и Франции, если последние окажутся в конфликте с Германией и Италией. СССР намерен достигнуть соглашения со своими соседями на том условии, что они оставят его в покое. С точки зрения советского правительства нет большой разницы между позицией английского и французского правительств, с одной стороны, и германского и итальянского — с другой, чтобы оправдать серьезную жертву в защиту западных демократий». Чрезвычайно неблагоприятно предполагать, говорилось в заключении, что существующие разногласия между Москвой и Берлином обязательно останутся неизменным фактором международной политики.

В. Бартлетт был известен своими «весьма близкими» отношениями с советским полпредом в Лондоне И.М. Майским и обычно использовался последним для обнародования нужных ему материалов^[953]. Он стал одним из немногих иностранных корреспондентов,

получившим разрешение побывать на советско-германском фронте после 22 июня 1941 г. Перепечатку его статьи в строго контролируемом главном партийном органе никак нельзя считать случайной. Возможно, статья приурочивалась к ожидаемому (но отмененному в последний момент) приезду в Москву главы немецкой торговой делегации К. Шнурре; а это, отмечал «Большевик», «доверенный человек самого Гитлера», с которым ожидалось «важные переговоры»^[954].

Посольство США в Москве, комментируя в донесении в Госдепартамент факт публикации статьи В. Бартлетта, полагало, что «либо изложенные в ней мнения действительно отражают советскую политику, либо их напечатали в советской прессе, чтобы предупредить другие страны»^[955]. Внимание Вашингтона обращалось на то, что появление подобной публикации в прессе «является заметным отходом от прошлой практики, когда слухи о возможном сближении с Германией публично игнорировались, а в частных беседах отрицались»^[956].

Читателя «Правды», вооруженного сталинским «Кратким курсом истории ВКП (б)», вряд ли удивило положение о том, что не в интересах Советского Союза оказаться вовлеченным в войны между капиталистическими странами. За несколько дней до появления статьи Бартлетта та же «Правда» в передовой статье, посвященной созыву XVIII съезда ВКП (б), превозносила партию большевиков за то, что она обеспечила мирный труд народам СССР. Это, писала газета, результат «мудрой политики» партийного руководства, которое «в условиях начавшейся второй мировой войны смело и решительно ведет великий русский корабль через все рифы и подводные камни, ведет к коммунизму». Газета ссылалась на Ленина и Сталина, предупреждавших о постоянной угрозе нападения на страну, находящуюся во «враждебном капиталистическом окружении»^[957].

Появление в центральном партийном органе статьи о том, что в возможном вооруженном конфликте на континенте у Советского Союза нет никакого резона помогать западным демократическим странам, выглядит как позитивный советский отклик на серию январских умиротворяющих жестов Гитлера в сторону Сталина: заявление Ю. Беку об отсутствии у него каких-либо поползновений в отношении советской Украины, возобновление по немецкой инициативе торгово-экономических переговоров, явно рассчитанная на максимально внешний эффект любезная беседа на дипломатическом приеме с А.Ф. Мерекаловым (единственный иностранный дипломат, удостоившийся внимания Гитлера), наконец, отказ от публичной критики СССР, последним примером которого стало выступление Гитлера в рейхстаге 30 января (оно транслировалось по радио). «Правда» констатировала, что за два с половиной часа речи Гитлер «не обмолвился ни словом» о Советском Союзе, в то же время предъявив колониальные претензии к Англии и Франции и допустив «очень резкие выпады» против США^[958].

Анализ публикаций в «Правде» с начала 1939 г. показывает, что пик антифашистской пропаганды в советской прессе остался позади, как и активная агитация за коллективную безопасность. Газета избегала прямых нападок на Гитлера и других нацистских лидеров, но продолжала выступать с недвусмысленным осуждением «фашистской агрессии», независимо от ее направленности. В статьях на общие аналитические темы, подписанных лицами, не занимавшими официальных должностей, неприятие агрессии Германии, Италии и Японии непосредственно увязывалось с задачей обеспечения безопасности Советского Союза. Новогодняя передовая газеты призывала быть готовым «в любую минуту» отразить

нападение безымянного врага, с добавлением, что капитализм «исторически обречен». Более конкретен был член Исполкома Коминтерна Б.Н. Пономарев в статье «Война и рабочий класс капиталистических стран», назвавший войну против фашистских захватчиков «справедливой». Философ М.Б. Митин в статье, посвященной ленинско-сталинскому учению о построении социализма в отдельно взятой стране, писал о «грядущей войне между СССР и фашистскими захватчиками», в которой Советский Союз «сделает все возможное, чтобы помочь рабочему классу других стран сбросить иго капитализма, разделаться со своей национальной буржуазией». Историк Е.В. Тарле, рецензируя очередной том «Архива Маркса и Энгельса», считал злободневными высказывания К. Маркса «об истинно разбойничьем немецком захвате» Прибалтики в XIII веке, о «немецких насильниках и грабителях», о восхищении Марксом Ледовым побоищем 1242 г. А международный обозреватель газеты, комментируя римские переговоры Н. Чемберлена с Б. Муссолини, приходил к выводу, что «есть только один путь обуздания агрессоров — путь коллективной защиты мира»^[959].

Последовательной и целеустремленной такую антифашистскую пропаганду не назовешь. Она ослаблялась как тем, что велась с определенными ограничениями (не распространяясь на нацистскую верхушку и не являясь темой специальных публикаций), так и тем, что шла в русле общей антикапиталистической пропаганды. К тому же советская печать все чаще связывала развитие фашистской агрессии с дальнейшим обострением противоречий между Германией, Италией и Японией, с одной стороны, и «так называемыми» демократическими странами Запада — Англией, Францией, США, с другой. Обвиняя последних в продолжении мюнхенского курса, газета «Правда» (на которую равнялись прочие печатные издания) избегала четко обозначить, кто враг, а кто нет. Крепла тенденция, зримо представленная в «Кратком курсе истории ВКП (б)», возлагать ответственность за напряженность в Европе на обе противоборствующие капиталистические группы. Одновременно в общественное сознание внедрялась мысль о том, что в обозримом будущем агрессия в Европе и на Дальнем Востоке непосредственно не угрожает стране.

Подобные публикации говорят о том, что «Правда», которая нередко помещала сообщения на международные темы на первой полосе, и советская печать в целом держали вопросы международной жизни в фокусе своего внимания. Но резко выделяющейся особенностью такого внимания было более чем скудное освещение внешнеполитической позиции самого Советского Союза. Чаще всего, если не исключительно, эта позиция преподносилась читателям в виде цитат из произведений Ленина и Сталина, особенно из «Краткого курса истории ВКП (б)», без собственных комментариев. Предпочтение отдавалось публикациям с откликами иностранной печати. Весьма редкими были и официальные заявления типа сообщений ТАСС, которые, кстати, исходили от самого Сталина.

Из материалов периодической партийной печати о позиции СССР в послемюнхенский период выделяется упоминавшаяся несколько раз пространная статья заместителя народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкина (псевдоним В. Гальянов)^[960]. Написанная, как также отмечалось, по поручению самого Сталина, она появилась в февральском (за 1939 г.) номере «Большевика» под названием «Международная обстановка второй империалистической войны».

Внимание к этой статье оправдано и тем, что в апреле она вышла вновь, на этот раз в серии «В помощь пропагандисту», открывая брошюру с «материалами» к изучению доклада Сталина на XVIII съезде ВКП (б)^[961]. Программно-инструктивный характер статьи виден из

того факта, что она появилась в ведущем печатном органе партии за считанные дни до съезда, а после него была переиздана без каких-либо изменений. Повторно она не могла появиться без санкции свыше: за месяц до партийного съезда Политбюро приняло специальное решение «воспретить» выпуск каких-либо изданий к съезду партии «без разрешения Секретариата ЦК ВКП (б)»^[962]. Внешнеполитические материалы для публикации не только готовились по указанию свыше, но и редактировались самыми высокопоставленными лицами.

Статью можно поставить в ряд документов и «фактов, которые явно свидетельствовали, к чему шло дело» в отношениях СССР с Германией (следовательно, и в отношениях с западными странами). В содержательном плане она примечательна тем, что отвечала критериям и «Краткого курса истории ВКП (б)», и доклада Сталина на партийном съезде, хотя появилась в промежутке между ними. «Близость взглядов» по вопросам международного положения в этих двух партийных документах не прошла незамеченной иностранными дипломатами в Москве^[963] (в условиях информационного вакуума в советской столице они тщательно анализировали и сопоставляли все доступные печатные материалы). Вот почему статья В.П. Потемкина, основанная на положениях «Краткого курса истории ВКП (б)», не подверглась изменениям после съезда.

Отсюда следует важный вывод: XVIII партийный съезд лишь подтвердил международную стратегию сталинского руководства, заявленную в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Поэтому нет особых оснований для распространенного в историографии мнения о том, что именно выступлением Сталина на мартовском съезде нужно датировать перелом в предвоенной советской внешней политике. Значение его выступления в том, что съезд — как высший партийный орган — освятил своим одобрением принятую до этого внешнеполитическую линию, раскрыв ее антизападное существо недвусмысленным приглашением нацистской Германии к отказу от взаимной конфронтации в обмен на советский нейтралитет в ее войне против Запада.

Разбирая статью В.П. Потемкина под углом целей и задач сталинского руководства в послевоенный период, мы еще раз убедимся, что если судить по партийным документам (а не только дипломатическим), грядущее сближение с Германией было делом, во многом предпринятым еще до 23 августа 1939 г.

В своей статье В.П. Потемкин отталкивался от основного установочного положения сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» — констатации, что «вторая империалистическая война на деле уже началась». При самом внимательном чтении статьи в ней невозможно обнаружить даже чисто словесных заявлений о необходимости остановить войну, предотвратить ее разрастание. (Оставляя в стороне вопрос об искренности советской политики мира в принципе, которая, отдавая дань классовым постулатам, считала империалистические войны неизбежными до тех пор, пока капитализм существует как мировая система.) Наоборот, в статье приветствовалось такое развитие событий, ибо, говорилось в ней, «человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». И точка в ней ставилась на высокой антикапиталистической ноте: находясь «между двумя жерновами» — Советским Союзом, «грозно поднявшимся во весь исполинский рост», с одной стороны, и «несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь», с другой — «в прах и пыль обращены будут последние остатки капиталистической системы». Последние остатки!

Пропаганда коллективной безопасности уступила место марксистскому просвещению

людей «с обывательским кругозором», надеявшихся на то, что «все устроится, все обойдется». Такого рода рассуждениям противопоставлялась позиция «сознательной части человечества», заявленная в словах: «для учеников Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина вторая империалистическая война представляет собой важнейшее явление жизни людей». Важнейшее в таком контексте — некая данность, объективная неизбежность, неустранимость. И — по логическому ряду — оправданность (исходя из классового подхода).

В центре событий, продолжал В.П. Потемкин, «грозящая миру Германия», заключившая союз с империалистической Японией и фашистской Италией. Борьбой против Коминтерна они прикрывают свои хищнические замыслы против «главных своих соперников — Англии и Франции», в то же время готовясь к войне против «ненавистной фашизму рабоче-крестьянской страны и предъявляя ей территориальные требования». Акцент на направленности фашистской агрессии против Запада был повторением сталинского положения из «Краткого курса истории ВКП (б)» о том, что идущая война «собственно и направлена» против западных стран.

Статья показывает, что в послевоенной Европе советские руководители взирали на будущее с большими надеждами, уповая на успех своих антикапиталистических замыслов. В ней отвергались пессимистические взгляды на перемены в мире, приводя в пример неоправдавшиеся прогнозы времен Первой мировой войны насчет «гибели цивилизации». Правда, расплата для кайзеровской Германии была «поистине жестокой». Но — были и другие, «более значительные последствия Первой мировой войны. Вихрь революции пронесся по старой Европе... Что важнее всего, он расчистил путь Великой Октябрьской революции, руководимой Лениным и Сталиным».

Хотя в статье упоминались (и не более того) такие редкие для советской пропаганды того времени определения, как «ценности общечеловеческой культуры», «элементарное чувство человечности», «демократия», статья строго следовала установившейся политико-пропагандистской методике четкого разграничения между Советским Союзом, с одной стороны, и «враждебным капиталистическим окружением», с другой. Так что эти общечеловеческие понятия не носили никакой смысловой нагрузки. В том и заключался глубинный замысел статьи, чтобы доказать, что война вне советских границ не может не носить империалистического характера, поскольку идет между в равной мере чуждыми и враждебными социализму силами.

Нетрудно понять и то, почему автор клеймил «фашистских поджигателей войны», которые в конечном итоге «будут сметены с лица земли». Если не клеймить нацистскую Германию и как можно резче (а советские слова всегда намного опережали дела, что давно подмечено аналитиками международных отношений), если не угрожать ей быстрым и сокрушительным разгромом в случае войны, то как можно рассчитывать на то, что Германия в конце концов пойдет на договоренности с СССР?! Ведь договоренностей ищут не со слабыми, а сильными противниками. Тем более, что одновременно резкой критикой западных стран Гитлеру давалось понять, что Советский Союз не так уж дорожит отношениями с Западом. Мяч, выражаясь расхожим спортивным термином, то и дело перебрасывался на немецкую половину политико-дипломатического поля с приглашением проявить большую инициативу. Но Гитлер хотел вести игру по своим правилам.

Советская кампания против Запада, как и постоянная пропаганда неизбежности и даже желательности (с точки зрения конечных выгод для дела социализма) империалистической войны, была на руку нацистам. Она давала Гитлеру действенный аргумент в торге с Англией и Францией для запугивания последних перспективой решающего усиления СССР в случае губительной для капитализма междоусобной войны на Западе. По сведениям, которыми располагали в Москве и которыми поделился со своими читателями журнал «Большевик», прибеги к этому аргументу Гитлер и в Мюнхене, убеждая Чемберлена и Даладье уступить в вопросе о чешских Судетах, чтобы сорвать советский замысел «разжечь мировую войну, последствием которой должна явиться большевистская революция».

Не воспользовался ли Гитлер в своих целях советской ставкой на «империалистическую» войну на Западе и тогда, когда ответил согласием на сталинское приглашение к переговорам? Во всяком случае, Сталин давал знать Гитлеру, что скорее пойдет на соглашение с ним, чем со странами Запада, раз это будет отвечать его, Сталина, планам оставаться вне «империалистической» войны (и, как представлялось ему, в подходящий момент с выгодой для себя вступить в нее)^[964].

Достойна внимания та часть статьи, которая как бы иллюстрирует сталинские слова (из речи 10 марта на партийном съезде) об отсутствии у СССР и Германии для вооруженного конфликта «видимых на то оснований». Касаясь причин поражения Германии в Первой мировой войне, В.П. Потемкин усматривал их в слабости ее союзников и превосходстве противников. В этой связи он писал, что Вильгельм II не хотел войны с Россией и в 1915 г. пытался 18 раз склонить русское правительство к миру. Следовало такое заключение: «Еще со времени Наполеоновских войн в Германии укоренилось убеждение в непобедимости России», возведенное в теорию Шлиффеном. Автор задавался риторическим вопросом, не отдавал ли дань этой теории сам Гитлер заявлением (1935 г.) о том, что СССР обладает самой сильной в мире армией, самыми мощными танками и авиацией.

Во второй части статьи Потемкина много беспощадной критики политики Запада. Такая вот «сбалансированная» критическая статья: и против агрессоров, и против их западных противников. (В развитие и в поддержку положений сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)».) Странам Запада — Англии и Франции достается за то, что, отступая перед фашистским агрессором, как это случилось последний раз в Мюнхене, они позволяют фашизму «избегнуть испытания войной и достигнуть своих разбойничьих целей». Откровенный рефрен второй части статьи — пора, давно пора Западу воспользоваться силой, обратив свое оружие против Германии с ее союзниками. Но во Франции «господствует финансовая олигархия», приказчиком которой являются Даладье и Бонне; отсюда их «угодничество» перед гитлеровской Германией. Еще больше достается Англии за ее «предательство» по отношению к Франции. В стиле сталинского «исторического возмездия» из «Краткого курса истории ВКП (б)» В.П. Потемкин писал: «Но рано или поздно получит по заслугам и Англия. Исконная страна ростовщиков — ныне банкиров, пиратов — ныне арматоров, рабовладельцев — ныне белых варваров, бесчеловечно угнетающих цветное население своих колоний, — Великобритания несет великую долю ответственности за Вторую мировую войну». Задабривая Гитлера «кусками чужого мяса, Англия хочет отвлечь его внимание с Запада на Восток», в чем заинтересовано и французское правительство. Так Англия оказывается «в одном лагере с участниками антисоветского блока».

Однако, напоминает автор читателям азы марксизма, в лагере буржуазии нет и не может быть единства: «Все точат нож друг против друга». Вот его комментарий к заключенному советско-итальянскому торговому соглашению от 7 февраля: «Очевидно, что Италия пока еще не расположена ссориться с СССР... предпочитает, без лишних споров, прибавляться тем, что он согласен уделить ей от своих избытков». Отказ Германии во время «столкновения у озера Хасан» поддержать Японию, по мнению В.П. Потемкина, показал, что японо-германское единство «оказалось мнимым». Два советско-польских соглашения: совместное «дружественное» коммюнике от 27 ноября 1938 г. (несколько снявшее напряженность во взаимоотношениях) и торговое от 7 февраля 1939 г. оценивались как проявление «движения Польши в сторону Советского Союза». Лишние подтверждения остроты противоречий внутри лагеря капитализма, результатом которых явилась «вторая империалистическая

война».

Тем не менее Германия с Италией «намеревались повторить мюнхенскую игру», вновь прибегнув к угрозам и шантажу. Поэтому стоит напомнить Западу плачевные для них итоги Мюнхена, в подведении которых Потемкин прибег к противопоставлению советско-французских и советско-германских отношений. «Франция сделала все, чтобы ослабить значение франко-советского договора от 2 мая 1935 года... А вот Рапалльское соглашение между СССР и Германией еще существует». Дважды упоминалось «любезное внимание» Гитлера к советскому полпреду в Берлине 12 января, ожидавшийся приезд в Москву Ю. Шнурре. Говорилось и о немецкой нужде в советском сырье и продовольствии. И всему этому Потемкин нашел вполне правдоподобное объяснение: «Так подбирает Германия свои восточные карты для предстоящей на Западе игры. Но на случай затруднений с Францией и Англией Гитлеру нужно иметь на Востоке спокойный тыл». Заключив пакт с СССР, Германия, скажет позже В.М. Молотов, обеспечила себе «спокойную уверенность на Востоке»^[965].

Статья завершалась утверждением, что СССР «не может страшить никакая изоляция». Помимо 424 международных соглашений, писал он, на его стороне то, что «он — сильнейшая в мире военная держава», а потому без него «неразрешим ни один общий внешнеполитический вопрос, немислимо ни одно серьезное начинание в области международной жизни».

Публикация статьи В.П. Потемкина в центральном партийном органе хорошо показывает, какое большое значение придавало сталинское руководство антизападной пропаганде. Публичные обвинения стран Запада в потворстве немецкой агрессии, порой оправданные, стали желанным аргументом для направленного против них политико-дипломатического маневра. Но шанс на сделку с Гитлером Сталин получил только тогда, когда немецкая агрессия повернула на восток, против «панской» Польши.

Незавидная судьба Австрии и Чехословакии показала, что самостоятельность малых стран Центральной и Восточной Европы, включая наиболее крупную из них — Польшу, могла быть сохранена лишь до тех пор, пока не нарушено равновесие в соперничестве великих держав. Всякая сделка между последними, в Мюнхене ли относительно Чехословакии или в Москве касательно восточноевропейских стран, несла верную гибель малым странам, вела к потере ими независимости. В условиях наступления сил тоталитаризма малые европейские страны стали разменной монетой в великодержавном соперничестве.

Если Сталин задумал найти путь к взаимопониманию с Гитлером, то его взоры неизбежно должны были обратиться на Польшу. Страну, чье стесненное географическое положение между Германией и Россией бывший польский президент А. Квасьневский назвал «геополитическим проклятьем»^[966]. В конечном счете дело завершилось очередным, четвертым по счету в истории, ее разделом.

У каждого из соседей Польши был свой незакрытый счет к ней. У Германии — это были Данциг, так называемый коридор и немецкое меньшинство в польской Силезии. Не меньше претензий к ней имел Советский Союз. На протяжении всех межвоенных лет Польша рассматривалась им как антисоветский форпост Запада. Не исключали в Москве и возможность польско-германского военного альянса. В момент наибольшей напряженности в советско-германских отношениях, падающий на середину 1930-х годов, М.М. Литвинов опасался намерения Германии «поделить с Польшей Советскую Украину»^[967].

«Потенциальным союзником» Германии назвал Польшу советский полпред в Берлине Я. З. Суриц в сообщении для НКВД СССР в августе 1936 г.^[968] Свой личный счет к Польше имел и Сталин — как один из советских деятелей, несущих ответственность за неудачу похода на Европу через Варшаву в 1920 г. Его укоренившееся недоверие к полякам распространилось на польскую компартию, роспуск которой Коминтерном в августе 1938 г. был осуществлен по согласованию со Сталиным^[969].

В очередной раз советско-польские отношения обострились в период Мюнхена в связи с требованием Польши о передаче ей Тешинской области Чехословакии. «Правда» публиковала сообщения об этом под такими заголовками: Папская Польша бряцает оружием, Наглые требования польских фашистов, Захватнические планы Польши^[970]. Вскоре, когда Польша превратилась в ближайшую мишень для нацистов, советское руководство, судя по дипломатическим документам, не спешило определить свою позицию. Замнаркома иностранных дел В.П. Потемкин после продолжительной беседы с послом Польши в СССР В. Гжибовским 20 октября 1938 г. расценил визит посла как некий зондаж в предчувствии, «что в недалеком будущем Польше придется уже на самой себе ощутить давление дальнейшей германской экспансии». Потемкин поставил себе в заслугу то, что послу не удалось «спровоцировать» его на заявления, «которые можно было бы использовать как доказательства нашей непримиримой враждебности к Германии и нашего окончательного отказа от сотрудничества с Францией»^[971].

Не изменилась эта выжидательная позиция и после подписания 27 ноября совместного советско-польского коммюнике, подтвердившего, что основой двусторонних отношений остается пакт о ненападении, продленный до 1945 г.^[972] Попытка члена английского парламента Д. Ллойд Джорджа узнать мнение советского полпреда в Лондоне И.М. Майского, будет ли СССР спокойно смотреть на осуществление Гитлером его польского плана или как-то вмешается в ход событий, ни к чему не привела. Советский полпред «уклонился от каких-либо пророчеств», сославшись на наличие «целого ряда обстоятельств, которые заранее трудно учесть»^[973]. Замнаркома и полпред играли по правилам большой дипломатии, проводимой Советским Союзом, которая диктовала проведение в обозримом будущем внешне выжидательной стратегии (но уже с очерченными целями).

Тем временем немецкое давление на Польшу росло. Так, 10 декабря «Правда» сообщала о «новых требованиях гитлеровцев к Польше», спустя несколько дней — о «военных приготовлениях» Германии на польской границе^[974]. В итоге поездки польского министра иностранных дел Ю. Бека к Гитлеру в Берхтесгаден в начале января 1939 г. стало очевидным, что Польша не собирается отказываться от политики лавирования между СССР и Германией. С этого времени вокруг Польши завязывается большая интрига, вызывавшая в Москве опасения повторения Мюнхена, т. е. попытки снова договориться без участия СССР. Сталин получил еще один аргумент для того, чтобы опередить западные страны сделкой с Гитлером.

Польша нужна была сталинскому Советскому Союзу как плацдарм для экспансии вглубь Европы. Со времен Петра Великого установление российского контроля над Польшей достигалось посредством договоренностей с Пруссией. На основе неоднократных разделов Польши, пишет профессор Свободного университета Берлина К. Цернак, создавалась система «негативной польской политики», берущая начало с 1720 г. и опирающаяся на прусско-русское «силовое согласие». Эта негативная по отношению к независимости Польши политика «оставила глубокий след» в политическом менталитете обоих народов, немецкого

и русского^[975]. Ни Германия, ни советская Россия не примирились с границами восстановленной в 1918–1919 гг. Польши. Гарантии западных держав по Локарнским соглашениям 1925 г. из-за сопротивления Германии не распространялись на ее восточные границы, что оставляло за ней свободу рук против Польши. Это создавало предпосылки для своеобразной германо-советской взаимосвязи антипольской направленности. Историки не раз цитировали то место из мемуаров французского посла в СССР Р. Кулондра, в котором приводится комментарий на последствия Мюнхена В.П. Потемкина, выразившего мнение, что решение западных держав не оставляет Советскому Союзу иного выхода, как пойти на четвертый раздел Польши^[976].

Революционный пафос проанализированной выше статьи В.П. Потемкина отражал общий дух партийной пропаганды, служившей в советской общественно-политической системе средством ориентации населения по вопросам внутренней и международной жизни. Временный поверенный в делах США в СССР А. Керк в донесении в Вашингтон обращал внимание на передовую статью «Правды» от 4 марта 1939 г., посвященную 20-й годовщине Коммунистического Интернационала. В статье проявилась, говорилось в донесении, «значительно более заметная тенденция» рассматривать фашизм как проявление «умирающего капитализма». Это положение американский дипломат поставил в связь с процитированными в передовой словами Г. Димитрова, руководителя Коминтерна, о способности мирового пролетариата «к успешному контрнаступлению против фашизма, против классового врага»^[977]. В том же номере газеты О. Куусинен, еще один из руководителей Коминтерна, ссылаясь на опыт Первой мировой войны, которая «существенно ускорила гибель капитализма в СССР» и привела к образованию компартий во всех капиталистических странах, заключал: «Нам нечего бояться предстоящих решительных битв»^[978].

Можно констатировать, что советская международная стратегия — так, как она была сформулирована в «Кратком курсе истории ВКП (б)»: оставаться вне обеих коалиций, не была подвержена конъюнктурным переменам, к числу которых был отнесен и Мюнхен. Напомним, что В.М. Молотов в докладе по случаю годовщины Октябрьской революции в ноябре 1938 г. суть советской критики Мюнхена свел к оценке его как общего сговора против мира.

За какие-то два месяца, начиная с немецкого предложения в конце декабря 1938 г. возобновить переговоры о кредитах (не считая сообщений из американских источников о немецких предложениях заключить пакт о ненападении, якобы последовавших еще в ноябре), в советско-германских отношениях имели место «факты, которые явно свидетельствовали, к чему шло дело». Завязавшимся торгово-экономическим переговорам обе стороны придавали большое значение (хотя в дальнейшем они шли трудно, пока стороны не перешли к урегулированию политических взаимоотношений). В пропагандистской войне наступило подобие «перемирия», выразившееся в отказе от прямых нападков на руководителей Германии и СССР. Сам Гитлер, сперва на переговорах с Ю. Бекком, а затем, возможно, и в разговоре с А.Ф. Мерекаловым, снял «украинский вопрос» с повестки дня, не дав ему превратиться в хроническую проблему в двусторонних отношениях. Наконец, в конце января в речи в рейхстаге весь свой ораторский пыл он направил не против СССР, как бывало, а против стран Запада. Что касается наступившего обострения отношений между Германией и Польшей, то это-то и стало поводом для советско-германского сближения.

События явно подтверждали оптимистический с точки зрения реализации антикапиталистических замыслов вывод статьи В.П. Потемкина. Многочисленные заявления с разных сторон о том, что агрессия Германии и Италии обращена прежде всего против Англии и Франции и их колоний, находили подтверждение в донесениях советских полпредов из основных европейских столиц. Полпреды охотно перечисляли различные требования, которые итало-германский блок все настойчивее предъявлял Западу. Сообщали они в Москву и о стремлении англо-французских правящих кругов «повернуть острие германской агрессии на восток», как писал, например, И.М. Майский из Лондона в начале нового года, указывая одновременно на «явный отлив мюнхенской волны и малую вероятность похода Гитлера против СССР»^[979]. Из Рима временный поверенный в делах СССР Л.Б. Гельфанд сообщал о продолжительном разговоре с министром иностранных дел Италии Г. Чиано, который говорил о «наличии полной итало-германской согласованности в отношении западной, то есть антифранцузской, политики»^[980].

Предположения полпредов о наиболее вероятном направлении фашистской агрессии, подкрепленные посылаемыми Советскому Союзу после Мюнхена умиротворяющими сигналами со стороны Германии, укрепляли Сталина в его давнем желании вести дело к сближению с ней. Упомянутая выше перепечатка статьи В. Барлетта в «Правде» с заключением, что «чрезвычайно неблагоприятно предполагать», что существующие разногласия между Москвой и Берлином обязательно останутся фактором международной напряженности, конечно, не могла появиться без ведома пресловутой Инстанции (то есть Политбюро ЦК). И в начале февраля Сталин распорядился прекратить поставки советского оружия в республиканскую Испанию^[981], где добровольцам из Советского Союза (они считались командированными Коминтерном) противостояли итало-германские интервенты. Списав со счетов республиканскую Испанию, Сталин устранил один из сильнейших раздражителей в советско-германских отношениях.

В эти же дни был заключен торговый договор между СССР и Италией (от 7 февраля), предусматривавший (в числе прочего) советские поставки топлива для итальянского военно-морского флота в обмен на закупки итальянского вооружения^[982]. Советской общественности дозволено было только узнать из раздела «Хроника» в «Правде», что с Италией подписан «ряд экономических протоколов и соглашений», которые ликвидируют спорные вопросы и регулируют торговый обмен между странами^[983].

Наконец, сам Сталин в речи на партийном съезде фактически дезавуировал антисоветские последствия Мюнхена публичным заявлением об отсутствии оснований для конфликта с Германией. В то же время близость конца испанской войны означала перемещение напряженности в Европе в ее центральную и восточную части, что, полагал полпред в Париже Я.З. Суриц, «приближает сроки общего кризиса»^[984]. Что это так, со всей очевидностью продемонстрировала весьма болезненная реакция Англии и Франции на оккупацию Германией в середине марта Чехословакии в нарушение Мюнхенского соглашения и предъявление давно ожидавшихся немецких требований к Польше о передаче Данцига и установлении коридора в Восточную Пруссию.

По-иному складывались в это время отношения Советского Союза со странами Запада. В дни, когда проходил партийный съезд, рассматривая вопрос о приезде в Москву французской торговой делегации (с участием представителей военной промышленности), Политбюро сочло присылку делегации «несвоевременной»^[985]. Не было проявлено никакого интереса ни

к расширению торговли с Францией: «нам от Франции в этом отношении ничего не нужно», ни к политическим контактам с ней, чтобы, писал М.М. Литвинов Сталину, не поддаваться на французскую «уловку» (провести политический зондаж под флагом поездки в Москву торговой делегации)^[986]. Вскоре прекратил свое существование издававшийся с 1934 г. на французском языке еженедельник *Journal de Moscou*. Не дал «никакого эффекта» ни в политическом, ни в экономическом отношении и приезд в Москву в конце марта министра по делам заморской торговли Великобритании Р. Хадсона. Общий итог этого визита, по мнению Литвинова, был «отрицательным»^[987]. Предпочтение, которое отдавала советская сторона торгово-кредитным переговорам с нацистской Германией (несмотря на неприятную для нее отмену визита в Москву Ю. Шнурре) перед такими же переговорами с Францией и Англией, едва ли можно объяснить одними экономическими выгодами.

Налицо развитие противоположных тенденций. Если в отношениях нацистской Германии с демократическими Англией и Францией после кратковременной паузы с новой силой стали проявляться противоречия, то в отношениях сталинского Советского Союза с той же Германией и фашистской Италией, союзниками по агрессии, наоборот, наблюдалась определенная разрядка.

Выявившаяся тенденция к переменам в советско-германских отношениях оказалась столь впечатляющей, что на противоположную изменилась официальная оценка роли Германии в советско-японском конфликте у озера Хасан летом 1938 г. В ноябре того же года В.М. Молотов, останавливаясь на причинах конфликта, заявил, что ему «точно известно», что вопрос «скорее всего решался в Берлине»: Япония и Германия хотели испытать твердость советской внешней политики и боевые качества Красной Армии^[988]. А в феврале следующего года «Большевик» (в той самой статье, которую написал заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин по сталинскому заказу) утверждал прямо противоположное: Германия как раз отказалась поддержать Японию во время «столкновения у озера Хасан»^[989].

Между тем, судя по заслуживающим доверия данным, кровопролитная «проба сил» была спровоцирована «скорее всего» советской стороной^[990]. Известен, например, документированный факт разговора Сталина в присутствии В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова по прямому проводу с командующим Дальневосточным фронтом маршалом В.К. Блюхером с требованием прекратить возню со всякими комиссиями и расследованиями начавшегося «инцидента», на чем настаивали японцы, и «по-настоящему воевать» с ними^[991]. Когда вскоре китайцы потерпели серьезную военную неудачу под Кантоном и Ханькоу, панически настроенный китайский посол в Лондоне посетил советского полпреда И.М. Майского, прося предпринять нечто более эффективное, чем оказание помощи поставками вооружения, и спросил: «Нет ли перспектив для какого-нибудь нового Хасана?»^[992].

Активность советской политики на Дальнем Востоке, проявившаяся в «малой войне» у озера Хасан, в дальнейшем лишь возрастала. При обсуждении японо-китайского конфликта на сессии Совета Лиги Наций в начале 1939 г. М.М. Литвинов инструктировал советского представителя в Совете Я.З. Сурица: не выступая «застрельщиком» в прениях, «поощряйте» китайского делегата Веллингтона Ку, «обещайте ему всякое содействие, но пусть инициатива остается за ним». Если же англичане и французы проявят готовность принять более решительные меры против Японии, «за нами дело не станет»^[993].

Но и Япония, обеспокоенная немецкой политикой «осторожничания с СССР», говорил в феврале 1939 г. министр военно-морского флота Франции Кампенки полпреду Я.З. Сурицу, «пойдет на отчаянный шаг на Дальнем Востоке, чтобы втянуть Германию в войну против СССР»^[994]. Таким «отчаянным шагом» стали масштабные сражения на Халхин-Голе в мае — августе 1939 г., завершившиеся полным разгромом японцев.

Таким образом, советская сторона не уступала японской в нагнетании ситуации, используя для этого пограничные конфликты и заинтересованность Японии в аренде рыболовных участков в советских территориальных водах, на переговорах о которых Москва занимала жесткую позицию.

В советском меморандуме японскому правительству, направленном в начале января 1939 г., «решительно» отвергались японские обвинения в стремлении Советского Союза «превратить рыболовный вопрос в политический». Но тут же заявлялось, что советское правительство не может «не принимать нужных мер по охране побережья и границ своего государства». Продолжение переговоров ставилось в зависимость от принятия «за основу» советских предложений^[995].

Поскольку Япония настаивала на своем^[996], М.М. Литвинов в письме Сталину просил разрешения заявить японскому послу, что любые попытки нарушить советские территориальные воды будут рассматриваться как сознательное провокационное нарушение, «которое вызовет с нашей стороны соответствующую реакцию, размеры которой мы рекомендуем Японии не преуменьшать»^[997]. 21 января Политбюро постановило заявить японскому послу, что «в случае японских провокационных действий в советских водах конфликт не будет носить локального характера»^[998]. Напомним, что речь идет о периоде, когда, если верить «Фальсификаторам истории», дело шло к полной международной изоляции СССР, которому, казалось бы, самому уж никак не следовало обострять отношения с соседними странами.

Подводя итог внешней политике сталинского Советского Союза в послемюнхенский период, следует подчеркнуть, что она определялась его антикапиталистической стратегией, классово-имперскими целями. Соображения, связанные с борьбой против фашизма как общемировой угрозы, уступали место многократно провозглашаемому главному принципу в международных делах: СССР ориентируется прежде всего и только на свои интересы. Подход к международным отношениям исключительно с позиции самодостаточности социализма ставил Советский Союз де-факто против как агрессивных — фашистских, так и неагрессивных — демократических государств. В отличие от противостоящих друг другу капиталистических коалиций, достаточно скоро определившихся с взаимными претензиями и контрпретензиями, советская позиция оставалась как бы неопределенной. Эта «неопределенность» отражала советское стремление встать над обеими враждующими группировками держав, сохраняя за собою свободу решающего выбора, а вместе с ним все преимущества игры на «межимпериалистических» противоречиях.

Александр Гогун

Главная ошибка Сталина

Я уверен, что в обеих странах сегодня такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства.

Адольф Гитлер — Вячеславу Молотову,

12 ноября 1940 г.

В СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа.

Вячеслав Молотов — Рудольфу Гессу,

13 ноября 1940 г.

12-13 ноября 1940 г. в Берлине прошли советско-германские переговоры. Делегацию «мирового пролетариата» возглавлял председатель Совнаркома Вячеслав Молотов, немецкую сторону представлял рейхсканцлер Адольф Гитлер. Переговоры принято считать прологом советско-германской войны.

Эти беседы и их последствия неоднократно описаны в мировой и российской историографии. Тексты бесед между Молотовым и фюрером запротоколированы и опубликованы как на Западе, так и в России^[999]. В научных кругах доминирует следующая точка зрения: переговоры были комедией, которую Гитлер ломал перед нападением на СССР, чтобы усыпить бдительность Сталина.

Открывшиеся в последнее десятилетие факты заставляют существенно пересмотреть эту позицию.

Стратегическая ситуация для обеих сторон в тот момент была патовой. Рейх уже захватил Чехию, разгромил Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Францию, Нидерланды. В самом разгаре была воздушная битва за Англию, которую люфтваффе проигрывало, а немецкие подлодки наносили удары по английским морским коммуникациям. СССР оккупировал половину Польши, завоевал Карельский перешеек, занял Бессарабию, страны Прибалтики, то есть продвинулся почти до всех границ, очерченных советско-германскими договорами 1939 года. Гитлеровская Германия, покорив огромные территории, остро нуждалась в сырье для нормального функционирования экономики разросшегося рейха: Англия душила своего противника морской блокадой.

Твердокаменный Молотов, уезжая в Германию, получил подробные инструкции от своего шефа, о чем не преминул сообщить противоположной стороне: «Я выражаю позицию лично Сталина!» Гитлер сам участвовал в переговорах, его тщательно проинструктированные дипломаты играли вторые роли.

Основные предложения Гитлера состояли в том, чтобы поделить уже не Европу, а весь мир. В распределении должны были участвовать Италия, Германия, Япония, СССР, который получал возможность экспансии на юг — в Иран, Ирак, Афганистан, Индию. В Восточной Азии Сталин должен был сам договориться с Японией. Это позволяло образовать союз тоталитарных диктатур на бескрайних просторах Евразии.

Гитлер хотел направить экспансию СССР на юг, чтобы Сталин не мешал заняться ему европейскими проблемами. Правда, еще с июня 1940 года германский Генштаб планировал возможную войну против СССР, но эти разработки можно было прекратить в любой момент:

в то время генштабы всего мира просчитывали разные варианты развития событий — как нападение, так и оборону.

Молотов, которому не впервой было вести переговоры об империалистическом дележе суверенных стран, в общем, выразил интерес к предложению, но заявил, что сначала надо прояснить ситуацию в Европе в соответствии с буквой и духом договоренностей 23 августа и 28 сентября 1939 года. Конкретнее, он предложил вывести немецкие войска из Финляндии и Румынии, а также упрочить влияние СССР в Турции и Болгарии.

Переговоры шли два дня по одной и той же схеме: Гитлер настойчиво предлагал поделить планету, Молотов упрямо повторял европейские претензии.

Беседа ни к чему не привела, Молотов уехал домой несолоно хлебавши.

Через две недели, 25 ноября, в Кремле Молотов заявил немецкому послу Шуленбургу о готовности СССР принять проект четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи при условии урегулирования восточно-, южно- и североевропейских проблем. Гитлер отклонил предложение, но зато 19 декабря 1940 года подписал директиву № 21 — ввел в действие план «Барбаросса» с ориентировочным сроком нападения на СССР поздней весной 1941 года. В связи с этим имеет смысл остановиться на требованиях Сталина.

Одно из них заключалось в признании интересов СССР в Финляндии и выводе оттуда германских войск. В дополнение к этому Сталин устами своего зама выразил желание, чтобы были признаны интересы СССР в Швеции и районе Шпицбергена. В этом случае рудники на севере Швеции, где Германия черпала незаменимое стратегическое сырье — железную руду, — должны были оказаться либо под прямым контролем Советов, либо в зоне действия их фронтовой, не говоря уже о стратегической, авиации. Уже из этого ясно, что «кремлевский горец» хотел сделать рейх беззащитным, полностью зависимым от него колоссом на глиняных ногах.

Второе по важности требование: вывод частей вермахта из Румынии, признание советских интересов в Румынии и Болгарии. Из Румынии Германия и Италия получали необходимую нефть и нефтепродукты. То есть постановка еще и этого района под контроль СССР давала возможность задушить рейх и его союзницу буквально голыми руками — даже без крупномасштабной войны.

Вдобавок Сталин громогласно захотел получить контроль над Босфором и Дарданеллами. Советские военные базы в проливах, помимо возможности выхода Красного флота в Средиземноморье, предоставляли СССР контроль над всеми турецко-германскими экономическими связями. А из Турции Германия получала хром. Министр вооружений Альберт Шпеер в самый разгар войны в аналитической записке Гитлеру отмечал жизненную важность этого сырья: «Если прекратятся поставки из стран Балканского полуострова и Турции, то наши потребности в хrome могут быть обеспечены только на протяжении чуть больше пяти с половиной месяцев. Это означает, что после расходования наших запасов заготовок для труб, которых должно хватить на два месяца, придется приостановить производство самолетов, танков, грузовиков, бронебойных снарядов, подводных лодок и артиллерийских орудий»^[1000].

А еще Кремль хотел от Берлина признания своих интересов в Иране и некоторых других уступок...

Здесь необходимо вспомнить, что же происходило в СССР в указанное время.

На момент переговоров уже больше года был запущен мобилизационный процесс. ВПК

производил горы снарядов и патронов, штамповал десятками подводные лодки, тысячами — танки и самолеты. На производство военной продукции в массовом порядке переходили обычные заводы. С нуля разворачивались сотни новых дивизий. Военные училища готовили десятки и сотни тысяч командиров армии, флота и НКВД. Проводилась пропагандно-идеологическая подготовка населения к великой войне. Многие мобилизационные приготовления приняли необратимый характер.

Об этом немецкая разведка кое-что знала. Неизвестной для нее оставалась работа Генштаба, где еще с октября 1939 года разрабатывался план войны с Германией. 14 октября 1940 года советское руководство утвердило этот документ^[1001]. То есть судьба рейха была решена еще до переговоров и вне зависимости от их исхода.

Поэтому переговоры в Берлине были попыткой Сталина выторговать у Гитлера превосходные условия для «освободительного похода» Красной армии.

Это и стало главной ошибкой красного диктатора.

Ведь в результате получения СССР ряда плацдармов в 1939–1940 годах, а также увязания Германии в войне возможности стремительного захвата Европы (а позже — и мира) и так к концу 1940 года стали просто великолепными. В этот момент Сталин забыл собственный афоризм: «Лучшее — враг хорошего». Изготовившись к уничтожающему удару, хладнокровный тактик имел возможность убаюкивать самовлюбленного психопата долгими переговорами и ограниченными уступками. Подвело его головокружение от успехов. «Кремлевский горец», загнав своего партнера в стратегический тупик, уверовал в его дальнейшую покладистость и продолжил выкручивать руки обреченному и весьма издерганному фюреру.

Начальник Генштаба вооруженных сил Германии Вильгельм Кейтель на допросе 17 июня 1945 года вспоминал о беседах Молотова с Гитлером как о переломном событии: «После этих переговоров я был информирован, что Советский Союз якобы поставил ряд абсолютно невыполнимых условий по отношению к Румынии, Финляндии и Прибалтике. С этого времени можно считать, что вопрос о войне с СССР был решен. Под этим следует понимать, что для Германии стала ясной угроза нападения Красной армии»^[1002].

В Берлин пришло осознание того, что если Сталин выдвигает такие требования уже сейчас, то долгого добрососедского мира с ним не будет. А раз так, то лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

До конца 1940 года постепенное нарастание недружественного советского давления для Гитлера и его окружения было крайне болезненным. В ходе же ноябрьских переговоров оно стало просто невыносимым.

Примечания

Новоселова Е. Правда о войне и мире. Как государство собирается бороться с фальсификацией истории // Российская газета. Федеральный выпуск № 4913 (89) от 20 мая 2009 г.

[n_1](#)

Россия — XX век. Документы. 1941 год. Книга 1. М., 1998.

[п_2](#)

Хазанов Д. 1941. Война в воздухе. Горькие уроки. М., Эксмо, 2007.

[п_3](#)

<http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=molotov1>

n_4

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Послесловие С. Кулешова. М., 1991.

[n_5](#)

Жуков Воспоминания и размышления. М., 1969. с. 119.

[п_6](#)

Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 2004.

[п_7](#)

Крысин М. Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М, Вече, 2004.

[п_8](#)

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.

[п_9](#)

Е. Кульков, М. Мягков, О. Ржешевский. Война 1941–1945 / Под ред. О.А. Ржешевского. — М., 2005.

[n_10](#)

Норден А. Уроки германской истории. М., 1948.

[n_11](#)

Пономарев М.В. Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки. Т. 3. Москва, 2000.

[n_12](#)

Гитлер А. Моя борьба. М., 2002.

[n_13](#)

Bracher K.D. Die deutsche Diktatur: Entstehung Struktur Folgen des Nationalsozialismus. Koeln, 1972.
[n_14](#)

Ленин В.И. ПСС. Т. 37. М., Политиздат, 1955. С. 177.

[п_15](#)

Второй конгресс Коминтерна. М., Партиздат, 1934. С. 556.

[п_16](#)

10 лет Коминтерна в решениях и цифрах. М.-Л., Госиздат. 1929. С. 16.

[n_17](#)

<http://history.sgu.ru/events/?%20eid=47>

n_18

БСЭ. Издание второе. Т. 9. М., 1951. С. 358.

[п_19](#)

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.
[п_20](#)

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). — М.: Воениздат, 1960–1965.

[n_21](#)

Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. Глав. ред. М.М. Козлов. М., 1985.
[п_22](#)

Емельянов Ю. Десять сталинских ударов. Триумф генералиссимуса. М.: Эксмо, 2006.
[п_23](#)

50 лет Вооружённых Сил СССР. М., 1968.

[п_24](#)

Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Bd. 4.
Nurnberg, 1947. S. 536.

[n_25](#)

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). Том 1. М.: Воениздат, 1960.

[n_26](#)

Нечкина М.В., Лейбенгруб П.В. История СССР. Учеб. пособие для 7-го кл. 259 с. ил.: 8л. ил., карт. 22 см. М., 1966–1979 (13 изданий).

[п_27](#)

История СССР. 1917–1978: учеб. пособие /И.Б. Берхин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Высш. шк., 1979. — 664. — 80000 экз.

[п_28](#)

Ратьковский И.С., Ходяков М.В. История Советской России — СПб.: Издательство «Лань», 2001. Отечественная история (1917–2001): учебник/[А.В. Венков и др.]; отв. ред. И.М. Узнародов. — Москва: Гардарики, 2002.

[n_29](#)

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1950.

[п_30](#)

Ибатуллин Т.Г. Война и плен. СПб., 1999. С. 233.

[п_31](#)

Ибатуллин Т.Г. Война и плен. СПб., 1999. С. 239.

[п_32](#)

Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 2004.

[п_33](#)

Ф. Руге. Война на море 1939–1945. Перевод с немецкого. М, 1957. С. 209.

[п_34](#)

Военно-исторический журнал 1992. № 1 и 2.

[п_35](#)

Россия — XX век. Документы. 1941 год. Книга 1. М., 1998.

[п_36](#)

Мельтюхов М.А. Упущенный шанс Сталина. М., 2000.

[п_37](#)

МакДауэлл Дж., Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина-Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 235.

[n_38](#)

МакДауэлл Дж., Ловенталь М. Документы внешней политики Сталина, проливающие свет на пакт Сталина-Гитлера // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 243.

[n_39](#)

Шаули М. Война Гитлера изнурит Европу, которая потом станет нашей легкой добычей // Правда Виктора Суворова. Новые доказательства. М., 2008. С. 368–370.

[n_40](#)

Шпанов Н.Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

[п_41](#)

Гранин Д. Прекрасная Ута \ Наш комбат. М., 1989.

[п_42](#)

Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного комиссара Иностранных Дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 года // Коммунистический Интернационал. № 7–8, с. 10.

[п_43](#)

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 9–17.

[п_44](#)

Гысторыя Бялорусі. Мінск, 1999.

[п_45](#)

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Т. 2. М., 1973.

[n_46](#)

Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976.

[п_47](#)

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. (в 6 томах). Том 1. М.: Воениздат, 1960.

[n_48](#)

Лорд У.Л. День позора. Невероятная победа. М., 1996.

[п_49](#)

Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1999.

[n_50](#)

БСЭ. Т. 9. С. 359.

[n_51](#)

История СССР. 1939–1997. М., 2009.

[п_52](#)

Der Nürnberger Hauptkriegsverbrecherprozess 18. Oktober 1945 № 1. Oktober 1946. 2 Auflage-
Herausgeber: Stiftung Topographie des Terrors. Druck DMP Digital — & Offsetdruck GmbH. 2006.
[n_53](#)

Bryan Mark Rigg. Hitlers Juedische Soldaten. Paderborn-Muenchen-Wien-Zuerich, 2003).

[n_54](#)

Крестовый поход на Россию: Сборник статей. М.: Яуза, 2005.

[n_55](#)

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., Изографус, 2002.
[п_56](#)

Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. М., Олма, 2003.

[n_57](#)

<http://www.rusidea.ru/?part=153&id=2913>

n_58

Перечень объединений и соединений Советских Вооруженных Сил, входивших в состав действующей армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Москва, Воениздат, 1993. Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978.

[n_59](#)

М.И. Зильбербрандт, «Песня на эстраде» // Русская советская эстрада, М., 1976.

[п_60](#)

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 97.

[n_61](#)

Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. — М, 1996. — С. 45.

[n_62](#)

Ueberschar Gerd R., Wette Wolfram. Unternehmen Barbarossa: Der Deutsche Überfall Auf Die Sowjetunion, 1941 Berichte, Analysen, Dokumente. — Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984. — P. 364–366.

[n_63](#)

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. М., Изографус, 2002.
[п_64](#)

Д'Анкос Элен Каррер. Расколота империя. Национальный бунт в СССР. Лондон: Oversear publications interchange Ltd, 1982.

[n_65](#)

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., Интрада, 2001.

[n_66](#)

Некрич А. Наказанные народы. Нью-Йорк, «Хроника», 1978.

[п_67](#)

Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. — М, 1996. — С. 45.

[п_68](#)

БСЭ, т. 13. М., 1973. С. 514.

[n_69](#)

Смирнов С.С. Брестская крепость. М., 1964.

[п_70](#)

Веровкин С.И. Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину. М, 2009.

[n_71](#)

Веровкин С.Н. Самая запретная книга о Второй мировой. М., 2009. С. 11

[п_72](#)

Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы. М., 2001.

[п_73](#)

Stalin J. Fragen des Leninismus, Berlin 1951, S. 692.

[n_74](#)

Городецкий Г. Миф «Ледокола». М., 1994.

[п_75](#)

Гордиенко А.Н. Командиры Второй мировой войны. Т. 1–2. Минск, 1997–1998.

[п_76](#)

Суворов В. День «М». М., 2005.

[п_77](#)

Суворов В. Ледокол. М., 2005.

[п_78](#)

Суворов В. Самоубийство. М., 2005.

[п_79](#)

Суворов В. СССР готовился не к той войне. Беседа с Дмитрием Хмельницким // Великая отечественная катастрофа. М., 2009. С. 109.

[n_80](#)

Суворов В. Самоубийство. М., 2005. с. 7–8.

[п_81](#)

Суворов В. Где же официальная история?! // Правда Виктора Суворова. Окончательное решение. М., 2010. С. 9–21.

[n_82](#)

Буровский А. М. Великая гражданская война. 1939–1945. М., 2009.

[п_83](#)

Суворов В. Самоубийство. М., 2005. С. 9.

[п_84](#)

Солонин М. На мирно спящих аэродромах... М., 2007.

[п_85](#)

Солонин М. 23 июня, или Когда началась Великая Отечественная война. М., 2008.

[п_86](#)

Солонин М. 23 июня: «День М». М. Яуза, Эксмо, 2007.

[п_87](#)

Бровкина В.Н. «Через правду о Второй мировой войне — к миру» // Вторая мировая война. Мифы. Легенды. Реальность. Материалы международной конференции. СПб, 2010. С. 5.

[п_88](#)

Там же, с. 6.

[п_89](#)

Александр Алексеевич Пронин, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

[n_90](#)

Ратификация советско-германского договора о ненападении. Сообщение тов. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 года // «Правда». 1 сентября 1939 г.
[n_91](#)

Сообщение Комиссии Съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. // «Известия». 25 декабря 1989 г.

[n_92](#)

О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.: постановление Съезда народных депутатов СССР от 25 декабря 1989 г. // «Правда». 28 декабря 1989 г.

[n_93](#)

Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. М., 1994. С. 12–13.

[n_94](#)

Там же. С. 564; см. также с. 43, 50, 565.

[n_95](#)

Фалин В.М. Вступительное слово // Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939: пер. с нем. М., 1990. С. 9.

[n_96](#)

Фляйшхауэр И. Пакт... С. 353.

[п_97](#)

Ленин В.И. Речь на торжественном заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП (б) и МГСПС, посвященном 3-й годовщине Октябрьской революции. 6 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1963. С. 1.

[n_98](#)

Ленин В.И. Доклад о тактике РКП (б) от 5 июля 1921 г. на III Конгрессе Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1964. С. 36.

[n_99](#)

Подводя итоги VI Пленума ИККИ, Г.Е. Зиновьев в докладе активу московской организации ВКП (б) 26 марта 1926 г. заявил: «Международная революция пойдет медленнее, чем мы ожидали. Эта установка, данная III Конгрессом Коминтерна, целиком верна и определяет линию Коминтерна и сейчас» («Правда». 28 апреля 1926 г.). Как видим, эти слова, отнюдь не отрицавшие перспективу мировой революции, говорились уже после XIV съезда ВКП (б), провозгласившего лозунг построения социализма в одной отдельно взятой стране — СССР.

[n_100](#)

Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 36. М, 1962. С. 341.

[n_101](#)

Принцип мирного сосуществования и экономического сотрудничества государств с различным общественным строем впервые официально был провозглашен по поручению В.И. Ленина наркоминдел РСФСР Г.В. Чичериным 10 апреля 1922 г. с трибуны международной конференции в Генуе. «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, — говорил Чичерин, — российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления. Российское правительство придает величайшее значение взаимному признанию различных систем собственности и различных политических и экономических форм, существующих в настоящее время в разных странах (Материалы Генуэзской конференции: подготовка, отчеты заседаний, работа комиссий, дипломатическая переписка и проч. М., 1922. С. 78).

На деле же под мирным сосуществованием (и это очевидно уже из приведенной цитаты) понималась специфическая форма классовой борьбы на международной арене, что порождало сомнение в искренности призывов советского руководства к мирному сотрудничеству.

[n_102](#)

См.: Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции // «Правда». 3 ноября 1987 г.

[n_103](#)

Данного мнения придерживается, в частности, А.А. Громько (см.: Громько А.А. Памятное. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1988. С. 319, 353).

[n_104](#)

В принятой 8 марта 1918 г. на утреннем заседании Седьмого (экстренного) съезда РКП (б) резолюции о войне и мире, которая, по предложению Ленина, не подлежала публикации, говорилось: «Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью... мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей». Одновременно отмечалось, что «Съезд видит надлежащую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию» (Ленин В.И. Резолюция о войне и мире // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1962. С. 35–36). Мысль о том, что «на помощь нам придет... зреющая неуклонно социалистическая революция в других странах» (Ленин В.И. Несчастный мир. «Правда». 24 февраля 1918 г.), еще раз прозвучала в докладе Ленина 5 июля 1921 г.: «Во время заключения Брест-Литовского мира мы хотели во что бы то ни стало сохранить советскую систему, делая при этом ставку на международную революцию» (Ленин В.И. Доклад о тактике РКП (б) на III Конгрессе Коминтерна // Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1964. С. 36).

[n_105](#)

Ленин В.И. Заметка от 24 февраля 1918 г. о необходимости подписать мир // Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1962. С. 384.

[n_106](#)

Условия мира, предложенные германским правительством Совету народных комиссаров. Берлин, 21 февраля 1918 г. Министр иностранных дел фон Кюльман // Известия. 21 февраля 1918 г.

[n_107](#)

По воспоминаниям управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича, В.И. Ленин, получив от германского правительства текст готового мирного договора, сказал: «Отпечатано красиво, но не пройдет и шести месяцев, как от этой красивой бумажки не останется и следа» (цит. по: Бовин А.Е. Суровая школа Бреста // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди/сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 17).

[n_108](#)

Цит. по: Иванов В. Реквием на победных литаврах // «Урал». 1994. № 2–3. С. 247.

[n_109](#)

В п. 1 Декрета СНК об организации РККА (Собрание узаконений. 1918. № 17. Ст. 245) говорилось, что РККА создается из «наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов», а в п. 2 — что «в Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты... власти Советов и социализма».

[n_110](#)

После заключения Брестского договора советскими представителями в Берлине, злоупотреблявшими при этом дипломатическими привилегиями, велась в Германии революционная большевистская пропаганда. Заявлялось, что самое позднее весной 1919 года Советская Россия вместе с революционной Германией будет участвовать в борьбе против Антанты (см.: Русскому правительству и всем. Берлин. 23 декабря 1918 г. Статс-секретарь иностранных дел Германии д-р Сольф // Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. 1. М., 1944. С. 173–174).

[n_111](#)

Статс-секретарь иностранных дел Германии д-р Сольф — народному комиссару по иностранным делам г. Чичерину: «Констатировано неопровержимым образом, что при Нарве и Пскове дело шло о хорошо подготовленных русских нападениях на германские войска до ухода последних... Германские отряды, занимавшие железнодорожные вокзалы в Минске, были в результате планомерного нападения окружены превосходящими силами напавших и принуждены к сдаче оружия (см.: Русскому правительству и всем. Берлин. 23 декабря 1918 г. Статс-секретарь иностранных дел Германии д-р Сольф // Внешняя политика СССР. Сб. док. Т. 1. С. 170).

[п_112](#)

Текст декрета см.: «Известия». 8 декабря 1918 г.
[п_113](#)

Текст декрета см.: Там же. 24 декабря.

[п_114](#)

Текст декрета см.: Там же.

[n_115](#)

Постановление ВЦИК о признании советских республик Эстонии, Литвы и Латвии от 24 декабря 1918 г. // Там же. 1918. 24 декабря.

[n_116](#)

Ленин В.И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии. Речь от 21 ноября 1920 г. на Московской губернской конференции РКП (б) // Полн. собр. соч. Т. 42. М., 1963. С. 24–25.

[n_117](#)

Там же. С. 27.

[п_118](#)

Там же. С. 28.

[n_119](#)

Там же.

[п_120](#)

Там же. С. 29.

[п_121](#)

Там же. С. 38.

[п_122](#)

Белади Л., Краус Т. Сталин: Перев. с венг. М., 1990. С. 143.

[n_123](#)

Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 292.

[п_124](#)

Цит. по: Бушуева Т.С. Счастье на штыках. Неизвестные документы из российских архивов
// октябрь 1993, № 11. С. 150.

[n_125](#)

См.: Из письма Б. Краевского — наркому внешней торговли А. Розенгольцу // Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 151.

[n_126](#)

Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 638.

[п_127](#)

Волкогонов Д.А. Ленин. Кн. 2. С. 459.

[п_128](#)

Цит. по: Малашенко Е.И. Особый корпус в огне Будапешта // ВИЖ. 1993, № 12. С. 36.
[n_129](#)

Там же. 1994, № 1. С. 36.

[n_130](#)

Цит. по: Золотов С.М. Шли на помощь друзьям // ВИЖ. 1994, № 4. С. 18.

[n_131](#)

Там же.

[п_132](#)

См.: Сообщение Комитета Верховного Совета СССР по международным делам о политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан // «Правда», 25 декабря 1989 г.; Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.» // Там же. 28 декабря.

[n_133](#)

Заявление правительства Демократической Республики Афганистан // «Правда», 1 января 1980 г.
[п_134](#)

См.: Латышев Л.А. Жаркое лето 48-го // Открывая новые страницы... С. 129–134; Полетаев Г.А. Отлучение Югославии // Открывая новые страницы... С. 122–128; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. Барнаул, 1990. Кн. 2. С. 370–371.

[n_135](#)

Цит. по: Въжутович В., Самедов В. Вторжение. Что же случилось в Баку в ночь с 19 на 20 января 1990 года // «Известия», 14 февраля 1992 г.

[n_136](#)

См.: Там же.

[п_137](#)

По заключению Генерального прокурора Литовской республики, события в Литве в январе 1991 года явились попыткой государственного переворота, организованного ЦК КПСС и КГБ СССР (см.: Лашкевич Н. Заговор против Литвы // «Известия», 14 января 1992 г.).

[n_138](#)

Меморандум МИД Германии от 27 июля 1939 г. // СССР — Германия. 1939–1941. В 2-х тт. Документы и материалы о советско-германских отношениях. Вильнюс, 1989. Т. 1. С. 24.

[n_139](#)

Волкогонов Д.А. Ленин. Кн. 2. С. 276.

[п_140](#)

См.: Фирсов Ф.И. Сталин и проблемы политики единого фронта // Открывая новые страницы... С. 356–366.

[n_141](#)

См.: Григорьев А.Н. И тельманка со значком Рот Фронта // Там же. С. 400.

[n_142](#)

См.: Черная Л.Б. Античеловек века // «Советская культура», 5 мая 1990 г.

[п_143](#)

Интервью названного исследователя, где изложена его точка зрения на учение и историю победившего в России пролетариата, парижскому еженедельному журналу «Экспресс» в переводе Ю. Коваленко см.: Без Сахарова история пошла бы по другому пути // «Известия», 4 февраля 1995 г.

[n_144](#)

Письмо «исторического оптимиста» // «Дружба народов», 1988, № 3. С. 234–235.

[n_145](#)

Внешняя политика СССР. Т. III. С. 658.

[п_146](#)

В соответствии с договоренностями между советским и итальянским военными ведомствами для определения перечня и объема поставляемого для Красной Армии оборудования в Италию была послана военная делегация во главе с Сивковым, которая находилась там с 29 сентября по 18 октября 1930 г. Советские специалисты подробно ознакомились с итальянским флотом, осмотрели торпедные мастерские, посетили заводы, артиллерийские полигоны. По возвращении делегации в СССР была определена сумма заказа на покупку вооружений в Италии. Она составила (вместе с процентом за кредит) 2927966 руб. (Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 154).

[n_147](#)

См.: Из записи беседы К.Е. Ворошилова с послом Италии в СССР Б. Аттолико. 7 июня 1933 г.; Из дневниковых записей Е.С. Казанского о поездке в Италию на маневры 20–23 августа 1933 г.; Из беседы военно-морского атташе СССР в Италии Л. Анципо-Чикунского с итальянским морским министром Сириани. 10 октября 1931 г. (Там же. С. 152–154)

[n_148](#)

См.: Выписка из дневника Покладака — стажера РККА при 61-м пехотном полку японской армии. Февраль-март 1932 г. // Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 158–159.

[n_149](#)

См.: Латышев А.Г. Трагедия Коминтерна // Открывая новые страницы... С. 406–407.

[n_150](#)

Там же.

[n_151](#)

См.: Григорьев А.Н. И тельманка со значком Рот Фронта... // Там же. С. 402.

[n_152](#)

Лашкевич Н. Литовский президент Сметона получал доллары из Москвы // Известия.
1995. 12 сент.

[n_153](#)

См.: Там же.

[n_154](#)

См.: Фирсов Ф.И., Яжборовская И.С. Под диктовку Сталина. (О репрессиях против компартии Польши) // Открывая новые страницы... С. 386, 389. Санкционирование Сталиным решений Коминтерна не должно удивлять, ибо советское руководство всегда отождествляло внешнюю политику ВКП (б) — КПСС с деятельностью III (Коммунистического) Интернационала, созданного для активизации классовой борьбы и ускорения наступления революции во всех странах (об истории создания Коминтерна см.: Волкогонов Д.А. Ленин. Кн. 2. С. 288), для реализации идеи создания Мировой Федеративной Социалистической республики, а также с деятельностью пришедшего в 1947 году на смену Коминтерну Информационного бюро коммунистических и рабочих партий.

[n_155](#)

Отчетный доклад т. Сталина XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) // «Правда». 28 января 1934 г.

[n_156](#)

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.
С. 318.
[n_157](#)

По заключению английского философа и общественного деятеля Бертрана Рассела, рекомендованный Коминтерном вид революции практически осуществим исключительно в период национального бедствия и ни в какое иное время; фактически поражение в войне оказывается здесь необходимым условием (Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 105).

[n_158](#)

История Всесоюзной Коммунистической партии большевиков). С. 319.

[n_159](#)

См.: Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) // Правда.
1939, 11 марта.

[n_160](#)

Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде работе ЦК ВКП (б) // Правда. 1939, 11 марта.
[n_161](#)

Беседа с т. Сталиным в присутствии тт. Молотова и Жданова от 7 сентября 1939 г. (Запись Г. Димитрова) // Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 18–19.

[n_162](#)

Соответствующая доверительная информация советского партийного руководства была передана через Вильгельма Пика членам ЦК Компартии Германии за несколько дней до вступления Красной Армии (17 сентября 1939 г.) в Восточную Польшу (см.: Григорьев А.Н. И тельманка со значком Рот Фронта... // Открывая новые страницы... С. 401). Последним аргументом в поддержку этого тезиса концепции В. Суворова приведем рассказ одного берлинского коммуниста-эмигранта, которого после начала Германией войны против Польши подчеркнуто начал поздравлять секретарь парторганизации на его заводе в Москве. Когда коммунист поинтересовался, в чем причина, собеседник удивленно сказал: «Ну, как же! Ведь немецкие войска успешно действуют в Польше!» И произошел диалог: «Это не повод для поздравлений». — «Почему же? Разве вы, немец, не желаете победы над поляками?» — «Я желаю, чтобы победила революция, а не Гитлер!» — «Ну, это все слова. Важно, что Гитлер поможет нам своей победой над польскими панями!..» (цит. по: Там же. С. 400).

[n_163](#)

Безыменский Л.А. Альтернативы 1939 г. // 1989. № 24.

[n_164](#)

Об этих контактах см.: Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 261–262; Он же. Канун катастрофы. Урал. 1994. № 10–11. С. 102–104.

[n_165](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 193.

[п_166](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 158.

[п_167](#)

См.: Там же. С. 251–258.

[n_168](#)

См.: Там же. С. 257.

[n_169](#)

См.: Там же; Риббентроп — Шуленбургу. Телеграмма № 185 от 18 августа 1939 г. // Бовин А. В августе 1939-го. Документы из немецких архивов // «Известия», 16 августа 1989 г.

[n_170](#)

См.: «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины // «Вопросы истории». 1989, № 6. С. 28.

[n_171](#)

Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 175 от 14 августа 1939 г. // Бовин А. В августе 1939-го.

[n_172](#)

Шуленбург — Риббентропу. Телеграмма № 182 от 17 августа 1939 г. // Бовин А. В августе 1939-го.

[n_173](#)

Шуленбург — в МИД Германии. Телеграмма № 190 от 19 августа 1939 г. // Там же.
[n_174](#)

Риббентроп — Шуленбургу. Телеграмма № 189 от 20 августа 1939 г. // Там же.

[п_175](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 286.

[п_176](#)

Там же. С. 285.

[n_177](#)

«Известия», 25 декабря 1989 г.

[п_178](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 459 (примечание № 73).

[п_179](#)

Фляйшхауэр И. Пакт, (примечание № 78).

[п_180](#)

Там же. С. 460 (примечание № 84).

[п_181](#)

Цит. по: Карпов В.В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994. С. 129–130.

[n_182](#)

Цит. по: Зоря Ю.Н., Лебедева Н.С. 1939 год в нюрнбергских досье // «Международная жизнь». 1989, № 9. С. 137.

[n_183](#)

Впрочем, секретные договоры заключались сталинским правительством с правительствами других стран и до августа 1939-го. Так, в октябре 1936 г. в Москве с испанским послом Паскуа, действовавшим от имени революционного правительства Ларго Кабальеро, был заключен секретный договор о снабжении испанских «красных» оружием. Суть его заключалась в том, что испанское правительство Кабальеро обязывалось держать в Москве золотой фонд на сумму не ниже 250 млн песет (полмиллиарда франков), в счет которого Москва обязалась осуществлять громадные и регулярные отправки оружия в Испанию (см.: Из материалов польской агентурной разведки. 24 ноября 1936 г. // Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 155–156).

[п_184](#)

См.: Посол Шуленбург — Риббентропу. Телеграмма № 2362 от 25 ноября 1940 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 2. С. 132–133.

[n_185](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 334, 337.

[п_186](#)

Помимо И. Фляйшхауэр, на это указывает В.Я. Сиполс (см.: «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 26).

[n_187](#)

См.: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 83–84, 164-65. Об оценке вермахтом советских вооруженных сил в 1938–1939 гг. также см.: Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 95; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979. С. 273.

[п_188](#)

Телеграмма В.М. Молотова И.В. Сталину от 13 ноября 1940 г. // Горлов С.А. Переписка В.М. Молотова с И.В. Сталиным // ВИЖ. 1992, № 9. С. 19.

[n_189](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 336.

[п_190](#)

См.: Там же. С. 338–341.

[n_191](#)

См.: Советско-германские договоренности в 1939 — июне 1941 г.: взгляд историка // «Советское государство и право». 1989, № 9. С. 97.

[n_192](#)

См.: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 299.

[п_193](#)

См.: Бовин А. В августе 39-го; Ковалев Ф.Н., Ржешевский О.А. Уроки истории. Так начиналась Вторая мировая война // Открывая новые страницы... С. 88; Матвеев В. От Балтики до Черного моря... // «Известия», 18 августа 1989 г.; Орлов А.С. Уроки прошлого, выводы на будущее // Известия. 1989. 24 авг.; Прибылов В.И. Тринадцать дней в августе 1939-го // ВИЖ. 1989, № 8. С. 34, 39; Чубарьян А.О. В преддверии Второй мировой войны // Открывая новые страницы... С. 59–60; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 259. Имея в виду закулисные контакты, которые поддерживались между Лондоном и Берлином параллельно с переговорами в Москве, названные авторы упрекают также правительства Англии и Франции в двойной игре, забывая при этом, что подобное обвинение можно предъявить и советскому руководству, по инициативе которого, как мы увидим позднее, с апреля 1939 года проводились политические переговоры с Германией. Эта позиция советских историков прозвучала и в Сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении.

[n_194](#)

Интервью главы советской военной миссии К.Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Англии и Франции // «Известия», 27 августа 1939 г.

[n_195](#)

Ратификация советско-германского договора о ненападении. Сообщение тов. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 августа 1939 года // «Правда». 1 сентября 1939 г.

[n_196](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 21.

[n_197](#)

Кулиш В.М. У порога войны // Страницы истории советского общества... С. 298.

[п_198](#)

Харпер С. Шестой визит в Советский Союз // Канун Второй мировой войны: свидетельства американского ученого/публ. В. Малькова // «Коммунист». 1989, № 11. С. 108.
[n_199](#)

Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека дипломатическим представителям Польши от 23 августа 1939 г.: «Я еще раз напомнил (английскому и французскому послам. — А. П.) о неприличности обсуждения Советами наших отношений с Францией и Англией, не обращаясь к нам» (Документы о советско-германских отношениях 1939 г. // «Международная жизнь». 1989, № 9. С. 116).

[п_200](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 18.

[n_201](#)

Об организационных отношениях НСРПГ с органами государственного управления и их сотрудниками поведал В.М. Молотову заместитель Гитлера Гесс 13 ноября 1940 года (см.: Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // «Новая и новейшая история». 1993, № 5. С. 98–99).

[n_202](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 39.

[п_203](#)

На этот факт обращает внимание С.А. Горлов (см.: Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молото-ва-Риббентропа. 1939 // «Новая и новейшая история». 1993, № 4. С. 34).

[n_204](#)

С дополнением относящихся к излагаемым в сборнике событиям материалов, опубликованных в центральной советской печати, он был издан в СССР (СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. В 2-х тт. Вильнюс, 1989).

[n_205](#)

См.: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. В 2-х тт. Вильнюс, 1989. Т. 1. С. 10–11.

[n_206](#)

Фамилии этих ученых и перечень работ даются И. Фляйшхауэр. См.: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 405 (примечание № 190).

[n_207](#)

Наджафов А. Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 г. // «Новая и новейшая история», 1992, № 1. С. 49.

[n_208](#)

См.: «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 26.

[n_209](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 125.

[п_210](#)

Там же. С. 127.

[п_211](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 126–127.

[п_212](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 26.

[п_213](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 128.

[п_214](#)

Об этом свидетельствует восемь лет проработавший в германском посольстве в Москве Х. фон Херварт (см.: Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молото-ва — Риббентропа. С. 34).

[n_215](#)

См.: Иванов В. Канун катастрофы // «Урал». 1994, № 1011. С. 103.

[п_216](#)

«Правда». 11 марта 1939 г.

[n_217](#)

Поэтому-то прав французский исследователь коммунизма Б. Суварин, утверждавший 7 мая 1939 г., что Сталин всегда стремился заключить союз с Гитлером, а сближение с Лондоном и Парижем для Москвы — явление чисто тактического характера.

[n_218](#)

См.: Наджафов А.Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 г. С. 47.
[п_219](#)

См.: Канун Второй мировой войны: свидетельства американского ученого. С. 101.
[п_220](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 101.

[п_221](#)

Там же. С. 26.

[п_222](#)

Там же. С. 138.

[п_223](#)

Цит. по: Иванов В. Канун катастрофы. С. 105.

[п_224](#)

Громько А.А. Памятное. Кн. 2. С. 321.

[п_225](#)

Цит. по: Роцин А.А. В Наркоминделе в предвоенные годы // Открывая новые страницы...
С. 48.
[n_226](#)

См.: Там же. С. 46.

[п_227](#)

Цит. по: Наджафов А.Г. Дипломатия США и советско-германские переговоры 1939 года.
С. 49.
[n_228](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 407–408.

[п_229](#)

См.: Рощин А.А. В Наркоминделе в предвоенные годы // Открывая новые страницы... 1989. С. 47–49; Иванов В. Канун катастрофы. С. 104–105; Шейнис З.С. «Венков не надо...» (Жизнь и судьба Максима Литвинова) // «Советская культура». 7 января 1989 г.

[n_230](#)

Громько А.А. Памятное. Кн. 2. С. 325.

[п_231](#)

Там же.

[п_232](#)

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн. 1. С. 404; См. также: Там же. С. 405–407; Кн. 2. С. 260.
[n_233](#)

См.: Громько А.А. Памятное. Кн. 2. С. 325.

[п_234](#)

См.: Там же.

[п_235](#)

Горлов С.А. Советско-германский диалог накануне пакта Молотова — Риббентропа. С. 33.
[n_236](#)

Текст телеграмм см.: Там же. С. 28–9.

[п_237](#)

Меморандум МИД Германии от 5 мая 1939 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 1. С. 12–13.

[n_238](#)

«Правда». 1 сентября 1939 г.

[п_239](#)

Заседание германского рейхстага // Правда. 1939, 2 сентября.

[п_240](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 314.

[п_241](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 25.

[п_242](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 348.

[п_243](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 14.

[п_244](#)

По этому вопросу см.: Вишлев О.В. Почему медлил И.В. Сталин в 1941 году? // «Новая и новейшая история». 1992, № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96; Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн. 2. С. 7–35; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году // «Новая и новейшая история». 1993, № 3. С. 29–45; Готовил ли СССР превентивный удар? // ВИЖ. 1992, № 1. С. 7–29; Иванов В. Канун катастрофы. С. 96–162; Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // ВИЖ, 1992, № 2. С. 14–19; Кулиш В.М. У порога войны // Страницы истории советского общества... С. 303; Показания маршала Тухачевского. 1937. Публ. В.К. Виноградова // ВИЖ, 1991, № 8. С. 44–53; № 9. С. 55–63; Семиряга М.И. 22 июня 1941 года // «Советское государство и право», 1991, № 6. С. 48–59.

[п_245](#)

Жуков Г.К Воспоминания и размышления. В 3-х тт. Т. 1. М., 1986. С. 290.

[п_246](#)

Кузнецов Н.Г. Накануне. М., 1969. Цит по: Суворов В. Вторую мировую войну начал Сталин // «Известия». 16 января 1993 г. Цитируется с купюрами, восстановленными редакцией «Известий».

[n_247](#)

См.: Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 240-241; Горчаков О. Мистер Молотов в тылу врага // «Комсомольская правда». 1990, № 275.

[n_248](#)

См.: Оборона страны и закон. Правовые основы подготовки Вооруженных Сил СССР к отражению агрессии // ВИЖ. 1992, № 8. С. 11.

[n_249](#)

Цифра была приведена И.В. Сталиным 5 мая 1941 года в Кремле на выпуске слушателей военных академий (см.: Безыменский Л. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года? // «Новое время». 1991, № 9. С. 38).

[n_250](#)

Директива № 2 требовала дать отпор немцам, но не переходить границы. Летчикам не разрешалось залетать на территорию противника. Лишь в директиве № 3 было сказано о нанесении немцам сокрушительного удара в любом месте, на любой территории и в воздухе (см.: Спирин Л. Как началась война // «Известия», 12 июня 1991 г.).

[n_251](#)

Полный текст плана «Барбаросса» см. в: Карпов В. Маршал Жуков. С. 467–471.
[n_252](#)

Цит. по: Великая Отечественная народная 1941–1945. Краткий исторический очерк/под ред. А.А. Жилина. М., 1985. С. 18.

[n_253](#)

«Известия». 25 декабря 1989 г.

[п_254](#)

«Правда». 28 декабря 1989 г.

[п_255](#)

См.: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 92–104.

[п_256](#)

См.: Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // «Советское государство и право». 1989, № 9. С. 105.
[n_257](#)

Цит. по: Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье. С. 124.

[п_258](#)

Цит. по: Там же. С. 125.

[п_259](#)

Незадолго до нападения на Польшу Гитлер сказал: «Мы без труда удержим Польшу в изоляции несмотря на все происки врагов, если нам удастся первыми напасть и нанести тяжелые удары, добившись быстрого успеха» (цит. по: Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 225).

[n_260](#)

25 августа министр иностранных дел Японии Арита заявил германскому послу в Токио Отто протест по поводу подписания советско-германского пакта о ненападении. В протесте отмечалось, что «этот договор по своему духу противоречит ан-тикоминтерновскому соглашению» («Правда». 28 августа 1939 г.). Вслед за этим незамедлительно последовала отставка японского правительства. Как утверждает историк Х. Тэратани, «никогда — ни до, ни после — в истории не было случая, чтобы японское правительство уходило в отставку по причине заключения договора двух других государств между собой» (см.: Тэрата-ни Х., Цветков Н. Япония в шоке // «Комсомольская правда». 2 сентября 1989 г.).

[п_261](#)

Гитлер, с одной стороны, унижал своих противников, называя их «мелкими червями» и добавляя: «Я повидал их в Мюнхене», а с другой — признавал, что всегда был убежден в том, что «Сталин никогда не пойдет на английские предложения» (Фляйшхауэр И. Пакт. С. 282).

[n_262](#)

Поэтому реакция Гитлера на объявление ему 3 сентября 1939 г. Англией и Францией войны напоминала реакцию Сталина на нападение на СССР немецко-фашистских войск 22 июня 1941 г. (см.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 253). О вере Гитлера в невмешательство Англии и Франции в военный конфликт с Польшей см.: Там же. С. 252.

[n_263](#)

См.: Там же. С. 247.

[п_264](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 281–282. Как один из примеров такого блефа можно привести следующий факт.

1 марта 1936 года, в день оккупации вермахтом Рейнской области, Гитлер был готов дать войскам приказ об отступлении, если бы они столкнулись с реальным противодействием французских войск, которого, как известно, не последовало (см.: Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. С. 270). По словам фельдмаршала Кейтеля на Нюрнбергском процессе, «после того как Гитлер увидел, что все сходит ему с рук... вот тогда-то одна акция и стала следовать за другой» (цит. по: Там же).

[n_265](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 6.

[п_266](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 320.

[п_267](#)

Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 17.

[п_268](#)

См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 16; Ковалев Ф.Н., Ржешевский О.А. Уроки истории... // Открывая новые страницы... С. 90; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Страницы истории советского общества... С. 270.

[n_269](#)

Кулиш В.М. У порога войны // Там же. С. 301–302.

[п_270](#)

Переворужение Германии думали закончить к 1943 или 1944 г., поскольку были уверены, что общая война с участием таких держав, как Англия и Франция, — в отличие от ограниченных операций, таких как против Чехословакии и планируемой против Польши, — не разразится до середины 1940-х гг. Когда, вопреки ожиданиям Гитлера, в сентябре 1939 г. Англия и Франция не уклонились от объявления войны, германская экономика прошла только полпути в подготовке к длительной войне (см.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 302).

[n_271](#)

См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 16; Ковалев Ф.Н., Ржешевский О.А. Уроки истории... // Открывая новые страницы... С. 90; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Страницы истории советского общества... С. 264.

[n_272](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 9.

[п_273](#)

Основной целью японского правительства Г.К. Жуков называл следующее: «Захватить территорию МНР, находящуюся за рекой Халхин-Гол, а затем построить на реке Халхин-Гол укрепленный рубеж, чтобы прикрыть проектируемую к постройке вторую железную дорогу стратегического назначения, которая должна пройти к границе нашего Забайкалья западнее КВЖД» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 222). Очевидно, что на осуществление данной цели, которая докладывалась Жуковым советскому правительству, ушло бы несколько лет, и в 1939 г. безопасности СССР со стороны Японии ничто не угрожало.

[п_274](#)

Вскоре после боев на Халхин-Голе принц Коноэ признался германскому послу в Японии Отто: «Японии потребуется еще два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, которые показала Красная Армия в боях в районе Халхин-Гола» (цит. по: Карпов В.В. Маршал Жуков. С. 98). В.М. Фалин считает, однако, что Япония ориентировалась на большую войну в 1946 г., после того как истечет срок действия договоров между Филиппинами и США об аренде военных баз («Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 9).

[n_275](#)

Письмо монгольских воинов советским бойцам гласило: «Если бы не ваша братская бескорыстная помощь, мы не имели бы независимого Монгольского революционного государства... Японские захватчики разгромили бы и ограбили нашу землю и трудовое богатство» (цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 215–216).

[n_276](#)

См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 200.

[п_277](#)

Текст советско-японского соглашения по поводу конфликта на монголо-маньчжурской границе, согласно п. 1 которого японо-маньчжоугоские войска и советско-монгольские войска обязались прекратить всякие военные действия с 2 часов московского времени 16 сентября 1939 г., см.: «Известия». 6 сентября 1939 г.

[п_278](#)

Текст пакта см.: «Известия», 15 апреля 1941 г.

[п_279](#)

См.: Белادي Л., Краус Т. Сталин. С. 262; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 10; Великая Отечественная народная 1941–1945. С. 29; Ковалев Ф.Н., Ржешевский О.А. Уроки истории... // Открывая новые страницы... С. 91; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Страницы истории советского общества... С. 263.

[п_280](#)

Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День «М»: Когда началась Вторая мировая война. С. 37.

[n_281](#)

См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 19; Матвеев В. От Балтики до Черного моря // «Известия. 18 августа 1989 г.; Якушевский А.С. Советско-германский договор о ненападении: взгляд через годы // Страницы истории советского общества. С. 270.

[n_282](#)

Альберт Л. Уикс (Albert L. Weeks), Ph. D. — заслуженный профессор Нью-Йоркского университета, бывший старший политический аналитик Государственного департамента СССР, автор книг: «The Other Side of Coexistence: An Analysis of Russian Foreign Policy», «First Bolshevik: A Political Biography of Peter Tkachev», «The Troubled Detente. Andrei Sakharov and Soviet Dissidents», «Brassey's Soviet and Communist Quotations», «Stalin's Other War: Soviet Grand Strategy 1939-1941», «Russia's Life-Saver: U.S. Lend-Lease Aid to the USSR in World War II».

[n_283](#)

Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая — июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны. Другая война. 1939–1945/Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996. С. 76–101.

[n_284](#)

Сталин И.В. Доклад на XVII партийной конференции, 26 января 1934. — Сталин И.В. Избранные труды. The «8 Nentori» Publishing House, Albania, n. d. P. 402–403.

[n_285](#)

Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950. Москва, 2003. С. 155.
[п_286](#)

В. Невежин. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны. Сборник «Другая война. 1939–1945». М., 1996. С. 110.

[n_287](#)

Сборник «Другая война. 1939–1945». М., 1996. С. 167–168.

[п_288](#)

Д-р Дженнифер МакДауэлл — советолог. Д-р Милтон Ловенталь — советолог и поэт, заслуженный профессор университета Сан-Хосе.

[n_289](#)

Milton Loventhal and Jennifer McDowell. The Stalin Resolutions and the Road to World War II, Part One [Постановления Сталина и путь ко Второй мировой войне, Ч I.] San Jose Studies, 6 (November 1980) P. 80, 89–90.

[n_290](#)

Ibid., 91

[n_291](#)

Michal Reiman and Ingmar Sutterlin. «Sowjetische Politbüro-Beschlüsse der Jahre 1931–1937 in staatlichen deutschen Archiven [Советские «Резолюции Политбюро» в 1931-1937-х годах в немецких государственных архивах] Jahrbucher für Geschichte Osteuropas, 37, no. 2 (1989): S. 210.

[n_292](#)

Ловенталь и МакДауэлл, обсуждая Лейббрандта в *San Jose Studies*, 95–97, назвали его «Dr. X» из-за его нацистского прошлого. Однако он вышел из нацистской партии в 1943 г. и пошел служить во флот из-за несогласия с политикой, основанной на теориях расовой иерархии. О статусе Лейббрандта, как основного немецкого советолога, см.: Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945* (New York: St. Martin's Press, 1957) P. 40.

[n_293](#)

Akten betreffend Russland (Washington: National Archives), Reel No. 1417. Serial No. 562698.
[n_294](#)

Rosenberg Alfred. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs. Hrsg von Hans-Gunther Seraphim (Guttingen: Musterschmidt Verlag, 1956), 29. Серафим ошибочно датирует дневник 11 июня 1934 г. Согласно документу PS-198 Международного Военного Трибунала, он относится к 19 июня 1934.

[n_295](#)

Loventhal and McDowell. San Jose Studies, 92.

[n_296](#)

Фальсификатор не стал бы делать больше работы за ту же цену.

[п_297](#)

Reiman Michael. The Birth of Stalinism: The USSR on the Eve of the «Second Revolution» [Рождение Сталинизма: СССР накануне «Второй революции»] (Bloomington: Indiana University Press, 1987), 127.

[n_298](#)

Anderson Edgar. Prieksspele Austrum pakta propozīcijai (Предпосылки проекта Восточного Пакта), Universitas, 9 (Весна 1962) P. 20–26.

[n_299](#)

Korbel Josef, *Poland Between East and West, Soviet and German Diplomacy toward Poland, 1919–1933* (Princeton, NJ: Princeton University, 1963), 269–271. Корбел также говорит об интересе немецкого министра иностранных дел, Юлиуса Кур-тиуса, к постановлению от 5 сентября 1931 г. Куртиус видел и поставил свои инициалы на этом постановлении 19 октября 1931 г. Оба доклада, по словам Корбела, сыграли роль в советско-германских отношениях. Эта информация показывает, что высшие лица Веймарского правительства считали эти документы подлинными.

[n_300](#)

Ловенталь встречался с Корбелом на Конференции Славистов Дальнего Запада в Стэнфордском университете 30 апреля 1966 г. Они несколько часов беседовали о документах 1931 и 1934-36 гг.

[n_301](#)

Milton Loventhal and Jennifer McDowell. The Stalin Resolutions and the Road to World War II, Part One» [Постановления Сталина и путь ко Второй мировой войне, часть первая] San Jose Studies, 6 (November 1980): 78-104; The Stalin Resolutions and the Road to World War II, Part Two [Постановления Сталина и путь ко Второй мировой войне. Ч. II] San Jose Studies, 7 (February 1981) P. 6–39; The Retreat from Communism in 1934 [Отступление от коммунизма в 1934 году] San Jose Studies, 7 (May 1981) P. 66–103. Первая статья в San Jose Studies получила премию Bill Casey Award in Letters; California State University Foundation присудила два исследовательских гранта; и две магистерские диссертации по аутентификации в Государственном Университете Сан-Хосе были субсидированы факультетом социологии и Школой Образования.

[n_302](#)

Loventhal and McDowell. Letter to the Editor [Письмо к редактору]. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, 39, no. 2 (1991) S. 148–150.

[n_303](#)

Oleg V. Khlevniuk. «Stalin as Dictator: The Personalization of Power» [Сталин как диктатор: Персонализация власти] in Sarah Davies and James Harris, ed., *Stalin, a New History* (New York: Cambridge University Press, 2005), 114.

[n_304](#)

Robert M. Slusser, letter, Baltimore, MD., to Loventhal, San Jose, California, July 12, 1960, private archives.

[n_305](#)

В. Дорошенко, И. Павлова и Раак Р.Ч. «Не миф: Речь Сталина 19 августа 1939 года./ Правда Виктора Суворова/Под ред. Д. Хмельницкого М.: Яуза. 2006. С 215–238.
[n_306](#)

Это и другие постановления доступны в английском и немецком переводе. Русский вариант доступен на микрофильмах в Гуверовском архиве. Коллекция из 242 постановлений и пяти докладов в английском переводе будет опубликована на английском языке в ближайшем будущем. В настоящее время книга готовится к изданию.

[n_307](#)

Henry Ruffin. Le Plan de Staline (Nov. 1934) [План Сталина (ноябрь 1934)]. La Revue Universelle, 86/87 (aout 1944), 105ff.

[n_308](#)

Эта группа корреспонденций находится в Гуверовском архиве.

[n_309](#)

Winston Churchill, *The Gathering Storm* [Назревающая гроза] (Boston: Houghton Mifflin, 1948), 392. На эту информацию наше внимание обратил Дэвид Е. Мерфи, автор книги *What Stalin Knew, the Enigma of Barbarossa* [Что знал Сталин, загадка Барбароссы] (New Haven, Ct.: Yale, 2005).

[n_310](#)

John Costello and Oleg Tsarev, *Deadly Illusions: The KGB Orlov Dossier Reveals Stalin's Master Spy* [Смертельные иллюзии: КГБ досье Орлова обнаруживает мастерского шпиона Сталина] (New York: Crown, 1993). Используя советские и американские архивы, Костелло и Царев извлекли ошеломляющие свидетельства того, что Орлов обманул ФБР, ЦРУ и Сенат, заставив считать себя честным перебежчиком. Он так и не выдал американцам имена более 60 агентов, работавших под его контролем.

[n_311](#)

Александр Орлов, New York City, «A cursory evaluation of the so-called Politburo Resolutions on Soviet Foreign Policy, 1934–1935» [Беглая оценка т. н. постановлений Политбюро о Советской внешней политике, 1934–1935], недатированный отчет, сделанный по просьбе Бертрама Д. Вулфа, вложенный в письмо Орлова Вулфу, датированное 28 августа 1960 г. Письмо Вулфа Ловенталю в Сан-Хосе, Калифорния, датировано 14 сентября 1960 г. Бертрам Д. Вулф. Бумаги, литературные подделки и мистификации, переписка, коробка 103, папка 6, архив Гуверовского института, Стэнфордский университет.

[n_312](#)

Edward P. Gazur, Alexander Orlov. The FBI's KGB General [Александр Орлов: КГБ генерал ЦРУ]. New York: Carroll & Graf Publishers, 2002. P. 51–52.

[n_313](#)

RGASPI. F. 17. Op. 167. D. 16. L. 87 опубликовано в «Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Европа. Решения «Особой Папки» 1923–1939 (М.: Росспен, 2001), см. первую сноску на стр. 313.

[n_314](#)

Политбюро ЦК РКП (б)... Editor's No. 214, P. 313.

[n_315](#)

Ibid., pP. 318–319.

[n_316](#)

Георгий Димитров [заключительная речь]. Правда. 1935. 27 августа. С. 1.
[n_317](#)

Сталин писал: «Имел ли право, например, Сталин изменить и уточнить свою же собственную формулу о победе социализма в одной стране (1924 г.) в полном соответствии с указаниями и основной линией ленинизма? По Зиновьеву выходит, что не имел права. Почему? Потому, что изменение и уточнение старой формулы есть пересмотр этой формулы, а пересмотр по-немецки означает ревизию. Не ясно ли, что Сталин впал в ревизионизм?» Сталин И.В. «Заключительное слово, 13 декабря, 1926». Соч. М.: Госполитиздат, 1948. С 9, 96–97.

[n_318](#)

Раак Ричард Ч. — профессор Калифорнийского университета (Hatward, USA).

[n_319](#)

Со времени, когда он фактически захватил власть в СССР, Сталин проповедовал международную революцию ленинского типа, используя, когда возможно, Красную армию для поддержки общественных беспорядков за рубежом. См.: Сталин И.В. Выступление на Пленуме ЦК ВКП (б) 19 января 1925 г. Werke (Берлин, 1952), том VII, с. 10–12. Как только началась война, Сталин на закрытой сессии Коминтерна специфически поручил польским и британским рабочим свергнуть их правительства. Коминтерн (Коммунистический интернационал) был основан в 1919 г. и распущен Сталиным в 1943 г. Первоначально Москва должна была быть лишь местом встречи зарубежных секций с российской, но скоро Коминтерн подчинился влиянию Кремля, его создателя. После массивных чисток, инициированных Сталиным в конце 1930-х гг., от которых пострадали иностранные работники Коминтерна, руководители зарубежных секций в Москве стали особенно чутки к наставлениям Кремля.

[n_320](#)

В записи на встрече в секретариате Коминтерна 1 и 2 сентября 1939 г. Вильгельм Пик, видный член Коминтерна, отметил призыв Сталина к революции в Польше среди первых лозунгов, посланных из Кремля в секретариат Коминтерна. На встрече, где был Пик, выступили генсек Коминтерна Георгий Димитров и ответственный в советской компартии за связь с Коминтерном Дмитрий З. Мануильский. См.: Секретариат — 2.9.1939, Wilhelm Pieck Nachlass, Stiftung der Arbeiterparteien und Massenorganisationen der DDR, NY4036/540, р. 43–45. Мануильский действовал как агент Кремля, поставляющий вождям Коминтерна большую часть информации о желаемой для Кремля позиции советской и зарубежных секций партии в отношении новой ситуации, которую принесла война. О роли Мануильского: Дорошенко Виктор, Павлова Ирина и Раак Р.Ч. Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года / Вопросы истории. № 8, 2005, с. 13.

Дополнительная информация о происхождении речи Сталина от 19 августа 1939 г.: «Новые сведения о речи Сталина 19 августа 1939 г.», в сборнике под редакцией Дмитрия Хмельницкого «Правда Виктора Суворова-3. Восстанавливая историю Второй мировой войны» (Москва, 2007), с. 140–142. Роль Мануильского описана там же: с. 142. См. также: Bernhard Bayerlein, ред., Georgii Dimitrov, Tagebucher, v. I (Берлин, 2000), с. 273 (запись от 7 сентября 1939).

[п_321](#)

Aufzeichnung: Ansprache des Fuhrers vor den Oberbefehlshabern am 22. August 1939 r. Akten zur deutschen Auswartigen Politik (далее ADAP), Ser. D, том VII, с. 170. Госсекретарь Эрнст фон Вайцеккер был высокопоставленным германским дипломатом, который вскоре сожалел о нацистско-советском соглашении от 23 августа 1939 г. и горевал о его роковых последствиях. Через несколько дней после окончательного поражения Польши ее западные союзники отвергли первое предложение мира, выдвинутое Гитлером в военное время. Вайцеккер, с сожалением считающий, что война продолжится, писал в своем дневнике 14 октября 1939 г.: «...Без пакта от 23.08 война не была бы начата». Через несколько дней, в записи от 25 октября 1939 г., он повторил свою оценку: «Неожиданное согласие России [начать переговоры на высшем дипломатическом уровне] — вот что решило нашу судьбу». См.: Leonidas E. Hill, ред., Die Weizsacker-Papiere 1933–1950, т. II (Papiere 1933–1950, Франкфурт-на-Майне, 1974), с. 178, 181). Вайцеккер не знал, что так же считал французский министр иностранных дел Жорж Боннэ: De Munich a la guerre. Defense de la paix (Paris, 1967), p. 287.

[n_322](#)

Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (Bolschewiki). Kurzer Lehrgang (далее Kurzer Lehrgang) (изд. 2-е, Берлин, 1949), с. 413. Подоплека: Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП (б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг. в кн.: Афанасьев Ю.Н., ред., Советская историография (Россия XX век, кн. 2), с. 248–256; Вопросы истории, № 11, 2002, с. 3–8.

[n_323](#)

Гальянов В.Н. (псевдоним Потемкина). Куда идет Польша? Большевик, № 8, 1938, с. 68. Важная подоплека, см.: Jan Lipinsky. Das geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs — und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1939 (Франкфурт-на-Майне, 2004), с. 24.

[n_324](#)

Опубликование своих планов не было необычным для Сталина. Советский хозяин любил обрисовывать свои планы на будущее в советской прессе. Например, в 1938-м он приказал сделать фильм «Если завтра война». Там он показал свой сценарий будущей войны с Германией. См.: Раак Р.Ч. «Если завтра война»: сталинский сценарий второй империалистической войны. В сборнике под редакцией Дмитрия Хмельницкого «Правда Виктора Суворова. Новые доказательства» (М., 2008), с. 203–233.

[n_325](#)

В советском идеологически направленном жаргоне, часто неточном, нацисты назывались фашистами.

[n_326](#)

Ссылка на историческую легенду, драматически описывающую победу царских войск над Польшей в 1794 г.

[n_327](#)

Гальянов В.Н. Куда идет Польша? Большевик, № 8. 1938, с. 68. Вся статья: с. 61–68. Заметьте, что Потемкин выдвигает здесь требования, идентичные призывам к польской революции, которые набобы из секретариата Коминтерна вновь услышат сразу после германского нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. См. 1-ю сноску выше. См. также: Jan Lipinsky, Das geheime Zusatzprotokoll, с. 24.

[п_328](#)

Липинский, с. 24; Томашевского цитирует Марек Корнат: «Droga Niemiec do paktu Ribbentrop-Molotow i sprawy polskie (wydarzenia i interpretacje)», Pamięć i sprawiedliwości, number 1/2008, с. 56, ссылка 83.

[n_329](#)

Госсекретарь Вайцеккер писал после визита болгарского премьера в Берлин в 1939 г., что надежды Болгарии [на выживание и на возврат земель, потерянных после Первой мировой войны] «строятся на силе Германии... Дружба с Германией — основа болгарской внешней политики». См.: Вайцеккер. *Diplogerma* Москва, Берлин, 12 июля 1939, *Politisches Archiv des Auswartigen Amtes* (далее РААА), *Botschaft Moskau*, 514, с. 146848-9.)

[n_330](#)

На возникающий германо-советский обмен мнениями намекала длительная беседа фюрера с советским послом Алексеем Мерекаловым 12 января 1939 г. Незадолго до того Мерекалов вернулся в Берлин из Москвы. См.: Stanislaw Zerko, Niemecka polityka zagraniczna (Познань, 2005), с. 373.

[n_331](#)

В то время в дипломатических кругах нередко заменяли германское министерство иностранных дел именем улицы, на которой оно располагалось: Вильгельмштрассе.

[n_332](#)

«Aufzeichnung» Woermann, Берлин, 15 июня 1939, ADAP, ser. D, том VI, с. 607–608.

[n_333](#)

Еще один пример: Stanislaw Zerko, *Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939* (Познань, 1998), с. 404, ссылка 222.

[n_334](#)

Георгий Коссейванов к советнику посольства Ренэ Ри-стельюберу, сообщено в отчете Ристельюбера французскому министру иностранных дел Жоржу Боннэ, София, 16 декабря 1938 г. — France, Ministère des Affaires Etrangères, Le Livre jaune français (Париж, 1939), с. 48.

[n_335](#)

«Aufzeichnung Schulenburg: Komintern, 18. Parteikongress der KPdSU, Stellung Litvinovs», Москва, 23 февраля 1939, РААА, R104366, с. D500766. См. также: Charles E. Bohlen, *Witness to History 1929–1969* (Лондон, 1963), с. 61.

[n_336](#)

Безыменский Лев. Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы. Новая и новейшая история, 1998, № 3, с. 7.

[n_337](#)

З.С. Шейнис. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек (Москва, 1989), с. 350–351, 360. Шейнис также сообщает, что попытка Сталина задействовать специального советского торгового посредника, Д.Г. Канделаки, в 1935-м и в 1936-м, чтобы начать политические переговоры с Берлином, была предпринята под контролем Молотова, а не Литвинова (с. 361); см. также у Льва Безыменского: «Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы» / Новая и новейшая история, 1998, № 3, с. 6. См. также: Hugh D. Phillips. *Between the Revolution and the West. A Political Biography of Maxim M. Litvinov* (Болдер, 1992), с. 161. Подоплека: Sabine Dullin. *Des Hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930–1939* (Париж, 2001), с. 260–267.

[п_338](#)

Андрэ Франсуа-Понсе к Ивон Дельбо, Берлин, 21 апреля 1937, Documents diplomatiques franAais (далее DDF), 2eme ser., т. V (Париж, 1968), с. 514–517; Луи де Монико к Дельбо, Прага, без даты (получено 28 апреля 1937), *ibid*, с. 599.

[n_339](#)

«Aufzeichnung» Schulenburg, Москва, 4 января 1939, PAAA, Botschaft Moskau, 560, p. 178464.

[n_340](#)

«Aufzeichnung» Schulenburg: «Komintern, 18. Partei-kongress der KPdSU, Stellung Litvinovs»,
Москва, 23 февраля 1939, РААА, R104366, с. D500767.

[n_341](#)

Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек (Москва, 1989), с. 350–351, 360; Philips. Litvinov, с. 161.

[n_342](#)

Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП (б)» — энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг.

В кн.: Ю.Н. Афанасьев, ред., Советская историография («Россия XX век», кн. 2), с. 248–256; «И. В Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП (б)»/Вопросы истории, 2002, № 11, с. 3~8. Германский посол Шуленбург узнал и сообщил в Берлин о роли Сталина среди составителей «Краткого курса» в 1938 г. См.: «Aufzeichnung» Schulenburg, Москва, 21 ноября 1938, РААА, R104366, с. D500746.

[n_343](#)

Geschichte der Kommunistischen Partei der Sowjetunion (Bolschewiki). Kurzer Lehrgang (далее Kurzer Lehrgang) (второе издание, 1949), с. 413.

[n_344](#)

«Aufzeichnung» Schulenburg: «Lehrbuch der Geschichte der Kommunistischen Partei». Москва, 31 октября 1938, РААА, R104366, с. D500731-2.

[n_345](#)

Там же, с. D500730-1.

[п_346](#)

Литвинов в Женеве: Шейнис. Максим Максимович Литвинов, с. 350–351.

[п_347](#)

H. Hume Wrong. The Russian Game in the European Crisis 1938. 10 декабря 1938, in Canada, Department of External Affairs, Documents on Canadian External Affairs, т. VI (Оттава, 1972), с. 1110–1111.

[n_348](#)

Пример: в 1938 г. Уинстон С. Черчилль, в будущем британский премьер-министр, верил обещанию Литвинова: вместе с помощью, которую Британия и Франция предоставят Чехословакии, СССР предоставит «схожую помощь». Черчилль некритично писал об этой вере и после войны. См. его *The Gathering Storm (The Second World War, т. I, Cambridge, Mass., 1948, с. 309)*. Подоплека: Zara Steiner. *The Soviet Foreign Commissariat and the Czechoslovakian Crisis in 1938: New Material from the Soviet Archives, The Historical Journal, т. XLII (1999), с. 755*. В августе 1938 г. Литвинов сказал Шулен-бургу, что Советский Союз не интересуется Чехословакией, см.: Кёстринг к Типпельскирху, Москва, 17 апреля 1939. в кн.: Герман Теске, ред., *Ernst Kostring. Der Militar. Mittler zwischen der deutschen Reich und der Sowjetunion, 1921–1941 (Франкфурт, 1965), с. 233*.

[n_349](#)

Kurzer Lehrgang, c. 440.

[n_350](#)

Там же.

[n_351](#)

Применимость обоих лозунгов только вне Советского Союза становится очевидной, если примем во внимание, что в нем не было других партий, могущих сформировать фронт вместе с правящей, если захотят.

[n_352](#)

Например, статья в «Известиях» от 2 октября 1938 г., сообщающая о взглядах на «коллективную безопасность», выраженных Литвиновым в Женеве, появилась сразу же после публикации первого из серии отрывков «Краткого курса». См.: Шуленбург к МИД, Москва, 3 октября 1938, РААА, R104356, с. 212242-4.

[n_353](#)

Georgii Dimitrov. Tagebucher. 7 сентября 1939, т. I (Берлин, 2000), с. 273 (запись от 7 сентября 1939 г.).

[n_354](#)

См.: Robert Coulondre. Von Moskau nach Berlin 1936–1939. Erinnerung des französischen Botschafters (Бонн, 1950), с. 278; также: Кулондр к Боннэ, Москва, 4 октября 1938, DDF, 2eme serie, т. XII, с. 28.

[n_355](#)

См.: Coulondre. Von Moskau nach Berlin, с. 222. Антипольские карикатуры не были тогда редки в центральной московской прессе. Например, глумление над польской армией в «Правде», 11 февраля 1938 г., с. 5.

[n_356](#)

Французские дипломаты в Москве тоже выслушали тогда гневные тирады Потемкина о меньшинствах в Польше. Посол Кулондр решил, что Кремль «помешан» на разделе Польши. Потемкин сказал ему и другим французским дипломатам, писал Кулондр, что «Польша готовит себе четвертый раздел». См.: Кулондр к Боннэ, Москва, 4 октября 1938, DDF, 2eme serie, т. XII, с. 28.

[n_357](#)

[Шуленбург] к Ворманну, пересылая «Aufzeichnung» Schulenburg [беседа с Потемкиным 29 сентября 1788], Москва, 3 октября, 1788, ADAP, ser. D, т. И, с. 800.

[n_358](#)

«Панская Польша бряцает оружием». Правда, 1938, 1 октября, с. 5. См.: Jurgen Pagel. Polen und die Sowjetunion 1938–1939 (Штутгарт, 1992), с. 163.

[n_359](#)

Шуленбург к Ворманну, Москва, 3 октября 1939, ADAP, ser. D, т. II, с. 800.

[п_360](#)

«После мюнхенского соглашения». Известия, 1939, 2 октября, с. 1. Шуленбург к А А,
Москва, 3 октября 1938, РААА, R104356, с. 212242-4.

[n_361](#)

Александр Евгений. Мюнхенский баланс. Известия. 1938, 23 октября, с. 2. См. также:
Karyl Grunberg and Jerzy Serczyk. Czwarty rozbiór Polski (Варшава, 1990), с. 160.
[n_362](#)

Из истории Карпатской Украины. Известия, 1938, 21 ноября, с. 2. Технически говоря, автор «Известий» ошибся. У Британии не было союза с Чехословакией ни до, ни после Мюнхена. См. также: Pagel. Polen und die Sowjetunion. с. 202.

[n_363](#)

Тадеуш Кобылянский — представительству в Будапеште, Варшава, 10 октября 1939, Гржибовский в Министерство иностранных дел (далее MSZ), Москва, 10 октября 1938. Марек Корнат, ред. *Polskie Dyplomatyczne Dokumenty 1938* (далее PDD 1938) (Варшава, 2008), с. 682 и 684; Pagel. *Polen und die Sowjetunion*, с. 181.

[n_364](#)

Гржибовский — Кобылянскому, Москва, 18 октября 1938. Корнат, ред., PDD 1938, с. 708.
[п_365](#)

Подоплека: Stanislaw Zerko. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939 (Познань, 1998), с. 33–176, в нескольких местах.

[n_366](#)

Гржибовский в МИД, Москва, 26 октября 1938. Корнат, ред., PDD 1938, с. 731–732.
[п_367](#)

Бек — Гржибовскому, Варшава, 10 ноября 1938. Корнат, ред., PDD 1938, с. 766–767.
Дополнительная подоплека: Pagel. Polen und die Sowjetunion, с. 181–188.

[n_368](#)

Komunikat... na temat stosunkow polsko-radzieckich. 26 ноября 1938. Корнат, ред., PDD 1938, с. 793–794; Stanislaw Zerko. Stosunki polsko-niemieckie 1938–1939 (Познань, 1998), с. 157, 161.
[n_369](#)

Коммюнике ТАСС... [о переговорах Литвинова — Гржи-бовского, позже опубликовано в Мировом хозяйстве], Москва, 27 ноября 1939. в кн.: Jane Degras. Soviet Documents on Foreign Policy (Лондон, 1963), т. III, с. 312.

[n_370](#)

Wojciech Materski. Na widencie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1945 (Варшава, 2005), с. 511–519; Также: Вейц-зеккер в *Diplomgerma*, Вln, 10 января 1939, PAAA, Botschaft Moskau, 520, с. 225477. См. также: Pagel. Polen und die Sowjetunion, с. 187–191; и Paul K. Schmidt. Ribbentrops Reise nach Warschau. Ende Januar 1939. PAAA, Schmidt Nachlass, с. 15. Шмидт, один из сотрудников Риббентропа, считал, что Бек пытался использовать советские связи, чтобы усилить независимую позицию Польши против ее сильных соседей.

[n_371](#)

Гржибовский — Беку, Москва, 29 ноября 1938. Корнат, ред., PDD 1938, с. 801.

[п_372](#)

Улица, где находился МИД Польши.

[п_373](#)

Генрик Сокольников-Беку, Хельсинки, 12 января 1939. Станислав Зерко, ред., *Polskie dokumenty dyplomatyczne 1939* (Варшава, 2005), т. I, с. 20. Обсуждался ли в Париже отчет Кулондра о замечаниях Потемкина прошлой осенью? Если да, то возможно, что генерал получил эту информацию таким путем.

[n_374](#)

О германском отчете см.: Мартин Шлип — посольству в Москве (передавая часть письма Блюхера Грюндгерру, Берлин, 22 мая 1939), 6 июня 1939, РААА, Botschaft Moskau, 520, с. 225300.

[n_375](#)

О склонности Сталина приписывать свои мысли другим: Robert Tucker. *Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941* (Нью-Йорк, 1992), с. 592, 597.

[n_376](#)

О поисках нацистами связей с Польшей и о германских переговорах с Польшей: Zerko. Stosunki, с. 33–176, в нескольких местах.

[n_377](#)

Сталин о неумелом фюрере: Tucker. *Stalin in Power*, p. 597–598. Другой пример: Georgii Dimitrov. *Tagebucher*, v. I (Berlin, 2000), p. 273 (entry of Sept. 7, 1939).

[n_378](#)

О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара иностранных дел В.М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. // Известия. 1939. 1 нояб.

[n_379](#)

Телеграмма И.В. Сталина министру иностранных дел Германии г. Иоахиму фон Риббентропу // Правда. 1939. 25 дек.

[n_380](#)

О внешней политике Советского Союза... // Известия. 1939. 1 нояб.

[п_381](#)

Текст договора см.: Правда. 1939. 29 сент.

[п_382](#)

11 марта 1946 года этот перечень был изменен и стал выглядеть следующим образом: 1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР. 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 г. и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские прибалтийские республики (см.: Зоря Ю., Лебедева Н. 1939 год в нюрнбергских досье. Междунар. жизнь. 1989. № 9. С. 127–128).

[п_383](#)

Версальский мирный договор: перев. с франц. М., 1925. С. 40–46.

[п_384](#)

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизв. док. М., 1992. С. 32.

[n_385](#)

См.: Из книги Ганса фон Секта «Германия между Востоком и Западом» // Там же. С. 342–344.

[п_386](#)

Текст договора см.: Известия. 1918. 14 марта.

[п_387](#)

Текст Декларации см.: Известия. 1917. 3 нояб.

[п_388](#)

См.: Международное право: учеб. / отв. ред. Ю.М. Колосов, В.М. Кузнецов. М., 1994. С. 357.

[n_389](#)

Отношение советского правительства к польскому Регентскому Совету // Известия. 1918.
23 июня.
[п_390](#)

Постановление ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского договора // Правда. 1918. 14
нояб.
[п_391](#)

См.: Министру иностранных дел Польской республики г. Василевскому — наркоминдел Г.В. Чичерин. 28 ноября 1918 г. // Известия. 1918. 29 нояб.

[n_392](#)

Версальский мирный договор. С. 16, 40–42.

[п_393](#)

Декреты Советской власти. Т. III. М., 1964. С. 259–260.

[п_394](#)

Линия эта была определена приблизительно следующим образом: Гродно — Валовка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; севернее Гродно граница с литовцами должна была идти вдоль железной дороги Гродно — Вильно и затем на Двинск (Радиотелеграмма британского министра иностранных дел наркому по иностранным делам Чичерину от 12 июля 1920 года. Известия. 1920. 18 июля).

[n_395](#)

Сборник декретов 1919 г. М., 1920. С. 145–146.

[п_396](#)

Г.В. Чичерин — лорду Керзону. Радиотелеграмма от 17 июля 1920 г. // Правда. 1920. 18 июля.

[п_397](#)

В обращении СНК от 20 июля 1920 г. за подписью В.И. Ленина прозвучал призыв к «рабочим, крестьянам и всем честным гражданам Советской России и Советской Украины» устремить «мощь Рабоче-Крестьянской Красной армии на полный разгром буржуазно-шляхтских насильников Польши» (Правда. 1920. 21 июля).

[n_398](#)

Цит. по: Иванов В. Реквием на победных литаврах // Урал. 1994. № 2–3. С. 242.

[п_399](#)

См. там же.

[п_400](#)

См. там же. С. 236.

[п_401](#)

К пролетариям и пролетаркам всех стран // Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. М., 1934. С. 588.
[n_402](#)

К Красной армии, Красному флоту РСФСР // Протоколы конгрессов Коммунистического Интернационала. С. 586.

[n_403](#)

Там же. С. 556, 563.

[п_404](#)

См., напр.: Коммунистические партии и парламентаризм // Там же. С. 507; Проект тезисов для коммунистического женского движения // Там же. С. 674.

[n_405](#)

Конституция РСФСР 1918 года // Образование СССР. Сб. документов. 1917–1924. М.: Л., 1949. С. 55.

[n_406](#)

Ленин В.И. Эпидемия доверчивости // Полн. собр. соч. Т. 32. Май — июль 1917. М., 1962.
С. 315.
[n_407](#)

Он же. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Полн. собр. соч. Т. 12. Октябрь 1905 — апрель 1906. М., 1960. С. 320.

[n_408](#)

По мнению крупнейшего мыслителя XX века Бертрانا Рассела, высказанному летом 1920 г. в результате поездки по Советской России, соглашения советского правительства с капиталистическими государствами могут быть лишь паллиативами и никогда не склонят обе стороны к честному миру (Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 18). Он же однозначно трактует социалистическую революцию, в том числе и в мировом масштабе, как свержение капиталистических порядков только силой оружия.

[n_409](#)

Текст Декларации см.: Образование и развитие СССР как союзного государства. Сб. законодат. и др. норм, актов. М., 1972. С. 162–164.

[n_410](#)

Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 243.

[п_411](#)

Правда. 1920. 23 сент.

[п_412](#)

Известия. 1939. 30 окт.

[п_413](#)

Там же. 1939. 28 окт.

[п_414](#)

Там же. 1940. 23 июля.

[п_415](#)

Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 244; Яжборовская И.С. Между Киевом и Варшавой (Советско-польская война 1920 г.) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди/сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 25.

[п_416](#)

Там же.

[п_417](#)

На фронтах революции // Правда. 1920. 3 окт.

[п_418](#)

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. М., 1938. С. 64–65.

[n_419](#)

Правда. 1920. 17 окт.

[п_420](#)

Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 618–642.

[п_421](#)

См.: Чубарьян А.О. В преддверии Второй мировой войны // Открывая новые страницы...
С. 60.
[n_422](#)

Версальский мирный договор. С. 50.

[п_423](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990. С. 110.

[n_424](#)

Великая Отечественная народная 1941–1945: Краткий исторический очерк / под ред. П.А. Жилина. М., 1985. С. 17–18.

[n_425](#)

Варшава готова возобновить военно-технические связи с Москвой // Известия. 1995. 12 мая.
[п_426](#)

Оперативный план войны, являясь концентрированным выражением военной доктрины, принятой в государстве, представляет собой стержневой документ, вокруг которого увязывается в единое целое мобилизационный план, тип строительства вооруженных сил, программа развития вооружений и боевой техники, подготовки резервов, планы экономических мероприятий и т. д.

[n_427](#)

См.: 1937. Показания маршала Тухачевского/публ. В.К Виноградова // ВИЖ. 1991. № 8. С. 47.
[n_428](#)

Версальский мирный договор. С. 63~65, 67–68, 84–87.

[п_429](#)

Правда. 1920. 17 окт.

[п_430](#)

Чехо-Словакии были посвящены ст. 81–86 Версальского мирного договора 1919 г., Польше — ст. 87–93, Восточной Пруссии — ст. 94–98, Мемелю — ст. 99. (Версальский мирный договор. С. 38–48.)

[n_431](#)

Впрочем, использование чужих трений и противоречий для достижения собственных целей — не новый прием в арсенале дипломатических средств осуществления внешней политики государств. В конце 1914 г. департамент иностранных дел Германии предложил Кайзеру «вбить клин между нашими врагами и как можно скорее добиться сепаратного мира с тем или иным противником». В качестве такого «клина» предлагалось использовать русскую социал-демократию, способную крупными политическими стачками дестабилизировать царский режим. Сотрудничество русской социал-демократической эмиграции, стоявшей на позициях поражения собственной страны в войне как предпосылки революции, с германскими правящими кругами, ранее остававшееся лишь предметом политических спекуляций, ныне документально установлено (см.: Рейхсмарки для диктатуры пролетариата. Достоянием гласности стали новые документы о революции 1917 г. // Аргументы и факты. 1992. № 3). Как о доказанном факте пишет об этом ознакомившийся с ранее не известными материалами Д. А. Волкогонов (см.: Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. В 2 кн. Кн. II. М., 1994. С. 455).

[n_432](#)

См. там же. Кн. 1. С. 19–20.

[п_433](#)

См.: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 13.

[п_434](#)

Договор, заключенный между РСФСР и Германией в Рапалло // Известия. 1922. 10 мая.
[п_435](#)

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 53.

[п_436](#)

Там же.

[п. 437](#)

Правда. 1939. 29 сент.

[п_438](#)

О формах этого сотрудничества также см.: Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 237–239; Горлов С.А., Ермаченков С.В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // ВИЖ. 1993. № 6. С. 39–44; № 7. С. 41–44; № 8. С. 36–42.

[n_439](#)

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 19.

[п_440](#)

Там же.

[п_441](#)

Там же. С. 216.

[п_442](#)

Там же. С. 11.

[п_443](#)

Иванов В. Реквием на победных литаврах. С. 238.

[п_444](#)

В деле Тухачевского Сталин и Гитлер впервые «сыграли на пару». По поручению Гитлера начальник политической полиции Гейдрих сфабриковал компрометирующий материал на Тухачевского: якобы во время пребывания последнего во Франции в 1936 г. он в конфиденциальных разговорах весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему «нового Рапалло». Этот материал через чехословацкого президента Бенеша был подброшен Сталину и передан военному суду маршалов (Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 350–354; См. также: Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. Кн. 1. Барнаул, 1990. С. 506–508).

[n_445](#)

Гораций Гумбольд — Артуру Гендерсону. Сведения, переданные английским военным атташе в Берлине // Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 110.

[п_446](#)

Письмо В.Н. Левичева из Германии от 12 мая 1933 г. // Там же С. 291.

[п_447](#)

Фон Дирксен — фон Бюлову. Письмо от 17 октября 1931 г. // Там же. С. 121.

[п_448](#)

Там же.

[п_449](#)

См.: Игнатов А. Человек, предсказавший пакт Молотова-Риббентропа // Рос. вести. 1994.
6 сент.
[n_450](#)

См.: Версальский мирный договор. С. 49–50.

[n_451](#)

Фон Дирксен о своей встрече с Ворошиловым 12 декабря 1931 г. // Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 129.

[n_452](#)

См.: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 108.

[п_453](#)

Меморандум МИД Германии от 27 июля 1939 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 1.
Вильнюс. 1989. С. 23.

[n_454](#)

Инструкция статс-секретаря МИД Германии германскому послу в Москве от 29 июля 1939 г. // Там же. С. 25–26.

[n_455](#)

Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 166 от 3 августа 1939 г. // Там же. С. 28.

[n_456](#)

Цит. по: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 25.

[п_457](#)

Хаффнер С. Дьявольский пакт. Пятьдесят лет германо-русских отношений // Цит. по:
Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. С. 364.

[n_458](#)

Правда. 1939. 24 авг.

[n_459](#)

Семиряга М. И. Советско-германские договоренности в 1939 — июне 1941 г.: взгляд историка // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 93.

[n_460](#)

Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Там же. С. 106.

[n_461](#)

Известия. 1989. 25 дек.

[п_462](#)

Правда. 1989. 28 дек.

[п_463](#)

Текст договора см.: Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. III. М., 1945. С. 517–519.
[п_464](#)

Текст пакта см. там же. С. 556–557.

[п_465](#)

Текст пакта см. там же. С. 566–568.

[п_466](#)

Текст договора см. там же. С. 526–527.

[п_467](#)

Текст договора см. там же. С. 549–551.

[п_468](#)

Текст договора см. там же. С. 658–659.

[п_469](#)

Советский проект пакта о ненападении гласил дословно следующее: «Правительство СССР и Правительство Германии, руководствуясь желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений Договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 г., пришли к следующему соглашению:

Статья 1. Обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от всякого акта насилия и агрессивного действия в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2. В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон окажется объектом акта насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Высокая Договаривающаяся Сторона не будет ни в какой форме поддерживать подобный акт этой державы.

Статья 3. В случае возникновения споров или конфликтов между Высокими Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода обе стороны обязуются разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимных консультаций или, если необходимо, путем создания соответствующих арбитражных комиссий.

Статья 4. Настоящий договор заключается сроком на пять лет, причем если одна из Высоких Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5. Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего договор вступает в силу.

Постскриптум

Настоящий договор вступает в силу только в случае одновременного подписания специального протокола по внешнеполитическим вопросам, представляющим интерес для Высоких Договаривающихся Сторон. Протокол является составной частью Пакта/см.: Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 190 от 19 августа // СССР — Германия. 1939–1941. Т. I. С. 47–48.

[n_470](#)

Правда. 1939. 1 сент.

[п_471](#)

См., напр.: Бережков В.М. Приговор выносит время // Неделя. 1989. № 31. С. 10.
[п_472](#)

Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 94.

[п_473](#)

См.: Уроки прошлого, выводы на будущее // Известия. 1989. 24 авг.

[п_474](#)

Сравнение этих соглашений возможно лишь по оценке, заявленной в отношении них мировым сообществом. Комментируя заключение советско-германского договора о нейтралитете от 24 апреля 1926 г., французская газета «Авенир» («Будущее») писала: «Германия под носом у нас подготавливает реванш. При желании Германии Красная армия вторично вторгнется в Польшу» (цит. по: Советско-германский договор — бельмо на глазу империалистов // Правда. 1926. 29 апр.). То, чему не суждено было случиться в то время, было осуществлено в сентябре 1939 г.

[n_475](#)

Статья 2 Берлинского договора гласила: «Если, вопреки своему мирному поведению, одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта» (Правда. 1926. 27 апр.).

[n_476](#)

Правда. 1939. 1 сент.

[п_477](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939: пер. с нем. М., 1990. С. 297.

[n_478](#)

Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 97.

[п_479](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 297.

[п_480](#)

Названная статья гласила следующее: «Обязательства, изложенные в предшествующих статьях, не могут никаким образом ограничить или изменить права и обязанности, вытекающие для каждой из высоких договаривающихся сторон из соглашений, заключенных ею ранее вступления в силу настоящего договора, причем каждая из сторон заявляет настоящей статьёй, что она не связана никаким соглашением, налагающим на нее обязательство участвовать в нападении, предпринятом третьим государством».

[п_481](#)

Текст протокола от 5 мая 1934 г. о продлении срока действия договора о ненападении между СССР и Польшей см.: Внешняя политика СССР. Т. III. С. 714–715. Действие этого пакта было еще раз подтверждено сторонами 26 ноября 1938 г. (см.: Известия. 1938. 27 нояб.).

[п_482](#)

Текст договора см. там же. 1941. 6 апр.

[п_483](#)

Так, ч. 1 ст. 2 договора о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 г., имея условием своего применения ту же ситуацию, что и ст. 2 советско-югославского договора от 1941 г., т. е. случай, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, накладывала на другую договаривающуюся сторону обязательство не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи и поддержки нападающему государству в продолжение всего конфликта.

[п_484](#)

Для сравнения приведем статью II договора о взаимопомощи между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г., говорившую о том, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон любой европейской державы Советский Союз и Литва обязуются оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную/Известия. 1939. 11 окт./.

[n_485](#)

Ратификация советско-германского договора о ненападении была осуществлена 31 августа 1939 г. Верховным Советом СССР, а не его Президиумом. Это являлось отступлением от установленного Законом СССР от 20 августа 1938 г. «О порядке ратификации и денонсации международных договоров СССР» правила (в качестве примера следования данному правилу приведем ратификацию Президиумом ВС СССР 29 сентября 1939 г. советско-эстонского пакта о взаимопомощи от 28 сентября 1939 г. (см.: Сообщение ТАСС о ратификации советско-эстонского пакта о взаимопомощи Президиумом Верховного Совета СССР // Известия. 1939. 30 сент.), ибо ст. 1 названного закона гласила: «В соответствии с пунктом «м» статьи 49 Конституции СССР ратификация международных договоров производится Президиумом Верховного Совета СССР» (Текст закона см.: Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973. С. 490). Однако выводить из этого недействительность постановления Верховного Совета и ратификации советско-германского договора о ненападении не следует, так как в регламентировавшей компетенцию Верховного Совета СССР ст. 31 Конституции СССР 1936 г. говорилось, что «Верховный Совет СССР осуществляет все права, присвоенные Союзу ССР согласно статье 14 Конституции (пункт «а» статьи 14 Конституции относил ратификацию договоров с другими государствами к ведению СССР. — А. П.), поскольку они не входят, в силу Конституции, в компетенцию подотчетных Верховному Совету СССР органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Народных Комиссариатов СССР» (Конституция СССР 1936 г. // Там же. С. 455, 457, 459). Такая формулировка ст. 31 призвана была не подчеркнуть отсутствие у Верховного Совета каких-либо полномочий, а, не перечисляя их конкретно, определить круг его полномочий в целом. Иначе в тексте статьи употреблялся бы оборот: «... за исключением тех полномочий, которые, в силу Конституции, входят в компетенцию подотчетных Верховному Совету органов СССР: Президиума Верховного Совета СССР...». В тексте же ст. 31 Конституции употреблялся пояснительный, а не противительный союз «поскольку».

Очевидно, что вынесение вопроса о ратификации советско-германского договора о ненападении на рассмотрение Верховного Совета СССР, а не его Президиума, потребовалось Сталину для придания этому процессу демонстрационного характера. На это указывает и сопровождавший вынесение договора на ратификацию доклад В.М. Молотова о советской внешней политике, призванный привлечь внимание мировой общественности. Советское руководство сочло необходимым на весь мир заявить о своем желании остаться в стороне от грядущей войны в Европе, неизбежность которой после подписания советско-германских соглашений Сталин отчетливо сознавал.

Версальский мирный договор: Перев. с франц. М., 1925. С. 112.

[n_487](#)

Известия. 1989. 25 дек.

[п_488](#)

Правда. 1989. 28 дек.

[п_489](#)

Там же.

[п_490](#)

Бывший руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин рассказывает: «То, что Горбачев большой мистификатор, секрета не представляет. Во всяком случае, в 1987 г. секретные протоколы и карты были положены ему на стол. Он расстелил карту и долго изучал ее. Это была крупномасштабная карта с обозначением населенных пунктов, рек и прочего на немецком языке. Он изучал линию границы, которая была согласована. Насколько помню, там стояли две подписи: Сталина и Риббентропа. Потом Горбачев посмотрел и сам протокол — небольшой документ, по-моему, всего два листочка, и обратил внимание на то, что подпись Молотова была сделана латинскими буквами. Та главная загадка, которая всех сбивала с толку и была необъяснима. Горбачев изучал документы долго, потом сказал: «Убери, и подальше!»

Шло время, и вдруг эти протоколы стали вызывать повышенный интерес. Их запрашивали и Фалин, и Яковлев. Я доложил об этом Горбачеву. Он сказал: «Никому ничего давать не надо. Кому нужно — скажу сам».

А на первом Съезде народных депутатов он заявляет, что «все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом».... Вскоре после этого он пригласил меня к себе и спросил как бы между прочим, уничтожил ли я эти документы. Я ответил, что сделать этого не могу, на это нужно специальное решение. Он: «Ты понимаешь, что представляет сейчас этот документ?» Ну, после того как он на весь мир заявил, что документов этих не видел, я представлял, насколько для него это неудобная тема, он хотел бы поскорее уйти от нее и забыть, но сделать это было не так-то просто. Он еще дважды спрашивал, уничтожены ли секретные протоколы.... Документы эти многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках, поэтому либо надо было уничтожить все книги, потому что подтирки делать там, естественно, нельзя, либо переписывать книги заново, — а это многолетние, начиная с тридцатых годов, записи. Вообще сделать это невозможно в принципе» (Гарифуллина Н. Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин «уточняет» А. Яковлева и М. Горбачева // Сов. Россия. 1993. 11 марта).

[n_491](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 464–465.

[п_492](#)

И. Фляйшхауэр пишет: «Секретный дополнительный протокол... никогда не был ратифицирован и уже по этой конституционно-правовой причине оставался недействительным» (Там же. С. 301).

[n_493](#)

Текст закона см.: Образование и развитие Союза Советских Социалистических Республик. С. 490.

Отметим, что ни законодательство бывшего Союза ССР, ни современное российское законодательство никогда не требовало и не требует ратификации всех заключаемых нами международных договоров. Так, п. 2 постановления от 21 мая 1925 г. первой сессии ЦИК Союза ССР III созыва «О порядке заключения и ратификации международных договоров Союза ССР» (СЗ СССР. 1925. № 35. Ст. 258) гласил: «Ратификации подлежат договоры и соглашения о заключении мира, об изменении границ Союза ССР, а равно договоры, требующие ратификации согласно законам страны, с которой договор заключается». Ныне перечень международных договоров Российской Федерации, подлежащих ратификации, устанавливается ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» (Собр. законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757), т. е. закон опять не говорит об обязательности ратификации каждого из заключаемых Россией международных договоров.

[п_494](#)

Ляхс М. Многосторонние договоры. М., 1960. С. 186–187.

[п_495](#)

Правда. 1989. 28 дек.

[п_496](#)

В Москве Риббентроп, по его собственному признанию, исходил из того, что в вопросе разграничения «сфер интересов» речь между двумя странами шла о «территориях, которые были утрачены обеими сторонами в результате неудачной войны» (цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 457). Таким образом, одной из целей советско-германского политического сближения был реванш за поражение в Первой мировой войне.

[п_497](#)

Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права. С. 107.

[n_498](#)

Правда. 1989. 28 дек.

[n_499](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 301.

[п_500](#)

Там же. С. 302.

[n_501](#)

Текст документа см.: Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС
// Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 90.

[n_502](#)

Там же. С. 92.

[п_503](#)

Известия. 1928. 1 сент.

[п_504](#)

Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права. С. 107.

[n_505](#)

Правда. 1989. 28 дек.

[n_506](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 355.

[п_507](#)

Известия. 1917. 27 окт.

В предисловии к опубликованию секретных дипломатических документов из области внешней политики царизма и буржуазно-коалиционных правительств (Известия. 1917. 10 нояб.) говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство упраздняет тайную дипломатию с ее интригами, цифрами и ложью. Нам нечего скрывать».

[n_508](#)

Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981.
С. 262.
[n_509](#)

Там же.

[n_510](#)

Там же.

[n_511](#)

Цит. по: Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1990. С. 161.

[n_512](#)

Там же.

[n_513](#)

Там же. С. 162.

[n_514](#)

Гитлер призвал «полностью истребить» врагов немецкого народа — евреев, демократии и «международные державы». Ближайшими жертвами должны были стать Чехословакия и Польша. Затем «Германия раз и навсегда сведет счеты со своим извечным врагом — Францией». Падет и Англия, «ослабленная демократией». Используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, «мы сведем счеты с еврейскими королями доллара в Соединенных Штатах» (Год кризиса. 1938-1939. Документы и материалы. Т. 1. М., 1990. С. 253–254).

[n_515](#)

Цит. по: Берлинский пакт о Тройственном союзе // Правда. 1940. 30 сент.
[n_516](#)

См. там же.

[п_517](#)

На это министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп обратил внимание советских лидеров вначале в письме от 13 октября 1940 г., адресованном Сталину (см.: Риббентроп — Сталину. Письмо // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 2. С. 88), затем — в ходе переговоров, состоявшихся между ним и В.М. Молотовым в Берлине 12 ноября 1940 г. (см.: Запись беседы между Риббентропом и Молотовым в присутствии замнаркоминдел СССР В. Г. Деканозова и советников посольств Хильгера и Павлова в качестве переводчиков. Берлин, 12 ноября 1940 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 2. С. 98).

[n_518](#)

Курс международного права. В 7 т. Т. 6. М., 1992. С. 253; Международное право: учеб./Отв. ред. Ю.М. Колосов, В.М. Кузнецов. М., 1994. С. 351–352.

[n_519](#)

Перечень участников Гаагских конвенций 1907 г. см.: Международное право в избранных документах. Т. III. М., 1957. С. 275–276.

[n_520](#)

Семиряга М.И. Советско-германские договоренности в 1939 — июне 1941 г.: взгляд историка // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 98.

[n_521](#)

См.: Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. В 2 т. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 287.

В телеграмме МИД Германии от 5 сентября 1940 г. послу Шуленбургу говорилось: «Наш военный флот намерен отказаться от предоставленной ему базы на Мурманском побережье, так как в настоящее время ему достаточно базы в Норвегии. Пожалуйста, уведомите об этом решении русских и от имени имперского правительства выразите им благодарность за неоценимую помощь» (СССР — Германия. 1939–1941. Т. 2. С. 76–77).

[n_522](#)

Международное право: учеб. С. 352–353.

[п_523](#)

См.: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 98.

[п_524](#)

См.: Кулиш В.М. У порога войны // Страницы истории советского общества: Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 303.

[n_525](#)

См. там же.

[п_526](#)

Об этом заявлении напомнил 21 апреля 1941 г. поверенному в делах Германии в СССР Типпельскирху генеральный секретарь Наркомата индел СССР А.А. Соболев (см.: Поверенный в делах Типпельскирх — в МИД Германии. Телеграмма № 957 // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 2. С. 159–160).

[n_527](#)

См.: Кулиш В.М. У порога войны // Страницы истории советского общества... С. 303.
[п_528](#)

Международное право: учеб. С. 353.

[п_529](#)

Советско-германские документы 1939–1941 гг. Из архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 89.

[n_530](#)

Там же. С. 90.

[n_531](#)

Цит. по: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 99.

[п_532](#)

Внешняя политика СССР. Т. IV. М., 1946. С. 445.

[п_533](#)

Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 98.

[п_534](#)

Там же.

[п_535](#)

Германский посол в Москве — в Министерство иностранных дел Германии. Телеграмма № 279 от 6 сентября 1939 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Т. 1. С. 83.

[n_536](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 311.

[п_537](#)

Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 253 от 3 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 80–81.

[n_538](#)

Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 264 от 5 сентября 1939 г.
// Там же. С. 81.

[n_539](#)

Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 300 от 8 сентября 1939 г.
// Там же. С. 84.

[n_540](#)

Имперский министр иностранных дел — германскому послу в Москве. Телеграмма № 300 от 8 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 85.

[n_541](#)

См.: Сообщение германского верховного командования. Капитуляция Варшавы // Известия. 1939. 28 сент.
[п_542](#)

Несколькими днями позже такое основание для советских действий в Польше, как угроза, исходящая со стороны Германии украинскому и белорусскому населению, было отброшено, ибо, вопреки выраженному Германией и СССР желанию иметь дружественные отношения, представило бы их всему миру как врагов.

[n_543](#)

Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 317 от 10 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 87.

[n_544](#)

Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 350 от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 90.

[n_545](#)

См.: Иванов В. Канун катастрофы // Урал. 1994. № 10–11. С. 118.

[п_546](#)

О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сент.
[п_547](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины // Вопросы истории. 1989.
№ 6. С. 7.
[n_548](#)

Военные действия между Германией и Польшей. Рига, 17 сентября (ТАСС) // Известия.
1939. 18 сент.
[п_549](#)

Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 372 от 17 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 5.

[n_550](#)

Об инсценировке Германией этих «польских провокаций» см.: Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. С. 318–320.

[n_551](#)

Заседание германского рейхстага. Выступление Гитлера // Правда. 1939. 2 сент.
[n_552](#)

См.: Нота правительства СССР, врученная утром 17 сентября 1939 г. послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР // Правда. 1939. 18 сент.

[n_553](#)

Нота правительства СССР, врученная польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 18 сент.

[n_554](#)

Там же.

[n_555](#)

Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 693.

[п_556](#)

Из донесения Берия Ворошилову. 17 сентября 1939 г. // Бушуева Т.С. Счастье на шгыках. Неизв. док. из рос. архивов // Октябрь. 1993. № 11. С. 165.

[n_557](#)

Известия. 1939. 18 сент.

[п_558](#)

О внешней политике Советского Союза...

[п_559](#)

См.: «Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 24.

[n_560](#)

Правда. 1939. 7 нояб.

[п_561](#)

Собр. законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1758.

[n_562](#)

Собр. законодательства РФ. 2003. № 10. Ст. 902.

[п_563](#)

Военный энциклопедический словарь. С. 226.

[п_564](#)

См.: О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел В. М. Молотова на заседании Верховного Совета Союза ССР 31 октября 1939 г. // Известия. 1939. 1 нояб.

[n_565](#)

Из донесения Л.З. Мехлиса Сталину и Ворошилову. 24 сентября 1939 г. // Бушуева Т.С.
Счастье на штыках С. 165.

[n_566](#)

Из приказа № 10 войскам 3-й армии Белорусского фронта. 23 сентября 1939 г. // Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 166.

[n_567](#)

См.: Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 22 сентября 1939 г. // Известия. 1939. 23 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 23 сент. 1939 г. // Там же. 24 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 24 сентября 1939 г. // Там же. 26 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 25 сентября 1939 г. // Там же. 26 сент.; Оперативная сводка Генерального штаба РККА. 27 сентября 1939 г. // Там же. 28 сент.

[п_568](#)

См.: О внешней политике Советского Союза...

[п_569](#)

См.: Семиряга М.И. Преступление в Катъни // Сов. государство и право. 1990. № 12. С. 110.
[n_570](#)

Там же.

[п_571](#)

Эта цифра приведена верховным командованием германской армии 24 сентября 1939 года (см.: Германское командование об итогах войны в Польше. Берлин. 24 сентября 1939 года (ТАСС) // Известия. 1939. 26 сент.).

[п_572](#)

Цит. по: Иванов В. Канун катастрофы. С. 120.

[п_573](#)

«Круглый стол»: Вторая мировая война — истоки и причины. С. 7.

[n_574](#)

См.: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 101.

[п_575](#)

См.: Соглашение между правительством СССР и польским правительством о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии, подписанное в Лондоне // Правда. 1941. 31 июля.

[n_576](#)

Внешняя политика СССР. Т. III. С. 645–646.

[п_577](#)

Там же. С. 647.

[п_578](#)

Правда. 1939. 29 сент.

[п_579](#)

Там же. 30 сент.

По оценке М.И. Семиряги, предупреждение о том, что СССР и Германия будут консультироваться о принятии «необходимых мер», означало, что советское руководство в обстановке продолжающейся войны совместно с одной из воюющих сторон (Германией) шло на прямую конфронтацию с другой стороной (Англией и Францией), подвергая тем самым свою страну реальной угрозе быть вовлеченной в войну (см.: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 103).

[n_580](#)

См.: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 102.

[п_581](#)

Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Л., 1926. С. 200.

[п_582](#)

Там же. С. 202.

[п_583](#)

Оценивая действия Красной армии в Восточной Польше, М.И. Семиряга делает вывод о том, что по своему характеру это была военная акция, но не объявленная официально (Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 101). Пожалуй, первым из отечественных ученых назвать события сентября 1939 г. советско-германской войной против Польши осмелился Д. Наджафов (см.: «Искренне Ваш Дж. Эдгар Гувер...» // Коме, правда. 1990. № 259). Правда, свое высказывание Д. Наджафов с точки зрения права никак не обосновал.

[n_584](#)

Текст договора см.: Внешняя политика СССР Т. III. С. 556–557.

[п_585](#)

Текст договора см.: Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 618–642.
[п_586](#)

См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 176.

[п_587](#)

См. там же. С. 196.

[п_588](#)

См. там же. С. 250.

[п_589](#)

См.: Германо-советское коммюнике от 22 сентября 1939 г. // Правда. 1939. 23 сент.

В беседе с послом Шуленбургом, состоявшейся 19 сентября 1939 г., Молотов дал понять, что первоначальное намерение, которое «вынашивалось советским правительством и лично Сталиным», — допустить существование «остатка Польши» (напомним, что абзацы 2 и 3 п. 2 секретного протокола от 23 августа 1939 г. гласили: «Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба правительства (Германии и СССР) будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия» — теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии Писса — Нарев — Висла — Сан (см.: Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 395 от 19 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. ЮЗ-104).

[n_590](#)

Понятие международного преступления см.: Международное право: учеб. С. 267.

[п_591](#)

См.: Курс международного права. Т. 6. С. 251; Международное право: учеб. С. 349.
[n_592](#)

См.: Семиряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 101.

[п_593](#)

Данная цифра приводится Т.С. Бушуевой (см.: Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 166).

На заседании военного трибунала в Нюрнберге летом 1946 г. советский обвинитель Руденко пытался доказать виновность немцев в катынском преступлении. В проекте обвинительного акта в вину подсудимым вменялось убийство в Катыни 925 польских офицеров, позднее было названо число 11 тыс. Защита убедительно парировала данное обвинение, и в конечном счете в приговор оно включено не было. Однако главную роль здесь сыграли не доводы защиты, а предварительная договоренность между союзными обвинителями о том, чтобы снимать с обсуждения все, что могло бы бросить тень на победителей (см.: Плутник А. Тайны Нюрнбергского процесса не раскрыты и 50 лет спустя // Известия. 1995. 13 окт.).

[n_594](#)

См.: Правда. 1990. 14 апр.

[n_595](#)

В. Иванов пишет, однако, что данное Положение было утверждено Совнаркомом еще до вторжения Красной армии в Польшу (см.: Иванов В. Канун катастрофы. С. 118).

[n_596](#)

Текст документа см.: Бушуева Т.С. Счастье на штыках. С. 166.

[n_597](#)

Протокол № 7 решения Политбюро ЦК ВКП (б) за 4 сентября — 3 октября 1939 г. Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии // Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2.: сентябрь — декабрь. М., 1992. С. 22.

[n_598](#)

См.: Зоря Ю.Н. Нюрнбергский бумеранг // ВИЖ. 1990. № 6. С. 48.

[n_599](#)

Толстой А. Чтобы жили они мирно, зажиточно и счастливо // Известия. 1939. 18 сент.
[п_600](#)

1937. Показания маршала Тухачевского. С. 50.

[п_601](#)

О военных преимуществах «первоочередного разгрома прибалтов» см.: 1937. Показания маршала Тухачевского // ВИЖ. 1991. № 9. С. 62.

[n_602](#)

1937. Показания маршала Тухачевского // ВИЖ. 1991. № 8. С. 49.

[п_603](#)

Текст договора о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой от 10 октября 1939 г. см.: Известия. 1939. 11 окт.

И. Фляйшхауэр утверждает, однако, что Вильно и Виленская область были уступлены советским правительством Германии на основании договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. (см.: Фляйшхауэр И. Пакт. С. 307).

[п_604](#)

См.: Германский посол в Москве — в МИД Германии. Телеграмма № 442 от 25 сентября 1939 г. // СССР — Германия. Т. 1. С. 105–106.

[n_605](#)

См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 269.

[п_606](#)

Текст договора см.: Правда. 1939. 29 сент.

[п_607](#)

Текст протокола см.: Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 154–157.
[п_608](#)

Матвеев В. От Балтики до Черного моря // Известия. 1989. 18 авг.

[п_609](#)

См.: Из речи Гитлера в рейхстаге // Правда. 1939. 7 окт.

[п_610](#)

См.: Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А.А. Шкварцева наркоминдел СССР В.М. Молотову. 5 сентября 1939 г. // Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 28.

[n_611](#)

Текст подписанного Молотовым и Риббентропом 28 сентября 1939 г. секретного дополнительного протокола об изменении советско-германского соглашения от 23 августа относительно сфер интересов Германии и СССР см.: Советско-германские договоренности 1939–1941 годов. Из Архива ЦК КПСС. С. 92.

[n_612](#)

Выразителем данного мнения является, в частности, И. Фляйшхауэр, которая, комментируя подписание советско-германского договора о дружбе и границе, пишет: «Тем самым в Польше Красная армия фактически отошла на линию Керзона» (Фляйшхауэр И. Пакт. С. 307).

[n_613](#)

См.: Радиотелеграмма британского министра иностранных дел наркому по иностранным делам Чичерину от 12 июля 1920 года // Известия. 1920. 18 июля.

[n_614](#)

Там же. 1944. 11 янв.

[п_615](#)

Цит. по: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 318–319.

[n_616](#)

Комментируя реакцию зарубежных дипломатов на эти соглашения, советский полпред во Франции Я.З. Суриц писал: «2. Зона, которая по московскому соглашению отходит к СССР, почти всеми знатоками вопроса на Кэ д'Орсе признается областью непольской (за исключением Ламнии). Если подходить под углом этническим, говорил профессор Буане, то СССР ни в каком разделе Польши не участвовал. 3. Совершенно иное отношение к зоне, отошедшей к Германии. За исключением Силезии и части Познани, ее считают областью чисто польской» (Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я.З. Сурица в наркоминдел СССР. 30 сентября 1939 г. // Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 143).

[n_617](#)

Текст протокола см.: Советско-германские документы 1939–1941 годов. Из Архива ЦК КПСС. С. 93.

Для осуществления этой договоренности было установлено сотрудничество между гестапо и НКВД. С этой целью в декабре 1939 года на польской территории, оккупированной Германией, в г. Закопане был создан совместный учебный центр (см.: Семи-ряга М.И. Советско-германские договоренности... С. 102).

[n_618](#)

См.: Мюллерсон Р.А. Советско-германские договоренности 1939 г. в аспекте международного права // Сов. государство и право. 1989. № 9. С. 107.

[n_619](#)

См.: Нота советского правительства о решении прервать отношения с польским правительством. 25 апреля 1943 г. // Внешняя политика СССР. Т.V. М., 1947. С. 269–270; Сообщение ТАСС // Известия. 1944. 18 янв.

[п_620](#)

Текст соглашения см.: Правда. 1941. 31 июля.

[п_621](#)

См.: Протокол № 7 решения Политбюро ЦК ВКП (б) за 4 сентября — 3 октября 1939 г. Вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии // Документы внешней политики. 1939. Т. XXII. Кн. 2. С. 19–20.

[n_622](#)

См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 282.

[п_623](#)

См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. Т. 2. М., 1995. С. 15.
[n_624](#)

См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. Т. 2. С. 282–283; Иванов В. Канун катастрофы. С. 120.
[п_625](#)

См.: Парсадонова В.С. Депортация населения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 26–44.

[n_626](#)

Текст Декларации см.: Известия. 1939. 28 окт.

[п_627](#)

Текст Декларации см. там же. 30 окт.

[п_628](#)

Там же.

[п_629](#)

Там же. 28 окт.

[п_630](#)

Текст Закона см.: Образование и развитие Союза ССР. С. 491.

[п_631](#)

Текст Закона см. там же. С. 491–492.

[п_632](#)

Известия. 1939. 1 нояб.

[п_633](#)

Великая Отечественная народная 1941–1945: Краткий исторический очерк/под ред. А.А. Жилина. М., 1985. С. 27.

[n_634](#)

См.: Буллок А. Гитлер и Сталин. С. 276.

[п_635](#)

См.: Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник № 1. С. 323.

[п_636](#)

См.: Сиполс В.Я. На пути к великой Победе. М., 1985. С. 42–43.

[п_637](#)

См.: Заявление польского правительства о польско-советских отношениях. 25 февраля 1943 г. // Внешняя политика СССР. Т.V. С. 264–265.

[п_638](#)

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. Сб. документов. М., 1984. С. 328.

[n_639](#)

Сообщение ТАСС по поводу Декларации польского правительства // Внешняя политика СССР. Т.V. С. 265.

[n_640](#)

Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия/гл. ред. М.М. Козлов. М., 1985. С. 71.

[n_641](#)

См.: Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 402.

[п_642](#)

См.: Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. С. 408.

[п_643](#)

Там же. С. 285.

[п_644](#)

См.: Внешняя политика СССР. Т.V. С. 536.

[п_645](#)

Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. М., 1984. С. 440.

[п_646](#)

Текст договора см.: Правда. 1945. 17 авг.

[п_647](#)

Текст договора см.: Внешняя политика СССР. Т.V. С. 565–567.

[п_648](#)

См.: Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 327.

[п_649](#)

Александр Гогун — петербургский историк, специализируется на вопросах участия СССР во Второй мировой войне. См.: <http://psyfactor.org/lib/gogun0.htm>
[n_650](#)

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 153.

[n_651](#)

Там же. С. 138.

[п_652](#)

Там же. С. 157.

[п_653](#)

Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б).) М., 1998. С. 272, 275.

[n_654](#)

Готовил ли Сталин наступательную войну... С. 138.

[п_655](#)

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 477.

[n_656](#)

Зимняя война 1939–1940... С. 272.

[п_657](#)

Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 119.

[п_658](#)

Там же. С. 129.

[п_659](#)

См.: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. С. 303.

[n_660](#)

Готовил ли Сталин наступательную войну... С. 87.

[n_661](#)

Там же. С. 128.

[п_662](#)

Там же. С. 157

[п_663](#)

Джангир Гусейнович Наджафов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Эта статья впервые опубликована в журнале «Вопросы истории», № 12, 2006.

[n_664](#)

Лозунги [ЦК ВКП (б)] к 1 мая 1939 года. // Большевик. 1939. № 8. С. 1–3.

[п_665](#)

Вот как оценивал значение советско-германского пакта для реализации его программы завоеваний в Европе сам Гитлер: «В первый раз за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта. Наступили такие условия, о которых мечтали начиная с 1870 г... Сейчас Восточный фронт удерживается силами нескольких дивизий. Создалась такая обстановка, которую раньше мы считали совершенно невозможной». — Совещание руководителей Вермахта 23 ноября 1939 г. (выступление Гитлера). // «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. — М., 1967. С. 77–78.

[n_666](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. — М., 1991. С. 33. Записи за декабрь 1969 — июнь 1983 г.

[n_667](#)

О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. (Постановление Съезда народных депутатов Союза Советских Социалистических Республик 24 декабря 1989 г.). // Правда. 1989. 28 декабря.

[n_668](#)

Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.] // Министерство иностранных дел СССР. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. — М., 1990. Т. 2. С. 321.

[п_669](#)

Первый и самый важный из шести секретных советско-германских протоколов 1939–1940 годов.
[п_670](#)

О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. // Правда. 1989. 28 декабря.

[n_671](#)

Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. — М, 2001. С. 476. См. также: Искендеров А.А. Закат империи. — М., 2001; Ожиганов Э.Н. Сумерки России. — М., 1996; Бузгалин А. В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. — М., 2003; Буровский А.М. Крах империи. Курс неизвестной истории. — Красноярск, 2004; Гайдар Е.Т. Гибель империй. Уроки для современной России. — М., 2006 и др.

[п_672](#)

См., например: Филитов А.М. Советская политика и объединение Германии (1989–1991 годы). // Отечественная история. 2004. № 6. С. 45–60.

[n_673](#)

Краткий отчет о работе совещания военных миссий СССР, Англии и Франции. Август 1939 г. Секретно. // Министерство иностранных дел СССР. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). — М., 1957. Т. 22. Кн. 1. С. 669.

[n_674](#)

После подписания советско-германского пакта члены Политбюро собрались за обеденным столом у Сталина, который «был в очень хорошем настроении, говорил: вот, мол, завтра англичане и французы узнают об этом и уедут ни с чем». — Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // Вопросы истории (ВИ). 1990. № 7. С. 86.

[n_675](#)

Годовщина советско-германского пакта. // Правда. 1940. 23 августа (курсив мой).
[п_676](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 16 (курсив мой). Запись за 24 июля 1978 г.

[п_677](#)

Из дневника Г. Димитрова об указаниях И.В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах компартий. 7 сентября 1939 г. // Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. — М., 2004. С. 780–781.

[п_678](#)

Дневник полпреда СССР в Германии Мерекалова А.Ф. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 082. Опись 4. Папка 27. Дело 60. Лист 8; Письма и дневники из посольства СССР в Германии. // Там же. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 67. Л. 24.

[n_679](#)

См. тексты международного раздела последней главы сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)» и доклада Сталина на XVIII партийном съезде.

[n_680](#)

См. Попов Г.Х. Три войны Сталина. — М., 2006.

[п_681](#)

Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. — М., 1992. С. 54.

[п_682](#)

Там же. С. 56.

[п_683](#)

Фальсификаторы истории. (Историческая справка.) — М., 1948. С. 54. Брошюра (на 79 страницах), подписанная к печати 18 февраля 1948 г., была издана массовым тиражом от имени Советского информационного бюро.

Это был советский пропагандистский ответ (с обещанием подкрепить его «в ближайшее время» публикацией трофейных секретных документов) на англо-франко-американскую публикацию немецких архивных документов «Нацистско-советские отношения в 1939–1941 годы». // *Nazi-Soviet Relations. 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Policy.* Washington, 1948.

Целью советской публикации было «правильно осветить» ход событий, приведших ко Второй мировой войне, в частности опровергнуть обвинения в том, что советско-германский пакт 1939 г. имел антизападную направленность.

Брошюра готовилась по указанию Сталина и была отредактирована им. Сталину принадлежит авторство названия брошюры, как и оглавлений второй и третьей глав. Им же собственноручно вписаны оценки советско-германского пакта и его сопоставление с Брестским миром 1918 г.

О степени достоверности материалов брошюры дает представление тот простой факт, что в ней нет и намека на существование Секретного дополнительного протокола к пакту.

См. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 243: «Фальсификаторы истории». 3 февраля — 17 февраля 1948 г. На 159 л.

[n_684](#)

См. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 80. Запись за 9 июля 1971 г.; Мемуары Н.С. Хрущева. // ВИ. 1990. № 7. С. 85; Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. — М., 1999. С. 376.

[n_685](#)

Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР». 31 мая 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 524–525.

[п_686](#)

Внешняя политика СССР. Из доклада В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Кн. 1–2. Vilnius, 1989. Кн. 2. С. 74.
[n_687](#)

Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией. [28 сентября 1939 г.] // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 134–135.

[n_688](#)

VIII Всероссийский съезд Советов. 22–29 декабря 1920 г. Доклад о концессиях на фракции РКП (б) VIII съезда Советов 21 декабря. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 104.
[n_689](#)

Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле. 1 июля 1940 г. Сов. секретно. // ДВП СССР. Т. XXIII. Кн. 1. С. 395 (курсив мой). В меморандуме об этой беседе, врученном по указанию Сталина германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу, говорилось, что Советский Союз «предпримет все меры для того, чтобы предотвратить восстановление прежнего баланса сил в Европе». // Посол Шуленбург — в МИД Германии. Телеграмма. Москва. 13 июля 1940 г. // СССР — Германия. 1939–1941. Кн. 2. С. 68.

[n_690](#)

Таммерман Х. Россия и Германия. // Полис. 1995. № 5. С. 49 (курсив мой). Антизападная направленность Рапалльского договора признается в официозной «Истории внешней политики СССР», в которой подчеркиваются выгоды договора как для Советской России («это был удар по империалистической политике изоляции Советской России»), так и для Германии («для Германии Рапалльский договор был важной опорой в борьбе против давления и шантажа со стороны держав-победительниц»). — История внешней политики СССР. 1917–1985. В 2 т. — М., 1986. Т. 1. С. 164.

[n_691](#)

Фейнберг Е.Л. Что привело Гитлера к власти? И кто? // Эпоха и личность. Физики. Очерки и воспоминания. 2-е изд. — М, 2003. С. 359.

[n_692](#)

Правительственная газета «Известия» в передовой статье, «приветствуя продление Берлинского договора», в завершение писала: «Дружественные отношения вызывают дружественный ответ, враждебные действия вызывают соответствующий отпор». — Цит. по: ДВП СССР. Т. 16. С. 825. См. подробнее: Случ С.З. Сталин и Гитлер. 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля. // Отечественная история. 2005. № 1. С. 98–119.

[n_693](#)

Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б). 26 января 1934 г.
// Сочинения. Т. 13. С. 302–303.

[n_694](#)

ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 609 (курсив мой). Цитируется по немецкой записи переговоров Сталина и Молотова с Риббентропом, завершившихся подписанием Договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. и двух секретных дополнительных протоколов. // Там же. С. 134–136.

[n_695](#)

Там же. С. 609 (курсив мой).

[п_696](#)

Заместитель] Нач[альника] ИНО ГУГБ Слуцкий — товарищу Сталину. [29 марта 1935 г.]
// РГАСПИ. Ф. 558. Д. 188. Л. 74–78.

[n_697](#)

Там же. Л. 77.

[п_698](#)

Телеграмма И.В. Сталина президенту Германской Демократической Республики господину Вильгельму Пику, премьер-министру Германской Демократической Республики господину Отто Гротеволу. 13 октября 1949 г. // Известия. 1949. 14 октября

[п_699](#)

Выступление В.М. Молотова на внеочередной IV сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. 31 августа 1939 г. // Известия. 1 сентября 1939 г.

[n_700](#)

Переоценка своих сил и возможностей сказалась на речи Сталина на XVIII съезде в марте 1939 г., целиком построенной на противопоставлении СССР всему остальному — капиталистическому миру. Главный партийный орган журнал «Большевик», комментируя итоги съезда, писал в передовой статье: «Политика Советского Союза в корне противоположна политике капиталистических стран». — «Величественная программа борьбы за коммунизм». // Большевик. 1939. № 8. С. 6.

[n_701](#)

Маленков Г.М. Информационное сообщение о деятельности ЦК ВКП (б). // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. — М., 1998. С. 81 (курсив мой).
[n_702](#)

Пакт представлялся многим документом, который ввел мир в заблуждение по причине сокрытия Секретного дополнительного протокола. // См., например: Divine R. The Reluctant Belligerent: American Entry into World War II. New York, etc. 1965. P. 64.

[n_703](#)

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.] // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 630–632.

[n_704](#)

[Договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией] [24 апреля 1926 г.] // Там же. Т. 9. С. 250.

[n_705](#)

Как известно, заключение советско-германского пакта испортило отношения Германии с Японией и Советского Союза со странами Запада.

[n_706](#)

Речь председателя советской делегации М.М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги Наций. Женева, 14 сентября 1935 г. // ДВП СССР. Т. 18. С. 510–511 (курсив мой).

[n_707](#)

Германо-советское коммюнике. 18 сентября 1939 г. // Там же. Т. 22. Кн. 2. С. 98.
[п_708](#)

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. 20 сентября 1939 г. Секретно. // Там же. С. 107.

[n_709](#)

Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б). 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. С. 246. Р. Такер, американский биограф Сталина, основываясь на сталинских высказываниях, пишет, что в своих действиях и политике советский вождь усматривал связь между революционной ситуацией 1917 г. и тем, как развивались международные отношения в 1930-е годы. Другой выношенной идеей Сталина была тема заговора внутренних и внешних врагов, ставшая «одной из характерных черт сталинского мышления». // Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. — М., 1990. С. 404.

[п_710](#)

Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 15.

[n_711](#)

Там же. С. 13 (курсив мой).

[п_712](#)

Там же. С. 14.

[п_713](#)

Там же. С. 12.

[п_714](#)

Там же.

[п_715](#)

Там же. С. 13–14.

[n_716](#)

Мемуары Н.С. Хрущева. // ВИ. 1990. № 7. С. 86; Н.С. Хрущев. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 195.

[n_717](#)

Ганелин Р.Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940- 1970-х годах. — С.-Петербург, 2004. С. 26.

[n_718](#)

Первое многоточие — мое, второе — текста.

[n_719](#)

Международная обстановка в 1935–1937 годы... Начало второй империалистической войны. // Правда. 1938. 19 сентября. К мысли, что реваншистские устремления Гитлера в первую очередь обращены против ближайших соседей Германии на западе и востоке от нее, Сталин пришел давно и, судя по его словам и делам, строил на этом прогнозе (оправдавшемся!) свою предвоенную политику. — См. «Рукопись статьи М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина. 29 марта 1935 г.» // Известия ЦК КПСС. 1990, № 1. С. 169.

[n_720](#)

Об этом тогда же стало известно английскому правительству. — См. Contents of the Speech by the Fuhrer to the Chief Commanders and Commanding Generals on the Obersalzberg, August 22, 1939. Letter from Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Mr. Kirkpatrick. British Embassy, Berlin, August 25, 1939. // Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. 3d Ser. Vol. 1–9. London, 1949–1955; Vol. 7. P. 257–258. (Далее — DBFP).

[n_721](#)

Из дневника Г. Димитрова об указаниях И.В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах компартий. // Политбюро ЦК РКП (б) — ЦК ВКП (б) и Коминтерн. С. 779–780.

[n_722](#)

Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР — М., 1952. С. 30.

[п_723](#)

Соглашение между правительством СССР и правительством Польской Республики о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР. 30 июля 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 200–201.

[п_724](#)

Одной из причин такого решения называлось стремление польского правительства в связи с Катыньским делом «произвести нажим на Советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы». — Нота Советского правительства о решении прервать отношения с Польским правительством. // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. Т. 1. — М., 1944. С. 302–303.

[n_725](#)

Декларация правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне (24 сентября 1941 года). // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. I. С. 144–148 (курсив мой).

[n_726](#)

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров И.В. Сталина с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 17 декабря 1941 г. Сов. секретно. Особая папка. // ДВП СССР. Т. 24. С. 518 (курсив мой).

[n_727](#)

Там же. С. 519 (курсив мой).

[п_728](#)

Там же. С. 521.

[п_729](#)

Англо-советское коммюнике о беседах Председателя Совета Народных Комиссаров И.В. Сталина и народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 29 декабря 1941 г. //ДВП ССР. Т. 24. С. 563.

[n_730](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 69–70. Записи за 30 июня 1976 г.

[п_731](#)

От Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР. // ДВП СССР. Т. I. С. 5.

[n_732](#)

Ведущие державы мира к тому времени уже имели продолжающиеся многотомные собрания внешнеполитических архивных документов новейшего времени.

[п_733](#)

ДВП СССР. Т. I. С. 5.

[п_734](#)

Там же. Т. 22. Кн. 1. С. 5 (Предисловие).

[п_735](#)

Там же. С. 6.

[п_736](#)

Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. — М., 1995. С. 261–262.

[n_737](#)

Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л.И. Брежнева XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля 1976 года. // Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976. С. 17–18.

[n_738](#)

ИНТЕРНЕТ: ВВС.Russian.Com. Поражение КГБ в «третьем мире» — версия Митрохина. В том же приводится откровение главы Комитета государственной безопасности СССР А.Г. Шелепина, по представлению которого принималась новая стратегия: «Я хочу коренным образом переориентировать КГБ на международные дела, внутренние должны уйти на десятый план».

[n_739](#)

Кумачева В.Н. Получим ли по долгам? // Известия. 1991. 20 июля.

[п_740](#)

Яковлев А.Н. Сумерки. — М., 2003. С. 237.

[п_741](#)

Заседание Политбюро ЦК КПСС 17 марта 1979 г. — Об обострении обстановки в Афганистане и наших возможных мерах. Сов. секретно. Экз. единственный. (Рабочая запись). // РГАНИ. Фонд 89. (Коллекция рассекреченных документов). Перечень № 25. Документ № 1. Л. 1—25. Этот же документ, наряду с другими, имеется в «Архиве В. Буковского», помещенном в Интернете. — См. INFORUSS: Советский архив. Собрание Владимиром Буковским. Составители Юлия Закс и Леонид Черников. 9.2. Афганистан. Links 0300–0344.

Кроме заседания 17–19 марта, запротokolированные решения Политбюро по Афганистану принимались 20 марта, 12 и 21 апреля (по два решения), 24 апреля, 29 июня, 31 октября, 6, 12, 27, 29 и 31 декабря 1979 года.

[n_742](#)

Там же. Л. 3.

[п_743](#)

Там же. Л. 8.

[п_744](#)

Там же. Л. 10.

[п_745](#)

Там же. Перечень № 14. Документ № 27. Л. 7.

[п_746](#)

ИНТЕРНЕТ. Архив В. Буковского. INFORUSS: Советский архив. Собран В. Буковским. 9.2. Афганистан. Link 0314. Number P176/125.

[n_747](#)

Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». — М., 1992. С. 88.
[п_748](#)

К П176/125оп от 12/ХІІ-79 г. // Архив В. Буковского.

[п_749](#)

О дальнейших мерах по обеспечению государственных интересов СССР в связи с событиями в Афганистане. Совершенно секретно. Особая папка. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень № 14. Док. № 3. Л. 1–8: Выписка из протокола № 181 заседания Политбюро ЦК КПСС от 28 января 1980 г.

[п_750](#)

Там же. Л. 2 (курсив мой).

[п_751](#)

Там же. Л. 3, 5 (курсив мой). Вторая часть постановления Политбюро касалась советских мероприятий в самом Афганистане.

[n_752](#)

О противодействии планам расширения военного присутствия США в районе Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана. Выписка из Протокола № 191 заседания Политбюро ЦК КПСС от 5 апреля 1980 г. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень 34. Документ № 7. Л. 4.

[n_753](#)

Эндрю К. и Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. «Nota Bene», 1990. С. 578.

[n_754](#)

Там же. Л. 16 (курсив мой).

[п_755](#)

Там же. Л. 22–23.

[п_756](#)

№ 2519-А от 31.12.79: ЦК КПСС. К событиям в Афганистане 27–28 декабря 1979 г. За подписями Ю. Андропова, А. Громько, Д. Устинова, Б. Пономарева. // РГАНИ. Ф. 89. Перечень 14. Документ 35. Л. 3. Курсив мой.

[n_757](#)

О международном положении и внешней политике Советского Союза. Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. — М., 1980. С. 13.

[n_758](#)

Бовин А.Е. Сеющие ветер. // Известия. 1980. 15 января.

[п_759](#)

Там же.

[п_760](#)

Там же.

[п_761](#)

Бовин А.Е. Афганистан: Трудное десятилетие. // Известия. 1988. 22 декабря.
[п_762](#)

В недавно изданном сборнике воспоминаний о Бовине, в 1963–1972 годах работнике аппарата ЦК КПСС, подчеркивается, что он имел доступ к самой конфиденциальной информации. // См. Воспоминания об Александре Бовине. Политик, журналист, дипломат. Составители В. Захарько, С. Кондратов, Л. Шинкарев. — М., 2006. Любопытно, что в своих воспоминаниях Бовин писал об освещении им афганской темы, что его совесть «тут нечиста». // Александр Бовин. XX век как жизнь. Воспоминания. — М., 2003. С. 274.

[n_763](#)

См. Бовин А.Е. Мир семидесятых (политические очерки). — М, 1990. С. 326–329.

[п_764](#)

Заявление И. Ганди. // Правда. 1980. 4 апреля.

[п_765](#)

О международном положении и внешней политике Советского Союза. Постановление Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 июня 1980 года. — М., 1980. С. 13.

[n_766](#)

Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л.И. Брежнева. 23 февраля 1981 года. // Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 13.

[n_767](#)

Там же. С. 29 (выделено в тексте доклада).

[п_768](#)

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. — М., 1993. С. 121.
[п_769](#)

Яковлев А.Н. Сумерки. С. 172. (Из спецсообщения НКВД СССР И.В. Сталину о настроениях в среде интеллигенции; июль 1943 года.) Когда я узнал, что К.И. Чуковский с карандашом в руках прочитал всего Ленина и остался беспартийным, появился хороший повод призадуматься, что бы это значило. Вероятно, впечатления Чуковского от прочитанного были такими же, что и у В.А. Солоухина, описавшего в рассказе «Читая Ленина», как он, вспомнив письмо читателя («А вы откройте Ленина, т. 36, пятое издание, стр. 269 и прочитайте, что там написано»), взял в руки томик сочинений Ленина и пришел в изумление от человеконенавистнических откровений автора.

[п_770](#)

См. Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК КПСС. — М., 2005.
[n_771](#)

Декларация Совещания представителей Компартии Югославии, Болгарской рабочей партии (коммунистов), Компартии Румынии, Венгерской коммунистической партии, Польской рабочей партии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Компартии Франции, Компартии Чехословакии и Компартии Италии по вопросу о международном положении. // Совещания Коминформа. С. 242 (курсив мой).

[n_772](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 90. Записи за 30.07.1970, 02.12.1971.

[п_773](#)

Phillips H.D. *Between the Revolution and the West. A Political Biography of Maxim Litvinov.* Boulder, 1992. P. 172.

[n_774](#)

Стенограмма советско-бельгийских переговоров 23, 25 октября и 2 ноября 1946 г. // АВП
РФ. Ф. 072. Оп. 34. П. 148. Д. 17. Л. 20.

[n_775](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 86. Запись за 28.11.1974.

[п_776](#)

См. сборники статей, подготовленные Институтом всеобщей истории РАН: Сталин и холодная война. — М., 1998; Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. — М., 1999.

[n_777](#)

См. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. — М., 2002.

[п_778](#)

Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 203.

[п_779](#)

Маленков Г.М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП (б). — М., 1952. С. 27.

[n_780](#)

См. Сталин И.В. Речь на XIX съезде партии. — М., 1953.

[n_781](#)

Маленков Г. М. 32-я годовщина Великой Октябрьской революции. // Известия. 1949. 7 ноября.
[п_782](#)

Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. — М., 2001. С. 121.

[п_783](#)

Из резолюции XV съезда ВКП (б) по Отчету ЦК. // Пятнадцатый съезд ВКП (б). Декабрь 1927 г. Стенографический отчет. Т. I–II. М., 1961–1962. Т. II. С. 1430.

[n_784](#)

Здесь и далее, включая цитаты (если это не оговорено), курсив всюду мой.

[n_785](#)

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г. М., 1953. С. 71–72.
[n_786](#)

Майский И.М. Кто помогал Гитлеру? (Из воспоминаний советского посла). М., 1962.
[п_787](#)

Семиряга И.М. Советский Союз и предвоенный политический кризис. //Вопросы истории. 1990. № 9. С. 54.

[n_788](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1991. С. 19.

[n_789](#)

Nazi-Soviet Relations. 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Ed. by R.G. Sontag, J.S. Beddie. Washington, 1948. На русском языке эти документы впервые были изданы в Литве: СССР — Германия, 1939–1941. В 2 ч./Сост. Ю. Фельштинский. Vilnius, 1989.

[n_790](#)

Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., 1948.

[n_791](#)

Печатнов В.О. Стрельба холостыми: советская пропаганда на Запад в начале холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 198.

[n_792](#)

См: Правда. 1948. 10, 12, 15, 17 февраля.

[п_793](#)

Сведения о распространении Исторической справки Со-винформбюро «Фальсификаторы истории» // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. О. 125. Д. 606. Лл. 87–93.

[n_794](#)

Наиболее известные из них: Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Из архива Министерства иностранных дел Германии. В 2 Т. М., 1948; Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939. М., 1979; Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2 Т. М., 1990.

[n_795](#)

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1984. Изд. 7-е. С. 431; История внешней политики СССР. 1917–1985. В 2 т. Изд. 5-е / Под ред. А.А. Громько, Б.Н. Пономарева. М., 1985. Т. 1. С. 387; История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. / Под ред. А.А. Гречко, Д.Ф. Устинова. М.1973–1982; Т. 1. С. X (Предисловие).

[n_796](#)

Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra, 1995. С. 5.
[n_797](#)

Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции В.С. Довгалев-скому. 11 апреля 1933 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). 1957. Т. 1. М., Т. 16. С. 227.

[n_798](#)

См., например: Белоусова З.С. Советский Союз против Пан-Европы Аристида Бриана. По архивам КПСС и МИД СССР, //Россия и Франция. XVIII–XX века. Выпуск 3. М., 2000.

[n_799](#)

См: Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М., 1933.

[п_800](#)

Легволд Р. Некоторые суждения о концепции безопасности в XX веке // XX век. Основные проблемы и тенденции международных отношений. М., 1992. С. 178.

[n_801](#)

Фальсификаторы истории. С. 35.

[п_802](#)

Фальсификаторы истории. С. 36–55. Цитаты: стр. 36, 38, 49, 53, 55.

[п_803](#)

В этом нетрудно убедиться, обратившись к последнему, 5-му изданию официальной «Истории внешней политики СССР». 1917–1985. Т. 1. С. 382–387.

[n_804](#)

История дипломатии. Том 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.)/Под ред. академика В.П. Потемкина. М., — Л., 1945.

[n_805](#)

Там же. С. 679–686. Глава, в которую входил данный параграф, была написана в соавторстве с историком А.М. Панкратовой.

[n_806](#)

Там же. С. 679.

[п_807](#)

Дипломатический словарь. В 3 Т. М., 1960–1964; Т. 1. С. 467.

[п_808](#)

Малашенко А. Расширение НАТО на Восток естественно для Европы //Независимая газета. 1997. 7 мая.

[n_809](#)

Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) // XVIII Всесоюзный съезд Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

[n_810](#)

The World in March 1939. Ed. by A. Toynbee, F.T. Aston-Gwatkin. London, etc. 1952. P. VII (The Plan of the Book).

[n_811](#)

Солсбери Г. Сквозь бури нашего времени. Воспоминания. М., 1993. С. 157.

[п_812](#)

Правда. 1938. 9-19 сентября. Отдельным изданием книга вышла 1 октября 1938 г. тиражом в один миллион экземпляров (и переиздавалась до 1955 г. включительно): История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год. М., 1938.

[n_813](#)

Вышинский А. Ленин и Сталин о государстве и праве // Большевик. 1939. № 1. С. 31.
[п_814](#)

Правда. 1938. 15 ноября.

[п_815](#)

Заслужив репутацию «классического труда И.В. Сталина», за первые десять лет книга издавалась в СССР 208 раз на 63 языках с общим тиражом 34 млн. 219 тыс. экз. //Известия. 1948. 1 октября.

[n_816](#)

Д. Попов, И. Комиссаров — Маленкову Г.М. 10 июня 1950 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 278. Л. 113.

[n_817](#)

Краткий курс истории ВКП (б). С. 316–320.

[n_818](#)

Замененные страницы «Краткого курса истории ВКП (б)» с правкой И.В. Сталина // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1217. Л. 33.

[n_819](#)

Краткий курс истории ВКП (б)». Глава XII. / Раздел 1. Международный // РГАСПИ. Д. 1216. Л. 624.

[n_820](#)

См.: Кулиса НГ. 1997. № 2. С. 6.

[п_821](#)

И.В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду ЦК ВКП (б). 26 января 1934 г. // Сталин И. Сочинения. Т. 13. С. 379.

[п_822](#)

Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 79.

[п_823](#)

И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП (б)». Стенограмма выступления И.В. Сталина на совещании пропагандистов. 1 октября 1938 г. //Исторический архив. 1994. № 5. С. 5–29.

[n_824](#)

И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП (б)». Стенограмма выступления И.В. Сталина на совещании пропагандистов. 1 октября 1938 г. //Исторический архив. 1994. № 5. С. 13.

[n_825](#)

Правда. 1938. 2 октября.

[п_826](#)

Правда. 1938. 12 октября.

[п_827](#)

21-я годовщина Октябрьской революции. Доклад тов. В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября с. г. // Правда. 1938. 7 ноября.

[п_828](#)

Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939–1941 гг. М, 1991. С. 37.

[n_829](#)

См: Белоусова З.С., Наджафов Д.Г. Вызов капитализму. Советский фактор в мировой политике // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996.

[n_830](#)

См. подробнее: Наджафов Д.Г. Начало Второй мировой войны: мотивы сталинского руководства при заключении пакта Молотова — Риббентропа //Война и политика. 1939–1941. М., 1999.

[n_831](#)

Правда. 1938. 7 ноября.

[п_832](#)

Правда. 1939. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 12 октября.

[п_833](#)

Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 14.

[n_834](#)

Правда. 1938. 7 ноября.

[п_835](#)

ДВП СССР. Т. 21. Документы № № 408, 414, 417, 419, 440.

[п_836](#)

Сообщение ТАСС по поводу вымыслов агентства Юнайтед Пресс об отношении СССР к мюнхенской конференции. 2 октября 1938 г. // Там же. С. 559. Сообщение ТАСС по поводу вымыслов газеты «Прагер прессе» о консультациях с СССР по чехословацкому вопросу. 4 октября 1938 г. // Там же. С. 560.

[n_837](#)

Правда. 1938. 4 октября.

[п_838](#)

Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 360. Автор пишет, что статья В.П. Потемкина была заказана Сталиным после партийного съезда, тогда как номер журнала со статьей появился до съезда — в феврале 1939 г.

[n_839](#)

Гальянов В. Международная обстановка второй империалистической войны. // Большевик. 1939. № 4. С. 56.

[n_840](#)

Там же.

[п_841](#)

Фальсификаторы истории. С. 31.

[п_842](#)

Правда. 1938. 4, 6, 7, 8, 10, 11, 13, 15 октября.

[п_843](#)

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР Кулондром. 16 октября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 590; Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР Пайяром. 20 ноября 1938 г. // Там же. С. 642.

[n_844](#)

Рукопись статьи М.Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина. 29 марта 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 161–169.

[n_845](#)

Там же. С. 168, 169.

[п_846](#)

Краткий курс истории ВКП (б). С. 166.

[п_847](#)

Большевик. 1939. № 4. С. 49.

[п_848](#)

Об этом выступлении Гитлера тогда же стало известно английскому правительству. См.: Documents on British Foreign Policy (DBFP). 1919–1939. 3rd Ser. Vol. 1–9. London, 1949–1955; Vol. 7. P. 257–258.

[n_849](#)

he Real Explanation of Munich // United States of America National Archives Microfilm Publications (USA NAMP). M 982. Role 1: 740.00/540-739. January — April, 1939. 740.00/583. Далее ссылки на листы документа не приводятся.

[n_850](#)

A. Kohlberg to S. Hornberg. February 2, 1939. // Ibidem.

[n_851](#)

См.: Maddux Th.R. Watching Stalin Maneuver between Hitler and the West: Americans Diplomats and Soviet Diplomacy / 1934-1939. // Diplomatic History. 1977. № 1. P. 140–154.

[n_852](#)

История внешней политики СССР. Т. 1. С. 338–340.

[п_853](#)

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. С. 240; Протокол № 64 заседания Политбюро за 20 сентября 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 5 (пункт 54).
[n_854](#)

Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР Полномочному представителю СССР в Чехословакии С.С. Александровскому. 2 сентября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 470. Копии телеграммы были направлены в полпредства СССР во Франции и Великобритании.

[n_855](#)

Viscount Chilston to Viscount Halifax. Moscow. September 8, 1938 // DBFP. 3rd Ser. Vol. 2. P. 266.

[n_856](#)

Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР представителю СССР в Чехословакии С.С. Александровскому. 2 сентября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 470–471.

[n_857](#)

Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР из Женевы. 11 сентября 1938 г.
// Там же. С. 487–488.

[n_858](#)

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989; Кн. 1. Ч. 2. С. 277. Подробнее см.: Кузнецов И.И. Генералы 1940 года // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 29–37.

[n_859](#)

См.: Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов: История НКВД-МВД. От А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова, 1917–1982. М., 1995.

[n_860](#)

Источник: Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». М., 1995. № 1.
С. 120.
[n_861](#)

Речь председателя советской делегации М.М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги Наций. 21 сентября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 509.

[n_862](#)

Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР в НКВД СССР, из Женевы. Вне очереди. 23 сентября 1938 г. // Там же. С. 520.

[n_863](#)

Телеграмма Народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы. Вне очереди. 23 сентября 1938 г. // Там же. С. 520–521. См. также: United Kingdom Delegation (Geneve) to Viscount Halifax. Geneve. September 24, 1938. // DBFP. 1919–1939. 3rd Ser. Vol. 2. P. 497–498.

[n_864](#)

Телеграмма Народного комиссариата обороны СССР военно-воздушному атташе СССР во Франции Н.Н. Васильченко. 25 сентября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 530.

[n_865](#)

Counselor of Embassy Tippleskirch to Counselor of Legation Schliep. Moscow. October 3, 1938. // Documents on German Foreign Policy (DGFP). 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937–1945). Vol. 1 — 13. London, Washington, 1949–1964. Vol. 4. The Aftermath of Munich, October 1938 — March 1939. P. 602; Counselor of Embassy Tippleskirch to Counselor of Legation, Schliep. Moscow. October 10, 1938. // Ibid. P. 606.

[n_866](#)

Телеграмма Полномочного представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР. Вне очереди. 30 сентября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 548–549.
[n_867](#)

Телеграмма Полномочного представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 30 сентября 1938 г. // Там же. С. 549.

[п_868](#)

Телеграмма заместителя Народного комиссара по иностранным делам Полномочному представителю СССР в Чехословакии С.С. Александровскому. Вне очереди. 30 сентября 1938 г. // Там же. С. 549–550.

[n_869](#)

Телеграмма Полномочного представителя СССР в Чехословакии в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 1 октября 1938 г. //Там же. С. 553.

[n_870](#)

История внешней политики СССР. Т. 1. С. 340.

[п_871](#)

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 84.

[п_872](#)

Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 17.

[n_873](#)

Фальсификаторы истории. С. 33.

[п_874](#)

См.: История внешней политики СССР. Т. 1. С. 340.

[п_875](#)

См.: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М., 1992.

[n_876](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 19. Запись от 09.07.1971.

[n_877](#)

А. Коллонтай — М.М. Литвинову. 1 октября 1951 г. // РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 12. Л. 38
(с об.).
[п_878](#)

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 89, 144, 155, 157, 158, 160, 167.

[п_879](#)

Выступление В.М. Молотова на партийной конференции МИД СССР 6 января 1949 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1027. Л. 77.

[п_880](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 96–97.

[n_881](#)

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с послом США в СССР Буллитом. 15 декабря 1933 г. // ДВП СССР. Т. 16. С. 751.

[п_882](#)

См.: Jim Farley's Story: The Roosevelt Years. New York, 1948. P. 43.

[n_883](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 97–98.

[п_884](#)

Солсбери Г. Сквозь бури нашего времени. С. 226–227.

[п_885](#)

После одного из таких выступлений в Лиге Наций 21 сентября 1938 г. в защиту Чехословакии, которая «находится под угрозой громко провозглашенной агрессии», и за коллективные действия в ее поддержку (См.: ДВП СССР. Т. 21. С. 501–509), Сталин откликнулся шифрованной телеграммой: «Женева. Литвинову. Речь получилась у Вас замечательная. Привет. Сталин» // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 58. Л. 54.

[п_886](#)

М. Литвинов — членам коллегии НКВД. 10 ноября 1924 г. Копии членам Политбюро и т. т. Красину и Раковскому // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1346. Лл. 16–20.

[п_887](#)

В. Копп — членам НКВД. 12 ноября 1924 г. Копии членам Политбюро, т. т. Красину и Раковскому. // Там же. Лл. 20–23.

[п_888](#)

М. Литвинов — членам коллегии НКВД. [Без даты] Копии членам Политбюро, т. т. Красину и Раковскому. // Там же. С. 26–27.

[n_889](#)

М. Литвинов — И.В. Сталину (и другим — всего 17 лицам). 13 ноября 1924 г. // Там же.
Лл. 28–32.

[п_890](#)

Речь на заседании Президиума ЦИК Союза ССР при вручении ордена Ленина. 10 ноября 1936 г. // Литвинов М.М. В борьбе за мир. М., 1938. С. 127.

[n_891](#)

Речь на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 28 ноября 1938 г. // Там же. С. 145.
[n_892](#)

Phillips H.D. *Between the Revolution and the West. A Political Biography of Maxim M. Litvinov.* Boulder, etc. 1992. P. 163.

[n_893](#)

Ibid. P. 164.

[n_894](#)

М. Литвинов — Сталину И.В. 10 января 1938 г. Секретно // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1036. Л. 12.

[п_895](#)

Протоколы комиссии по иностранным делам Совета Союза. 31 июля 1938 г. — 21 марта 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 46. Д. 53. Лл. 1-22.

[n_896](#)

Там же. Л. 1.

[п_897](#)

Там же. Лл. 2–3.

[п_898](#)

Протоколы комиссии по иностранным делам Совета Союза. 31 июля 1938 г. — 21 марта 1946 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 46. Д. 53. Лл. 4–7. Не зав. копия, без даты (не позже сентября 1938 г.).

[n_899](#)

Ф. Сазиков — тов. Жданову А. А. 8 сентября 1938 г. // Там же. Л. 8.

[п_900](#)

Ф. Сазиков — тов. Жданову А.А. 5 ноября 1938 г. // Там же. Лл. 9-11.

[п_901](#)

Ф. Сазиков — тов. Жданову А.А. 28 апреля 1939 г. Зав. копия. // Там же. Лл. 12–16.
[п_902](#)

Это выступление Литвинова опубликовано в «Ленинградской правде» за 24 июня 1938 г. (Все цитаты в тексте даются по газете, без дополнительной ссылки на нее. Курсив газеты).
[n_903](#)

A. Kirk to C. Hull. Moscow. July 9, 1938. // Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). The Soviet Union, 1933–1939. Washington, 1952. P. 588–589.

[n_904](#)

Голубев А.В. Запад глазами советского общества. (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах.) //Отечественная история. 1996. № 1. С. 117.
[n_905](#)

Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину. 3 января 1939 г. Секретно. Копии — В.М. Молотову, Г.М. Маленкову //ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 10–12.

[n_906](#)

Сто сорок бесед с Молотовым. С. 98, 99.

[п_907](#)

Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 266.

[n_908](#)

Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С. 168–171.

[п_909](#)

Там же. С. 9.

[п_910](#)

См. подробнее: Наджафов Д.Г. Советско-германский пакт 1939 года: Переосмысление подходов к его оценке. // Вопросы истории. 1999. № 1.

[n_911](#)

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1989. С. 350.

[n_912](#)

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 225.

[п_913](#)

Там же. С. 352–354. См. также: Особая миссия Давида Канделаки // Вопросы истории. 1991. № 4–5; Roberts G.A. Soviet Bid for Coexistence with Nazi Germany, 1935–1937: The Kandelaki Affair // The International History Review. 1994. August.

[n_914](#)

См.: Кривицкий В. «Я был агентом Сталина»: Записки советского разведчика. М., 1991.
С. 91.
[n_915](#)

A. Biddle to C. Hull. Warsaw, November 28, 1938; F. Ganther to C. Hull. Bucharest. November 30 1938 // USA NAMP. T 1247. Roll 3. Target 1. Эту информацию добыли американские корреспонденты в Европе Г.Л. Никербокер (Прага) и М.У. Фоудор (страны Центральной Европы). См. также: Memorandum by V. Fodor. 1939. January // Ibid. M 982. Roll 1.

[n_916](#)

The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 1–2. New York, 1948. Vol. 1. P. 655–656.

[n_917](#)

Дневник полпреда СССР в Германии Мерекалова А.Ф. 28 января 1939 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 082. Оп. 4. П. 27. Д. 60. Лл. 25–26.

[n_918](#)

Речь председателя Совета народных комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР. 31 августа 1939 г. // Год кризиса. 1939–1939. Т. 2. С. 350.

[n_919](#)

Фляйшхауэр И. Пакт. С. 80–81.

[п_920](#)

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР
Серов И.А. — Молотову В.М. 15 июля 1955 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2, Д. 1036. Л. 198.

[n_921](#)

См.: ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. Документы № № 35, 39, 48 и 174.

[п_922](#)

Большевик. 1939. № 4. С. 52–53.

[п_923](#)

Год кризиса. 1939–1939. Т. 1. С. 27–29, 136–137.

[п_924](#)

Гинцберг Л.И. Советско-германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. № 3. С. 29.

[n_925](#)

Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции Я.З. Сурицу. 19 октября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 594.

[n_926](#)

Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. Вне очереди. 22 октября 1938 г. // Там же. С. 603.

[n_927](#)

Письмо Народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова полномочному представителю СССР в Германии А.Ф. Меркалову. 4 апреля 1939 г. Секретно // Там же. Т. 22. Кн. 1. С. 252–253.

[n_928](#)

Дневник Астахова за 5 января — 25 декабря 1938 г. // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 2. П. 12. Д. 40.
Л. 138.
[n_929](#)

Соколов В.В. Трагическая судьба дипломата Г.А. Астахова // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 173. Автор статьи — сведущий в своем деле архивист, многие годы работавший в Архиве внешней политики СССР.

[n_930](#)

Дневник полпреда СССР в Германии Мерекалова А.Ф. 6 января 1939 г. // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 27. Д. 60. Л. 8.

[n_931](#)

Дневник полпреда СССР в Германии Меркалова А.Ф. 6 января 1939 г. // АВП РФ. Ф. 082. Оп. 4. П. 27. Д. 60. Л. 50.

[n_932](#)

Memorandum by the Director of the Economic Policy Department. Berlin. December 23, 1938 // DGFP. 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. 4. P. 608.

[n_933](#)

Counselor of Embassy to Counselor of Legation Schliep. Moscow. October 3, 1938 // Ibid. P. 603–604.
[n_934](#)

Особая папка. Протокол № 66, пункт 48 решения Политбюро // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162.
Д. 24. Л. 64.

[n_935](#)

DGFP. 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. 4. P. 616. См. также: Год кризиса. 1938–1939 Т. 2. С. 378 (прим. 54).

[n_936](#)

Memorandum by the Director of the Economic Policy Department. [Wiel]. Berlin, January 11, 1939 // DGFP. 1928–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. 4. P. 620.

[n_937](#)

Запись беседы полномочного представителя СССР в Германии А.Ф. Мерекалова с заведующим отделом экономической политики министерства иностранных дел Германии Э. Ви-лем. 11 января 1939 г. // Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 184–185; Телеграмма полномочного представителя СССР в Германии А.Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР и народному комиссару внешней торговли А.И. Микояну. 11 января 1939 г. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 36–37.

[п_938](#)

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. 27 января 1939 г. Секретно. // Там же. С. 79; Дневник полномочного представителя СССР в Германии А.Ф. Мерекалова. 28 января 1939 г. Секретно // Там же. С. 81.

[n_939](#)

Дневник советника полномочного представительства СССР в Германии Г.А. Астахова. 19, 20 января 1939 г. Секретно // Там же. С. 61. По другим сообщениям, беседа длилась дольше: Reed A., Fisher D. The Deadly Embrace. Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact. 1939–1941. London, 1988. P. 50–51.

[n_940](#)

Дневник пресс-атташе А. Смирнова. 19 января 1939 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 64.
Л. 25.

[n_941](#)

Телеграмма полпреда СССР в Германии А.Ф. Мерекалова в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 12 января 1939 г. // Год кризиса. 1938–1939. Т. 1. С. 185–186; Дневник полномочного представителя СССР в Германии А.Ф. Мерекалова. 12, 17 января 1939 г. Секретно. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 39.

[n_942](#)

Большевик. 1939. № 4. С. 64.

[п_943](#)

A. Kerk to C. Hull. January 20, 1939 // Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. 1939. Vol. 1–5. Washington, 1955–1957. Vol. 1. P. 313.

[n_944](#)

Запись в дневнике советника полпредства СССР в Германии Г.А. Астахова. 6 января 1939 г. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 510 (прим. 30).

[n_945](#)

Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину. 26 января 1939 г. Секретно. Копии — В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову // Там же. Кн. 1. С. 77.

[п_946](#)

W. Bullitt to C. Hull. January 30, 1939. // USA NAMP. M 982. Roll 1.

[n_947](#)

Memorandum by an Official of the State Secretary's Secretariat. Berlin. January 12, 1939. // DBFP. 1919–1939. 3rd Ser. Vol. 3. P. 525.

[n_948](#)

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. 27 января 1939 г. Секретно // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 79.

[n_949](#)

Mr. Vereker to Viscount Halifax. Moscow, December 28, 1938 // DBFP. 3rd Ser. Vol. 3. P. 541.
[n_950](#)

Mr. Vereker to Viscount Halifax. Moscow, January 10, 1939 // Ibid. P. 579.

[n_951](#)

A. Kirk to C. Hull. January 12, 1939. // USA NAMP. M 982. Roll 1.

[n_952](#)

Read A., Fisher D. The Deadly Embrace. P. 57. Статья В. Бартлетта появилась в News Chronicle 27 января, а «Правдой» была перепечатана не на следующий день, как пишут авторы, а 31 января.

[n_953](#)

Большевик. 1939. № 4. С. 64.

[п_954](#)

A. Kirk to C. Hull. Moscow. January 31, 1939. // FRUS. Diplomatic Papers. 1939. Vol. 1. P. 314.
[n_955](#)

Ibidem.

[n_956](#)

Правда. 1939. 28 января.

[п_957](#)

Правда. 1939. 1 февраля.

[п_958](#)

Правда. 1939. 1, 11, 17, 19 и 26 января.

[п_959](#)

Большевик. 1939. № 4. С. 49–63. В статье использованы факты и аргументы, которыми оперировал В.П. Потемкин в своей дипломатической практике в январе-феврале 1939 г. — См.: ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. Документы № № 25, 56, 71, 79

[n_960](#)

Материалы к изучению доклада товарища XVIII съезде ВКП (б). Новосибирск, 1939.
[n_961](#)

О выпуске изданий к XVIII съезду партии Ф. 477. Оп. 1. Д. 79. Л. 28.

[п_962](#)

A. Kirk to C. Hull. Moscow. March 11, 1939. Soviet Union. 1933–1939. P. 739.

[n_963](#)

См., например: Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М, 1997.

[n_964](#)

Доклад Председателя СНК и Наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

[n_965](#)

Известия. 1995. 21 ноября.

[п_966](#)

Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину. 3 декабря 1935 Секретно //Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 211.

[n_967](#)

Письмо Я.З. Сурица Н.Н. Крестинскому. 28 августа 1936 Секретно //Там же. С. 214.
[п_968](#)

Фирсов Ф., Яжборовская И. Под диктовку Сталина... Новое время. 1989. № 2.

[п_969](#)

Правда. 1938. 1, 13, 20, 23 октября.

[п_970](#)

Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Польши в СССР Гжибовским 21 октября 1938 г. // ДВП СССР Т. 21. С. 600.

[n_971](#)

Сообщение ТАСС о советско-польских отношениях. 27 ноября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 650–651.

[n_972](#)

Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании с членом парламента Великобритании Джорджем. 6 декабря 1938 г. // Там же. С. 662.

[n_973](#)

Правда. 1938. 10, 15 декабря.

[п_974](#)

Цернак К. Конец эпохи великих держав в политике // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 41–50.
[n_975](#)

Там же. С. 47.

[п_976](#)

A. Kirk to C. Hull. March 4, 1939. // FRUS Union. 1933–1939. P. 738.

[n_977](#)

Правда. 1939. 4 марта.

[п_978](#)

Письмо полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского народному комиссару дел СССР М.М. Литвинову. 10 января 1939 г. Секретно // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 27–31.

[n_979](#)

Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л.Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 16 января 1939 г. Немедленно. Сов. секретно // Там же. С. 48.

[n_980](#)

Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Испании С.Г. Марченко в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 3 февраля 1939 г. В телеграмме сообщалось, что значительная часть посылаемого оружия попадает в руки франкистов из-за дезорганизации обороны республиканцев. Резолюция на телеграмме: «Т. Ворошилову. Нужно прекратить посылку оружия. Сталин» // Там же. С. 97.

[п_981](#)

Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и правительством Италии о торговом обмене. [7 февраля 1939 г.] // Там же. С. 104–114.

[n_982](#)

Правда. 1939. 8 февраля.

[п_983](#)

Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я.З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову. 11 февраля 1939 г. Секретно // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 124.

[n_984](#)

Протокол № 69 заседания Политбюро ЦК ВКП (б), пункт 112. Решение от 20 марта 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 120.

[n_985](#)

Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в Народный комиссариат иностранных дел. 15 марта 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. (Сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 237; Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину. 20 марта 1939 г. Секретно // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 208–209.

[n_986](#)

Из телеграммы М.М. Литвинова советскому полпреду в Лондоне И.М. Майскому 28 марта 1939 г. //ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 524 (прим. 58).

[n_987](#)

Правда. 1938. 7 ноября.

[п_988](#)

Большевик. 1939. № 4. С. 63.

[п_989](#)

Катунцев В. (начальник музея Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа, подполковник), Коц И. (корр. журнала). «Инцидент. Подоплека Хасанских событий» // Родина. 1991. № 6–7. С. 12–18.

[n_990](#)

Там же. С. 14.

[n_991](#)

Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. Вне очереди. 22 октября 1938 г. // ДВП СССР. Т. 21. С. 603.

[n_992](#)

Письмо народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я.З. Сурицу. 11 января 1939 г. Секретно // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 35.

[n_993](#)

Письмо полномочного представителя СССР во Франции Я.З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М.М. Литвинову. 11 февраля 1939 г. Секретно // Там же. С. 125.

[n_994](#)

Нота народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова послу Японии в СССР С. Того. 11 января 1939 г. // Там же. С. 32–34.

[n_995](#)

Более полно японскую позицию по рыболовному вопросу см.: ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 502–503 (прим. 12).

[n_996](#)

Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И.В. Сталину. 19 января 1939 г. Секретно // Там же.
С. 57.
[n_997](#)

Протокол № 67 заседаний Политбюро за 5 января-1 февраля 1939 г. Решение от 21 января 1939 г. (пункт 150) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 24. Л. 86.

[п_998](#)

См., например: Поездка В.М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 года: Документы из архива Президента РФ / Предисловие академика Г.Н. Севастьянова // Новая и новейшая история. — 1993, № 5.

[n_999](#)

Шпеер А. Воспоминания: Пер. с нем. / Вступ. статья Н.Н. Яковлева; худож. Шуплецов А.А. Смоленск, 1997, с. 433.

[n_1000](#)

См.: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 (Документы, факты, суждения). М., 2000, с. 370–372.

[n_1001](#)

Военно-исторический журнал. 1993. № 9.

[n_1002](#)